

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Владимир АНДРЕЕВ "Не говорите мне о ней..." Повесть	14
Владимир ОДНОРАЛОВ Седьмой заяц. Рождественский рассказ	31
Николай ИВАНОВ Засечная черта. Новелла	38
Михаил АНОХИН Японская зажигалка. Рассказ	62
Владислав ШАПОВАЛОВ Руки матери. Рассказ	86
Вячеслав КОЛЕСНИК Коржики. Рассказы	112
Виталий МАЛЬКОВ Надо жить. Рассказ	121

Поэзия

Валентин СОРОКИН Не лжуйте, враги, мы не выйдем... ..	7
Валентина БЕЛЯЕВА В кругу многоликих теней	11
Марина КОТОВА Молись о снеге, Русь... ..	27
Евгений ГРАЧЁВ Родниковые шторы	34
Поэтическая мозаика	48
Валерий САМАРИН А душа к небесам подымается... ..	68
Владимир МОЛЧАНОВ С мечтою о песне великой... ..	83
Михаил КУЛИЖНИКОВ Сельские зарисовки	110
Вера КОБЗАРЬ Мне сегодня легко на сердце	119
Павел САВИН Былинный и песенный край	132

Очерк и публицистика

Евгений САВЧЕНКО Тезисы развития	3
Борис ОСЫКОВ, Александр ОСЫКОВ Полководец с Бельих гор	136
Станислав МИНАКОВ "Светильник земли белоградская"	142
Владислав ШВЕД Литва против России	163
Юрий ГОДИН Лукашенко: "20 лет в союзе с Россией"	186

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Михаил ЛЕМЕШЕВ Русское православное государство	193
Андрей РУДАЛЁВ Брань с пустотой.....	198
Виктор СБИТНЕВ Укоренённые русские люди	202
Анатолий ПАРПАРА Державные строители России	210
Андрей ВОРОНЦОВ “Сталин и Мао слушают нас...”	233

В поисках истины

Валерий ЛАМЗОВ На пороге катастрофы	72
Притчи Господни.....	146

Память

Александр ПОТАПОВ Почтовый роман	151
---	-----

Мозаика войны

Лидия МИХЕЕВА Смоленск в огне	248
--	-----

Критика

Нина ЯГОДИНЦЕВА Перевод: мосты и скрепы	254
Владимир БОНДАРЕНКО Либеральный бред Кормилова	258
Валерий ЧЕРКЕСОВ “Подтвердить своей судьбою строчку...”	262

Книжный развал

Александр РУДНЕВ “Писатель бесстрашной искренности!”	267
Ирина УШАКОВА Остановка на “Родине”	272
Сергей КОЗЛОВ Мои “чужие сны”	275

Письмо в номер

“Наш современник” сражается за Новороссию!	279
Остановить ликвидацию!	281

Содержание журнала за 2014 год	284
---	-----

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.12.14. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №3116. Тираж 9050 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО

Губернатор Белгородской области

ТЕЗИСЫ РАЗВИТИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Политические и экономические события, происходящие в последние годы, месяцы и даже дни в России и в мире, придают сегодняшней повестке дня особую актуальность. Наша страна вступила в новую экономическую реальность, которая связана не только со вступлением России во Всемирную торговую организацию, но и с введением США и Евросоюзом антироссийских экономических санкций, а также принятием ответных защитных мер с нашей стороны. И всё это происходит на фоне замедления экономического роста в стране (который в значительной мере обусловлен стагнацией наших экспортных возможностей).

Рабочей группой Госсовета совместно с экспертным сообществом была проведена большая аналитическая работа по состоянию и динамике экономики страны, и мы пришли к однозначному выводу: для обеспечения устойчивого и продолжительного роста ВВП России на уровне 8–10% ежегодно необходимо запустить новую модель экономического роста, основанную, во-первых, на продуманном импортозамещении и, во-вторых, на активном стимулировании внутреннего спроса и потребления.

Мы также пришли к выводу, что для успешного запуска такой модели необходимо, прежде всего, отказаться от целого ряда исчерпавших себя экономических решений и некоторых устоявшихся мифов и одновременно принять новые нормы и правила экономического поведения, адекватные вызовам времени, которые предоставят отечественному бизнесу широкие возможности по обеспечению экономического роста и созданию конкурентоспособной экономики.

Итак, от чего мы должны отказаться?

Первое. Мы должны отказаться от укоренившегося в нашем сознании ещё с 90-х годов мифа, что мы не можем себя накормить, одеть, обуять, обеспечить товарами длительного пользования и т. д.

Импорт продовольствия, изделий лёгкой, химической промышленности, обуви, бытовых товаров не уменьшается, а растёт.

Однако реальная экономическая практика последних лет показывает, что отечественные предприниматели при минимальной господдержке способны реализовать программу импортозамещения, создав сотни тысяч новых рабочих мест во многих отраслях экономики.

В этой связи представляется целесообразным Правительству РФ сформировать перечень проектов, направленных на импортозамещение, а главное – сопроводить их новым механизмом поддержки, который, на наш взгляд, должен включать:

а) доступ к инвестиционным ресурсам под 3–4% годовых (широко используя для этих целей институты развития);

б) реализацию проектов в формате проектного финансирования с долей участия инициатора проекта не более 15% от стоимости проекта, а сам проект при этом становится предметом залога;

в) компенсацию третьей части инвестиционных затрат после выхода проекта на запланированную мощность;

г) необходимо реализовать комплекс мер по увеличению доли отечественных товаров в структуре товарных ресурсов торговли. И задачу здесь нужно ставить совершенно конкретную: увеличить долю российских товаров в общем объёме розничного товарооборота хотя бы на четверть, а это почти 7 трлн рублей, которые все, за исключением торговой наценки, пойдут в отечественную экономику. К сожалению, в погоне за иностранными инвесторами мы стали забывать, что главным инвестором национальной экономики является рядовой российский покупатель.

Каким видится масштаб импортозамещения:

– объём замещения не менее 100 млрд долларов США, или 4 трлн рублей;

– сроки – 2–3 года;

– количество новых рабочих мест – около 1 млн человек;

– дополнительное поступление налогов – порядка 500 млрд рублей;

– обеспечение ежегодного роста ВВП за счёт импортозамещения – 2%.

Таким образом, реализовав программу импортозамещения, мы совершим экономический рывок, на который ранее потребовались бы многие годы. Вообще было бы разумно объявить в стране трёхлетку импортозамещения.

Второе. Мы должны отказаться от явно непропорциональных, если не сказать дискриминационных, отношений между кредитно-финансовым и реальным секторами нашей экономики, сделать кредитные ресурсы доступными для бизнеса.

О каком экономическом развитии может идти речь в обрабатывающих отраслях и сельском хозяйстве – главных локомотивах будущего экономического роста, – если половина полученной прибыли уходит на оплату процентных платежей, а вторая половина – на возврат кредитов, то есть весь инвестиционный ресурс этих отраслей уходит кредитным организациям.

Утверждение, что у нас дорогие деньги, потому что высокая инфляция, не соответствует элементарной экономической логике. Всё с точностью наоборот: рост инфляции генерируют банки высокой процентной ставкой. И если в ближайшее время учётная ставка ЦБ станет примерно такой же, как у западных финансовых регуляторов, то инфляция снизится до 2–3% в год, а экономика начнёт набирать обороты при условии, конечно, обеспечения заслона перетоку денег в спекулятивный оборот.

С другой стороны, нам нужно приветствовать весьма взвешенные действия ЦБ России, направленные на поддержание плавающего, сбалансированного с мировыми валютами курса рубля. Позволю в этой связи привести цитату известного экономиста, ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Владимира Александровича Мау. Вот что он пишет в журнале “Эксперт”: “Динамика укрепления курса рубля не должна сильно опережать рост производительности труда – это хрестоматийный механизм подрыва конкурентоспособности развивающихся экономик”.

А что в реальности происходит? С 2000 года производительность труда в России увеличилась в 1,6 раза, а рубль укрепился за это время в четыре раза. Судите сами, привело это к подрыву конкурентоспособности нашей экономики или нет?

Продемонстрирую эту хрестоматийную истину на понятном всем примере: в 2000 году затраты на производство 1 литра молока составляли 3 рубля за 1 литр, или 10 центов по тогдашнему курсу рубля. В 13-м году затраты в связи с инфляцией составили уже 12 рублей, или 40 центов. Как видите, за тринадцать лет затраты на производство 1 литра молока выросли не только в рублях из-за инфляции, но и в долларах США в связи с практически неизменным курсом рубля в течение этого периода. Аналогичная ситуация по всем товарам и услугам, которые производятся в стране.

Вывод очевиден: за тринадцать лет конкурентоспособность нашей экономики из-за опережающего укрепления рубля к основным мировым валютам снизилась в 3–4 раза по отношению к другим странам. Поэтому обеспечение сбалан-

сированного валютного курса рубля – это главный фактор конкурентоспособности экономики России в условиях членства в ВТО и особенно во взаимоотношениях с Китаем, который становится нашим главным торговым партнёром.

Третье. Конкурентоспособность национальной экономики в значительной степени определяется налоговым законодательством. Поэтому представляется целесообразным отказаться от моратория на пересмотр налогового законодательства.

По мнению некоторых членов рабочей группы, заменой самого неоднозначного налога на добавленную стоимость разумным налогом с оборота можно не только снизить нагрузку на бизнес, освободить сотни тысяч бухгалтеров от бессмысленной работы, но и увеличить сбор средств в консолидированный бюджет, что позволит компенсировать потери от НДС, а главное – сформировать полнокровные региональные дорожные фонды, о необходимости создания которых мы ведем разговор не один год.

Разумно было бы пересмотреть ставку налога на дивиденды. Её удвоение увеличит поступления в региональные бюджеты и одновременно прекратит практику замены выплаты зарплаты выплатой дивидендов.

Пора навести порядок на алкогольном рынке, более половины которого находится в теневом обороте, для чего необходимо, на наш взгляд, во-первых, наделить регионы полномочиями по контролю за оборотом рынка алкогольной продукции, а для этого, во-вторых, внести следующие изменения в платежи акцизов на алкоголь: 50% платить от производства на территории региона, 50% – от реализации с ежемесячной системой учёта. В итоге регионы дополнительно получат сотни миллиардов рублей за счёт повышения собираемости акцизных платежей, подлатают свои финансовые дыры в бюджетах, а рынок алкоголя станет прозрачным.

Неплохо было бы дать возможность регионам вводить налог на прибыль для сельскохозяйственных предприятий. Это бы было хорошим стимулом для одних регионов развивать налоговую базу в сельском хозяйстве, для других – получать хоть какие-то средства там, где уже создан потенциал в АПК.

Четвёртое. Нам необходимо отказаться от хронического недофинансирования науки – основы нашей будущей конкурентоспособности, экономического и социального прогресса. И решать эту проблему, мы считаем, необходимо не столько за счёт увеличения бюджетного финансирования, сколько за счёт крупных компаний и корпораций, создания для этого корпоративных инжиниринговых и научно-исследовательских центров, как это принято во всём мире, где половина и более научных исследований финансируются не государством. Кстати, в структуре стоимости западных компаний примерно половина приходится на нематериальные активы (а это ниокры, ноу-хау, опытные образцы, модели и т. д.). У наших компаний стоимость нематериальных активов практически равна нулю.

Надо также учитывать, что, наращивая корпоративные инвестиции в науку, мощные стимулы развития получит отраслевая и, особенно, вузовская наука, прекратится “утечка мозгов” – основного капитала страны.

Много ещё от чего нам нужно отказаться ради повышения эффективности экономики, но главное, по нашему мнению, нужно отказаться от проведения поспешных, не прошедших глубокую экспертную оценку реформ.

Так, реформа в электроэнергетике завершилась вместо обещанного снижения тарифов их ростом, а рядом расположенные промышленные предприятия могут получать электроэнергию по цене, различающейся в два раза, что является абсолютным абсурдом и ведёт к межотраслевой экономической дискриминации.

Или в результате реформы РЖД выделились компании по пригородным пассажирским перевозкам. Всё бы хорошо, но компенсация убытков от их работы переключается на регионы. А убытки оттого, что до 80% затрат этих компаний приходится на платежи за услуги головной компании.

При всём уважении к реформам в образовании, где действительно очень много сделано и делается, к сожалению, не решается главный вопрос: система профессионального образования отстаёт от запросов реальной экономики. Интересы учебных заведений, работодателей и самих учащихся разобщены.

Экономике нужны высококвалифицированные рабочие, если хотите – рабочая аристократия, как правило, со средним образованием, а у нас более

80% молодёжи получают высшее образование по специальностям, не всегда востребованным на рынке труда.

И последнее, от чего мы должны отказаться, — это от неэффективного, не меняющегося десятилетиями традиционного управления экономикой.

Новая экономическая и социальная реальность требует перехода всей парадигмы управления исполнительной, да отчасти и законодательной власти на управление целями и проектами как экономическими, так и гуманитарными. Сам проект формирует межведомственную вертикаль управления, которая обеспечивает координацию, взаимодействие всех участников и исполнителей проекта в пространстве и времени и несёт всю полноту ответственности за его исполнение.

В завершение хочу обратить внимание высокого собрания на поддержку двух таких проектов, которые могут стать настоящими драйверами экономического роста на ближайшее десятилетие.

Первый проект — это строительство автомобильных дорог. До 2020 (максимум 2022) года представляется возможным построить не менее 50 тыс. км современных автобанов, соединив ими не только областные центры, но и большинство районных. При стоимости современной четырёхполосной, соответствующей всем современным стандартам дороги не более 200 млн рублей потребуются 10 трлн рублей. Источником финансирования дорожного строительства могли бы стать целевые инфраструктурные займы ЦБ, которые окупились бы за десять лет дополнительными поступлениями в консолидированный бюджет от ежегодного роста ВВП на 5% только за счёт качественных дорог.

Второй проект направлен на расширение в стране масштаба индивидуального строительства и сопутствующей инфраструктуры. За счёт умело выстроенной системы взаимодействия и партнёрства между государством, регионами, сетевыми компаниями, банками и застройщиками вполне возможно ежегодный ввод индивидуального жилья довести по стране до 1 млн усадебных домов, а это 130–150 млн квадратных метров. За десять лет четверть россиян можно переселить в собственные дома на бескрайних просторах России, навсегда покончить с проблемами ЖКХ и попутно решить демографическую проблему.

Поддержав, уважаемый Владимир Владимирович и члены Государственного Совета, только эти два проекта, мы создадим мощный мультипликационный эффект экономического роста на ближайшие десять лет. А политические последствия от их реализации — а это укрепление социальной стабильности и национальной консолидации российского общества — вообще трудно переоценить.

В заключение хочу поблагодарить всех членов рабочей группы за активную совместную работу, а также Администрацию Президента за прекрасную организацию нашей работы при подготовке данного вопроса на заседание Госсовета.

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

НЕ ЛИКУЙТЕ, ВРАГИ, МЫ НЕ ВЫМРЕМ...

ПОЭТ И ВРЕМЯ

Много зла и мало песен,
Вечно груб и мелок быт,
Дом твой тесен, мир твой тесен, —
Как под грохотом копыт.

Думы бурею прибило,
Сгасла страсть в ее гульбе,
Но горит твоя рябина
И склоняется к тебе.

Не тоскуй, поэт, о доле,
О покое, о любви,
Где упали вздохи поля —
Соловьи лежат в крови.

Ты и сам — цветок природы,
Куст, истерзанный, седой,
Словно тучи, движешь годы,
Над собой и над водой:

СОРОКИН Валентин Васильевич родился в 1936 году. Десять лет работал на мартене. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих поэтических сборников, в том числе “Благодарение”, “Хочу быть ветром”, “Плывущий Марс”, “Нас двое” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Над холодной тайной бездны,
Где крушенья взметены,
И желанья — бесполезны,
И пророчества — темны!..

ЧЕРНОГЛАЗАЯ СМОРОДИНА

Черноглазая смородина,
Звоны сосен и берёз...
Ты — моя святая Родина,
Я люблю тебя до слёз.
Не пытаюсь я разгадывать
Тайну божеских чудес:
Красотой и счастьем радовать
Ты сошла ко мне с небес.
Пусть ведёт тропа безвинная
Нас туда,

где ночи нет, —
Только песня соловьиная,
Ты и я, и звёздный свет!..
Двух сердец одно желание,
Трепет страсти на устах:
Золотистое жужжание
Пчёл

в ликующих цветах.
А с черёмухи метелица,
Обогрета солнцем дня,
Осыпается и стелется
Для тебя
и для меня!..

СУМЕРКИ

Скорбит моя честная лира,
И нету причин веселиться:
Россия кружится над миром,
Как всеми забытая птица.
Вечернее дикое поле,
Безлюдье кругом и унылость.
И сколько обиды и боли
В домишках пустых затаилось.
Есть истина опытов древних,
Она неизбежна в повторах:
Народ,

не сберегший деревни,
И сам растворится в просторах.
Один я стою на кургане,
Встречающий века немилость...
Мой путь заблудился в тумане,
И солнышко с неба скатилось.
Природа, вздохнув, замолчала
Под ветром внезапной тревоги.
Но это —
лишь только начало
Трагической русской дороги.
Один я стою, наблюдая,
И там, где закат серебрится, —
Кружится Россия святая,

А хутора в забвеньях тонут.

Луна

над кладбищем

всплыла.

И тихо стонут, тихо стонут

Колокола, колокола.

ОТПОВЕДЬ

Я, откровенно говоря, не понимаю, почему хаос в России может стать угрозой всему миру. Только лишь потому, что у неё есть атомное оружие? Я думаю, что для того, чтобы у неё отобрать атомное оружие, достаточно десантной дивизии.

А. Кох

Православная Родина наша,
Вспомнив подвиги прожитых битв,
Встрепенулась, как звонкая чаша,
Вскленье налитая скорбью молитв.

И над трассами далее великих,
Где сегодня пожары коптят,
Журавлиными стаями крики
Сёл сгоревших летят и летят.

Сколько раз мы кровавому сброду
Преграждали отвагой пути, —
Неужели такому народу
Время в тёмную бездну сойти?..

Нас хоронят — то Даллес,
то Тэтчер,
Кох победу сулит палачам,
Чёрный дьявол им души калечит,
Жадность спать не даёт по ночам.

Замолчите, враги, замолчите,
И с экранов, с трибун и со сцен
Вы погибели нас не учите,
Лжи и грязи, и яду измен!

Не ликуйте, враги, мы не выйдем,
Лишь оглянемся братски вокруг,
И Россию пленённую вырвем
Из чужих и предательских рук.

Я пророчествам вашим не верю,
Встанут русские, мир окрыля,
А иначе — не сдюжит потерю,
Не осилит святая Земля.

Говорю я друзьям:

разрушайте

Заказного распутства мосты
И рожайте, рожайте, рожайте,
Дети — русских просторов цветы!

Мы поднимемся зорям навстречу,
В миг, когда мы шагнём за порог,
В наше здравие звёздные свечи
Во Вселенной

затеplit сам Бог.

ВАЛЕНТИНА БЕЛЯЕВА

В КРУГУ МНОГОЛИКИХ ТЕНЕЙ

* * *

Лишь миг... Парящий лист на землю ляжет.
Затихнет вихрь степенно над тобой.
Зелёное Созвездие судьбой
Безумным светом вспыхнет, уплывая,
И что крадёт, увы, тебе не скажет...
Осколками полуночную мглу
Засыплет и в обычную золу
Тотчас же превратится, остывая.

И дрогнет твердь у ног... И холод снежный
Её немых отточенных камней
Заглотит блеск и дым твоих огней,
О грешных тайнах вскользь упоминая.

БЕЛЯЕВА Валентина Ивановна родилась в 1951 году в г. Бурины Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Работала инженером на предприятиях г. Воронежа. Автор публицистической книги "В Советском Союзе секса не было!", четырёх поэтических сборников, а также сборника детских стихов "Лики радужных огней". Одна из авторов коллективных сборников "Антология. XXI век. Воронежские поэты", "Огни России", "Поэтическая ячейка", "Антология сетевой поэзии". Печаталась в США, на Украине, в региональных изданиях, сетевых журналах "Камертон", "Новая литература", в научном журнале "Берегиня", в альманахе "Новый енисейский литератор", литературно-художественных журналах "Край городов", "Подъём", "Невский альманах". Живёт в Воронеже.

А ты, взглядевшись в даль земли безбрежной
Под жуткий вальс осеннего листа,
Увидишь арки вечного моста,
Бессмертия его ещё не зная...

* * *

Гранитные скалы, всё круче тропинка
Средь кедров и елей, берёз и раки.
Мужчина и Женщина, бросив свой скит,
Спускались на Землю в порыве спонтанном.
Чуть хрустнула первая снежная льдинка,
И, ровной чертой — сизой тенью столба —
Версты у далёкой дороги, судьба
Им путь преграждала в безмолвии странном.

Дышала зима, и средь огненных листьев
На Землю спускался тяжёлый туман.
Мужчина и Женщина шли на майдан —
Среди фонарей — на околице рая,
Не зная его ни законов, ни истин...

А бедный их Ангел — меж звёздных пустот,
Присев у распахнутых белых ворот,
Лишь горько заплакал, уже умирая...

* * *

Не ты ль, Скрипач, в канаву бросил фрак,
Вон там, в развилке каменной дороги,
Где тихо проскрипели чьи-то дроги
И скрылись в лунном отблеске во мрак?

Не ты ль в обнимку с Бахом, мой старик,
Полвека прстоишь здесь, размышляя,
Где свищет ветер, в праздности гуляя,
Да слышится глухой совиный крик?

Вернёшься ли ты призраком туда,
Где юный взгляд, увы, твой слишком ярко,
Зажжёт в полночной тьме свечной огарок
Под сводом из заснеженного льда?

Ах, память! Ну, зачем же ей хранить
Чистейший свет заоблачной десницы,
Когда у ног — последняя граница,
Которую тебе не преступить?..

Смычок в канаве тлеет и чадит,
Мерцает, как безумная Венера.
И скрипка из обугленной фанеры
Библейской купиной в руках горит...

* * *

Под крестьянским плетнём и воздушной грядой белёсой,
Притулившись к избе, со скрипучей ступенькой крыльцо

Мне шептало вослед, обнимаясь с озябшей берёзой,
“Пусть судьба наградит, наконец, тебя звёздным венцом”.

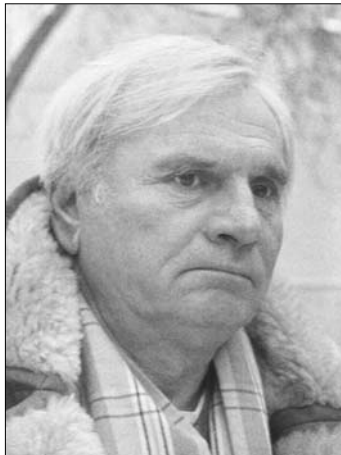
Стая птиц на едином крыле в облака улеталя,
Тяжело поднимаясь с холодных отцветших болот.
Вдоль заросшей обочины тропка моя убегала,
Одинокая роща глядела в зеницы ворот.

И виднелось вдали пропылённых дорог перекрестье.
Заунывная осень шушала листвою у ног.
Вдруг послышался крик из глубин изумрудных созвездий,
И стремительно падал небес возгоревшийся клочок.

И слышалось мне с высоты: “Ты росла сиротой.
А меня убивали ещё над твоей колыбелью”.

А бесстыдное эхо, взмывая по тропке витой,
Хохоча, рассыпалось красивой классической трелью...

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

“НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ О НЕЙ...”

ПОВЕСТЬ

*Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Ещё сединка не белела.*

А. С. Пушкин

*Мне стыдно потому,
что всё прошло.*

Ю. П. Кузнецов

Она была белокурой, точнее, белокудрой, на французский манер — блондинкой. Но слова эти не могут её нарисовать. В русском языке светлые женские волосы исчерпывающего названия не имеют. А потому без эпитетов, метафор изобразить это чудо природы невозможно.

У Сергея Есенина: “Со снопом волос твоих овсяных // Отоснилась ты мне навсегда...” Или: “Тех волос золотое сено // Превращается в серый цвет...”

Но у неё волосы были не “овсяные”, а настоящая пшеничная солома, подслащённая золотистым мёдом, колосистая солома — тёплое и густое марево вокруг милого девичьего лица с ласково глядящими васильковыми глазами. Подобные волосы олицетворяют самую плоть женскую, её злаковость.

АНДРЕЕВ Владимир Фомич родился в 1939 году в Харькове. Окончил Харьковский инженерно-строительный институт. Затем окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал строителем, журналистом, редактором. Автор книг стихов: “Тяжёлые ветви”, “Солнечный сруб”, “Треснула чаша русского утра”, “Светлое бремя росы”, “Красная горка”, “Самая печальная радость”, “Меч спокойствия”. Автор рассказов и повестей. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Они есть продолжение женщины, её хоругвь. Но не все это понимают, даже сами обладательницы этой роскоши...

Её звали Дарьей. Шёл ей девятнадцатый годок, а мне — двадцать четвёртый. И встретились мы с Дашей в городе Орске, куда она приехала из Оренбурга. Этой весной она окончила десять классов. У меня же за спиной было пятнадцать лет учёбы: школа и Харьковский инженерно-строительный институт. В Орск я прибыл по распределению: отработать на благо Родины, предоставившей мне бесплатное образование. Скромностью излишней я не отличался. Был молод, не женат, что сообщало смелость моим действиям... Я ничего не боялся, отвечал только за себя и думал, что если пострадаю от чего-то, то пострадаю только я один и больше никто. Так мне казалось. А ведь я жил с родителями, любил их, а они, естественно, — меня. А всё, что естественно, как, скажем, воздух, ощущается слабо. Я познавал жизнь через учёбу, книги и реальный опыт, который, как известно, — “сын ошибок трудных”. И “впереди паровоза” неслась молодость. Она, эта молодость, и заслоняла многое, в том числе и жизнь подлинную, которая открывается позднее. Я думаю, таким образом молодость охраняет себя от старости. Хорошо это или плохо, Бог весть. Но если я думаю, это уже большое достижение личного начала в человеке... И потому жизнь и её законы я чувствовал, но не осознавал, и в этом было спасение молодости. В такие годы более всего действует в нас Божий Промысел и судьба. Вера в надёжность жизни. Это похоже на то, как садясь в автобус или поезд, мы полностью доверяем своё существование и безопасность водителю. Вот она, простота и опасность жизни! Они рядом. Всё воспринималось на скорости, на ходу, без забрала... Гораздо позднее я понял смысл правдивого восклицания Есенина: “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..”

После последней перед дипломом сессии, переходя с четвёртого курса на пятый, мы по линии военной кафедры отправлялись в летние лагеря. “Солдаты мы, и в этом наша слава!..” Духовой оркестр ударил марш “Прощание славянки”. После военных лагерей нам присвоили звания инженеров-лейтенантов, короче, мы получили квалификацию военных специалистов широкого профиля — сапёров по возведению мостов, фортификационных сооружений и строительству дорог. До сих пор я не могу забыть старшину, который, давая команду на построение, с серьёзной физиономией произносил зычным голосом:

— Три калеки, две чумы — стройся!

В другой раз:

— Сено-солома, стройся!

Подобное солдатское простодушие вносило в нашу жизнь ощущение мужества, которым должен отличаться солдат, русский офицер, и защищало от уныния.

“Не губите молодость, ребята...” — пела пластинка у соседа... Я старался, как мог, не губить её. Спорт, физическая культура естественно, с детства вошли в мою жизнь: футбол, игры в свайку, городки, гимнастика, плавание... Это укрепляло моё тело, совершенствовало его. И незаметно к девятнадцати годам у меня появились широкие плечи, рельефный плечевой пояс, тонкость в поясице и гибкость. “В убогом теле хиреет разум...” Эту фразу Жан-Жака Руссо я помнил ещё с отрочества.

И вот я окончил курс науки в институте! Я переломил все обстоятельства: безденежье, нужду, несчастье моих родителей, перенёсших в детстве раскулачивание, упразднение казачьего сословия и высылку из родных станиц, “чтоб не давать им укореняться”, голод, войну и послевоенную неустроенность, унижения... Мой отец, фронтовик, был на передовой, дошёл только до Бухареста, где был ранен. А в тридцатых годах остался малолетним сиротой, — родители погибли, не вынесли несправедливостей. Мой дед Кузьма просил представителя власти, чтобы они забирали всё, что хотят, только чтобы оставили “на корню”. “Мы всё заработаем сызнова”, — говорил он. Но напрасно... Виноват потерпевший.

Итак, я уезжал в Орск.

Мать мне подарила в путь-дорогу полотенце холщовое, с алой вышивкой болгарским крестом по концам. Ткала и вышивала полотно мама сама ещё в молодости. Вообще, расставания на Руси бывали частыми, если учесть наши расстояния, а потому символ дороги — полотенце, ширинку, которую вовек не скатать, — всегда дарили уходящим. А чтобы дорога была без помех, *стелилась скатертью*, вслед махали платком. “Платком махнула у ворот // моя любимая...” Сестра подарила мне электробритву, отец — чемодан.

Вышел я в самом Орске, в старом городе, на левом берегу Урала, который соединялся с новым городом — соцгородом — дамбой по пойме и мостом. У поймы реки вразброс стояли дома с высокими фундаментами, под железными четырехскатными (по-казацки!) крышами. Когда-то река Яик разливалась широко и раздольно, после постройки Ириклинской ГЭС подтопление стало незначительным. Это и хорошо, и плохо. Урал, как и Орь, до сих пор изобилует рыбой, вода в этих реках щелочная — как результат таяния льда и снегов с Уральского хребта. Степи южноуральские необычайно засушливы. И воды от половодья — не лишнее прибавление. Здесь сеют капусту и процветают огородные участки горожан. Немцы, кроме всего прочего, развели сады. Раньше сады вымерзали, поскольку степные ветры сдували снег с корней деревьев. А немцы осенью, когда начинались морозы, заливали сады водой, и ледовый покров предохранял корни от вымерзания. Часть немцев как раз работала в “Орскспецстрое”, куда я был приписан, они были специалистами по сантехнике, гидрологии и бурению. Воду они находили везде.

Управление находилось неподалёку от нефтеперерабатывающего завода. Начальник управления — высокий, с густыми русыми волосами — протянул мне широкую и крепкую ладонь. В его серых глазах мягко светилась доброжелательность. Кажется, по всему было видно, что он рад моему появлению на земле Южного Урала. Его звали Арсений Саввич Соколов. Я был зачислен на должность прораба с окладом сто пятьдесят рублей вкпе с уральским коэффициентом.

— Кроме этого, вам положены, как работнику “на линии”, монтажные, но размер их вы должны уточнить у начальника и в бухгалтерии, — сказал кадровик Виталий Васильевич. Он вернул мне паспорт, диплом и военный билет, а также вручил направление в общежитие и поликлинику на предмет пригодности моей на “трудных работах” в оренбургских степях. — Да, товарищ Деговцов, обязательно пропишитесь в паспортном столе и станьте на учёт в военкомате.

— Есть, товарищ начальник отдела кадров, — браво ответил я.

Я отправился к Арсению Саввичу, который сидел за столом, уронив могучие руки на столешницу. Здесь же сидели главный инженер и начальник производственно-технического отдела — две вожжи управления в руках Соколова. Оба немцы. Главный инженер — упитанный и короткорукий, в узких очках с тонкой металлической оправой — радушно встал и принял меня поздравлять и благодарить за то, что я приехал помочь управлению справиться с инженерными задачами, поставленными партией и правительством, которые были связаны с пусковыми объектами семилетки.

И в конце своей краткой речи он представился:

— Шнайдер Эрнест Францевич.

Получив семьдесят рублей аванса, я отправился служебным автобусом на проспект Мира в общежитие. Оно размещалось в двухэтажном здании постройки тридцатых годов, причём с учётом местного климата стены проектировались не на эффект разрушения, а с двойным запасом прочности. Оштукатуренные в охристый цвет, такие дома стоят почти по всем городам России. На первом этаже восседала пожилая женщина, дежурная, и вязала оренбургский платок.

Проснувшись на другое утро в общежитии, я встал и открыл окно. Была середина августа. Светло-синее небо, вдали виднелись холмы, окружающие город с северо-востока неким серпом. Это был кряж — линейно вытя-

нутая холмистая возвышенность без резкого очертания гребня и вершин, — в сером и тенистом мареве, как волны далёкого моря, уходили вдаль горы уральского хребта, разделяя географически Азию и Европу. Самой реки Урал (Яика) и Ори не было видно из-за холмов.

В поликлинике терапевт спросил, из каких я краёв, чем в основном питаюсь.

— Мясом и овощами. Люблю мёд и арбузы.

Доктор — юркий, лысый — напоминал манерами Ульянова-Ленина из фильма “Ленин в Октябре”. Он щёлкнул языком:

— Обожаю арбузы! Тут мы с вами кунаки.

На вопрос, чем я чищу зубы и какое мыло использую при водных процедурах, я ответил соответственно: зубной порошок и мыло “Хвойное”.

— Молодец! — воскликнул эскулап, потёр руки и подписал медицинскую карту. Затем вскочил и пожал мне руку. Мне подумалось, что он сейчас, запустив два больших пальца рук в проймы жилета, примется метаться туда-сюда, как тигр в клетке, но этого не произошло. Он просто похлопал меня, как породистого жеребца, по спине и произнёс значительно:

— С Богом, Андрей Фомич!

В паспортном столе, в райотделе милиции, мне, как молодому специалисту, рассказали, что до шестидесятого года Орск был наполнен преступниками. Освободившиеся из лагерей и после химии, имеющие “поражение в правах”, то есть те, кто, отбыв наказание, не мог в течение определённого срока возвратиться на родину, преступные элементы захлёстывали Орск и Новотроицк, где недавно был запущен металлургический комбинат. И вот однажды МВД направило два выпуска из училищ Министерства внутренних дел на так называемую практику, и они за два года очистили город.

Я решил осмотреть город Орск. Поднявшись вверх по проспекту Мира, повернул налево и вышел на улицу Ленина, как обычно, центральную во многих наших городах. На углу — трёхэтажное здание Главпочтамта и телеграфа, имеющих для меня практическое значение. Здесь я узнал, что связь с Харьковом дают после двадцати четырёх часов. “Значит, в Харькове — после двадцати двух”, — сообразил я. Миновал дом и арку, и рядом в большом доме из красного и силикатного кирпича увидел кафе “Яшма”, которое занимало первый этаж. Слово “Яшма” было выложено красновато-коричневым уральским камнем — собственно яшмой — над длинным и высоким стеклянным витражом.

На противоположной стороне улицы возвышался внушительный монумент — коробка недостроенного драматического театра из красного кирпича. Четкий классический фронтон выразительно вырисовывался на тёплом голубом небе, опираясь на могучие колонны. К зданию избегали широким полукругом гранитные ступени, выходящие на просторную площадку у парадного входа.

С обеих сторон в конце улицы Ленина смотрели друг на друга Дворец культуры машиностроителей и гостиница “Молодёжная” с небольшим кафе “стекляшкой”. Стол был там неплохим, но жидковатым в сравнении с южноуральской кухней. Кафе стремилось обрести европейский лоск, но оборачивалось это порчей русского желудка, а стало быть, — здоровья человека. Таковое впечатление я вынес, пообедав однажды в этом кафе. Во всём чувствовалась насаждение чуждого русскому человеку вкуса: лёгкие, сомнительные напитки; эксплуатация присутствия клиента, особенно если он с дамой, путём навязывания всякой всячины по взвинченными ценами. В обслуживании официантов проскальзывала формальная услужливая пошлость — заёмная, пришлая...

Повернув за угол, я сел в трамвай и отправился в старый город, чтобы посмотреть его расположение, вдохнуть воздух старины.

Я шёл вдоль Октябрьской улицы. Тишина. Машин мало. Легковых автомобилей я не видел вообще, только автобусы да небольшие грузовики. Народу на тротуарах, как и машин, немного, а празднующихся, как я, и вовсе нет: ни туристов, ни иностранцев, ни инородцев. Вдоль тротуара —

американские клёны, акации, китайские яблоньки. К кинотеатру “Октябрь”, размещённому в бывшей церкви без купола и колокольни, ведёт липовая аллея.

Словом, если идти на запад, по направлению к “Никелю”, то левая сторона улицы застроена частными домами — куренями с высокими каменными фундаментами на случай подтопления, с четырёхскатными крышами. Эту своеобразную архитектуру казаки применяли из сугубо практических соображений. Всякое казачество, особенно уральское, селилось только по берегам рек. В реках вдоволь рыбы, а далее от рек — степи, которые покрываются травой на весеннего Николу, а в июле уже травяной покров высыхает в прах...

В старину, когда не было плотин, реки разливались привольно. И поля илистая вода питала пойму, где влага сохранялась до конца августа. Справа, со стороны кряжа, тянулись двухэтажные дома в купеческом стиле, где когда-то жил промысловый люд. Встречались и дома послевоенной постройки. Я зашёл в магазин “Одежда”. Ни одного заграничного костюма, пальто или шубы. Исключение составляли китайские рубашки с торговой маркой “Дружба”. Изделия лёгкой промышленности поставлялись в основном из Магнитогорска, Челябинска и Свердловска. Мне понравились дублёные полушубки и длинные тулупы из овечьей шкуры, а также женские мутоновые и каракулевые шубы, мужские шапки из крашеной ондатры, каракуля, из лисьего меха, хоряка и других степных зверьков. Продавщицы были скромны и не слишком разговорчивы. Девушки глядели на меня с немым вопросом, а встретившись с моим взглядом, тут же опускали глаза или, потупившись, отворачивались. Я купил светлую с голубым отливом рубашку. Миловидная девушка с красивыми руками без маникюра бережно завернула покупку и вручила мне, не сдержав всё-таки улыбки. Я принял свёрток с радостью и спросил, давно ли она живёт в Орске.

— Всегда, — ответила юная красавица.

Получив исчерпывающий ответ, который свидетельствовал о естественном владении русской речью, я с поклоном отправился восвояси.

Через один дом располагался продуктовый магазин. Рыбный отдел изобилует всевозможной мороженой речной и морской рыбой с нашего Дальнего Востока, консервов тоже было видимо-невидимо. Икра — от щучьей до белужьей, — крабы, кальмары и обитатели морской пучины, мне не известные, например, морской гребешок... В мясном отделе на первом месте — баранина, далее — говядина, свинина и даже конина. Колбасы представлены всевозможные. Ешь — не хочю...

Я ещё несколько минут погулял по улице, затем, отыскав остановку, сел в почти пустой трамвай. Город трудился, выполнял задание партии и народа. Труд русского, как заметил русский философ Ильин, — религиозный, монашеский. Это свойственно нации, особенно таким городам, как Орск, куда во время войны было эвакуировано стратегически важное производство.

Конечно, мне после природы центрально-чернозёмного региона — Воронежских, Белгородских, Харьковских, Сумских красот — природа Оренбуржья представлялась несколько скудной. Здесь властвует степь, простор, размах, а богатства — подземные: шкатулки не только малахитовые, но и медные, золотые, яшмовые...

Меня охватило чувство если не одиночества, то некоей ненужности, заброшенности, я тосковал по родине, по родной стороне моей. Тосковал по матери и отцу, по друзьям... Мощь Харькова, развитого города рабочих и студентов, научной интеллигенции, где работают и прекрасный университет, и мой инженерно-строительный институт, так недавно расставший со мной, и богатые библиотеки, и множество заводов... Природа там живая, женственная, мягкая, весна дружная, об этом хорошо написал Иван Бунин в “Жизни Арсеньева”, а земля такая, что, как говорила моя мама, “дитя посади — и дитя вырастет”. Или, как говорил Антон Чехов, “оглоблю воткни — телега вырастет”.

Я вышел на своей остановке и пошёл в общежитие, где у меня была постель и письменный стол.

На другой день судьба моя решилась — меня направили на Ириклинскую ГРЭС, объявленную Всесоюзной комсомольской стройкой. До посёлка Гай автобус домчался быстро, миновав старинную слободу Ирикля. Здесь, в Гае, добывали открытым способом медно-колчедановую руду. Вдалеке от рудников белели новые дома шахтёрского посёлка. На автостанции в отдельном здании находилась столовая, славившаяся разнообразием и хорошим качеством блюд.

Открылась панорама строительства будущей ГРЭС. Велись крупные земляные работы. Перекраивался ландшафт, как говорят наши друзья немцы. Пожалуй, один квадратный километр площади для фундамента под электростанцию был так изрыт, словно после тщательной артиллерийской подготовки.

Так началась моя работа на строительстве ГРЭС.

Кто работает в живом производстве, на передовой линии, тому, за малыми исключениями, не остаётся времени и сил на занятия спортом, на повышение своего культурного уровня. Всё откладывается на отпуск, который длится всего-навсего двенадцать рабочих дней. Хотя сама работа, общение с производственниками, самая артельность труда поддерживает в человеке нравственность, доброту и уважение к своим собратьям. Искусство, книги, театры не могут заменить пространство и глубину жизни. Если вы полюбили песню “Оренбургский платок”, то вы полюбили не самую песню, а то, что она в вас разбудила — ваши сокровенные чувства к матери, к самому дорогому человеку на земле, матери, которая подарила вам Божий мир, воспитывала вас и охраняла вас, своё чадо, от всякой скверны.

За всё время моего небольшого досуга, свободного ото сна и мелочей жизни, я прочёл лишь несколько книг. Если я пытался их читать сразу после работы, то, прочитав несколько строк, тут же засыпал. Читал в субботу и частично в воскресенье, поскольку предстоящая работа уже начинала захватывать мысли. Это были “Чёрные доски” Солоухина, “Характеры” Шукшина, “Живые и мёртвые” Симонова, “Один день Ивана Денисовича” Солженицына. Томики Пушкина, Лермонтова и Есенина были всегда со мной. Посмотрел с удивлением, восторгом и с некоей гордостью за героическое прошлое моего Отечества фильм Бондарчука “Война и мир”. Очень там хорош капитан Тушин, Петя Ростов, Андрей Болконский и его отец, “пруссский король”, Пётр Багратион, Михаил Илларионович Кутузов...

Приблизительно через субботу я посещал театр, который пока находился во Дворце культуры “Строитель”. Здание театра отделялось изнутри, и его должны были скоро сдать Госкомиссии. И вот в один из дней к шести часам вечера я облачился в свой коронный чёрный костюм и в очередной раз пришёл в “Строитель”. Галстук ещё хранил аромат одеколона “Шипр” харьковского производства. Меня тут встретили мои новые друзья Михаил с Олегом и привели за кулисы к Олегаовой жене Ирине. Она сияла, серые глаза выражали открытость, нескрываемое желание и ощущение жизни.

— Андрей, у меня нет слов, — сказала она, измерив меня взглядом. — Ты неотразим! И не забывай, что я замужня дама, — сказала она и приблизила губы.

— Я об этом, моя зазноба, помню и денно, и ночью.

— Молодчина, Андрей, ты гений, — воскликнул Олег.

— А вот и мои певицы! — Ирина представила нам молодых девушек.

Через несколько минут зал был заполнен до отказа. В Орске так бывало на всех мероприятиях. Причины известны. Суббота и воскресенье — дни выходные, и население Орска с удовольствием посещало любые зрелища и места, где можно пообщаться и показать себя, отвлечься от работы и домашних забот.

Мы заняли первый ряд. Ирина села за рояль. Исполнялись романсы: “Я ехала домой...”, “Караван”, текла задушевная мелодия и слова: “Мы странно встретились, и странно разойдёмся, // Улыбкой нежности роман окончен наш...”, “Не пробуждай воспоминаний // минувших дней, минувших дней...” Зал рукоплескал. Народ всей душой впитывал чувства авторов и исполнителей, внимая певцам с благодарной отзывчивостью. “Оренбург-

ский платок” в исполнении Ирины привёл публику в восторг. Крики “бис”, “браво” утихли не скоро.

— Поздравляю, это был фурор, — сказал я Ирине, когда после концерта мы танцевали с ней танго. Она с нежностью прижалась ко мне. Я выдержал волнение. И вдруг почувствовал на себе долгий взгляд. Посмотрел направо и увидел там девушку, которая, танцуя с парнем такого же роста, как я, смотрела на меня большими, выразительными глазами. Я забеспокоился, мне это сильно не понравилось. Музыка оборвалась. И я только в это мгновение ощутил тёплый живот Ирины. Она пристально посмотрела на меня. Широка дорога ко греху, но как тесна к спасению! Я проводил Ирину к Олегу и, поблагодарив её за танец, зашёл в буфет, где Михаил беседовал с двумя парнями...

— Андрей, хочешь что-нибудь выпить? — спросил он и поднялся.

— Нет, спасибо, Михаил, я пойду танцевать.

Я вновь спустился в танцевальный зал. Она стояла спиной ко мне. Светлые волосы густой волной ниспадали до самой поясицы, гибкой и податливо нежной, это было видно, когда она в разговоре слегка меняла позы. Я направился к ней. Она тут же повернулась ко мне навстречу с улыбкой. На мгновение я потерял свою независимость или мужество, Бог весть. Я поздоровался. Она, слегка прищурившись, назвала себя:

— Дарья.

Я тут же забыл её имя. Так бывало всегда, когда девушка мне нравилась, но этот случай был особенным, я был очарован, пленён красотой девушки — и внешней, и внутренней, которой не мог не видеть. И она это почувствовала. Как говорят, “на ловца и зверь бежит”. Пословица эта сюда не слишком подходит, но она выражает судьбоносность момента.

Всё уже было решено: мы будем вместе! Это знает она, и знаю я. Дальнейшее — дело техники. К моему счастью, заиграли вальс, а я заметил, что местные парни не умеют его танцевать. Я пригласил её на танец. Она, шагнув вперёд, положила мне одну руку на плечо, а другую, правую, вложила с лёгкой дрожью в мою ладонь, и мы закружились.

— Я Андрей. А вас, простите, как зовут? Скажите ещё раз!

— Дарья, — пропела она.

— Дарья, вы мне понравились.

— Вы мне тоже понравились, — ответила она, глядя на меня чистыми, невинными глазами.

— Тогда сделаем так. Я сейчас одеваюсь и выхожу. Буду ждать вас на улице, под фронтоном за колонной. Вы во что будете одеты?

— Я буду в рыжей лисьей шубе с воротником из чернобурки.

— Хорошо. Я в дублённом полушубке.

Я спустился в раздевалку, оделся и тут же вышел. Прислонившись к колонне, закурил. Прошло двадцать минут, и наконец показалась яркая лисья шуба. Дарья взяла меня под руку, и мы быстрым шагом направились к остановке. Я пожалел, что в Орске мало такси. До остановки было метров сто. Я оглянулся и увидел три фигуры. По всему было видно, что это “погоня”.

— Слушай, парниша, остановись, побазарить надо, — донеслось из-за спины.

— Слушаю вас, люди добрые, — ответил я...

Проснувшись в девять часов утра, я ощутил опухшую скулу. Вместе с болью проснулась и гордость за то, как я вчера разделался с бойцами.

Дарья спала сладко, зарывшись в пшеничную копну своих волос. Я бесшумно оделся и вышел, заперев дверь. Вернувшись из магазина, выгрузил бутылку румынского красного шампанского и две бутылки розового портвейна, свежий хлеб и всякую всячину. Дарья открыла глаза, приподнялась на локте. Увидев меня, встала с постели и села ко мне на колени, прижавшись головой к моей груди. Я без вина был пьян. Я был каким-то другим человеком. Очень хорошим и безгрешным...

Я помог Дарье помыться и одеться. На электроплитке согрел чайник, заварил в двух чашках чай. На тарелку положил два заварных пирожных. Дарья нарезала колбасу.

— Откуда ты узнал, Андрей, что я люблю краковскую?

— Потому что я её тоже люблю...

Она глядела на меня своими голубыми, как полевые цветы, глазами. Волосы она подвязала алой лентой, собрав их в лёгкий хвост.

Мы пили чай с пирожными. Я удивился, отчего я, когда бываю один, не пью чай с пирожными...

— Вкусно, — проговорила Дарья. Поднялась, вымыла посуду, протёрла её салфетками.

— Тебе надо приобрести полотенце для посуды. Нет, я тебе подарю, — сказала она.

— Дарья, ты забываешь, это — общежитие. И кастелянша даст мне столько полотенец для посуды, сколько мне будет нужно. Ты хочешь принять душ?

— Хочу.

— Я вернусь через несколько минут.

— Баб Нюра, — обратился я к дежурной, — у меня проблемы.

— Знаю. Твоя сивенькая уж больно хороша собой. Ох, где моя молодость! Вот тебе и невеста, Андрей. Ты парень со специальностью, инженер, за тебя любая девка пойдёт. Вот ключ от душевой для обслуживающего персонала. Можете идти вдвоём, только тихо.

Когда она улыбалась, то улыбалась всем лицом и глазами. Рот у неё был небольшим, губы розовые и полные, мягкие, сочные. Брови тёмные, ресницы же тёмные от корня, а к концам — русые. Волосы пахучие, густые и пушистые.

— Дарья, твои волосы — чудо природы.

— Да хватит тебе, Андрей. Нормальные волосы. А какие они должны быть? Я же не мужчина. Мама мне говорила, что у бабы волосы длинные, да ум короткий.

— Дарья, когда я глажу или перебираю твои волосы, как струны арфы, вдыхаю аромат этой пшеничной соломы, мне чудится, что вот-вот из неё вылетит перепёлка.

— Я и сама себе порой нравлюсь.

И она запела негромко:

*Всю ночь поют в пшенице перепёлки
о том, что будет урожайный год,
ещё о том, что за рекой в посёлке
моя любовь, моя судьба живёт.*

Голос у неё был русский, глубокий, гибкий, с грудным подголоском, как у гармошки.

— Это моя любимая песня на слова Исаковского, а кто композитор, знаешь?

— Блантер.

— Верно. Ты была на концерте там, во Дворце культуры?

— Была, мне очень понравились романсы. А когда Ирина, я не запомнила её фамилию, спела “Оренбургский платок”, я даже всплакнула. — Она притихла. — Сразу отвечу на твой вопрос, который хотел бы ты мне задать, но не решаешься: слова Виктора Бокова, а музыка Георгия Пономаренко.

Я развеселился. Встал и налил в стаканы шампанского. Она немного отпила и вернула стакан мне.

— Вообще твои волосы... но чтобы тебя не смущать, скажу так: женские волосы таят в себе страсть. Они эротичны, как и настоящее женское тело, прельщающее мужчину. Это продолжение женщины, её код и символ... Я пью за твои белокудрые волосы...

— Спасибо тебе...

Проснулись мы на закате. Я открыл окно. Снежный ветер внёс в комнату несколько снежинок. Одна из них замерцала у неё на реснице. Я облил её водой из-под крана и насухо вытерся полотенцем. Оделся и вышел, давая ей возможность привести себя в порядок.

Когда я вошёл в комнату, на столе был сооружён ужин. Стаканы стояли во фрунт, чистые и подтянутые. Она встала и прижалась ко мне так, что хоть стой, хоть падай...

Степь молчала. Вокруг снега, холмы, а с севера белел гористый кряж. Солнце слепило глаза. Простор завораживал. “Однообразная красивость” вносила в душу спокойствие и некую небытийность.

Дарья, склонив голову на плечо моей волчьей дохи, казалось, подрёмывала. Водитель крепко держал баранку в меховых рукавицах. Вдруг мы словно проснулись. Поднялся сильный ветер. Хлопья снега понеслись параллельно земле, горизонтально, затем они превратились в некую пыль, прах... Сквозь щели автомобиля засквозил резкий холод. До посёлка Ирикля оставалось километра три. Шло великое перемещение снегов, которые заняли всё пространство между небом и землёй. Редкий по силе, но обычный в этих местах оренбургский буран.

Добрались мы до Ирикля более или менее сносно.

— Если буран не прекратится, то придётся задержаться, — спокойно и рассудительно сказал водитель.

Дарья была уроженкой этих мест и потому разволновалась. Она шагала к столовой, схватившись за мою руку, по пушистому снегу в новых мягких валенках (валенцах).

— Дорогу теперь прочистят, наверно, не скоро? — спросила она у водителя.

— Как только буран утихнет, сразу впереди нас пойдут бульдозеры и автогрейдер. Здесь вам не у Проньки в радиорубке, в бирюльки не играют.

Дарья засмеялась. Она ответ поняла, но его форму не постигла. Я же объяснить не стал. Водила был наш человек.

Обед в столовой и Дарье, и водителю понравился.

— У нас Оренбурге похоже, но здесь более сытно, — правдиво и без всякого лукавства сказала Дарья.

Я взглянул на неё с одобрительным удивлением.

— Обед самостоятельный, — заметил водитель.

Буран затихал, мягко пошевеливаясь. Вот он перешёл в дежурную метелицу и, наконец, иссяк. Воссияло солнце. Затарахтели бульдозеры. Спустя полчаса мы потихоньку двинулись к Энергетику.

Дарью я пригласил пока к себе, перед тем как затевать ей регистрацию в комсомольском штабе. Я оставил её в одиночестве, а сам, не мешкая, подался в прорабскую. У вагончиков шла дружная работа по расчистке снега. Я поприветствовал всех и сменил волчью доху на бараний полущубок, а ботинки — на спасительные валенки, предварительно обернув ноги портянками.

Работа завершила меня, как метелица. Я забыл, что Дарья там, в моей комнате, одна. “Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая!..” Можно и так сказать. А по слову Владимира Мономаха, надо делать дело мужчин, наше мужское дело, к чему мы призваны... И параллельно требуется сторониться лжи и пьянства, “ибо в них душа погибает и тело”. А тайна всего этого заключается в любви, рассыпанной по миру, как звёзды по небу...

Каким бы ты ни был опытным человеком, но прошлый опыт — не мера истины, а только ключ от двери, где она находится.

Я перебирал все случаи из своей жизни, а также все чужие опыты, накопленные персонажами книг, но никак не мог принять решение: жениться мне на Дарье или нет. Вопрос этот несправданный, однако, оставался открытым. Я стал прислушиваться к себе. Как говорят, стараясь услышать голос своего сердца... Но все мысли мои неслись мимо, как метель. Тогда я решил написать письмо домой — сестре Людмиле. Я описал ей внешность Дарьи, сообщил, что она из Оренбурга и нравится мне очень во всех отношениях. Но я заверил своих родных, что не останусь здесь, в Орске, поскольку никто не меняет хорошего на плохое по доброй воле: голые степи Оренбуржья не заменят мне Черноземья.

В ответ Людмила написала мне, что будущая жена должна быть милостивой и красивой в меру, что красивая жена — чужая жена. С красотой редко уживаются хозяйственность, разум и сочувствие... “С лица воды не пить” и другие пословицы, на которые так щедр русский человек, привела она мне. Мама приписала столько, что получилось больше, чем у Людмилы: “Андрюшенька, жалкий мой сыночек, если ты задумал жениться, золотко моё, то было бы не лишним вам с Дарёнкой съездить в Оренбург, узнать её отца и мать, определить род. Мой папаша, прежде чем совершить рукобיתье, дать согласие на брак с твоим отцом Фомой, знал о женихе всё до пятого колена: кто чем болел, каким был в работе, в уме, в здоровье... Нам было проще, за нас решали наши родители, отец, глава рода. А вы теперь, молодые, брошены сами на себя. Права человека соблюдаются, но опыт жизни свой и родительский не учитывается... но это, наверно, только у нас, у русских... Если любовный туман не рассеется ваш, тогда гляди со всех сторон, как ты хочешь устроить свою жизнь. Не спеши наудалую, на рысях. Может быть, Дарья-то и хороша, но она дерево с иной почвы и пересаживать её надо с осторожностью... Да и то надо сказать, сынок, харьковские и белгородские девки — кровь с молоком. А хохлушки работающие да хорошие поварахи, и рожают здоровых детей... Не зря у нас такие мясистые и сладкие созревают вишни. Какова природа, таков и человек. Вон твой дядя Жора, мой старший братец, привёз после войны жену себе — девочку из Нижнего Тагила. Помнишь, я тебе рассказывала, что танковый завод харьковский, где Егор работал конструктором, эвакуировали туда, на Урал, только не на Южный, а на Средний. Так она пожила с годок и уехала назад к маме, в Тагил... Ну, а если ты уже к ней так пристрастишься, влюбишься в её красоту, особенно в её волосы, которые в нужде и беде быстро секутся, то, когда будешь ехать домой в отпуск, привези и её, пусть поживёт у нас, привыкнет. И ты пошире увидишь её в простой, бытовой жизни... А жизнь наша, Андрюшенька, такая, что счастья в ней мало. Как писал Есенин, что радость бывает редко, как вешняя звень поутру... Будем надеяться на Бога. Храни тебя Господь. Да укрепит Он разум твой на всех путях твоих. Береги себя и не дюже уповай на работу. Может, тебе нужны деньги? Напиши. Крепко тебя целую. Привет тебе от папы...”

Когда я получил это письмо, к вечеру ко мне в Орск приехала автобусом Дарья. Румяная, весёлая... Я смотрел в её ясные и звонкие, как бубенцы, глаза. Не снимая шубы, она повисла на моей шее. И принялась шумно и часто меня целовать.

— Я принесла тебе подарок.

Она открыла сумку, извлекла из неё бумажный кулёк, где была бутылка вина и кольцо краковской колбасы. Я содрал с неё шубу, снял шапку и платок, она стремительно села на кровать и мигом скинула с ног валенки. Я повалил её на спину, и мои ладони оказались под её тонким свитером. И уста её замолкли, губы похолодели. У женщины, охваченной страстью, уста всегда чисты.

Я знал, что Дарья работает в бригаде маляров отделочного субподряда. Прораб Виктор Усов — парень свой в доску, разбитной малый. Я ему отдал Дарью под особую опеку и охрану.

— Что, Дарёнка, как твоя комната в общежитии? — спросил я, наливая вина в стаканы.

Дарья нарезала хлеб и колбасу.

— Я тут обзавёлся чайником, теперь будем пить чай по-купечески, вприкуску...

Она улыбнулась и поцеловала меня. Я неосторожно опрокинул стакан с вином на брюки, пришлось их снять.

— Вино знает, что делает, — улыбаясь с прищуром, проговорила Дарья и бросила брюки в раковину. Пришлось облачиться в тренировочные.

Не успели мы с Дарьей допить чай, как шумно ввалились Олег с Михаилом, а с ними Ирина и ещё какая-то приятная брюнетка с густыми ресницами и очаровательной улыбкой. Она оказалась удмурткой из Ижевска. По-знакомились.

— Зинаида? Очень звучное и мелодичное имя, — сказал я.

— Особенно, если учесть, она пианистка, преподавательница музыки в консерватории.

— Боже! Какие у нас люди, Андрей! Что-то надо предпринять, — с наигранной озабоченностью проговорила Дарья.

— Ничего не следует предпринимать. Мы всё обдумали: идём все вместе в кафе “Ласточка”, — заявил Михаил и подмигнул: — На одной колбасе далеко не уедешь.

Я спустился в кладовую и достал из чемодана чистые брюки цвета маренго, там же и облачился в них. Правда, ремень вдевал уже принародно. Минут через сорок мы были в просторном зале “Ласточки”, где поужинали на славу.

После кафе поехали в центр старой части города, где находится Преображенская (Яшмовая) гора. Канатная дорога не работала, и мы полюбовались ею, не подымаясь вверх, ибо можно было легко свалиться или утонуть в снегу...

— Докладываю, товарищи присутствующие, — начал Олег, — не так давно, в 1769 году, учёный Леонард Эйлер наблюдал прохождение Венеры перед диском Солнца.

— Откуда наблюдал, с крыши твоего дома? — вскричал Михаил.

— Объясняю специально для тупых: Эйлер наблюдал Венеру с вершины Преображенской горы, перед величием которой мы с вами, грешные его потомки, смиренно стоим в молчании.

И все мы замерли, почувствовав уважение к какому-то далёкому, неведомому нам Леонарду Эйлеру.

Пришла весна. Снег сошёл. И сразу стало сухо. Рыть траншеи — одно удовольствие. Мне прислали роторный экскаватор. Я этим “чудом” легко гнал погонные метры, благо водовод был неглубок — чуть ниже глубины промерзания. Работа кипела. И её хватало всем: и монтажникам, и каменщикам, и строповщикам, и трубоукладчикам, и сварщикам, и даже отделу снабжения. Нам подвозили трубы, готовые углы поворота, крестовины, запорную арматуру...

В июне прибыли из Луганска две девушки. Они, как и обещал Арсений Саввич, поступили в моё распоряжение в качестве мастеров. Я ничтоже сумняшеся передал их под мощную длань геодезиста Феодора Ивановича, пусть поднатаскивает их в геодезии, а я им преподам практическую технологию строительства и сметы. Росточка обе были среднего, одна — рыжевата, а другая — черноволосяя, черноглазая, юркая, как сорока.

Недели через две, как мне доложили, они обе в меня влюбились, что не помешало черноглазке через два месяца выйти замуж за экскаваторщика Митюшку... А рыженькая ещё через месяц вышла за помощника комсорга стройки Завалишина, парня смышлёного и нахального. Все эти известия, мне думается, беспокоили Дарью, но мне она ничего не говорила, даже и не намекала на нашу женитьбу. Словом, на комсомольских свадьбах мне пришлось побывать дважды, а потом и хлопотать у Гурового Александра Васильевича квартиры для молодожёнов.

Эх, Дарья, Дарья, свет ты мой в окошке! Зима прошла у нас с ней в полной любви, самозабвенности и счастье постижения мира, которое дано только влюблённым и детям... И я боялся всё это нарушить решением о браке. Думал, что, как в сказке, стоит произнести заветное слово, как чудо исчезнет.

Однажды я задержался на планёрке, а потом разобрался с дракой между нашими слесарями и электриками из “Орскэлектромонтажа”, которые проложили ошибочно кабель поперёк нашего будущего водовода. Хорошо, что кабель был не под напряжением. Наш экскаватор вырвал его, как василиска, из недр земных. Справедливость была восстановлена, поскольку мне удалось поладить с начальником электромонтажных работ. Дело закрыли.

Наконец, я отправился к Дарье в общежитие. Она жила на втором этаже, в одной комнате с девушкой из Челябинска. Завидев меня, бросилась ко мне:

— Куда ты пропал, Андрюшенька? Я уже дважды ходила к тебе, но дверь была заперта.

Она прижалась ко мне. Глаза её увлажнились.

Мы отправились ко мне. Она всё грустила.

— Что-то ты печальна, моя хорошая? — спросил я.

— Я сильно полюбила тебя, Андрей. И не знаю теперь, что будет со мной, если ты меня бросишь.

— Что за глаголы, Дарья! “Бросишь”! Ты что, вещь?

Дома мы выпили чаю. Включили приёмник. Пластинок не ставили. Было поздновато. Легли в постель. И вновь всё было так, словно она не произносила своих грустных слов.

В августе исполнилось ровно два года, как я вкалывал на южноуральской земле. Домой тянуло страшно. Но с Дарьей я туда ехать не хотел. Хотел нагнать туда один, чтобы можно было смотреть “в озёра синие”, “в лугах ромашки” рвать и слушать, как шумит высокая пшеница, где высокие дубы в парке Шевченко стоят, подминая под себя тень. Где зреют жёлтые, как воск, увесистые груши и в росистую траву гулко падают яблоки... Где ждали меня мать и отец... Мне нужны были свободные руки, чтобы распахнуть объятия всем переулкам и улицам города, где мне известен был каждый завод, институт, фабрика, кинотеатр, ресторан, пивная... парк, сквер...

И, наконец, во мне созрела мысль вернуться домой, на родину... Одному.

Однажды я подарил ей перстень. Прощальный. Она открыла коробочку и замерла в восхищении. Дорогой камешек, сверкнув, заиграл мягким светом.

Она принялась целовать и обнимать меня, а потом залилась слезами и редела, как баба, провожающая дорогого человека на войну. Когда она успокоилась, я сказал ей, чтобы она посмотрела на внутреннюю сторону перстня, где было выгравировано: “Дарье от Андрея”.

В тот день в кинотеатре “Мир” мы с ней смотрели вторую серию фильма Бондарчука “Война и мир”, потом зашли в кафе “Яшма” поужинать. Вечером в постели говорили о многом. Дарья призналась, что хочет после отпуска, который она проведёт в Оренбурге с отцом и матерью, поехать в Челябинск и поступить в медицинское училище.

Ночью мне вдруг стало тоскливо. Я встал и опрокинул целый стакан перцовки. Дарья спала, разметав свои пшеничные волосы по всему изголовью кровати...

Через неделю я получил расчёт и премиальные, получилась внушительная сумма: четыреста пятьдесят рублей. На эти деньги можно было прожить припеваючи в Харькове месяца три.

Съездил на вокзал и купил билет до Харькова на поезд “Барнаул — Днепрпетровск”. Заехал на объект. Как говорится, сдал бразды правления. Вечером, домой, рухнул на кровать, от усталости едва успел стянуть с себя сапоги и спецовку и тут же уснул. Мне снилось, что я еду поездом в Харьков, на родину. Слышу колёсный стук. Рядом со мной сидит Дарья и взволнованно что-то мне говорит, но её речей я не слышу... Слышу, как зашипели тормозные колодки, и всем своим существом понимаю, что я, наконец, в Харькове. Пахнет кислотоватым запахом прогоревшего угля в титанах, и меня охватывает недвижимая теплынь сентября, его благодатная, суховатая мягкость. Вижу освещённые зарёй две высокие башни Южного вокзала с тяжёлыми стрелками квадратных часов... Слева, на привокзальной площади, работник таксопарка размахивает рукой в красной повязке... Выплывают лица матери, отца, сестры Людмилы и брата Дмитрия... А Дарья уже рядом нет.

Настойчивый стук в дверь вырвал меня из сна. На пороге стояла дежурная по общежитию тетушка Нюра. Я смотрел на неё, как смотрит на берег матрос после кораблекрушения.

— Приходила твоя сивенькая. Письмо тебе оставила. Ты, говорят, скоро отъезжаешь к себе на родину.

— Верно говорят...

— Платок-то купил матери?

— Купил, тётушка Анна, настоящий оренбургский платок из козьего пуха.

На душе у меня потеплело.

— Ох, и стройна ж Дарья-то твоя. “Кобылица молодая, в мелки кольца завитая...”

— А письмо где? — откашлявшись, спросил я.

- Да как мне тебе его отдавать? Может, споёшь или спляшешь?
— Спою!

*Говорят, что я старуха —
чтой-то мне не верится!
Ну, какая ж я старуха —
всё во мне шевелится! —*

пропел я *страдание* и сам себе похлопал в ладоши.

Как только она ушла, я запер дверь на ключ и разорвал конверт.

“Андрей, любимый! Я буду помнить тебя всегда. Буду любить тебя всю жизнь. Может быть, если будет невоготу, — встретимся. Я помню все наши разговоры. Когда я спросила тебя, женился ли бы ты на мне, если бы я забеременела от тебя, ты ответил: “Может быть”. Когда я спрашивала тебя об этом, я уже несла под сердцем своим твоё дитя. Но ты не захотел “надевать на себя цепи брачных уз преждевременно” ради своих планов и высоких целей. Я это поняла и не посмела стать помехой на твоём жизненном пути. Ведь это было видно по всему, поскольку ты даже все положенные тебе квартиры отдавал рабочим. В этом тоже проявлялась и твоя возвышенная натура и вера твоя в своё некое необычное предназначение. Я буду помнить тебя всегда, такое не забывается. Ты для меня если не всё, то очень и очень многое. Выразить свою любовь к тебе я не могу словами. Завтра вечером я уезжаю в Челябинск. Жить пока буду в общежитии медицинского училища. Может быть, я дам согласие выйти замуж за парня, с которым меня познакомил Светлана ещё в Челябинске. Он юрист. Зарабатывает неплохо. Мечтает стать прокурором. Я его не люблю, но он мне не противен. Если захочешь мне написать, пока пиши: Челябинск, 124655, до востребования Светловой Дарье Афанасьевне. Прощай! Твоя Дарёнка”.

Мне стало холодно и тоскливо. Я оступел и, кажется, потерялся. Ползучий страх охватил мою душу... Случилось несчастье. Какое? Я ощущал тяжкую потерю. Господи! Где же Дарья — дар Твой, посланный мне Тобой? Я рухнул на колени и заплакал. Слезы текли по моему лицу такие же горячие и солёные, как в детстве. Я представил икону Спасителя в моей комнате в Харькове. Я шептал молитвы, которым с детства научила меня мать. “Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, оживотвори мя, грехами умерщвлённого, яко сына вдовицы”...

Я боялся выйти из комнаты... Потом, поднявшись, я сел на табурет, выпил из графина воды. Глянул с осторожкой в окно. Медленное тепло заполняло мою грудь... Как я мог отодвинуть любовь на опосля? Опосля чего? За чем убежать от любви, жизни и молодости? И куда?

Что-то надо было делать. Какой Челябинск!? Я посмотрел на часы. Было четыре часа. Солнце свернуло за полдень. Я вышел в вестибюль. Тётушка Нюра вязала свой бесконечный оренбургский платок. Она с тревогой посмотрела на меня поверх очков:

— “Что с тобой, мой сокол ясный? Что ты тих, как день ненастный?..”
Да на тебе лица нет! Что она тебе написала?

— Да так, ничего...

Я спешил к единственному телефону, который стоял у вахтёрши.

— Арсений Савич! Спасите меня. Мне срочно надо в Энергетик.

— Ладно. Не вопрос, Завтра дам машину. Обстоятельства терпят?

— Никак нет!

— Дела сердечные?

— Они.

— Это святое. Ты где?

— В общежитии.

Через сорок минут подкатил Карлуша.

— Карл, дорогой мой, гони в Ириклу, в Энергетик. Да поскорее, иначе я умру.

Сентябрьская степь была сухой и безветренной. Машина шла быстро и легко. У меня было такое ощущение, что даже машина, и та знает, зачем и куда я еду.

МАРИНА КОТОВА

МОЛИСЬ О СНЕГЕ, РУСЬ...

ЛЕТО НА ОКЕ

* * *

Уходить пора. Но оторвёшься разве
От реки — оставит дотемна.
Под обрывами, где камни в глине вязнут,
Светом кромка вод обведена.

И сияет, как металл при резке.
По колено в блеске рыбаки.
Светятся удилица и лески,
Отливают красным тальники.

Светел берег противоположный,
Моет косы, распустив, река.
Горы ящером ползут на ложе
Мергелей, песков, известняка.

На окаменелой лапе грубой,
Лесом зарастающей густым,
Птицею с птенцом золотоклювым,
В листьях, в хвое — Дудин монастырь.

КОТОВА Марина Ананьевна родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Автор трех книг стихов. Лауреат нескольких всероссийских премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Вот Оки светящееся тело,
Что закату отдано во власть,
Просветлело разом, потеплело.
Млечным жемчугом река обволоклась.

Режет жемчуг катер-быстроходка
Мимо стариц в шумных рощах ив,
Тёмные резиновые лодки,
Будто листья лилий водяных.

Правят на Горбатов. Дали влажны,
Грузных облаков густеет слой,
Наливают глухо и протяжно
Ящер-горы чёрной синевой.

Медленно из туч прогретых каплет,
Но не дождь, а молоко и мёд.
Дух реки, оборотившись цаплей,
Ноги в струнку вытянув, плывёт.

И Господь, свои оставив притчи,
Хочет к нам, так искренне раскрыт.
Воздухом, свеченьем необычным,
Синими горами говорит.

* * *

Много ли путнику нужно усталому?
Дикой природы найти не сумею,
Сядем в траву меж полями овсяными
В светлой тени подмосковных дерев.

Карту разложим. Напрасно не спрашивай,
Как, почему нам она солгала.
Бедная карта, от века отставшая,
Новую правду вместить не смогла.

Там, где боры простирались безбрежные,
Духом еловым дышали в лицо,
Спят за колючкой посёлки коттеджные,
Тихие, будто дома мертвецов.

Речка бежит, поздним солнцем прохвачена,
Не прoderёшься теперь до неё:
Всюду заборы упитанных дачников,
Сунься — и злобное лает зверье.

Нас вытесняют — из жизни, из времени
(Им красоту бы закрыть на засов!) —
Вроде индейцев забытого племени,
Из дождевых уходящих лесов.

Мы собирали летучие образы,
Мы не стремились ничем обладать.
Вот и гадаем теперь под берёзами:
Что там не продано? Где нам шагать?

Как для другого построить хоромины,
Нам красоту отыскать бы в пути,

И притянуть её веткой диковинной,
И надышаться — и отпустить.

В путь! Нет, ещё ничего не потеряно!
Много потеряно, пни говорят.
Скатертью синей над нами расстелено
Русское небо без всяких оград.

ДУРНАЯ ПОГОДА

Природа напряглась и из последних сил исторгла снег, но ливень смёл его.
Грибы уродливые, жирные, на пнях блестели маслянисто, поднимали
Головки, по-змеиному шурша.
Лось падалицу, битую морозом, губами собирал с травы декабрьской
Под зимним раздражающим дождём.
И, одурев от чёрной сладкой гнили, башкой мотая, вышел на дорогу.
И там стоял, себя не сознавая. Светился дождь на лопастях рогов.
Ему навстречу нёсся человек с дурным предчувствием,
Тоскуя слабым телом, изломанным, измученным дождём,
Метался стрелкою магнитной в руке дрожащей.
Глаз ослепили жёлтые грибы,
Что влезли высоко на ствол сосновый.

Пять тысяч дал на лапу полицейским.
Приехали на джипе егеря, забрали тушу.
Так он рассказывал соседу в электричке.
По протоколу лось поднялся сам и мирно в лес ушёл,
Разбив стекло машины ветровое.
Долго обсуждали, как хорошо всё сладилось, а то бы пришлось платить
За каждый килограмм живого веса.

Мужик, в углу сидевший неподвижно, сказал вполголоса:
— Дурные дни настали для зверья.
Как зайцу жить? Менять ли шубку белке?
Молись о снеге, Русь, молись о снеге.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕЩЕЙ. МОЗАИКИ

Тёмный ветер с реки шёл со мной меж знакомых домов,
Винный запах земли, после долгой зимы непривычный.
Вышел месяц калёный и вот широко и светло
Озарил на торце юных дев хоровод мозаичный.

Сарафаны из смальты и косы, колосьев желтей, —
Богатырского племени девы — на зависть Брунгильдам заморским,
Среди жарких рябин гармонист с рыжим чубом и Лель,
Берестяным рожком на заре выкликающий солнце.

Это отблеск империи, память заглохших времён,
Занесённых песками подобием остовов ржавых
Кораблей на хребтах онемевших от горести волн —
Жёлто-красных барханов пустынного моря Арала.

Это отзвук эпохи гигантов — так поступь была тяжела,
Что земля не держала, и шагнули тогда дерзновенно
Из уютной земной колыбели, с треском полог небес разорвав,
На косматый, угрюмый и яростный ветер Вселенной.

И ломали и гнули земное своё естество,
Чтоб к Медведице в логово, чтобы со звёздами вровень!
Посмотреть, есть ли Бог, где сокрыто жилище его
В звёздном хвойном бору, в полыхании огненной хвои.

И когда ненадолго из странствий они возвращались под кров,
Вновь к грохочущим стройкам, к полям, золотому дыханью земному,
Оставляли на память зарубки на стенах домов —
То космический спутник, то радостный лик Терешковой.

Я ребёнком по ним находила дорогу домой,
Я читала эпоху героев, питаюсь их пламенной верой,
И наяривал песню лихой гармонист молодой,
Пел о руссах от Леля до ярой космической эры.

Пусть же девы идут хороводом, на счастье, им знать не дано,
Что погибший их мир погребён, и отпет, и оплакан.
И вот-вот экскаватор — исчадие силы тупой —
Загребёт их своей равнодушной ухватистой лапой.

* * *

Мы встретились... Курилась за тобой
Праматерь-степь, в её волосьях жарких
Гнезвился дух лилово-золотой
Тысячелетия цветущей ая-ганги;

Кедровник цокал и дышал смолой,
По-зверьи лапы выставлял упруго,
И Океан Байкал на хрящ земной
Бросался, ослеплял хрустальной тьмой
И тяжким грохотом перекрывал округу.

Бурятия, чья тайна на засов
Закрота, за тобою шла бессонно,
И дым костров несла и зычный зов,
Дурманнный зов шаманского Ольхона.

А за моим плечом — сквозь ширь лугов
Ока величественно и неторопливо
Вершила путь, и в жёлтый шёлк песков
Одеждой тени сбрасывали ивы.

И цвёл, и зрел во мне, как и теперь,
Готовый выхлестнуть и обратиться словом
Язычества животворящий хмель
И тяга к белым лилиям Христовым.

Мы встретились...
на рубеже веков,
И ты, и я с душою древней, дикой,
И вот срослись, так страстно над рекой
Сплетаются шиповник с ежевикой.

ВЛАДИМИР ОДНОРАЛОВ

СЕДЬМОЙ ЗАЯЦ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Это очень давно случилось, в середине XX века. Мы жили тогда в собственном доме, в Форштадте. У нас две печки было: одна на кухне, от неё ещё и баня топилась, а вторая светёлку отапливала. Мебели тогда у всех недоставало. Ну, такой, обычный был набор: посередке комнаты раздвижной стол на толстых ногах, в левом углу — никелированная полтораспальная кровать с подушками чуть не до потолка, под кружевным покрывалом и на колесиках. Справа... нет, не справа, а между восточных окон, конечно, трюмо с подставкой — ящички там для пудры “Премьера” и одеколona “Кармен”. Я почему-то считал эту Кармен узбекской героиней, похожа она была на одну мамину подругу из Ташкента. Далее. Правее этого трюмо, у южных окон, стоял буфет. Такое чудище: большая толстобёдрая тумбочка, а на ней — башенки из тусклого стекла. В общем-то, если бы эту штуку сделали с любовью, это было бы красивое мебельное сооружение. За буфетом, у западной стены — шкаф. Нынче это называется шифоньер. А тогда был шкаф, у нас — ещё и зеркальный! Открываешь дверку — а там зеркало, и смотришься: ты это или чужой кто в шкаф заглядывает. И были, конечно, стулья. Очень красивые, лёгкие стулья, называемые венскими. Сегодня они будто бы хороших денег стоят, а тогда у всех почти были: умели наши краснодеревщики венские стулья гнуть. Например, и мой дедушка умел! А ещё в этой светёлке было четыре окна. Два на восток и два на юг, между южными висела чёрная тарелка-репродуктор, которая однажды, передавая оперную музыку, загорелась сама собой...

Но я не об этом пожарном случае, а о том, что случилось точно на Рождество. Ну, может быть, за день до него, но никак не после, потому что после

ОДНОРАЛОВ Владимир Иванович — прозаик, поэт, публицист, детский писатель. Автор книг “Окно в сад”, “За грибным царём”, “Свеча Господу”, “Светлячки” и др. Живёт в Оренбурге.

Рождества не могло быть в доме такого покоя, который был тогда (шли бы и шли за гостями гости). Стол, который посередине был, отодвинули ближе к шкафу, а между ним и трюмо поставили ёлку. Ёлка пахла сильно, хвойно, незнакомым каким-то для нашего Форштадта счастьем, чистым и лёгким, какого вообще-то нигде не бывает, только в детстве, да и то не у всех.

А вообще-то у нас в доме всегда было очень чисто. И тепло было всегда. Чем только не топили печи! Углём, дровами, лузгой, корьём каким-то, брикетами, но всегда было тепло — и никто, никакой Чубайс этого тепла запретить не мог. Как, впрочем, и света. Свет у нас время от времени отключался по неисправности, и мы тогда зажигали большие белые свечи и керосиновую лампу.

И вот было в светёлке тепло, чисто, и как бы две ёлки стояло: одна у нас, а вторая — в зеркале трюмо, в какой-то другой, волшебной комнате, лишь похожей на нашу. Перед Рождеством бабушка подарила мне открытку в блестящих, светящуюся в темноте: Иванушка в красной шапке и в красных сапожках, в изумрудном кафтане, румяный и весёлый, летел в чёрном, глубоком небе на красно-буром Коньке-Горбунке с жемчужно-чёрными глазами. Оба они летели во тьме, но не в полной: был там и месяц, и звёзды, и они-то и светились. И я часто проползал к трюмо посмотреть на картинку: ее по общему совету прикрепили над зеркалом, а к трюмо вела ковровая дорожка-половик. Ворсистая, упругая, валяться на ней и по ней ползать было сплошным удовольствием, тем более что ползти нужно было под столом и под ёлкой. А на ёлочке, кроме обычных на сегодняшний день шариков и других блестящих штучек, были ещё бабушкой позолоченные орехи, мандарины в серебряных верёвочках, конфеты просто в нарядных своих одежках. И эти драгоценности можно было потихоньку с ёлки снимать, поэтому бордовая дорожка к светящейся картинке была для меня очень завлекательной.

Это были очень тихие, предрождественские дни. Ещё и папы дома не было. Он служил тогда шофёром в какой-то конторе и, как он говорил, со всей конторой поехал на охоту. Шуршали за окнами бураны, укладывая голубые снега волну за волной, и ничто им не могло препятствовать — ни ворота наши, ни заборы. Мама, юная моя, с молодыми, мерцающими, как снежинки, глазами (всегда готовая рассмеяться всякой шутке), что-то загрустила. Снега валили и валили, мы с бабушкой пробивали тропы к сараю с топкой, к воротам, к скворечнику-туалету, а наутро эти тропы вновь заметались серебром сверкающим, невообразимо чистым снегом. А мама грустила. И понятно: папа был где-то в степи на своём брезентом крытом “виллисе” под всеми этими снегами. И вся надежда у мамы была на то, что победителей фашистов накануне Рождества Господь зиме не выдаст. Как-нибудь сохранит.

И под вечер, буранный и тёмный, когда я уже дремал, забарабанили в ставни, ворота загремели, послышалось фырканье “виллиса” и папин весёлый голос. Приехал! В дом заваливается в клубях пара, румяный, заснеженный, настоящий Дед Мороз. Полушубок снимает, шапку снимает, валенки снимает — и со всего снег сыплется. Сидит у печки на кухне, рядом двустволка со жгуче холодными стволами, довольный, руки отогревает.

— Ну, мать, чего я тебе привёз, ты и думать не мечтаешь, — говорит он, наконец, приносит из сеней мешок, и вытряхивает из этого окровавленного мешка гору убитых зайцев — семь штук! Семь громадных, каждый с меня ростом, русаков с мощными лапами, с громадными раскрытыми глазами, с застрявшими в усах льдинками.

Конечно, и по сей день мне этих зайцев жалко. Они ведь были положительными героями всех наших мультфильмов! А я впервые видел застреленных наших, степных зайцев. Ушастых, с трогательными, в форме сердца хвостами... и у каждого была рана. Кровь на шкуре означала смерть. Юная моя мама и молодой, невредимым вернувшийся с войны папа радовались им как добыче. Жили мы, как все, трудно, и семь заячьих тушек означали сытые зимние праздники, да и шкурки были в цене... Ну, а я к зайцам, конечно, несильно иначе относился. Они же были с меня ростом, с громадными изумлёнными глазами: “Как же, мол, так? Были живы — и на тебе!” Мне представлялось, что выстрел настигал их в прыжке, в полёте, потому и застыли они летящими.

Мама с папой и с бабушкой начали разделывать первого зайца. Мне дали заячий хвост для каких-нибудь игр, но не нужен мне был этот хвост. С тем, что явно убитых зайцев сейчас разделают, я смирился, но я нашёл среди этих семи одного без раны. На нём вообще не было даже следов крови! Он был цел! У него не было смертельной раны. И его длинные задние, крепкие передние лапы, прекрасная холодная шерсть, ладные, не такие уж и длинные уши, выпуклые, спокойные и глубокие глаза... И они говорили, что это обморочный заяц. Это слово “обморочный” — я сам придумал. Я однажды был в обмороке. Меня друг мой Атайка в игре шарахнул “по кумполу” горбылём, и я упал на некоторое время в обморок, хотя и был совершенно целым. Как этот седьмой заяц.

А зайцев между тем разделывали. Их, простите, потрошили, снимали с них шкуру и тому подобное. И какой был бы ужас, если бы мой заяц очнулся вдруг выпотрошенным и без шкуры. А я всё больше уверялся, что седьмой заяц жив. Но — в обмороке. Ведь нет у него раны. И крови на нём нигде нет. Не зная многого, я знал, что если скажу сейчас об этом маме и папе — мол, живой это, оглушённый только заяц, они рассеются, назовут меня глупышкой и найдут — и рану, и невидимую поверх шерсти кровь...

И я не стал, не стал говорить своим счастливым родителям ничего. Я взял обморочного зайца за уши (до сих пор помню нежную шёрстку и холодную плоть его ушей) и тихонько, ползком, уволок его в светёлку. Мама, папа и бабана там чего-то смеялись, а я уволок его и спрятал. Надёжно. Под столом и под ковровой дорожкой. Ведь ему нужно было тепло, чтобы оттаять и очнуться. А уж очнувшегося его ни убивать снова, ни потрошить не будут. Мы с ним почти в обнимку уснули. Он под ковровой дорожкой, а я сверху. И он ожил! И оказался громадным, как небольшая лошадка, зайцем. Он глянул на меня выпуклыми, горячими теперь глазами, я сел на него, как на Конька-Горбунка, и мы сквозь зеркало помчались в звёздное небо, в то самое, в котором летел и Иванушка на своём Коньке. Я даже землю увидел — маленькую; туманный такой голубой клубочек... Но я понимал, что она издала такая, а вообще-то достаточно большая, и дух захватывало...

Утром я, конечно, оказался на месте, в своей постели, на топчане за печкой (самое уютное в доме место!). Зайца под ковровой дорожкой не было. В холодных сенях на большом столе лежали шесть заячьих тушек, а под столом — шесть посыпанных солью шкурок. Седьмого зайца то есть не было! Он ожил и убежал! Как? Ну, как, например, наш кот умеет проникать в закрытый дом и уходить из него. Да и двери мы тогда иногда и не запирали, когда были все дома. Да и папа спросил у меня:

— Сынок, а ты помнишь, сколько было зайцев? Семь или шесть? Я вроде бы помню, что семь, а мама говорит — шесть...

И до сих пор, став уже дедушкой и бабушкой, они спорят, вспоминая то Рождество, сколько было зайцев: шесть или семь? А правду знаю только я. В ту ночь мы с моим седьмым зайцем расстались где-то возле луны.

г. Оренбург

ЕВГЕНИЙ ГРАЧЁВ

РОДНИКОВЫЕ ШТОРЫ

МОКРЫЕ ЯГОДЫ

Там в алмазных дождинках
сияет ночная герань
И на чистом стекле
брызги тёплого ливня и радуги,
На груди у неё
сквозь упругую, мокрую ткань
Выступают как будто
две спелые, сладкие ягоды.
Сбросив платье,
она незаметно подходит к окну,
Что-то ищет у шторы
и дует на пухлые пальчики.
Этот сон для того,
кто настраивал, грустный, струну
Среди шумных солдат
на каком-то забытом вокзальчике.

ГРАЧЁВ Евгений Алексеевич родился на Изнауре в Прихонёрье. Служил в ракетных войсках стратегического назначения на Украине и в Забайкалье. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Работал в редакции газеты "Сельская новь", собственным корреспондентом "Литературной России" в Поволжье, сейчас — ведущий радиопрограмм государственной телерадиокомпании "Саратов". Печатался в журналах "Юность", "Московский вестник", "Невский альманах", "Волга — XXI век", на литературных сайтах России, Эстонии, Германии, Канады. Автор поэтических сборников "Отавушка" (1994), "Падала антоновка в саду" (1995), "Предсказание" (2005), "Легенды Изнаира". Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

РОДНИКОВЫЕ ШТОРЫ

Видно, с неба уронили шторы
На конюшню с рыжим табуном,
На дома, дощатые заборы,
Ельничек и чёрный бурелом.

Пахнут шторы чем-то родниковым,
Свежий, лепестковый аромат.
Как жених поёт в костюме новом,
На реке хрустальный водопад.

Эти шторы с летними дождями,
Алыми тюльпанами в росе.
Что же происходит в жизни с нами?
Знать-то знают, да, увы, не все.

Хорошо, когда в душе начало
Или ожидание любви.
Женщина кому-то прокричала:
“Значит, расстаёмся, не зови!”

Иногда в душе тоска, сомнения,
И неразбериха, и надлом,
И мужчина с болью крикнул: “Ксения!” —
Хлопнул дверью и покинул дом.

Шторы, шторы! Три звезды с луною —
Весь узор во тьме не различить...
Будто кто-то плачет: “Я с тобою”.
Белая с берёз упала нить.

Снег летит, порхает и ложится
На Россию, реки и поля.
Рождество.
В кого могла влюбиться
Неземная странная швея?

ДУША

Взлетают утром души в облака
И, может быть, куда-нибудь повыше.
Заметно, как испуганы слегка
Две тени,
задремавшие на крыше.

Заметно, как становится светлей,
Как первый иней на стекле искрится.
И женщина, которой нет родней,
В маршрутку
у базарчика садится.

Она спешит к нему в больницу, в ПИТ,
К тому, кто ей, наверно, очень нужен,
Он словно Ангел, он как будто спит,
Но сон
к слезам и горю равнодушен.

Заметно, как волнуется она,
Безумный взгляд не отводя от окон.
А в небе будто лопнула струна,
И звук скользнул
и тронул тёплый локон.

За малый срок душа узнает всё,
Грехи кому-то, мелочи прощая.
Вот так незрячий трогает лицо,
Немую боль
по коже ощущая.

Но разве ощущение передашь?
Вот так зародыш бьётся в оболочке...
И падает снежок на город наш,
На белый храм,
на женщину в платочке.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

НОВЕЛЛА

1

В Россию текла боль.

Она с усилием переваливала своё рваное, длинное тело через кособоры, глотая пыль с терриконов и собирая для пропитания колоски среди сторевшей на полях бронетехники. Её саму из последних сил тащили на костылях, толкали в детских колясках и несли спелёнутой на руках. Везли в набитых нехитрым скарбом машинах. Именно по ним, по машинам, и узналось: а боль-то сама по себе бедна, богатые на таких стареньких “жигулях” не ездят.

Её останавливала, пытала и исподтишка пинала на блок-постах родная украинская армия, обвиняя в предательстве и грозя то ли отлучить от родины, то ли наоборот — никуда не выпускать. При этом боль сама могла тысячу раз, ломая шею, сорваться с крутых склонов, свалиться с искорёженных пролётов на разрушенных мостах и навеки остаться на домашней земле под наспех сколоченным крестом. Но всякий раз она находила и находила силы двигаться дальше. Её двужильность удивляла, это нельзя было ни понять, ни объяснить. Особенно тем, кто не видел, с какими муками она рождалась под минами в посёлке Мирном. Как вдоволь, словно про запас, насыщалась слезами в городе Счастье. Как горела днём и ночью в Металлисте. Уродовалась в Роскошном, превращалась в чёрные кровавые сугустки в Радужном,

ИВАНОВ Николай Федорович родился в 1956 году в Брянской области. Закончил Московское суворовское военное училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Воевал в Афганистане, провёл четыре месяца в плену в Чечне. Автор более двадцати книг прозы и драматургии, лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, “Сталинград”, ФСБ России. Сопредседатель правления Союза писателей России. Награждён орденом “За службу Родине в ВС СССР” III ст., медалью “За отвагу”. Живет в Москве.

плавилась в Снежном. Пряталась в тесных подвалах Просторного ради того, чтобы не померк свет, как в Светличном, и рыдала на Весёлой Горе...

Брела, текла по юго-востоку украинская боль — немая, но оттого легко переводимая на любые языки мира. Порой казалось, что это просто мираж Первой мировой, начавшейся таким же жарким летом 14-го года. Но ровно сто лет назад. Та война смела с планеты правых и виноватых, разорвала в клочки империи и загнала в небытие целые династии: ей после первого же выстрела становится всё равно, что засыпать в могилы — любовь или ненависть, добро или зло, счастье или боль.

Боли нынешней тоже не гарантировалась безопасность, и потому она вместе со всеми мечтала лишь об одном — побыстрее увидеть засечную черту. С пограничными вышками. С русскими солдатами на них. Там, за их спинами, за их оружием и могли прекратиться все мучения.

Но не торопилась, не спешила открываться граница. словно оберегая собственный дом от близкой войны, оттягивала и оттягивала засечную черту вглубь России. А может, просто давая людской боли возможность испить свою чашу до дна.

Вот только где оно, дно? Кто его вымерял-выкапывал? Под чей рост и какую силу?

Но не идти, не ползти, не ехать нельзя было, потому что за спиной “градины” от “Града” срезали бритвой деревья. Вспарывали крыши школ и детских садики. Перемалывали в труху бетонные укрытия бомбоубежищ. А смешнее всего войне вдруг оказалось наблюдать за стеклянными ёжиками. Разбиваешь взрывом на мелкие осколки стекла, и они веером сначала впиваются, а потом шевелятся на людях, когда те начинают ползти. Дети ползут — маленький ёжик, старики — ёжик большой. Летом одежды на людях мало, видно всё очень хорошо...

Однако и на эти остатки живого после артиллерии серебристыми коршунами сваливались с неба МиГи и “Сушки”. Из-под их крыльев, как из сот, с шипением вырывались гладко отточенные “нурсы” с единственным желанием — доказать свою военную необходимость, своё умение рвать на куски, сжигать, крушить всё без разбору. Роддом и морг — одновременно. Водозабор и подстанцию — можно по очереди. Церковь, пляж, тюрьма — как получится. На то они и неуправляемые реактивные снаряды.

Вольготно на войне металлу.

Территория Новороссии, при любом исходе битвы уже обозначенная историей как Донецкая и Луганская Народные Республики, могла показаться адом, выжженной, потерявшей рассудок землей. Могла, если бы не ополченец “Моторола”, ломавший плоскогубцами гипс на своей правой руке ради фронтовой свадьбы, ради того, чтобы могла невеста по всем правилам мирной жизни надеть ему обручальное кольцо. Если бы не черепашка, которую нашли ополченцы в разрушенном детском садике и не поставили на довольствие в одном из своих отрядов самообороны. В конце концов, если бы не врачи, во время обстрелов прикрывавшие в реанимации своими телами малышей, которых нельзя было отключать от медицинских аппаратов и переносить в подвал при бомбёжке. А их, врачей, закрывали собой расставленными руками, — чтобы захватить как можно большее пространство, — обезумевшие матери этих недвижимых деток...

С усилением, с кровью, но жили, выживали Луганск и Донецк, хотя и сражались в одиночку. Соседние территории, исторически тоже считавшиеся Малороссией или тяготевшие к ней, не подтянулись, не отвлекли врага хотя бы ложным замахом. Укрылись в глухое молчание Харьков и Николаев. Да, обезглавили сопротивление, заполнили тюрьмы людьми с георгиевскими ленточками, но ведь не на пустом месте родился закон: вчера рано, но завтра — уже поздно!

Отворачивался Днепропетровск. Потеряло удалую казацкую шашку под женскими юбками Запорожье.

Одесса? Город-герой оказался городом-героем всего лишь 50 сожжённых в Доме профсоюзов горожан. В других странах ради одного невинно убиенного вспыхивают народные восстания, мужество же одесситов иссякло вместе

с тайными похоронами этих мучеников. Смолчала Одесса. Не произнесли ни звука и её великие дерibasовские сатирики, ещё вчера поучавшие с экранов телевизоров всех нас достойно жить. Может, еще потому не встала Одесса, потому распылила великое звание “Города-героя”, что в нём с помпой открывали памятники портфелю Жванецкого и нарисованной, брошенной на тротуар под ноги прохожих тени Пушкина, но не ветеранам Великой Отечественной?

А может, ещё встанут? Ещё соберут силы и злость?

Но первый, второй, третий, четвёртый месяц Донбасс и Луганск, которые собранная на майдане в Киеве национальная гвардия вкупе с армией и частными батальонами олигархов обещали раздавить, как колорадских жуков, за десять дней, бились вопреки всем прогнозам. В соотношении 1 к 50. И тем значимее выглядело мужество одиночек, если даже в семимиллионном шахтёрском крае слишком многие посчитали, что война их не касается. Почувствовав эту слабость, власть в Киеве и взвела курок. Полетели “градины”, засветились в ночи начинённые фосфором бомбы, взмыли в небо стальные коршуны. Воевать глаза в глаза с ополченцами украинская армия не смогла, били по площадям, а значит, по невиновным, непричастным и отстранённым тоже.

Потому из Счастья, Мирного, Радужного, Славянска, легендарного “молодогвардейского” Краснодона, Шахтёрска, Ясиноватой, Дебальцево вытянулись колонны уходящих от войны людей. В Россию. К “агрессорам”, как объявили русских в Украине.

Вместе с беженцами потекла и боль. Никого не спросясь, ни с кем не посоветовавшись, она просто проникла в одежды, в глаза, в кожу, в сознание, в слова, в мысли, даже в сны людей, идущих к засечной черте.

2

Я ехал навстречу этой боли на БМП — универсальной, сотворённой для вёрткого, скоротечного боя боевой машине пехоты.

Её тонкие, изящные, словно только что вышедшие из-под педикюра траки легко сдирали мшистый слой дёрна вдоль просеки, ведущей к границе. Но я стучу ногой по левому плечу торчавшего из люка механика-водителя — сворачивай в эту сторону. У меня нет погон, камуфляж без опознавательных знаков, но бойцы слушаются, как безоговорочно подчиняются в незнакомой местности проводникам. Собственно, я и вывожу войска на самую удобную с военной точки зрения позицию. Сейчас ещё левее, потом рывок через выросший самосевом лесок...

Вообще-то я ехал в родные края в отпуск, а не водить колонны. Но в очередной раз грустно подтвердилось, что в нашей огромной стране, при её огромной армии воюют, выходят на острие событий одни и те же люди: что в Афгане, что в Чечне, что в Цхинвале я встречал в окопах одних и тех же офицеров. И даже здесь, в медвежьем углу брянского леса (древнее название города Дебрянск произошло как раз из-за непроходимых дебрей) нос к носу столкнулся на просёлочной дороге со знакомым полковником с Урала. Знать, не только Одессу и Донецк победило телевидение, если даже у нашей армии нет длинной скамейки запасных...

— Извини, нам пора, — дёрнул щекой через пару минут после встречи уралец.

Приказ для стоявшей за его спиной войсковой группировки уже знаю — вылезти из капониров, в которые пришедшие из глубины страны бойцы зарывали себя и технику последние три дня. И не просто снять маскировку, а обозначить себя как можно ярче в непосредственной близости от границы. Порадовался: неужели руководству страны наконец-то надоело прятаться на собственной территории и делать перед заграницей вид, что не ведаем о перемещениях своих войск?

— Свои тапки в своей хате ставлю хоть под лавкой, хоть на печку, — перевёл дипломатию и военный приказ на житейский язык уралец.

А я успеваю увидеть на его карте отметку около своего родного села. И хотя держал в уме и дальнюю, а потому, скорее всего, более верную при-

чину проснувшейся активности — оттянуть от Новороссии на этот участок границы войска украинской армии, помочь мужикам из ополчения хотя бы таким, косвенным образом — встаю перед другом-полковником по стойке “смирно”. Отдаю честь: готов быть рядом. Слов в данном случае не требуется, и командир кивает на головной “тапок” — залезай и рули.

Лишнего шлема со связью нет, рулю колонной по-афгански — ногами. Впереди до размеров солдат вырастают из-под земли боровички в зелёных касках и с оружием, перевязанным пропитанными зелёнкой бинтами, чтобы не блестели стволы среди зелёнки. Снимают с рогатин перегородившую нам дорогу длинную осину со срезанной через равные промежутки корой — чем не шлагбаум! При скорости начинают хлестать нависшие над дорогой ветки и приходит осознание полной зависимости нашего мира от случайностей: когда-то кого-то не отхлестали розгами по заднице, мальчики выросли, стали никудышными политиками, и вот теперь ветки бьют нас. Уже по лицу.

Благо, наша “гусянка” быстроходна и грудью вперёд, урча от скрытой мощи, вырывается из самосевки на простор. Под бинокли замерших на сопредельной стороне украинских пограничников.

Цыганочка с выходом.

Мазурка.

Барыня.

Гопак, в конце концов!

А лучше всего вальс. Но севастопольский! Он только что, этой весной прозвучал для России, и весь мир в оцепенении осознал её величие и силу: когда возродилась “Рашка”, когда вышла из-под послушания немытая Россия? Ведь к слабым целыми полуостровами не уходят!

И вот эта сила здесь. И я первым, помня о Новороссии, готов показать припавшим к окулярам украинским пограничникам, что сила эта сумасшедшая и могу ударить механика-водителя и правой ногой, направляя колонну на границу. Через засечную черту. Горючки почти до Киева! На стволах пушек — чехлы, но они скорее от пыли: 100-мм снаряды со скорострельностью 15 выстрелов в минуту прошьют ткань, не заметив этого. А рядышком — автоматическая пушка на 330 выстрелов в минуту. Под локтем гранатомет “Балкан” со скорострельностью уже 400–500 выстрелов в те же 60 секунд. Если в бинокль вдруг не видно, добавляйте на веру ещё два комплекса — для уничтожения вертолётов и выноса мозгов танкам. Вместе с экипажами. Ну, и куда без родных крупнокалиберных танковых пулеметов. Они — классика жанра. И всё это подо мной, под башней, на которой я восседаю царём на троне. В чреве только одной “гусянки”. А их пылит сзади с десантом на броне... Брррр. Бойтесь, ребята. Или хотя бы просто доложите наверх про наш демарш. Войной, конечно, не пойдём, но вдруг наш откровенный танец хоть немного заставит Киев задуматься о безнаказанности. Поможет притушить вашу же, украинскую боль, текущую в Россию за сотни километров отсюда. А может, как в былые времена, станцует вместе? Ради будущего. Оно ведь всё равно настанет, на Луну друг от друга не улетим. А вот Америка останется за океаном, его не выпьешь. Так что приглашаем! Пройдём по острию каната, как шутят в армии. Училища-то заканчивали одни и те же, ещё пока есть за что зацепиться в общем прошлом. В нём не называли презрительно фронтовиков колорадами, портрет приспешника фашистов Бандеры не висел образцом нации в государственных кабинетах, от русской речи скулы не сводило...

Проносимся мимо заброшенного колхозного сада, больше похожего на недоеное стадо коров, стоящее по колено в бурьяне. Десанту хочется яблок, лето с зеленью, ягодами и фруктами проходит мимо них, но скользят, елозят по броне малые саперные лопатки, притороченные к солдатским ремням. Для бойца неизменно правило — окоп раньше еды. Обустроимся, а потом можно и яблочек, даже молодильных, поискать.

Рывок на скорости недолгий — пошли рытвины от плугов. Они перед нашим сельским кладбищем и словно тормозят ретивых — к нам торошиться не надо. Не будем. Там уже лежат моя бабушка, первая учительница, облучившийся в Чернобыле друг. Стволы синхронно, как на плац-параде,

кланяются их могилам, и вслед за оружием, вроде бы просто потому что качка, кланяюсь и я. Вот, привёл защиту. Теперь можете лежать спокойно. Может, и хорошо, что не дожили до таких времён...

Кладбище — самое высокое место в округе, в кустарнике рядом с ним можно укрыться, а вот обзор на все 360 градусов. Прекрасна и связь, из села народ сюда ходит звонить и в Москву, и в Киев: оказавшись практически на равных расстояниях от столиц, мы и разъезжались по ним за лучшей долей тоже почти поровну...

Командиру неведомы мои переживания, привычно отдаёт распоряжения. Солдаты, то ли дурачься, то ли потому что по-иному не получалось, повернули бээмпешки к границе задом, в охотку погазовали и юркнули нашкодившими котятками в тень от деревьев.

Но не котята, конечно. Украина зазывает к себе всех, кто мог бы наказать, проучить, просто укусить Россию. Она готова стать плацдармом, подносить спички, снаряды, чтобы запольхало и у нас. В конце концов, выколоть самой себе глаз только ради того, чтобы у России был кривой сосед.

Потому и замерли на сельском кладбище БМП, по-китайски прищуривая от пыли глаза-триплексы. Целые и невредимые.

Командирам прищуриваться некогда.

— Это, случаем, не ваши? — полковник кивает на дубки, редкой стёжкой отделявшей наши деревенские поля от украинских наделов.

К ним на всех парах неслась запряжённая в телегу лошадка. То, что в селе занимались контрабандой, не видела только полиция, но с приходом армейцев ситуация, конечно, изменится. Надо предупредить земляков, чтобы зачехляли свой “контрабас” от греха подальше.

Командир понимает, что даже спрятанных под броней 660 “лошадей” не хватит догнать телегу из контрабанды, дёргает щекой: хорошо, но это последняя. Потому, как он теперь главный на этом клочке России и отвечает за всё происходящее здесь. А точнее, за то, чтобы на нём ничего не происходило.

3

— Вроде пронесло.

Стёпка Палаш притормозил Орлика, вывернул шею. Танки не гнались, и он подмигнул лежавшему в телеге Кольке Трояку: вот так мы их по-партизански.

Но тут же затушевал мысли, вновь вскинув вожжи. Трояк в войну пусть и по малолетству, но числился в полициях, и, хотя отсидел за свою белую повязку сполна, при нём прошлое в селе старались не ворошить, щадили самолюбие.

Да только не объехать сегодня прошлое ни на Орлике, ни на кривой козе — вспомнится. Потому что ехали за сватом Трояка — Федькой, умершим вчера на Украине. Последним сельским партизаном. Кто теперь будет красить в селе памятник серебрянкой перед 9 Мая? Когда по приходу немцев Кольку записали в полицию, Фёдор подался в лес. Жалел-завидовал потом Степан, что в это время совсем пацаном был, а то бы тоже, конечно, взял в руки оружие. И тоже имел бы потом все льготы ветерана и почести.

А вот Победа одного и тюремный срок другого так и не примирили бывших друзей одноклассников. Даже свадьба старшего сына Фёдора Максими́ча за девкой Трояка не посадила их за один стол.

— Ты что творишь? Хочешь, чтобы внуки были полицейскими? — метал громы и молнии Фёдор перед свадьбой.

— Люблю я её. А внуки будут партизанские! — не отступился сын.

Характером вылился весь в батю. А потому и первым из района поехал закрывать Чернобыль...

— Хороший человек был Федька. Замысловатый, но не вредный, — опять нарушил молчание Степан.

Трояк согласно кивнул головой, хотя отношения сватьёв секретом ни для кого не являлись. А может, подакнул всего лишь одному слову — “замысловатый”: кто узнает мысли соседа, даже если ехать с ним в одной телеге?

— А от чего они, тромбы, отрываются? — не отпускали Степана мысли о покойном.

— Всё в организме от нервов, — пожал свободным плечом Трояк из своего лежбища в сене.

— Ещё хорошо, что позвонили оттуда. А то по нынешним временам могли просто в яму скинуть.

— Главное, вывезти.

— Вывезем. Давай, Орлик, давай, милый, — подхлестнул Степан коня, вставшего перед крутой насыпью украинской трассы.

Четырёхметровый ров, как в других местах, здесь хватило ума не рыть, колючую проволоку не натянули, а пограничников к каждому кусту не приставишь. Так что если не шуметь, то проскочить можно, контрабанду так и перекидывают, не спрашивая национальности.

Но Орлик скосил сливовый глаз, перебрал перед препятствием в неуверенности ногами, и мужикам пришлось спрыгнуть с телеги. Палаш взял коня за узды, потащил за собой наверх, Трояк упёрся в телегу сзади. Внатяг, все трое припадая на колени, но взяли пограничный рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Фёдора вряд ли получится, сами свалят его в яму. А это грех несусветный, чтобы живые роняли мёртвых. Так что возвращаться придётся официально, длинной дорогой через пограничный пост.

Город знали, как собственное село: чай, пожили без границ, а поскольку Украина была значительно ближе собственного райцентра, то и в магазины, на поезда, в больницы ходили-ездили сюда. Без подсказок разыскали и морг. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке и впустили в прохладный, матово освещённый барак: забирайте, который ваш.

Фёдор лежал на крайнем топчане. Заострившийся нос, выступивший вперёд подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. На пиджаке висели колодки от медалей, но без самих кругляшей. На правой стороне, где по праздникам всегда красовался орден Отечественной войны, раной зияла рваная дыра.

— Как поступил, так всё и есть, — толстенький санитар, не дождавшийся подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесётся золотое яичко на обед...

Деда затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному.

— Бери за ноги, — скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Трояк взялся за туфли. Они скользили, одеревеневшие ноги Фёдора норовили хотя бы ещё раз коснуться земли. На телеге порядок заранее не навели, и пришлось расправлять сбитую попону уже под умершим, чтобы ехалось ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело предусмотрительно прихваченной простышкой и тихонько тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Фёдора с фотографией на паспорте, бдительно ощупали сено под покойным, долго созванивались по телефону и в конце концов дали от ворот поворот:

— Вы нигде не переходили границу официально, а этот, — кивнули на телегу с умиротворённо лежащим Фёдором Максимовичем, — должен идти уже как груз. Через таможеню. Надо декларировать.

— Да вы что, ребята? Домой же везём. Человек умер, — опешил Степан, взявший на себя роль переговорщика.

— А откуда мы знаем, где и как умер? Может, возите специально, выведывая секреты.

— Какие секреты? — простодушно не понял Степан.

— Ну, железная дорога рядом. Да мало ли, что задумали. Вон, мотаетесь на танках вдоль границы. Что у вас на уме, откуда нам знать. Давайте назад, пока лошадь не конфисковали. Или ищите, какие хотите, справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками коридоре.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Степан, стыдясь своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Трояк тоже прятал глаза. А вот с лица Фёдора Максимовича покрывало на разбитой дороге сползало раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать его седые волосы.

— Слава Украине!

— Героям слава! — вдруг раздалась из узкой полосы парка, тянувшегося вдоль дороги, знакомая по телевизору речёвка.

— Кто не скаче, той москаль.

— Про нас, Колька, — с грустной усмешкой посмотрел на попутчика Палаш. На телегу пока не сажались, шли рядом с покойным. Но ускорили шаг, подстегнув вожжами Орлика — от греха подальше.

— Москаляку на гияляку.

— Что такое гияляка? — уже не без тревоги полубопытствовал Степан. Трояк сидел свой срок на Украине, за столько-то лет язык поневоле выучишь.

— Виселица.

Степан проворно вспрыгнул на телегу, кивнул напарнику — поехали отсюда.

— Хотя правильнее — шибениця, — попытался успокоить Трояк, словно на ней, шибенице, висеть приятнее, чем на гияляке.

А шум митинга нарастал, впереди через низенькую ограду стали перепрыгивать люди, пробуя останавливать машины. Первые успели увернуться, но толпа густела, и перед Орликом улицу, наконец, закупирили.

— Кто не скаче, той москаль, хто не скаче, той москаль, — запрыгала вокруг машин молодёжь.

Орлик задёргался, не понимая шума, а тут и к экзотическому транспортному средству подскочило несколько человек.

— Хлопці, кінь не скаче. Москалюка. Треба конфіскувати. На донецький фронт.

— Або нехай за него скачуть діди.

Степана и Трояка оторвали от телеги, задёргали, вовлекая в общий ритм скачки. Палаш несколько раз подпрыгнул, лишь бы отстали и не принялись потешаться над телом соседа. Да и с какого рожна отдавать им лошадь.

Его дряблых скачков оказалось достаточно, чтобы сойти за своего, а вот Трояк встал как вкопанный. Как Орлик. Но тому нельзя падать на колени, на них у него с рождения белые звёздочки, сразу замарают...

— Слава Украине! — принялись кричать в лицо деду пацаны с накрученными на руки цепями, требуя ответа.

“Фёдоров слава”, — вдруг произнёс про себя Трояк.

Наверное, ему ничего не стоило, как Палаш, два раза подпрыгнуть и уехать восвояси. Но жизнь, прожитая после войны на задворках, без права голоса, сейчас словно давала ему шанс начать ее последний остаток с чистого листа. Да-да, здесь, сейчас его не просто заставляли скакать бараном посреди улицы. Через 75 лет после начала войны ему вновь предстоял выбор. Возможность исправить трагическую ошибку юности. Обрести хотя бы на старости лет собственное достоинство. Пожить днём, с людьми, а не прятаться от из взглядов десятилетиями в ночных сторожах. А Фёдор, даже мёртвый, завёрнутый в попону, был судьёй, он из своего небесного далека словно готов был поверить, что тогда, после седьмого класса, произошла нелепая ошибка...

— Скачи! — нетерпеливо толкали Трояка. — Скачи, москаляка.

Из-за прыгающих тел строил страдальческую мину Степан — да прыгни ты, что взять с идиотов. Но Колька Трояк не трогался с места. Его уже толкали в спину, били картуз, и центр сборища, предчувствуя жертву, стал перемещаться к телеге, а он оставался нем и недвижим. Стало понятно, в какую катавасию попал перед смертью и Фёдор, как сорвали у него ордена...

— Да хлопцы, хлопцы, — порывался защитить друга Степан. — Он же глухонемой. Немой и глухой.

И как последнее спасение, сорвал простынь: не глумитесь при покойнике, не берите грех на душу. Простынь висела в поднятой руке белым флагом, он мог развести стороны, но в эту секунду Трояк, словно боясь опоздать, вдруг запел. Он помнил, когда пел на людях последний раз — в школьном хоре на Первомай, перед самой войной. Потом миллионы раз про себя в тюрьме и длинными ночами долгие годы при работе сторожем в колхозе.

А сейчас, на удивление толпе, самому себе, а более всего — Степану, негромко напел вслух:

— *Ой у гаю, при Дунаю
Соловей щибече.
Він же свою всю пташину
До гніздечка кличе...*

— Да какой же он глухонемой? — замерла толпа, сама наполовину говорившая по-русски.

Однако песня звучала украинская, на телеге лежал покойник, и постепенно, отвлекаясь на другое, люди стали отходить. Первым развернулся парень с белым котёнком на плече, последним отошёл вояка с накрученной на рукавицу цепью. “Эх, такое бы на ведро, таскать воду из колодца”, — мимоходом отметил Степан. А то и впрямь, приходится верёвкой...

Слух о почившем достиг передних рядов, и не сразу, по одной машине, но затор стал рассасываться. Вслед Орлику свистнули, не без этого. Но именно лошади, а не умершему, — даже молодёжь озверела не до конца. В глазах Трояка стояли слёзы, он вытирал их истоптанным в пыли картузом, и Паша сочувственно тронул попутчика, готовый разделить его боль от ударов.

Только дед Коля Троячный не мог сдержать слёз не от боли, а от опустошившей его гордости. От забытой радости. От того, что выстоял, не запрыгал старым козлом. Что не сдался даже при поднятом белом флаге. И что теперь мог впервые за семь десятилетий долго, не отводя взгляд, смотреть в лицо свату: “Здравствуй, Фёдор. Вот так оно получилось. Спасибо тебе”.

— Как ты их! — поднял зажатую в кулаке вожжу Степан. — А я того... чтоб быстрее вырваться, — оправдался за себя, хотя деду Коле чужого не требовалось. — Запрыгивай. Но, милый. Домой, Орлик. А мы ещё побачим, хто и как будет скакать на морозе без газа. У нас цыплят по осени считают...

Подъехав к месту, где утром выбирались с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на лошади, а на деле выжидаая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало поторопиться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадь. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Дед Коля тоже спрыгнул с телеги, вдвоём оглядели место спуска. Степан на правах возницы вздохнул:

— Можем перевернуть. Придётся переносить на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будьяльях старой травы. Как ни старались удержать Фёдора на весу, уронили. На трассе заурчала машина, и мужикам пришлось лечь, прикрывая покойного собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.

— За нас умер, — вдруг произнёс Степан. И хотя Николай не спорил, упрямо кивнул: — За нас. Мы жили — а он работал. Горел. Не было лучше соседа...

Степан словно тоже просил прощения у покойного за все споры и насмешки, случившиеся на долгом соседском пути-житии. А может, и за невольный белый флаг перед теми, кто убил Фёдора Максимовича. Легче было промолчать, никто не требовал оценок и подведения итогов, но это на похоронах, при стечении народа есть возможность укрыться за спинами других, а когда остаёшься один на один с умершим, совесть беспощадна и заставляет каяться.

— От совести умер, — подытожил Степан.

Троячный согласно примерил услышанное к свату. Глаза и рот у того от тряски приоткрылись, и он наложил ладонь на веки свату. Затем оторвал по кругу, лентой низ у своей рубахи, подвязал покойному челюсть, закрывая рот. Дела скорбные, но житейские, и кому-то требовалось заниматься и этим. Он, Николай Иванович Троячный, проводит в последний путь истрепавшего ему все нервы родственника с честью и достоинством. А памятник ко Дню Победы покрасят звуки. Может, конечно, и сам, но как посмотрят люди? А вот внукам скажет, чтобы приехали. На Украине, вон, похоже, этого не сделали...

— Опять они? — полковник недоумённо оглядывается на меня.

Если ему отвечать за безопасность границы, то за безумие на ней жителей близлежащих сёл объясняться, видать, мне. Щека у друга снова дёргается, это нервный тик и, скорее всего, от контузии. Где успел поймать её?

Около дубков угадывалась понурая лошадка. К телеге, оглядываясь, тащили по траве тюк двое мужиков.

Бинокль приближает границу до вытянутой руки, и по белым звёздочкам на коленях легко узнаю Орлика, едва ли не последнего из оставшегося в селе коня. Его погоняют веткой Стёпка Палаш и Колька Трояк, бывшие уже дедами даже в моём детстве. Странно, на границу моталась обычно молодёжь...

— Проверить, — отдаёт команду для головной машины полковник.

Остаюсь на броне и единственное, чем помогаю землякам — “рулю” так, чтобы пыль уходила в сторону от телеги. Только бы не везли ничего запрещённого.

Везли... мёртвого. Из старой попоны, свёрнутой тюком, торчали ноги, и командир оглянулся на меня: ты что-нибудь понимаешь?

— Дед Федя того... песня спелась, — начал доклад Стёпка Палаш, выделив из всего десанта в командиры человека с биноклем. И это правильно. У кого бинокль, тот главнее всех.

— Тромб оторвался, — не забыл диагноз дед Коля. — На Украине.

Он перевёл взгляд на меня, на лице мелькнуло удивление, он недоверчиво обернулся за подтверждением догадки к напарнику. Я это, дед Коля, я. Между прочим, везу приветы и фотокарточку от вашего внука-курсанта. Через месяц ему на погону упадут лейтенантские звезды, и он займёт место в одной из таких же боевых машин. Только вот имя покойного...

Спрыгиваю с брони. Непроизвольно задерживая себя, трогаю мокрые бока лошади. Из детства всплывает отцовское предостережение: потных лошадей не поить, прежде надо давать им остыть. Тем более, тянет прохладным ветерком. Чересседельник совсем истончился, а вот ступицы в колёсах можно было бы и смазать. Или солидола теперь днём с огнём? И, кстати, совсем необязательно, что это “мой” дед Федя. Человека два-три с этим именем в селе точно ещё есть...

— С мамкой твоей... — первой же фразой рассеивает надежды Стёпка Палаш, и я трогаю под пыльной простыней торчавшее острое плечо. Дед Коля, заглядывая под покрывало, развязывает какой-то узел около лица покойного, словно не желая открывать и показывать его лицо в неприглядном виде. Вытаскивает повязку, приоткрывает простынь.

Он.

— Как? Почему оказался там?

— Командир его умер, поехал к нему на похороны. Да при наградах, как положено. А там, видать, это как раз и не положено. Налетели скачущие. Может, и не тромб — сердце оборвалось...

Он ещё что-то говорил, а я всматривался в знакомое, хотя и небритое, осунувшееся лицо старого партизана. Он воевал вместе с моей мамой в отряде, которым командовал её отец. Однажды в окружении, когда не осталось надежд вырваться, бабушка свою дочь и самого юного из разведчиков Федю вместе с ранеными отправил через болото. А сам повёл отряд на прорыв в другом месте, отвлекая на себя немцев. Погиб, когда поднимал партизан в атаку и закричал “ура”. Пуля попала в горло, она словно хотела остановить этот клич — клич отваги и победы...

Когда я оказался в плену в Чечне и за меня затребовали миллион долларов выкупа, и люди понесли родителям деньги — кто сто рублей, кто пятьдесят, дед Федя вместо живых денег принёс баночку краски:

— Вот, хотел бабке своей крест на могиле обновить, но пусть полежит под старым. А тут, ежели краску продать, какая-никакая, а копейка появится. Вдруг её-то как раз и не будет хватать на освобождение...

И вот дед Федя лежит передо мной на старой скрипучей телеге с вырванными медалями. Живой он не только хранил память о войне и погибших односельчанах. Он, как тогда при прорыве, словно прикрывал собой ещё и маму. Теперь, выходит, она осталась крайней, последней из отряда...

Господи, как всё вдруг сошлось около деревенской телеги. И боль, что текла из Украины в Россию далеко-далеко отсюда и, казалось, не затронет меня живую, вдруг выцелила острием в самое сердце. Дотянулась через сотни километров, отыскала меня среди перелесков, пронзила, заставила бес- сильно замереть. И я со своей — не своей колонной, опоздавший на какие- то сутки. А вась бы наш проезд утихомирил горячие головы там, за дубками, вдруг непреодолимой стеной разделившими всех, кроме контрабандистов.

Зашелестела в голос трава у колен. Ветер от дубков, легко разогнавшись по чистому полю, упруго ударил в спины. Вихрю они препятствием не послужили, ему бы мчаться дальше, но он почемучу-то закрутился юлой вокруг нас, психом расшвыривая из телеги соломенную подстилку. Орлик тревожно зафыркал, и Степан, преодолевая сопротивление, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Дед Коля навалился на телегу, вцепился в свата, — то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вознести умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, захромыхало, потемнело вокруг, завылло.

— Давайте к нам, — позвал полковник в десантный люк.

Но я остался со стариками. Повторяя Трояка, навалился на телегу, за- крывая собой деда Федю. Что уже натворил смерч на украинской стороне, нам было неизвестно, требовалось сберечь своё — живых и мёртвых.

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Нам время в любом случае показалось в два раза дольше...

Первым и пришёл в себя он — зафыркал, словно очищая забитый пы- лью рот. Унялась у ног омытая трава. И солнце вновь заластилось с неба: “Ничего не помню, ничего не знаю, не при мне было”. Подняли головы на меня и старики: что это было? Американский торнадо, подчиняющий себе всё? Он такой, он вечно готов свалиться туда, где ещё минуту назад свети- ло солнце, чтобы перекурочить, разметать, сломать мирную жизнь. Не зна- ем, как на Украине, а вот мы выстояли! И никого не сдали...

Спрыгнул с БМП, удерживая от тика щёку, полковник. Неожиданно сде- дал то, что обаяно было исходить, наверное, от меня — перекрестился. Знать, повидал и прочувствовал за время нашей разлуки что-то более значи- мое в этой жизни.

— Я уведу броню в другое место, — прошептал затем только для мо- их ушей.

Зачем?

Но он уже подтолкнул меня плечом — ещё наверняка увидимся. Вспрыг- нул с разбега на острую грудь машины, отдал команду, и та осторожно, что- бы не испугать лошадь, развернулась, ушла виражом к кладбищу. За ней, как за вожакон, начала вылетать из засады и выстраиваться журавлиным клином остальная “гусянка”. Не закурькала — ревела моторами на греш- ной земле. Оно и правильно: что бы ни летало в небе, земля остаётся у тех, чей стоит на ней пехотинец. А я для них всё же лучшее в округе место вы- брал. И какая защита была родному селу!

Но бронеколонна истончалась, исчезала в самосевке, и вдруг меня прон- зило: а ведь командир уводил не просто свой клин. Он уводил от могил мо- их родных и близких, к которым я ненароком, думая только о военной вы- годе, привёл войну. Словно заглянув в неведомые мне глубины, полковник распознал какую-то неправильность сделанного мной и теперь прикрывал не только страну, выделенный ему участок границы с моим селом, но и лично меня. Уралец оказался мудрее на ту самую контузию, которую заполучил без меня на одной из войн.

И как совсем недавно я кивал могилам родных с брони БМП, кланяюсь незаметно вслед исчезающей колонне. Спасибо. И... и тем не менее, всё рав- но! — танцуйте, мужики. Танго!

Лезгинку. Краковяк. Жемжурку!

Танцуйте без усталости, с полной отдачей, пусть даже ради других — как только и может русский солдат. Потому что наша телега с дедом Федей — она тоже из той, общей боли, что течёт к нам с юго-востока. И как желал командир, но как пока не будет на самом деле — пусть окажется последней.

— Но, милый, — тронул Орлика Палаш.

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

* * *

Вот и кончился век,
Дотянул, старина, до заката
И сгорел, полыхнув
Фейерверком прощальных огней.
И летит серый снег,
Как Везувия пепел когда-то,
Хороня с головой
Каждый дом деревеньки моей.

А домов в ней не счесть —
Целых три на лесную Помпею.
Правда, тот без дверей,
У другого — ни рам, ни полов.
А в моём — даже печь,
Он пока не подвластен Борею
И пригоден вполне
Как прибежище грусти и снов.

А календы метут,
А недели под окнами плачут,
И негромкий огонь
Не пытается их превозмочь.
Я бы здесь не вздыхал,
Но никак не могу я иначе:
Я за снами сюда
Прихожу почти каждую ночь.

Я чуть-чуть посижу
И исчезну среди снеговья,
Понесу свои сны
В городские чужие края.
А она будет ждать —
Не открытая мною Помпея,
Не открытая солнцу
Ночная столица моя.

А она в забытии
Станет прошлым и будущим
Бредить,
В потаённых углах
Безнадёжно надежды тая.
И бродить меж домов
Будут белые духи-медведи,

Шатунами годов
Карауля меня.
Ну, а я?..

Я ещё прибегу.
Я ещё упаду на колени.
Я ещё этот снег
Разметаю до самых небес...
Но откроются мне
Только к стенам приросшие тени,
Да откликнется мне
Только горьким безмолвием лес.

ДОМОВЫЕ

За Чёрным мысом, где клубятся ели
И смотрят звёзды в чёрный окоём,
Они устало у костра сидели
И что-то пели грустно о своём.

От песни этой сумрачной и древней
Сникали травы в тишине лесной,
И только где-то призраки деревни
Дрожали миражами за спиной.

И только где-то на погосте старом,
Сокрытые годами и листвою,
Вставали тени белые по парам
И горько в такт кивали головой.

Их голоса кружил по долу ветер
Среди деревьев тёмных и чужих...
Нет ничего печальнее на свете,
Чем песня трёх бездомных домовых.

В ПОЛНОЛУНИЕ

Поднимусь и выйду в сени,
Окунусь в холодный свет.
Ни-ко-го...
Лишь две-три тени
Гонит ветром в сельсовет.

Лишь невидимый на горке,
Чуть мерцающая огоньком,
Дед Филипп, обув опорки,
В рукава дымит тайком.

Пус-то-та...
Как после боя...
Только полночь всё равно
Крутит старое, немое
Чёрно-белое кино.

Пляшет лунная дорожка,
И по ней поверх травы
В никуда летит Тимошка —
Тракторист без головы.

Ти-ши-на...
Лишь эхом боли
Разбудить пытаюсь мир,
Ржавый ключ радистки Поли
Выбивает "SOS" в эфир.

г. Калуга

АНДРЕЙ КРЕСТИНИН

О РУССКОМ

На кухоньке тесной, где есть огурцы —
Солёные, с хрустом, —
Где пели и спорили наши отцы,
Пошепчем о русском.
О том, что зима наша будет теплей,
А лето — дождливей.
Чиновники стали корыстнее, злей,
Хитрее и лживей.
О том, что больны мы растратою дней,
Распутицей пьянства.
И просим у Господа вместо детей
Удобства и яства.
Всё меньше нас в мире, и кажется, что
Живём в Москвостане.
И наши слова — как вода в решето,
А петь — перестали.
“Наверх, вы, товарищи, — все по местам!”
Неужто забыли?..
И будто бы эхом гудит Москвостан:
“Вы были, вы — были...”
И надо признать, что настала пора
Задаться вопросом:
“Нам быть иль не быть, если жизнь не игра,
А путь над откосом?..”
Вот свет отключили — сидим до утра
При месяце тусклом.
Что солнцу и нам подниматься пора —
Воскликнем на русском!

* * *

Я житель Проклятой деревни,
Где старики сошли с ума,
И ветром валяются деревья
На деревянные дома,

Где невозможно жить
без водки.
И с водкой — вряд ли проживёшь.
У мужиков остались глотки,
А на столе — стакан и нож.

И чучело на огороде
С забавным прозвищем “Чума”

Стоит весь день,
А ночью — ходит,
Не знает, как сойти с ума.

* * *

Сегодня я просто гуляю.
Сухую листву ворошу,
Хор-р-рошего Ваньку валяю,
О жизни своей не тужу.

Тугой воробьиной картечью
Стреляет прозрачный денёк.
Обнюхав тропу человечью,
Котёнок в засаде залёг.

Не ешь меня, рыжий котёнок.
Не бейте меня, воробьи.
Красавица в клёвых варёнках,
Меня ни за что — полюби!

Сегодня я просто гуляю,
А больше гулять не пойду.
Последнего Ваньку сваяю,
Последний денёк украду!

*г. Чаплыгин
Липецкой области*

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

ДАЛЁКОЕ

Ах, июль...
Золочёные стёжки!..
Неба, солнца и воздуха смесь...
Мы подроем на поле картошки,
Будем печь их в жестянке и есть.

Ни упрёка не будет, ни вздоха.
Подрывать — это не воровать!
До чего же прекрасна эпоха,
Если эту эпоху не знать.

Вот сидим мы, сопливые люди,
У ночного степного костра,
И луна в оловянной полуде —
И строга, и чиста, и мудра —

Озирает нас пристальным оком,
Брызжет синей росой по меже,
И рождается мысль о высоком,
О сакральном почти.
О душе.

Ленинградская область

ОЛЕГ МОШНИКОВ

ПЕТРОВ ЗАВОД

Безглавый силуэт собора
В знобящей памяти живёт...
Прославленный заводом город
Готовит к сносу Царь-завод.

Уже за вывеской сиротской
Сторожевой в почёте труд,
И зябче мгла Петрозаводска
Без огоньков кирпичных труб.

Что было для России важно,
Бездумно рушится — меж тем,
Неоценима, непродажна
Былая слава отчих стен:

Их можно только раскурочить!
Как низко ставится сейчас
Честь — называть себя рабочим,
И вымирать, как жалкий класс...

Разъяты рёбра арматуры,
Раствора вырваны куски...
На стенобитные халтуры
Идут смурные мужики.

До глаз натянуты шапейки.
Клубится пыльной тучей хлам —
Богатство тех, на чьи копейки
Был заводской построен храм,

И выжил, выстояв музеем,
Гонимой верою спасён...
Плывёт по нынешней Расее,
По корпусам пустым трезвон.

“Иной резон, иная мода”, —
Щепотью собраны персты...
С цехов Петровского завода
Сбивают тяжкие кресты!

* * *

Картофель финский везут в село,
Курей голландских — знать, дело швах:
Людей немало с земли ушло,
Когда бы в город — смотреть “Аншлаг”...

Пустеют маленькие города.
Гудят — в репейнике — ветряки...
Когда не смеяться до слёз — тогда
Россия наша умрёт с тоски

Под Богом, забором, чужим столом
С сивушной стопкой — да мимо губ...
А на иконе в углу пустом,
В глазах Господних — такая глубь...

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ

РУССКИЙ КРЫМ

Игорю Кочетову

О, Русская земля — шагреневая кожа!..
В безмерности твоей немеет мысли взор.
Где древний Крым, с святой землёю схожий,
Нам Византии дал и глубины простор.

Дарован нам небесным провиденьем,
Суровой красотой возвысил отчий дух.
Как Пушкина любовь, был вольным упоеньем,
И твой огонь Креста доныне не потух.

О, Крым! Ты колыбель искусства и Эллады,
В закатах золотых твоя струится кровь.
Ты в душах северных пребудешь райским садом.
К познанию горнему ты пробуждал любовь.

Ты в нас живёшь такой тоской и страстью...
И вновь воскрес Потёмкинский завет.
Благословляешь нас неизреченным счастьем,
И мы храним тебя над бездорожьем лет.

Мы помним прадедов, в Крыму сложивших кости,
Поэтов, воинов и зодчих голоса!
Мы не случайные в твоих ладонях гости,
Мы братья вечности без меры и конца.

И сонм художников к твоей земле влечётся,
Для сердца русского ты Божие чело,
И волей тайною волна морская бьётся,
И мы летим сквозь времени жерло.

ЕЛЕНА ЩЕРБАКОВА

* * *

И к вечеру не смысл последний дождь позора —
Осенних тополей подкрашенную жуть,
И красно-жёлтый след несхваченного вора,
Я знаю, — это мне умышленная месть.

Понятен мне намёк на близость снегопада —
Уж мне ли годовых не посчитать колец! —
Я, может быть, для них высокая награда,
На древе бытия их мета, наконец.

И кажется, что я, далёкая по крови,
Уже как бы в плену четвёртого витка,
Но весело идти по первому покрову,
Когда внутри тепло последнего глотка.

Вот вылил небосвод украденные краски,
И чувствует плечо присутствие огня
В осеннем забытии за равнодушьем маски,
И камень не остыл в полметре от меня.

Ноябрь? Холода? — Зачитанная проза!
Мне видится тепло и в стёклышках во льду,
И кажется игрой предзимняя угроза,
Но я теперь сама из круга не сойду!

ЗЕРКАЛА

Зеркала, зеркала. Бестелесных хозяев чертоги.
Полномочья. Права. Деликатно отвергнутый быт.
По ту сторону стёкол беспечно живут полубоги,
А по эту, трудясь, подновляют усталые лица рабы.

Напряжение дня. Оборот повседневной рутины,
Но потребность — взглянуть на анфас обновлённый лица...
Притяженье? Магнит? Преимущество полой картины?
И вот так без конца. Два соперника. Два близнеца.

Кто кого? Даже трудно представить, что будет!
А пока, не сводя ни на миг настороженных глаз,
Мы сошлись в вертикально подвешенном мастером блюде,
Пололам разделённый неравным условием класс.

По ту сторону им как же так удалось утвердиться,
Послужил ли защитой тоненький слой серебра?
Не стеклянная кровь — узаконила эти границы?
А казалось, что мы одного изначально ребра!

Лос-Анджелес, США

СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА

РАЗГОВОР С БРАТОМ

Знаешь, брат, я устала от дальних дорог.
И душа моя рвётся к далёким донским берегам.
Как хочу я увидеть опять свой родной городок
И бежать по мосткам деревянным в плавучий наш храм.

Как хочу я качаться на тёплых и чистых волнах
И разгадывать тайны бездонных, недвижимых вод.
Слушать в балках чирикание звонких невидимых птах
И смотреть, как кружит над водою стрекоз хоровод.

И неспешно глядеть на прибрежные склоны холмов,
Где бежит прямо к солнцу поросший за лето лесок.
Замерев, наблюдать, как проворно спешит из кустов
Куличок тонконогий среди камышей и осок.

Знаешь, брат, я устала от дальних дорог.
От неискренних слов и излишней пустой суеты...
От машин и асфальта, высотных домов, городов...
Радость мне — мамин дом, счастье в том, что есть ты...

В ВЁШЕНСКОЙ

Ю. А. Дворяшину

Позади — лесистая долинка.
Впереди — плесканье сонных волн.
В заводи — жемчужные кувшинки.
Сердце дрогнет: “С добрым утром, Дон!”

После гроз ночных в прозрачных лужах
Травы на полянах. И легко
Над стремниною донскою кружит
Коршун чернокрылый высоко.

Он летит, паря над крутояром,
Крылья расправляя на лету,
Над осокорем белёсым старым,
Над душистой липою в цвету.

Поглядишь на плёсы, перекаты,
Заливные сочные луга...
Как, земля донская, ты богата!
Как душе смятенной дорога!

Ты зовёшь вседневно и всечасно,
Даришь несказанной красотой...
Не тревожь души моей напрасно,
Не кружи ты, коршун, надо мной...

* * *

Дон, как медленно время текло
на твоих берегах,
На твоих меловых,
ослепительно-белых горах.
Как причудлив узор был
колосьев зелёных осок,
Как струился в ладонях
горячий и влажный песок.
Как закат полыхал,
будто в небе жаркí расцвели,
Как клонились в степи
на душистом ветру ковыли...
И как праздничным днём
раздавался повсюду окрест
Над рекой тихоструйной
призывный густой благовест.
Разносился над взгорьем,
простором речным далеко...
Как дышалось свободно,
и в Храме молилось легко!

г. Сургут

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

НЕФТЯНЫЕ ПРОМЫСЛА

На чалдонской,
узенькой лодчонке,
утром,
ослепительно бела,
мимо буровой моей девчонка
с томиком Рубцова проплыла.
Над рекой,
раскатисто и звонко,
на мостках крутнувшись,
как юла,
сколько ни кричал я ей вдогонку —
даже головы не подняла.
Мне с такой
не встретиться до гроба!
Вон как всколыхнулись камыши...
Вплавь за ней пуститься,
сбросив робу, —
мастер, закурив, не разрешит.

КАЛИНА

Неподалёку от вотчины беличьей,
Вход укрывая в монашеский скит,
Кисло и сладко, стыдливо по-девичьи
Красной росой возле сердца горит.

Дух отсыревший. Ни тучки на небушке.
Поободрался о сучья туман.
Целую жменью застенчивой девушке
В непромокаемый сыплю карман.

Ночью промозглой страдая бессонницей,
Вздрагивая на сиянье и звук,
Сыплется, красная, — не остановится,
И ничего не поделаешь, друг.

Мерно ударила дальняя звонница.
Хрустнула в чаще сосна позвонком,
Будто бы Боженьке, старая, молится,
Куст смоляным пропитав молоком.

СТИШОК ПРО ОСЕНЬ

Озерцо покидают утки.
Брызнув с ветки, роса свежа.
Заурчало в пустом желудке
Обмирающего бомжа.

Он, вылушивая колосья,
Как потомственный пилигрим,
Сочинил нам стишок про осень
И по родине бродит с ним.

Не найдя подходящей сцены,
На заброшенном чердаке
Стих прочтёт — домовой оценит.
Ухнет колокол вдалеке.

г. Одинцово

ВЛАДИМИР СОРОКАЖЕРДЬЕВ

СЕМЕЧКИ

Российская привычка лузгать семечки —
Не свалится какой-нибудь грозы,
Когда меня ударит бес по темечку
С ехидно-назидательным: “Грызи!”

И мужичок-психолог не отвадит,
Хоть сто лекарств на сердце положи;
Под семечки жена обеды варит,
А муж ракет рисует чертежи.

Бросают пить — надолго ли просушка? —
Семейно отдыхают у реки;
О классика! — дворовые старушки,
Чужой окрестной жизни знатоки.

А мой сосед, хмелея, свирепея,
Под семечки заводится опять:
Они — национальная идея
И нам, безродным, это не понять.

С утра опять он хнычется по-детски,
Взъерошенный, колючий, словно ёрш;
И вспоминает круглый герб советский,
Цветастый, на подсолнуха похож!

АЛЕКСАНДР НЕБЫЛИЦЫН

ОБИДА

*Григорию Булатову,
водрузившему Первое знамя
над поверженным рейхстагом.*

Было много нас летящих вверх,
На рейхстаг — туда, на крышу, в небо...
Просто первый, он один на всех, —
Каждый жаждал: мне бы, мне бы, мне бы...

Но смертельно-радостный угар —
Не почётный круг по стадиону:
Вырывали с кровью у врага
Каждую площадку и колонну.

Этот миг блаженства, я не вру,
Ощутить могу любой порою,
Как трепещет знамя на ветру
Алою победною зарёю.

Но удача усмехнулась мне...
— Вятский парень неуместен в строчке.
Разве можно, чтоб в такой войне
Не земляк вождя поставил точку?

Он герой, он шёл в атаки зло;
Я готов за ним в любую давку,
Просто мне чуть больше повезло,
Как в обед солдату на добавку.

Повезло ли?.. Как тут разберёшь...
Может, лучше было б... Боже правый...
Ведь подмена — это всё же ложь
И пятно на подвигах и славе.

Он достоин, что ещё сказать,
Пусть гордится род его отвагой...
Мне ж — Берлин, пылающий в глазах,
И десятки, сотни наших флагов.

Ну, согласен, может, не герой...
Может быть, не подвиг... может, просто...
А награда?.. Вот, пришёл домой...
Слава Богу, жив и целы кости.

Мне не нужно — память на века,
Просто что-то жжёт в груди, как в ране...
И дрожит солдатская рука,
И рябит в глазах, рябит в стакане...

*с. Вонданка
Кировской области*

ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ

*“Под горой живая река с мерцалой
синью...” (Из письма В. П. Астафьева
Е. Капустину дер. Сибла, 07.04.1975)*

Река с мерцалой синью под горой,
манящее молчанием заречье...
Как вечен свет, далёкий и родной,
так вечно беспокойство человечье.
И человечье только ли?
Близки
в печали тайной — травы, люди, птицы.
От капли малой до большой реки —
всё словно ждёт чего-то,
всё стремится
как будто вспомнить что-то, что давно
забылось...
Только отблеск звёзд высоких,
Воды впитав, на илистое дно
неслышно опускается в протоке.

г. Шадринск

ИЗ ЦИКЛА “АБРАМОВСКИЙ УГОР”

Памяти Фёдора Абрамова

1

Ой, зима, не охолонь
Стужею колючею!
Выручай-ка нас, гармонь,
По такому случаю.

Друг, играй, не мучай душу.
Чай, не мальчик, должен знать,
Коль под шапкой стынут уши —
Ног на месте не сдержать!

Ух, отвесим стуже плюху,
Дружно спляшем “топотуху”!

Эх, раз, да ещё раз,
Кто осудит нынче нас,
Коль в крови не “бормотуха”,
А шипучий бродит квас.

Вот бы люди поглядели,
Как мы с кваса... “захмелели”,

Как медовый пенный квас
Чуть покачивает нас.

Оттого и ходим шатко,
Ибо сварен квас давно.
У дубовой тёмной кадки
День и ночь бубнило дно.

Бойко доньшко бубнило,
Как нас Пинега манила:

“Гей, ребята, мужики,
Обживайте бережки!

В проруби не утоплю,
Но прохладой отрезвлю!

Ой, напрасно вы смеётесь!
Ой, да вон какие вы,
Материтесь, дерётесь!

Но как только окупнётесь —
Выйдет дурь из головы!..”

2

...А ну, поехали! Э-гей!
Держи покрепче вожжи!
Ух, прошибает до костей
Ознобной крупной дрожью!

Мороз! Ты жжёшь нас, как огнём,
Но хныкать мы не станем.
Мы полушубки запахнём,
Потуже гуж затайнем.

Прикроем варежкой нос,
Загаркаем, засвищем.
И погрозим тебе, мороз,
Дубовым кнутовищем.

И пусть не видно хвойных вех,
Пусть яростно морозит,
Зато как хряско режут снег
Еловые полозья!

А снеговой всё злей и злей...
Плевать! В санях — солома.
И перезвоны трензелей,
Как отголоски грома.

У нас в руках вожжа туга,
А лошадь прёт с нахрапом...
Ух, круто выгнулась дуга!

Да не придавит нас пурга
Рассвирепевшей лапой!

*г. Касимов
Рязанской области*

ИРИНА МАРКИНА

* * *

Мы дети постсоветского пространства,
Крещёные под страхом исключенья
Из комсомола наших матерей...

Мы вышли в жизнь с растерянной душой,
Не знающей, какие ориентиры
Ей нужно выбрать, чтобы дальше жить.

Мы помним страх ушедших поколений,
Которые оставили в наследство
Его в составе наших хромосом...

Мы видели, как крепла вера в Бога,
Которую ни кары, ни гоненья,
Как храмы, обезглавить не смогли.

А наши предки, землю не покинув,
Не променяв Отчизну на покой,
Смогли вернуть ей прежнее сиянье,

Которым Бог её когда-то наградил.
Мы слышали: Россия возродится!

Но помнили: она не умирала,
А лишь несчастной и больной старухой
Смогла свой крест до Бога донести!

Теперь весь мир увидел: воссияли
Её кресты над главами златыми,
И вновь она идёт прекрасной девой
И шепчет с верой: “Да воскреснет Бог...”

* * *

Туман над речкой утренней... Пять лет
Мне лишь вчера исполнилось. Дорога...
И никого со мною рядом нет,
Но чувствую во мгле дыханье Бога.
И я Его не вижу, но легко
Мне с Ним идти дорогой каменистой,
Ведущей нас куда-то далеко,
А в небесах — лик Матери Пречистой...

г. Калуга

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

ВЫБОР

Когда входили в бухту крейсера,
когда отец легко сбежал по трапу,
моё взмывало детское “Ура!”,
цепляя коршуна за бронзовую лапу
на обелиске в честь Погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
“Вальс Севастопольский” я пела всех слышней,
я подпевала морякам “Варяга”.
От мамы знала, помнящей войну, —
нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
кто возвратит России Севастополь!

В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Разбивается ветер о купы деревьев,
Что листвою рокочат, как море.
Но спокойно безбрежен мажорный распев
Поминальной молитвы в соборе.

Поминает священник Гангут, Наварин,
Основателя тверди Кроншлотта,
“Трёх святителей” подвиг, Казарского чин,
Краснозвёздных героев Балтфлота.

И влажнеют глаза молодых моряков,
И колени касаются пола.
Станет бремя служенья Отчизне легко,
Если рядом святитель Никола.

Санкт-Петербург

МИХАИЛ АНОХИН

ЯПОНСКАЯ ЗАЖИГАЛКА

РАССКАЗ

Московское майское утро было тёплым и солнечным, и настроение Валентины Сергеевны, главного врача поликлиники детской клинической больницы, соответствовало хорошей погоде. Весеннее настроение немного омрачила припаркованная у поликлинического корпуса машина с дипломатическим номером. Значит, японский специалист приехал раньше неё, раньше всех. Её машину задержали пробки, а японец ночует при посольстве, недалеко от больницы.

Валентине Сергеевне было за пятьдесят, но умело наложенная косметика позволяла ей выглядеть моложе. Будучи давно разведённой, она вырастила дочь, теперь та вышла замуж, и Валентина Сергеевна готовилась стать бабушкой; однако главной в её жизни всегда была работа, хотя работа главврача заполнена сплошными неприятностями и лишена того профессионального удовлетворения, которое получает рядовой врач, лечащий больных.

Японский инженер уже четвёртый день, работая с восьми утра до двух дня, настраивал прибор размером с телевизор под названием "Универсальный анализатор". Во время работы японец много курил. Вообще-то курить в медицинских учреждениях запрещено, но иностранцу можно, тем более что сама главврач иногда предавалась этому пороку у себя в кабинете. Японец с сигаретой в зубах водил пальцем по схемам в толстой книге описания прибора, измерял тестером напряжение в разных узлах анализатора, что-то подвинчивал и опять измерял, затем курил и думал. При этом на столе лежали

АНОХИН Михаил Иванович родился в 1938 году в Москве. Окончил 1-й Московский медицинский институт. Доктор медицинских наук, профессор, главный специалист Департамента здравоохранения Москвы. Автор многочисленных статей, рассказов, пьес, а также исторического романа "Ассирийский гороскоп" и романа "Последние времена". Живет в Москве.

калькулятор и зажигалка. Удивительное дело: вид многих японских изделий специфически японский. Возьмёшь в руки чайную чашку, авторучку, нож или ту же зажигалку — и сразу видно: японское. Чего нельзя сказать о китайских, европейских, американских и, конечно, российских товарах, дизайн которых безродно-космополитический.

Главврач пошла в диагностическое отделение, чтобы узнать, когда, наконец, заработает анализатор. Его получили два месяца назад, вскрыли упаковку, проверили комплектность, после чего стали ждать японца.

В анализаторе больше всех была заинтересована аспирантка Людмила, стройная блондинка в красивых очках, закрывавших непонятного цвета глаза. Она ещё слегка портила косметикой свою молодую свежесть. Её-то и встретила главврач в диагностическом отделении и обратила внимание на её новый халат.

— Какая оригинальная выкройка, — заметила она.

— Да? Весной хочется чего-то нового, — смущённо ответила та.

Тут Валентину Сергеевну осенило: “Не перед японцем ли она выпендривается? Мужчин на весь корпус — раз-два и обчёлся. А этот ещё и какой-никакой, а иностранец”.

— Скоро твой прибор заработает? — спросила она.

— Не знаю. Что-то в нём не так. Вроде один блок надо будет заменить, если не удастся исправить. Придётся выписать из Японии.

— Вот как?.. А ты по-английски, что ли, с японцем разговариваешь?

— Конечно. По-русски он еле-еле.

“Любезничает с ним. Может, оттого он никак не запустит аппарат, время тянет?” — подумала Валентина Сергеевна.

— На меня насадет эта мамаша Ерёмина. Думает, что анализатор покажет, что у её сына тяжёлая астма, — сказала аспирантка.

— Кто же её в этом уверил?

— Откуда-то она сама это взяла... Родители же общаются.

— И все хотят отмазать сыновей от армии...

В терапевтическом корпусе в отделении бронхиальной астмы лечились почти исключительно мальчишки. Им, чтобы получить освобождение от призыва, нужен был серьёзный диагноз, подтверждённый на двух госпитализациях.

— Дождёмся мы министерской проверки, что у нас сплошь “среднетяжёлая астма”. Пора с этим кончать, — сказала главврач.

— В других больницах то же самое.

“Пройдоха, хоть и тихоня: знает, как в других больницах”, — подумала Валентина Сергеевна. Она пошла к себе и перед кабинетом увидела ту самую Ерёмину вместе с её четырнадцатилетним “оболтусом”. Мальчишка закашлялся — “нарочно, чтобы показать болезнь”, — как решила главврач и, упрямая вопросы, сразу атаковала нахальную мамашу:

— Но он же у вас курит — от этого и кашель, и изменения в лёгких.

— Где он курит? Ничего он не курит, — неуверенно возразила та.

— Как “не курит”?! Табаком несёт за десять метров. Неужели не чувствуете? Я сама, извиняюсь, курю, — хотя врачам не полагается, — и то чувствую... Ну, дыхни! — приказала Валентина Сергеевна парню.

Тот спрятался за мать.

— Где тут у вас спирометрия? — Валентина Сергеевна взяла у посетительницы листок протокола исследования и пробежала его глазами.

— Пройдёмте ко мне в кабинет. Сын пусть постоит в коридоре.

Женщина с готовностью вошла за главврачом в кабинет и полезла в сумочку.

— Хотите мне, что ли, заплатить? — со злой иронией произнесла Валентина Сергеевна.

— Нет, я ничего... Я просто, что надо сына бы положить пообследовать, — смутилась посетительница. — Людмила Алексеевна сказала, что у вас устанавливается новая аппаратура...

— ...Которая покажет, что у вас тяжёлая астма, — с иронией перебила главврач, но, сменив гнев на милость, прибавила: — Раз говорит Людмила

Алексеевна, так мы и сделаем. Новую аппаратуру наладят на днях. Идите, вам сообщат.

Она вернула назойливой посетительнице протокол исследования, и та ушла.

“Наверно, платежеспособная мамаша. Интересно, на какой машине приехала?” — подумала Валентина Сергеевна, открыла окно, закурила сигарету и, надеясь проследить, на какой машине “эта нахалка” уедет, выглянула в окно. Машины, однако, не отъезжали. Зато она увидела двух грязных бомжей, устроившихся на скамейке напротив входа. “Куда смотрит охрана?” — раздражённо подумала главврач, погасила недокуренную сигарету и спустилась во двор.

Бомжи были небритые, отёчные, с трясущимися руками, — несомненно, после пьянок. Они догадались, что перед ними начальство; один из них поднялся со скамейки и осмелился спросить:

— Николай Петрович, завхоз, на месте?

— Зачем вам нужен Николай Петрович? — строго спросила главврач.

— Нету его? Нам работа нужна. Есть работа, начальница?

— Работа? Вон перенесите мусор за здание! Там контейнеры стоят.

Захламлённость двора коробками являлась для главврача раздражающим фактором. Завхоз болеет (запил?), и некому вызвать мусоровозку, навести порядок во дворе. Того гляди, противопожарная служба оштрафует.

— Аккуратно сложите всё возле контейнеров — заплачу сто рублей. Каждому!

Мужики над предложением задумались.

— А спиртику не найдётся? Голову поправить... — спросил один из них сильным голосом.

— Приступайте к работе — вынесу...

Поняв, что без опохмелки они работать не начнут, главврач пошла к себе в кабинет и вернулась с небольшим тёмным пузырьком разведённого водой спирта.

Бомжи повертели в руках пузырёк, переглянулись.

— Курнуть бы ещё...

Валентина Сергеевна достала из кармана халата начатую пачку сигарет и сердито швырнула мужикам.

— Когда сделаете, по сто рублей на рыло...

Уверенная в том, что зря отдала спирт, главврач пошла к себе. В коридоре её догнала аспирантка Людмила с новостью:

— Пропала японская зажигалка! Японец страшно огорчён. Перестал работать. Сидит, голову опустил...

Валентине Сергеевне захотелось выругаться. Не хватало ей заниматься ещё мелкой кражей.

— Когда пропала зажигалка? Подозреваешь кого-нибудь? — спросила она, войдя вместе с аспиранткой в свой кабинет.

— Под подозрением Ерёмин, сынок этой мамаша. Они у вас уже были? Взятку не предлагали?

— Кажется, собирались... Вот люди! Не понимают, что такими предложениями только ломают к себе отношение.

При этих словах главврач посмотрела на девушку. Та не смутилась.

— С утра вместе с сыном крутились возле анализатора, — продолжала аспирантка. — В девять часов зажигалка лежала на столе — я видела, — а потом японец сказал, что пропала... Сынок этот действительно зажигалкой интересовался. Мне он даже объяснил, что бензиновыми зажигалками пользуются наркоманы, потому что те долго горят, а это нужно для приготовления “дури” и стерилизации иглы.

— Продвинутый парень. Ты его хорошо раскрутила, если он с тобой так откровенничает... Сам-то не колется?

— Нет. И при осмотре следов уколов я не нашла. Думаю, что только курит.

— Курить можно и “травку”...

— Они с матерью сейчас сидят в очереди на ультразвук. И ещё ждут, что анализатор вдруг заработает и всё им покажет, — объяснила аспирантка.

— Дураки. То есть мать — дура. Хотя мы тоже, — пробурчала главврач. Аспирантка ушла. “Молодец девчонка. Если спросила про взятку, значит, ей предлагали, но отказалась. Новый прибор нужен, главным образом, ей для диссертации. Говорят, что, чем больше кривых, тем прямее путь к защите, — размышляла Валентина Сергеевна. — На импорте оборудования кто-то наживается, тогда как опытного врача всякие новации уводят в сторону, отвлекают от больного. При бронхиальной астме впали в гипердиагностику, идя на поводу у родителей. Парни не хотят служить в армии — их подогрели средства массовой информации. Запугали дедовщиной, а она везде, даже в детском саду. Кто-нибудь сравнил смертность у новобранцев и у белобилетников? Что касается наркомании, то у “откосивших” от армии её больше, но об этом не пишут... Надо, чтобы дети министров служили, тогда только можно будет говорить о патриотизме. Вон в Англии принцы служат!”

...Надлежало разобраться с несчастным японцем.

Он был неопределённого возраста, ростом не вышел, как большинство в их нации, но коренастый, крепкий, лицо морщинистое, жёлто-коричневое. Молчаливый из-за плохого знания русского языка, но возможно, и по природной сдержанности. Он посмотрел на Валентину Сергеевну и Людмилу раскосыми тёмными глазами и, кажется, готов был заплакать.

После неловкой паузы японец произнёс что-то по-английски, и аспирантка перевела:

— Сказал, что зажигалка была ему дорога как память об отце.

— Кого можно заподозрить в краже? — спросила Валентина Сергеевна.

Людмила опять перевела, и японец ответил, что мог украсть мальчишка, который заходил вместе с матерью в комнату, интересовался зажигалкой и брал её в руки.

Аспирантка ещё что-то говорила по-английски, и японец кивал головой.

— Что ты ему сказала? — строго спросила Валентина Сергеевна.

Людмила немного смутилась, потом покосилась глазами на японского инженера.

— Объяснила, чего хотят Ерёмину от прибора и что надо бы побыстрее его запустить.

— “Чего хотят Ерёмину...” — нахмурилась главврач. — А ну-ка веди их сюда!

В ожидании пациентов японец продолжал сидеть, опустив голову, а Валентина Сергеевна стояла рядом и думала о том, насколько тяжело ему жить и работать в чужой стране, к тому же погрязшей в воровстве, как об этом пишут в газетах, а теперь он в том лично убедился...

Наконец, в сопровождении Людмилы появились Ерёмину: энергичная мамаша в короткой юбке и “боевом раскрасе” и худой, сутулый подросток, которому, конечно, надоело таскаться по врачам.

— Я им объяснила, насколько дорога зажигалка иностранцу, — сказала Людмила.

— А я ему объяснила, чего от него хотят, — с раздражением произнесла главврач и едва не прибавила: “Помочь освободить парня от армии...”

Людмила опять долго говорила по-английски. Возможно, рассказала анамнез болезненного парня, и какое заключение с помощью прибора хотела бы получить мать. Главврач хмурилась, японец слушал и кивал головой, и так же внимательно слушала Ерёмину. Вряд ли она понимала по-английски, но что-то додумала и решительно приказала сыну:

— Сознайся, что ты украл! Верни зажигалку!

Парень набычился, хотел спрятаться за мать, но та силой вернула его на место перед японцем.

— Никто тебя не накажет! И мы сейчас уедем домой. К твоему компьютеру... И в школу сегодня не пойдёшь. Понял?! Ну! — прикрикнула мать.

Парень неохотно сунул руку в карман джинсов и достал зажигалку. Но не японскую, а обычную российскую, газовую, дешёвую!

Валентина Сергеевна и Людмила обомлели. Зато энергичная мать не утратила самообладания и протянула зажигалку японцу:

— Ваша? Берите! Сын извиняется. Нашло что-то на него. Он же болен... Переведите! — приказала она Людмиле.

Та, волнуясь, перевела.

Японец взял зажигалку, закурил сигарету и что-то довольно длинно про-
бормотал.

Людмила опять перевела:

— Он тоже извиняется. Говорит, что это та самая зажигалка и, возможно, он так заработался, что забыл, как сам отдал её мальчику.

— Значит, инцидент исчерпан? — заключила главврач. — Остаётся только запустить в работу прибор.

Она пошла к себе в кабинет, потом вспомнила про бомжей и опять вышла во двор. Они дремали на скамейке.

— Работать так и не начали?! — со злостью воскликнула главврач.

— По сто рублей мало... — выдал из себя один из сидевших на скамейке.

— Расценки теперь выше, — поддакнул другой.

— Вон отсюда! — взвилась главврач. — Сейчас полицию вызову!.. А за вхожу выговор вкачу, как он появится!

— Николоа Петровичу?.. За что? Он мужик клёвый!.. — бормотали бомжи и, понимая, что начальница не шутит, пошлепали к воротам.

Между тем история с зажигалкой облетела поликлинику. “Каков японец: признал чужую вещь за свою! Но не в суд же ему подавать из-за какой-то зажигалки? Наверное, мальчишка не воровал. А кто тогда? Мало ли кто...” В общем, все признали, что иностранец поступил благородно, а нас унизил. К тому же анализатор ему к двум часам дня удалось окончательно настроить, и по этому поводу решили не отпускать иностранца на обед, а накормить здесь.

Угощение устроили в той же комнате и на том же длинном столе, где мигал разноцветными лампочками и мурлыкал, как кот, новый прибор. Женщины выставили то, что принесли из дома себе на обед, и вышло неплохо. Принесли даже торт, коробку конфет и цветы — подарки дня от благодарных пациентов. И наполнили разведённым спиртом лабораторную колбу.

На удивление, японец оказался охотником до спирта: очевидно, его работы по наладке аппаратуры нередко завершались подобными банкетами.

Граждане многих стран у себя на родине ведут аскетический образ жизни и оттого неумеренно напиваются “на халяву” в российском застолье. Не стал исключением и этот инженер. Он быстро опьянел и, поднимая рюмку, каждый раз восклицал: “Кириём!”, — что всех смешило. Кроме японца, мужчин за столом не было, и роль тамады взяла на себя главврач. Она предлагала тосты за дружбу, за мир, а японец что-то высказал даже антиамериканское, что Людмила переводить не стала. Зато она перевела, когда японец сказал, что может отпечатать на приборе протокол анализа, который подтвердит у того подростка диагноз бронхиальной астмы.

— Какой его сёрнэйм?

— Фамилия? Ерёмин. Четырнадцать лет, рост 152, вес 40.

Японец нетвёрдыми шагами подошёл к анализатору, сел рядом, сосредоточился и поиграл на клавиатуре прибора. Затем разведённым спиртом смочил салфетку и протёр ею полиэтиленовую трубку, торчащую из прибора, после чего подышал в эту трубку и опять постучал по клавиатуре.

Аспирантка тоже склонилась над прибором, чтобы записывать всё, что делал японец; задавала вопросы, тот отвечал, и она записывала. Из прибора выползли две бумажки с текстом, цифрами и фамилией “EREMIN”.

Японец показал первую бумажку:

— Лёхкая асма. Хайпёрвентилейшн. Аллерхия. Иммунохлёбулин “Е” висёкий.

Показал второй листок:

Тяжёлая асма. Хиповентилейшн. Плёхой иммунитет...

— С этот диагноз армий нельзя, — сказал японец.

Над его русским языком мило потешались, но японец воодушевился и пустился рассуждать о достоинствах русской жизни и культуры. Суть ком-

плиментов свелась к тому, что только в России здоровая жизнь. Ещё японец хвалил Достоевского, хотя путал его с Чеховым и Толстым. Сказал он и про наши мультфильмы: они добрые и естественные, а японские и американские — бесчеловечные и искусственные. “Также женщины здесь живые, а не силиконовые”...

Если у японца что-то совсем не получалось по-русски, он переходил на английский, и его любезно переводила Людмила. Ещё не до конца отойдя от ссоры с божжами-попрошайками, главврач с раздражением думала: “Аспирантка хочет помочь “отмазать” парня от армии. Хотя, если без взятки, то получится как бы из милосердия... Но, скорее всего, причина в диссидентстве, которое у всех у нас в крови совместно с желанием подольститься к иностранцу. “Знакомство с иностранцем для нас — как орден”, — заметил кто-то из тех писателей, кого хвалил японец”.

Она наклонилась к уху Людмилы и зашептала, а та от её слов покраснела:

— У тебя друг есть? Не хочешь — не отвечай. Но тебе б с этим самураем надо бы поближе. Кто будет чинить этот аппарат, который тебе нужен? Разве не так? Нашего женского не убудет, а мужчине радость, и он чувствует себя должником. Японец в Москве без семьи, без жены. Он женат? Не знаешь? “Зажигалка...” Женщина — “зажигалка”. Возьмёшь у него электронный адрес, будешь обращаться.

Главврач забрала себе оба заключения анализатора. Затем спросила Людмилу, на какой машине ездит Ерёмин. “На “Ауди”? Значит, платежеспособная”.

Японец продолжал твердить своё “кирнём!”, в нём выиграл самурайский дух, уговорить который было невозможно, пока он не свалился с ног. Пришлось оставить его ночевать в отделении: уложили на кушетке на попечение аспирантки.

Утром иностранец проснулся с тяжёлой головой, опохмелился и озадачился вопросом: как вернуться в посольство? Вести машину он не мог. За руль его машины села сама главврач.

Вид иностранца был ужасен, и не только от пьянки, а более оттого, что он нашёл у себя ту самую зажигалку! Никто её не воровал, он сам забыл, куда положил! В смущении он, как мог, объяснил это главврачу и сказал, что дарит её. А ему на память останется зажигалка мальчика, которого надо освободить от службы в русской армии...

Доставив японца, на работу Валентина Сергеевна добиралась общественным транспортом. Сидела в автобусе и разглядывала зажигалку. Металл обработан под чёрное серебро или действительно это серебро? Гравированный декор напоминал морозные узоры на тему цветущей вишни-сакуры. Как можно было — хотя бы и спяну — променять ювелирное изделие на российский ширпотреб? Неужели из-за чувства вины — что ложно обвинил мальчишку в воровстве? Японец упомянул подростка, “косящего” от армии, однако вряд ли ради того “оболтуса” стоило расставаться с “отцовской памятью”. Похоже, что с нашей дешёвой зажигалкой у иностранца связано какое-то воспоминание... Аспирантка Людмила? На вопрос о “друге” она не ответила. Но если “да”, тогда ведь “если дверь взломана, глупо держать её закрытой...”

Далее мысли Валентины Сергеевны обратились к анализатору, вернее — к двум непохожим заключениям умного прибора. Размышляя об этом, она и пришла к вопросу-выводу: если пациент хочет заплатить врачу, всегда ли нужно ему в том отказывать?

Утро было майское, тёплое, солнечное. И кого же Валентина Сергеевна увидела во дворе больницы, рядом с нагромождением упаковочных материалов? Тех же двух негодяев! Но на этот раз она не стала их прогонять. Те смутились при виде начальницы, вытянулись перед ней почти по стойке “смирно”, но она, ни слова не говоря, прошла в корпус и вскоре вынесла им оттуда пузырёк со спиртом, пачку сигарет и полиэтиленовый пакет с закуской — остатками вчерашнего банкета.

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

А ДУША К НЕБЕСАМ ПОДЫМАЕТСЯ...

* * *

Зажёг костёр в ночи — и вот,
Огнём надёжным подпоясан,
Уже он гасит небосвод
Весёлым, неуёмным плясом.

И там, где плещется огонь,
Держу я так свои ладони,
Как будто предо мной гармонь —
И я играю на гармони.

Хоть нет поблизости жилья,
Но есть костёр, как свет в окошке —
И жизнь свою играю я
Прозрачно на его гармошке.

И так, как ловят Божий свет,
Ловлю её живые звуки,
В которых радость детских лет
Вдруг перешла в печаль разлуки.

САМАРИН Валерий Серафимович родился в 1952 году в селе Нижние Мельницы Курской области. Окончил Рязанский педагогический институт, филологический факультет. Автор поэтических книг “Зрение сердца”, “Смысл жизни”, “Обретение истины”, “Жива Россия — и совесть на земле жива” и других. Лауреат многих литературных премий, в том числе А. Платонова, С. Есенина. Живёт в Рязани.

Костёр погас — и вновь зажглось
Небес загадочное царство...
Иду туда я, словно гость,
Земные одолев пространства.

И, словно видя чей-то взор,
Я говорю пред небом вечным,
Что был у жизни всякий сор,
Но он сгорел в огне сердечном.

* * *

Начало жизни романтично,
Как романтичен весь рассвет.
И это каждый знает лично,
Кто вырос сам из детских лет.

А свет заката — он сердечен,
Религиозен, даже свят...
“Красив наш мир, но он не вечен”, —
Об этом говорит закат.

И скоро с чувством сожаленья
Погаснут все его лучи,
Как будто догорят поленья
В едва затопленной печи!

Но пламя скроет романтично
Живые искорки в золе...
И это каждый знает лично,
Кто жил однажды на земле!

* * *

Время — на земле, а вечность в небе
Звёздные раскрыла паруса.
Не с того ли, думая о хлебе,
Я стремлюсь душою в небеса?

Не с того ли, славя нашу землю,
Песню соловья иль волчий вой,
Сердцем бранным всё-таки приемлю
Холодок пространства мировой!

* * *

*Памяти моей матери,
Самариной Ксении Платоновны*

Зачем я памятью влеком
К годам, которым нет возврата?
— Куда идёшь ты босиком? —
Спросила мать меня когда-то...

И вот я, матушка, дошёл
Почти до кромки небосвода
И надо мной закат расцвёл
Серьёзной детского восхода.

А на земле тебя лишь нет.
Нет ни в Рязани, ни в Сибири...
Из глаз твоих струился свет —
Светлее было в этом мире.

Теперь, теперь осенний сад
К земле вернулся листопадом,
Хотя деревья все стоят...
И я стою с тобою рядом,

Глубинной памятью влеком
К годам, что не вернуть мне сроду.
И скоро месяц с посошком
Откроет путь по небосводу.

Каков — он знает — жизни век
От колыбели до мгновенья,
Когда пойдёт в пространстве снег,
Переходящий в снег забвенья!

* * *

Тихо и внимательно от века
Солнце перелистывает дни,
Приближая к сердцу человека
Дальние вселенские огни.

Что поделать? И пускай листают.
Только мне — хоть лето, хоть зима —
В звёздном небе жизни не хватает
Для души, для сердца, для ума.

Не с того ли мягко, по-земному
Память перелистывает дни,
Возвращая сердцу, словно дому,
Тёплые вечерние огни.

Вот я дома. Я ещё мальчишка.
Ощущаю печки благодать.
Над избою звёзд раскрылась книжка —
Я букварь учусь пока читать.

За окошком месяц, словно веник,
Свет пылит из своего угла.
И не надо мне несколько денег —
Мир хорош, и печь моя тепла.

А за домом ждёт меня дорога,
О которой мало знаю я, —
До любви, до женщины, до Бога,
До глубинной правды бытия.

РУЧЕЙ

Ручей весёлый напевал
О том, что жизнь кругом — отрада.
Пришёл мороз, его сковал:
Не пой, мол, то, чего не надо!

Но лишь ручей живой умолк,
Как изменилась вся округа:
Завыла, словно серый волк,
С небес свалившаяся вьюга.

Всё на земле услышал я.
Не пропустил и эти звуки:
О встрече с миром — плеск ручья,
И голос волчий — о разлуке!

* * *

Ах, душа моя, северный плод!
Что ж ты так созревала медленно?
Вот и жизнь прошла, словно год...
Много дней напрасно потеряно.

За утраты мои — Бог простит...
А за пройденный путь сердце мается.
Плод-то плод — он на землю летит,
А душа к небесам подымается!..

ВАЛЕРИЙ ЛАМЗОВ

НА ПОРОГЕ КАТАСТРОФЫ*

В середине 1983 года Николая Яковлевича Александрова переводят в Москву. В аппарат ЦК Андропов его не пустил. Дали не столь громкую, но достойную должность – директор Института мировой экономики и международных отношений. Однако довести дело до конца Юрию Владимировичу не удалось. Прихватил недуг. Да так, что не до работы было. Но не тот это был человек, чтобы без боя сдаваться.

Виктор Михайлович, зная о тяжёлом состоянии друга, каждую неделю навещал его в Кунцевской центральной клинической больнице. Из беседы с Чадовым он уже знал, что конец неизбежен. Видимо, знал это и Андропов, но все же надеялся на лучшее.

За день до смерти Юрий Владимирович был относительно бодрым. Он тяжело отходил от гемодиализа и, как только чувствовал себя более или менее хорошо, всё надо было начинать сначала... Это его измучило. Он сильно похудел. Палату уже практически не покидал.

Чебриков настаивал на операции, но врачи категорически отказывались из-за ярко выраженного атеросклероза сосудов. Боялись, что организм не выдержит.

Рядом с Андроповым постоянно находился кто-то из его помощников, люди Чебрикова были здесь же.

Сложность положения заключалась в том, что Юрий Владимирович, став генсеком, резко встряхнул страну. Поднял вопрос укрепления дисциплины и порядка. Нанёс сокрушительный удар по коррупции в МВД. Повёл решительную борьбу с хищениями и взяточничеством. И вдруг!.. Празднование дня октябрьской революции – Андропова на трибуне нет. Поползли слухи. Очередной Пленум ЦК – Андропова опять нет. Зачитывают его письмо к участникам пленума.

* Главы из книги В. Ламзова “Визит корректора”.

ЛАМЗОВ Валерий Георгиевич родился в 1951 году в городе Орджоникидзе (Владикавказ). В 1973 году окончил Высшее пограничное командное училище. До 1981 года проходил службу на различных должностях в войсках Закавказского пограничного округа. С 1981 года — на партийной работе и руководящих должностях в системе Министерства морского флота СССР. С 1991 года работал в различных отечественных и зарубежных компаниях, специализирующихся на перевозке морских грузов. Является академиком Международной академии транспорта. Автор книг “Золотое сечение Иуды”, “Визит корректора”. Живёт в Москве.

Чебриков знал, что вокруг этого идёт мышиная возня и что немало таких, кто хотел бы жить по-старому — ему регулярно докладывали и про “частушки”, и про водку. Однако чекиста больше всего интересовала ситуация в ближайшем окружении генсека, здесь он имел более или менее объективную информацию, так как в силу специфики жизни “наверху” всё было значительно видней, чем в низах. Виктор Михайлович пришёл к заключению, что в Политбюро не может быть людей, способных на какую-то заговорщицкую деятельность. Старая гвардия видала многое, и главное для неё — не власть захватить! Боже упаси! А споконно, со всеми полагающимися почестями уйти на покой. И каждый из них думал, что он будет первым, потому что до настоящего времени никому ещё это не удавалось. Умирали на рабочем месте в лучшем случае. А в худшем — давали под старый зад, но с соответствующими льготами. Не убивали.

Беспокоила старую гвардию другая весьма подозрительная вещь. Все они были людьми старыми, с приобретёнными недугами. Но почему-то умирали с одним и тем же диагнозом. Гречко! Вообще никогда не жаловался на здоровье. Без молодухи спать не ложился и, говорят, в постели был хорош. Умер же от сердечной недостаточности.

Суслов до баб был не любитель. Пожаловался только на ломоту в суставах. Прошёл обследование. “Велосипед” — здоров! Принял таблетку, а утром диагноз — острая сердечная недостаточность.

Кулаков — это вообще ни в какие рамки не лезет! Здоров, как бык, ан нет! И тоже — острая сердечная недостаточность.

Леонид Ильич — опять же острая сердечная недостаточность. Хотя понятно, что и травма, полученная в Ташкенте, да и общее состояние... Мог ведь дуба дать от инсульта или от разрыва аорты. Нет — острая сердечная недостаточность. А вот Юрий Владимирович — почки. Причём пятнадцать лет лечили человека, и всё было терпимо. Стал генсеком — и на тебе! Обострение болезни. Всё как-то ненормально. Система просматривается. Даже не система, а стиль, почерк — так думал Виктор Михайлович, идя по хрустящему снегу по тропинке в корпус, где ждал его Юрий Владимирович.

Поднявшись в дежурные покои, специально оборудованные для Андропова, где находился его помощник, охрана и дежурный врач, он поздоровался со всеми и спросил:

— Как он?

Присутствующие пожали плечами.

— Всё понятно! Что делает?

— По телефону с Ивановым Николаем Ивановичем разговаривает.

Через минуту начальник охраны заглянул в палату:

— Юрий Владимирович, Чебриков к вам.

— Приси!

— Ну, здравствуй, Витя! Как ты?

— Спасибо, Юрий Владимирович. Хорошо. Вы-то как? Динамика есть?

— Динамика-то есть! Сил только нет. Этот гемодиализ доконал меня, и ничем заменить нельзя. После каждой процедуры с трудом отхожу. Устал.

— Ну, должен же быть какой-то выход? — не выдержал Виктор Михайлович. — Надо действовать, надо делать что-то.

— Надо! Надо, Витюша! Я вот сейчас с Ивановым разговаривал. Спрашиваю его: Николай Иванович, какое там материальное обеспечение вы мне сохраните, если я уйду на пенсию? А он молчит, ничего не отвечает. Или не знает. Вот так-то, друг. Вы там подумайте о том, что я вам сказал. Ты меня понимаешь, Витя, для чего я ему это сказал. Пусть попробует. Глядишь, получится. Если что, ты ему подсоби.

— Обязательно, Юрий Владимирович. Мы ещё вместе не один кроссворд разгадаем.

— Да! Да! Думаю, времени у меня не так много, как хотелось бы, но мешаю-другой я ещё протяну. Одна беда — слабею сильно. Нет сил ни в руках, ни в ногах. Всё время солёного хочу. Ты в следующий раз, как придёшь, помидор хотя бы один мне принеси. Такой, знаешь, бочковой, настоящий. А то Чадов хоть и друг, но тиран, ничего не разрешает.

— Юра, всё сделаю. Не волнуйся. Завтра принесу или с помощником передам.

— Вот и хорошо! — облегчённо сказал Андропов и облизал сухие губы. Его большой лоб покрылся капельками пота.

Чебрикову стало так жалко своего друга, что он не заметил, как слёзы неожиданно нахлынули на глаза.

– Не смотри на меня так, Витя. Говори, что хотел спросить.

– Что делать с Александровым?

– А как он на новом месте?

– Изображает из себя “новатора” в науке и международных делах. Людям не понравился. Это первое впечатление. Обещает навести порядок и выстроить новую концепцию развития. Вчера вечером был приглашён к Горбачёвым.

– Михаил не догадывается о нашей работе по этой проблеме? – спросил Андропов.

– Думаю, что нет!

– Это хорошо, Витя. Горбачёва надо от него оградить. Он хоть и крепкий мужик, но доверчивый. Помоги ему! Я дам отмашку в ЦК, а ты подготовь материал, правильный и конкретный. Мне мои помощники недавно рассказали, что там, в окружении Михаила, много всякого воронья собирается.

Видя, как Андропов постоянно облизывает сухие губы, Чебриков подал ему стакан воды.

Отпив глоток, Юрий Владимирович продолжал:

– И главное, у меня есть ощущение, что всеми нашими процессами как-то пытаются управлять со стороны, – он посмотрел на Чебрикова. – Ты меня понимаешь, откуда ноги растут?

– Да, конечно, Юра! Всё, хватит. Отдохни. Утомил я тебя.

– Нет! Мне хорошо. Здесь плохо, когда никого нет из близких. Сейчас Таня придёт. Поить меня будет бульоном.

– Юрий Владимирович, извини, но очень важно для одной разработки: при тебе были случаи, когда наши люди кого-то ликвидировали с помощью медицины? Ну, скажем, помогли безболезненно уйти?

– А что ты у Чадова не спросишь? – заметил Андропов с горечью. И добавил: – Вот, видишь, даже тебя эта тема заставила усомниться. Никогда, Витя, мы в КГБ, во всяком случае, в мою бытность не занимались этим, тем более по отношению к нашим людям. Никаких отделов “Х” у нас не было. Это всё либеральные страшилки отщепенцев.

– И даже с Кулаковым?

– И даже с Кулаковым. Я сам выезжал на место. Была крупная подстава. Звонил кто-то из МВД. А кто, так и не узнали. Все участники мертвы. Документы я распорядился...

Дверь приоткрылась, и появилась круглолицая, невысокого роста женщина – Татьяна Филипповна.

– К вам можно, больной?

... Из Кунцевской больницы ехать недолго, не больше двадцати минут. Всю дорогу Чебриков думал об Андропове. А в голове возникали строки из недавно представленной ему справки из аналитического управления. Анекдоты: “В кабинете у Андропова висит портрет Пушкина. Журналист спрашивает: “Юрий Владимирович, а почему не Дзержинского или Менжинского?” – “Так ведь Пушкин первый сказал: “Души прекрасные порывы!...” Ничего не скажешь, гнилая наша либеральная интеллигенция. А как стучит! Знал бы кто... Нельзя! Виктор Михайлович ждал, когда генерал Пономарёв доложит результаты работы группы, специально занимающейся анализом последних смертей руководителей партии и правительства. Ему уже доложили, что очень аккуратно проводились встречи с персоналом клиники. Были организованы наблюдения за ведущими специалистами, активизировали работу агентуры. Работники комитета заново подняли все акты вскрытия, все заключения о смерти. Подвергли повторному анализу фактологический материал. Теперь оставалось ждать результата. И Чебриков его с нетерпением ждал.

* * *

Александров впервые оказался в доме у Горбачёвых в их московской квартире вскоре после приезда.

– Сказывается художественный вкус и высокая культура хозяйки! – это были первые его слова, когда он перешагнул порог жилища.

– Проходите, пожалуйста, Николай Яковлевич, Миша на кухне занят. Это ваши тапочки. Надевайте. Ковёр шёлковый, таких всего несколько штук, – сообщила Раиса Максимовна.

– Красиво у вас, молодцы!

Он прошёл на кухню. Друзья обнялись. Горбачёв резал колбасу. Александров прищурился:

– А я к вам не с пустыми руками.

И он извлёк из портфеля две бутылки шампанского 50-летней выдержки.

– “Cristal” – напиток королей, изготавливается домом Luis Roederen.

– Кончай умничать, – остановил его Горбачёв, – мой руки и к столу. Разбаловался ты, Николай, на буржуазных харчах. Надо к нашим привыкать. Шампанским пусть Раиса Максимовна балуется, а мы по водочке ударим. И будет у нас полный консенсус. Все при своём интересе.

Сидели, болтали, шутили, вспоминали приезд в Оттаву. Затем тихо-тихо перешли к делам.

– Ну, как ты на новом месте?

– Пока ознакомился весьма поверхностно! Работы, думаю, будет много.

– Ты сильно не увлекайся. Я тебя скоро в ЦК заберу. Ты мне там нужен больше.

– В ЦК меня не пустят. Андропов не допустит этого! – с горечью произнёс Александров.

– Ерунда всё это! Сегодня на хозяйстве Черненко. А этот сделает всё, что я ему скажу.

– С чего бы это? – удивился Александров.

– Ты не смейся, но там, “наверху”, своя кухня. Он спит и видит, когда его изберут генсеком. Говорит, потом и умирать не страшно. Я с ним часто беседую, это не Громыко. Мистер “Нет” к себе близко не подпускает. Но и это поправимо. Мы работаем с теми, кто на него влияет. Ты же понимаешь!.. Не только “наверху” вся каша варится. Но наши аксакалы про это забыли.. Жалко очень, что Андропов скоро отойдёт в мир иной, – Горбачёв посмотрел с опаской по сторонам. – Я знаю, ему ничего не помогает и уже не поможет. Шансов никаких. Организм изношен. Мне так и сказали.

– Значит, надо действовать?

– А ты что думаешь, мы тут даром хлеб едим? Всё под контролем. Всё схвачено!

– Мне что надо делать? – спросил Александров, сгорая от нетерпения, но вопрос задал как можно спокойнее, как бы показывая свою значимость и незаменимость.

– Тебе, Николай, надо подготовить идеологическую почву наших преобразований, перестройки всего уклада жизни. Главное – ориентация на открытость и гласность, на свободу слова.

Александров усмехнулся:

– Для этого необходимо всех антисоветчиков и диссидентов переименовать в прогрессивную интеллигенцию. Или ещё хлеще: назвать элитой общества! Иначе не получится. Только вместе с этими людьми можно уничтожить старые догмы и стереотипы мышления. Убить советскую мораль можно, только посеяв сомнения в её сущности, – заключил Александров и, глядя в упор в лицо обалдевшему Горбачёву, добавил, как бы подводя черту своего умозаключения: – Нужно вытащить на свет истину!

– Какую, на хрен, истину? – не понял Михаил Сергеевич.

– Нашу истину! Которая нам нужна для перестройки.

– Этого никак нельзя! – возразил Горбачёв. – Это опасно и рано. Надо тихо, шаг за шагом, метр за метром, но каждый день вдалбливать, что товарищи завели нас не туда. Сверху вдалбливать. Понимаешь? У нас, если вдалбливать сверху, – это реформы, если снизу, – это революция. Нам никакой революции не надо. А то повесят, как Муссолини, ногами вверх, и крышка! – заключил Горбачёв.

– Я это и имею в виду, – согласился Николай Яковлевич. – Но чтобы работа была эффективной, важно скомпрометировать базисные ценности. А для этого нужны новые ориентиры и новые кумиры.

– Вот ты, – остановил его Михаил Сергеевич, – этим и займёшься, а пока надо серьёзно готовиться.

Домой Николай Яковлевич ехал окрылённым – новая работа, новые перспективы. . . Александров думал, что здесь, в Москве, после десяти лет отсутствия его ждёт непростая жизнь, подозрения, разбирательства. Но всё складывалось как нельзя лучше.

Попив с женой чаю и обсудив последние новости, он впервые уснул мертвецким сном, с каким-то праздничным чувством облегчения.

Утром, хорошо позавтракав, отправился на работу, по дороге планируя множество дел. Не успел он войти в свой кабинет, как в дверях возник заместитель.

- Вы уже слышали, Николай Яковлевич?
- Что? – спокойно спросил Александров.
- Андропов умер!

* * *

Смерть Андропова стала сильнейшим моральным ударом для Виктора Михайловича. Мало того, что потерял друга, – умер генеральный секретарь, с которым ушла в небытие целая эпоха.

Пока Юрий Владимирович, считай, год болел, страной правил коллективный склеротичный разум, спасибо помощники у Андропова оказались на высоте. Теперь взошёл на трон второй “могиканин”, которого специально вытащили из пропахшего нафталином сундука, чтобы рассмешить народ. Константин Устинович, конечно, хороший мужик, но этого ой как мало.

Думая об этом, Виктор Михайлович уже точно знал, что идёт большая игра, в которой старшая гвардия небожителей оказалась в положении заложников чьей-то недоброй воли. И что под видом “младореформаторов”, которые уже высовывают свои головы из-под ковра и начинают невнятно говорить о западных экономических моделях, притаились откровенные враги государства, желающие в прямом смысле прибрать его к рукам. Через тягу людей к обновлению протащат реформы, которые выбьют основы управления у государства.

Этому ещё предстояло случиться, а сейчас он решил довести до конца дело, порученное ему Юрием Владимировичем. И потому генерал-майор Пономарёв и полковник Федотов, как и было поручено, явились с докладом о результатах работы.

Никого больше не приглашали. Доклад проходил в обстановке полной секретности. Пономарёв начал с того, что в смертях Гречко, Суслова, Кулакова и даже самого Брежнева, как и предполагалось, вырисовывается одна закономерность. И если рассматривать проблему в комплексе, это не только медицинский фактор, это ещё и интриги в высших эшелонах власти. Например, отставка Романова, смерть Машерова – всё указывало на наличие системы, преследующей определённую цель.

- Конкретней, пожалуйста, – попросил Чебриков.

Полковник Федотов положил перед шефом справку.

– Обратите внимание, Виктор Михайлович. Вот, к примеру, маршал Гречко. Долгие годы он третировал Леонида Ильича, грубил, иногда откровенно дерзил в присутствии членов Политбюро, часто ставил генсека в двусмысленное положение. И считал себя вправе это делать по той простой причине, что во время Великой Отечественной войны Брежнев был его подчинённым. И вдруг совершенно неожиданная смерть. Мы досконально проверили результаты вскрытия, и можем с высокой долей уверенности заявить, что эта смерть была естественной.

- И что? – озадачился Виктор Михайлович. – Это же нормально?

– Нет, – ответил Пономарёв за своего подчинённого, – в остальных случаях мы так однозначно утверждать не можем. Смерть Гречко – это исключение.

– Значит, мы не ошибались, когда предполагали злой умысел и организованный характер преступлений?

– Похоже, что да! – ответил Пономарёв. – Я только прокомментирую вереницу совпадений. Начну со смерти Брежнева. Причина – острая сердечная недостаточность, приведшая к остановке сердца. Умер он в преддверии важнейшего политического события – пленума ЦК, где Леонид Ильич должен был

сделать заявление о переходе на другую, более спокойную, работу – председателем партии, а генсеком он собирался предложить Щербицкого. В связи с этим он дал соответствующие распоряжения секретарю ЦК, руководящему партийными кадрами, – Капитонову. “Через месяц в этом кресле будет сидеть Щербицкий. Все назначения делай с учётом этого”. Через три дня после этого разговора Леонида Ильича не стало.

– Это мы всё знаем! И что здесь нового?

Пономарёв продолжал:

– В ночь, когда умер Брежнев, на даче не было ни одного медицинско-го работника. Прежде такого не бывало никогда.

– Мне это известно! Чадов объяснил это роковым стечением обстоятельств. Леонид Ильич чувствовал себя хорошо, и сам разрешил уйти своей медицинской няньке, которая приучила его к снотворным. И что здесь интересного? Почему начали доклад именно с Брежнева?

Пономарев замаялся.

– Ну, говорите же, Борис Михайлович.

– Когда обнаружили тело, Медведев пытался его оживить массажем. Но предварительно позвонил нам. Первым приехал, значительно раньше других, Андропов, уже в ранге секретаря ЦК по идеологии. Прошёл в кабинет Леонида Ильича, взял из сейфа кейс с документами и, не поздоровавшись и не попрощавшись с Викторией Петровной, ушёл. И вскоре прибыл с другими членами Политбюро, как будто здесь его и не было. Это, естественно, шокировало вдову, о чём она поделилась с женой Гришина. Медведев подтвердил.

– И это всё?

– Пока да!

– Это больше похоже на бабские сплетни, а не на материалы повторного расследования. Могу представить, что бы там было, если бы Федорчук приехал.

Виктор Михайлович ждал подтверждения своему предчувствию, своей интуиции, но пока тщетно.

– Теперь что касается Кулакова – острая сердечная недостаточность у совершенно здорового человека. Это, как мы докладывали, но по факту – пулевое отверстие в височной части левого полушария, как у Цвигуна. Левшой он не был.

– Это я тоже знаю! – оборвал Чебриков. – И что?

– Самым первым у тела тоже оказался Юрий Владимирович, и так же отсутствовал медик. Есть основания полагать, что версия о том, что Шеварднадзе передал Брежневу нелицеприятные разговоры о нём Кулакова и Машерова, которые гостили у последнего, явилась причиной смерти обоих, не лишена оснований. Более того, смерть Цвигуна, Косыгина, Устинова и четырёх министров обороны стран Варшавского договора носит заказной характер заинтересованной стороны, это очевидно.

– Надеюсь, она вам уже известна? – спросил Чебриков, заранее предвидя отрицательный ответ.

В разговор включился Федотов Семён Михайлович:

– Разрешите мне высказать своё видение этой проблемы?

– Прошу вас, – согласился Виктор Михайлович.

– Вы знаете, что очень часто бывает так, что мы пытаемся обнаружить или вычислить, как нам кажется, абсолютное зло, а ларчик открывается просто и совсем в другом месте.

– Продолжайте, – подбодрил его Виктор Михайлович, заметив смущение полковника.

– Я думаю, что здесь может быть несколько составляющих. Одна из них, в рамках поставленной задачи: действительно ли смерть Кулакова была инициирована ради выдвигения Горбачёва? И побудительный мотив, и фактический материал есть для простого мирянина, для члена Политбюро – нет! Может ли идти речь о каком-нибудь маньяке в системе медицинского обслуживания номенклатурных работников? Конечно, может. У нас нет системы психического отбора врачей. Она проводится от случая к случаю. Может ли это быть деятельностью спецслужб? Тоже исключать нельзя. Я думаю, что сложность в понимании произошла от наличия взаимоисключающих эпизодов, составляющих происшествие. И это сбивает с толку. Если разбить на группы по схожести смертей, тогда будет вырисовываться почерк и побуди-

тельный мотив. Вот мы рассмотрели эти варианты, и у нас образовалось именно три группы. Первая: Суслов, Кулаков, Брежнев. Здесь просматривается прямая связь, вытекающая в прямой интерес. Связь, как ни странно, в которой ключевой фигурой является Юрий Владимирович. Мы считаем, что это невозможно. Андропов к власти никогда не рвался, — заключил Федотов.

— Здесь хитрить не надо! — остановил его Чебриков. — “Кто во власти, одержимый страстью властвовать над всем”. Давайте будем объективны. И только факты.

— Горбачёв нужен был Андропову в Москве как особо доверенное и приближённое лицо. Что касается Брежнева, то для многих это был счастливый случай. Но вот тайный, первый ранний визит Андропова к покойному на дачу и этот чемоданчик выглядят совершенно закономерно, если речь идёт о завершении операции. Какая-либо случайность здесь отпадает, — закончил Семён Михайлович.

— А что было в этом чемоданчике? — спросил Чебриков.

Ответил Пономарёв:

— Многие считают, что это был компромат на всех членов Политбюро, который ему давал сам Юрий Владимирович, и это представляло опасность для государства.

— Ну, ясно! — вздохнул Виктор Михайлович. — Так мы далеко не уйдём. Хотя... чему тут удивляться! Юрий Владимирович был мудрым человеком. Это разумно, в его стиле, — брошенная фраза взбодрила приглашённых работников: значит, всё не так плохо, и они продолжили совещание.

— Что дальше? — снова спросил Виктор Михайлович, надеясь найти хоть какую-то зацепку, говорящую об организации и связях Горбачёва, который был теперь при Черненко. Его уже дважды пытались убить. Первый раз якобы с помощью отравленной копченой ставридки — еле откачали. Затем отправили для поправки здоровья на высокогорный курорт в Кисловодск — под сильнейшим давлением на Чадова со стороны Горбачёва. И как будто нарочно забыли, что у человека эмфизема легких. Через 10 дней его на носилках, полуживого вернули в Москву. Но работать он уже не мог. Реальная власть перешла к Горбачёву. Хотя, пока был жив Константин Устинович, шла ожесточённая подковёрная борьба. Виктор Михайлович понимал, что самую большую опасность для Горбачёва представляет Щербицкий. Интересно, — думал он, — какой вариант нейтрализации придумают “младореформаторы” для его устранения?

К действительности шефа КГБ вернул генерал Пономарёв.

— Вы поставили задачу: установить связи Александра на Западе и, прежде всего, с США. Мы больше года вели скрупулёзную работу. Часть выводов мы уже доложили, но это только вершина айсберга... Прошлый раз вы дали нам понять, что Андропов намекнул на совершенную им ошибку относительно Горбачёва, и очень хотел избавить его от влияния Александра. И мы решили посмотреть, что вообще могло быть общего между этими совершенно разными людьми. Теперь уже можно утверждать, что у Юрия Владимировича была сильнейшая душевная травма из-за несчастной судьбы своего первенца, старшего сына от первого брака, который страдал алкоголизмом и умер несколько лет назад. Во-вторых, он очень переживал и считал себя виноватым в том, что жена его Татьяна Филипповна во время венгерских событий в бытность его там послом получила сильнейшую психическую травму, насмотревшись на ужасы, творимые националистами. И в Горбачёве он увидел благодарного и толкового ученика.

— Сколько раз Горбачёв был в больнице у Андропова во время последней госпитализации? — спросил Чебриков.

— Один раз в первый же день вечером. И потом в журнале посещений записано: два раза с женой и семь раз один.

— Неплохо для любимого ученика, — грустно сказал Виктор Михайлович. — Видимо, долгий у нас будет сегодня разговор, — он позвонил в приёмную и попросил для всех чаю.

Когда чай принесли, Виктор Михайлович снял галстук и повесил пиджак на вешалку. Он положил в стакан лимон и, аккуратно помешивая ложкой, спросил притихших офицеров:

— А вы знаете, кто был крёстным отцом Юрия Владимировича и его протроном?

Оба отрицательно замотали головами.

– То-то и оно, товарищи чекисты. *Крёстным отцом* Юрия Владимировича был его наставник ещё со времён работы в Карелии Куусинен Отто Вильгельмович. Очень интересная фигура! В молодости он крутился в политическом бомонде Финляндии, водил дружбу с богатыми масонами. Целых девять лет был депутатом Финского сейма, шесть лет возглавлял социал-демократическую партию. Затем много лет был на подпольной работе, практически до 1943 года. Был одним из руководителей Коминтерна. Даже был членом ЦК ВКП(б), а при Хрущёве – секретарём ЦК КПСС. Не шутки вам шутить! Так вот. Когда была советско-финская война, произошёл один случай, на который обратили внимание наши чекисты. Куусинен возглавил в то время создание на территории СССР на случай нашей победы правительства народной Финляндии. Вся западная пресса вылила на него всю грязь, какую только можно. Короче говоря, ругали его везде... Кроме? Заметьте, Великобритания. А крупный английский политик Крипе даже публично заступился за него. В ЦК КПСС Куусинен ведал международными вопросами, к нему-то после венгерских событий и попал Юрий Владимирович заведующим отделом. – Чебриков сделал глоток уже остывшего чая и задал риторический вопрос самому себе: – Зачем я вам это рассказываю?

– Видимо, для этого есть основания? – в полушутливом тоне ответил Пономарёв.

– Мы бы так ничего и не узнали, если бы наш человек в Великобритании не предоставил нам убийственные доказательства. Отто Вильгельмович Куусинен указом королевы был награждён Высшим орденом Великобритании, получил рыцарское звание и считается нашими коллегами там, в Туманном Альбионе, самым успешным агентом-незаконником.

– Это не укладывается в голове, – попытался возразить Федотов. – Как это может быть?

– Может! – невесело усмехнулся Чебриков. – Всё, что случилось, всегда возможно и может повториться.

Пономарёв предположил:

– Выходит, что после возвращения из Америки, по окончании стажировки в Колумбийском университете, Александров попал работать к Куусинену?

– Нет, – возразил Чебриков, – он вернулся к Сулову, которого боготворил. Вы же понимаете, англичане не могли допустить их сотрудничества. Это значит законтрапунить все дело. Они не подозревали о существовании друг друга в другом ключе, кроме как работа в ЦК. Хотя были хорошо знакомы и не раз встречались.

– Тогда получается, что Андропов, Александров и Куусинен в одно и то же время работали в ЦК, где-то на одном номенклатурном уровне.

– Абсолютно точно! – подтвердил Чебриков. – Кроме вас, ещё одна группа работает по этой же теме. Но у неё другая задача. Ясно одно: Андропов знал об этих людях значительно больше, чем кому-то хотелось. Ещё с тех времён. Была какая-то тайна. Очень большая. Тайна партии. И я хочу вас предупредить. Мы находимся в смертельной опасности, потому что речь идёт о больших, очень больших деньгах там, за бугром, и Александров в курсе. Думаю, Юрий Владимирович догадывался. Если кто узнает, всем нам не поздоровится. Тем более сейчас, в преддверии больших перемен.

– Странно это как-то звучит в стенах нашего заведения, – заметил Федотов, – похоже, времена начинают в очередной раз меняться.

– Поживём – увидим, – Чебриков встал из-за стола, подошёл к окну и стал внимательно разглядывать пешеходов, укутанных в тёплые одежды, спешащих куда-то по делам. “У каждого свои дела, своя судьба, – подумал он. – И никому нет дела до того, что судьба их родины висит на волоске. Всё решается под ковром, в кулуарах. Везде интриги. И смерти, смерти больших и значимых людей. Что это? Роковое предзнаменование чего-то страшного? Случайность? Или естественный ход событий?”

Его мысли прервал телефонный звонок. Он поднял трубку. Долго слушал и, ничего не сказав, положил.

– Что-то случилось, Виктор Михайлович? На вас лица нет.

– Черненко умер.

Все замерли.

– И что теперь делать? – спросил Федотов.

Но ему никто не ответил, потому что опять зазвонил, теперь уже другой телефон – Кремлёвка. Виктор Михайлович сел в кресло и спокойно взял трубку:

– Слушаю вас.
– Здравствуйте, Виктор Михайлович.
– Здравствуйте, Михаил Сергеевич.
– Вы в курсе случившегося?
– Да, уже знаю!
– Вот и отлично. Надеюсь, вы понимаете важность текущего момента?
– Да, конечно! У нас на такой случай есть план необходимых обеспечительных мер, – начал докладывать Чебриков. – Границу переведём на усиленный режим охраны. Все комитеты на местах действуют по специальному плану заранее разработанных мероприятий...
– Это всё правильно вы делаете, – перебил его Горбачёв. – Мы очень на вас рассчитываем. У меня к вам просьба. Нужна ваша помощь.
– Слушаю вас, Михаил Сергеевич!
– Вы знаете, где сейчас находится товарищ Щербицкий?
– Да, конечно. С визитом в Великобритании.
– Абсолютно верно. И сегодня он должен возвращаться в Москву, – Горбачёв умолк, прикидывая, как лучше сказать ключевую фразу, и, наконец, выдал: – Нам надо, чтобы он задержался у англичан на пару-тройку дней ради общего дела!

Чебриков молчал.

– Вы можете справиться с таким партийным поручением?
– Да, конечно, – наконец, произнёс он. – Я всё сделаю.
– Мы на вас рассчитываем, Виктор Михайлович.
В трубке раздалась короткая гудка.
Чебриков, как-то странно улыбаясь, отпил чай из стакана и, глядя на удивлённые лица коллег, сказал:
– Вот и сказочке конец, други мои. Горбачёв будет новым генсеком. Через два-три дня.
– И что нам теперь делать? – очередной раз спросил полковник Федотов.
– Закрываем дело. Теперь уже не имеем права.
– Что делать с материалами, Виктор Михайлович? – тотчас озадачился Пономарёв как руководитель рабочей группы.
– Сколько работников в курсе? – снова спросил Чебриков.
– Двенадцать человек вместе с нами!
– Со всех взять подписку о неразглашении. Делу дать режим особой секретности. Об этом я позабочусь сам. Сегодня же всё подготовьте.
Когда генерал и полковник ушли, Чебриков попросил к себе начальника управления охраны.

А на Старой площади в это время жизнь кипела так, будто страна готовилась к какому-то очередному торжеству. Случилось так, что до покойника не было дела никому. Правительственные машины сновали между Кремлём, МИДом и Старой площадью, как челноки. Группировки властителей страны готовились представить нового лидера, и каждая – своего. Кукловоды всё заранее расписали, как по нотам. Оставалось только открыть занавес этого театра абсурда, где мудрый дипломат и политик с богатейшим политическим и житейским опытом соглашается стать “ферзём” на час ради минутной слабости, нисколько не подозревая, что его, мудрого и умного, руководящего и направляющего, “обуют, как самого настоящего лоха”. Этим лохом оказался Андрей Андреевич Громыко. Поддавшись уговорам, Андрей Андреевич согласился на должность Председателя Верховного Совета. Как старейший партиец, не дождавшись открытия заседания Политбюро, он предложил Генеральным секретарём избрать Горбачёва. Сделка состоялась. На мелочи никто не обратил внимания. Главное – на смену старикам пришёл молодой и энергичный, выступающий без бумажки лидер. И на тот момент это был лучший вариант.

“Ну, теперь заживём!” – вздохнула облегченно страна.

* * *

После инаугурации, когда отшумели банкеты и затихли поздравления, Михаил Сергеевич, наконец, избавился от своих европейских и американских почитателей и встретился со своим другом Александровым наедине, чтобы определить дальнейшую работу, так сказать, масштабно выстроить програм-

му действий. Они уже знали, что будут ломать через колено эту страну. Однако плана действий, который бы указывал, как это сделать с минимальными потерями для себя, у них не было. Предстояло не спеша обозначить канву, по которой аппарат должен был вывести их на ключевые решения, которые давно сидели в голове у обоих. Разница состояла только в том, что Горбачёв, ещё не начав преобразований, возомнил себя великим реформатором, а Николай Яковлевич давно считал себя великим мыслителем, с помощью интриг незаметно влияющим на судьбы людей целой страны. Ему это было ближе. В душе, в самых её глубинах он оставался пропагандистом, для которого нет большего счастья, чем видеть воплощение своих идей. И потому у них было полное взаимопонимание.

– Ну, что, Николай Яковлевич, ввязываемся в драку, как говорил великий Ленин, а там посмотрим, чья возьмёт? А?

– Это Наполеон говорил, Михаил Сергеевич, – поправил его осторожно Александров.

– Ну, и чёрт с ним, с твоим Наполеоном. Что у нас там? Какая самая большая проблема?

– КПСС, – спокойно ответил Александров, улыбаясь при мысли, что разговор происходит на Старой площади, в главном здании ЦК партии.

– Партия! Партия! Партия! – быстро заговорил Михаил Сергеевич, думая о чём-то другом. – Тебе, Николай, надо использовать свои связи на Западе, донести до них мысль, что пришёл новый лидер, при котором всё будет по-другому, но ему надо помочь не болтовней, а деньгами. Если хотят жить спокойно. А то мы им такое устроим с голодухи. . .

– Михаил Сергеевич, они давно уже вас знают и помогают нам, как могут.

– Чем они нам помогают? – возмутился Горбачёв. – Пусть воткнут эту помощь себе в одно место! У нас жрать нечего, продовольствия нет.

Александров язвительно заметил:

– Они понимают, что продовольствие – продукция сельского хозяйства – это близкая вам сфера деятельности, и делают, что могут. Но чтобы помощь была активной, нужны поступки, нужны шаги! Необходима новая идеологическая доктрина, которую бы все заглотили, например, “перестройка”, “гласность”, плюрализм мышления.

– Что за плюрализм ещё? – Горбачёв выругался матом.

– Многообразие мнений, суждений, Михаил Сергеевич.

– Зачем тебе это?

– Я всё обосную, всё организую с позиции диалектического материализма, агитации и пропаганды. Нарботки есть. Ведущие институты, идеологический актив, пропагандистский аппарат – все получают соответствующие указания.

– Вот-вот! Правильно, Николай. Надо, чтобы партия начинала с себя строить новую жизнь. Но делать это надо как-то осторожно.

– Но, прежде всего, кадры, – добавил Александров.

– Да! Кадры решают всё, – согласился Горбачёв, – даже такие хреновые, как наши!

Он поднял трубку и попросил, чтобы принесли перекусить и выпить.

“Быстро он освоился в кабинете генсека”, – подумал Николай Яковлевич и сглотнул слюну. Он с утра ещё ничего не ел – некогда было.

Горбачёв прочитал эту мысль в глазах товарища и поучительно заметил:

– Это место давно принадлежало мне. И только по этическим соображениям я не хотел его занимать раньше. Как выясняется, напрасно. Только потерял время. Ну, ладно, ты давай, иди, занимайся, как ты говоришь, “глубокой перестройкой умов”, через неделю встретимся, всё должно быть готово. Апрельский пленум будет громким. Я на тебя рассчитываю, мне нужна мощная речь, которая перевернёт мир. Кому много дано, с того много и спрашивают! И не забудь свои предложения по кадрам подготовить. Это важно. Я с Капитоновым ещё потолкую. Ну, всё, давай.

Александров собрался уже выходить, но в дверях стоял официант с тележкой, на которой под салфеткой просматривались закуски и приборы на двоих. Александров протянул руку Горбачёву, тот быстро ответил рукопожатием:

– Пока, Коля.

Александров шёл по коридору третьего этажа к себе в кабинет, рассуждая о человеческой сути и несправедливости жизни.

– Я сделал тебя. Я тебя и убью. Выскочка!

Но что бы там ни думал Николай Яковлевич о новом своём патроне и, так сказать, сподвижнике, он прекрасно понимал, что исполнить свою мечту он мог, только находясь рядом с этим человеком. Только став его тенью, его ушами и глазами. Надо заставить его думать так, как надо мне. А пока пусть упивается властью и читает Ленина – “Головокружение от успехов...”

Николай Яковлевич прекрасно знал, что первые идеи перестройки страны были изложены в неопубликованных выступлениях Берии, но Хрущёв и его окружение признали их очень опасными для партии, потому они вместе с Лаврентием Павловичем быстро исчезли с горизонта жизни страны.

Знал Александров и то, что Горбачёв нахватался “верхушек” от Андропова, который фундаментально разрабатывал саму концепцию перестройки как общественного сознания, так и производственных отношений и, главное, системы управления страной.

Андропов считал, что именно КПСС должна инициировать процессы обновления в обществе. Запустить их и затем поэтапно, шаг за шагом, сложить с себя полномочия руководящей и направляющей силы, запустив систему многопартийности. Всё это Александров как опытный аппаратчик понимал лучше многих... Но сейчас задача стояла по-другому. Надо было показать стране и всему человечеству: вот, смотрите! Появился планетарный лидер, который изменит этот мир к лучшему, если только не утопит его в крови своей примитивной болтовнёй, непомерными амбициями и самолюбованием. Ну, ничего. Это мы переживём, но зато тем интереснее дело. Моё дело! – закончил свою мысль Александров.

Он деловито потёр руки. Попросил чаю с бутербродами и сел писать тезисы речи, которую должен будет произнести перед страной новый Генеральный секретарь ЦК КПСС.

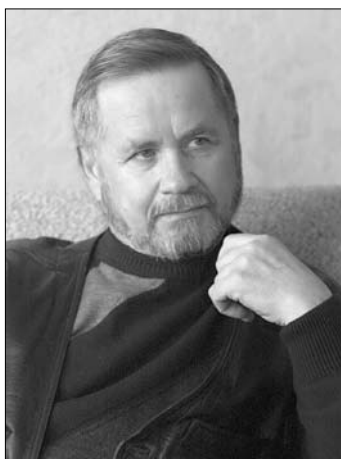
Понимал Александров ещё и другое. Горбачёв не такой антикоммунист, каким показывает себя. На людях он другой. И всегда верит в то, что говорит. Пока говорит. И несмотря на то, что Горбачёва толкали наверх со всех сторон, включая его, Александра, западных друзей, по большому счёту новый генсек являлся выдвигенцем той части верхушки партии, которая стремилась выйти путём модернизации системы. А он, Александров, как раз тот человек, который великолепно владеет всеми идеологическими инструментами влияния, более того, западник, оказавшийся в нужное время в нужном месте. “Во всяком случае, – подумал Александров, – мне уже за шестьдесят, а я продолжаю делать карьеру в стране, где далеко не последний человек. Нет, я первый. – Его вдруг осенило: – Батюшки мои! Эврика! Как же это я не додумался сразу. О чём последнее время талдычит наш пропагандистский аппарат? Чего я требую от партийных комитетов? Больше социализма! Надо утопить информационное пространство страны в лозунгах о необходимости дать больше “социализма”, больше “гласности”. Будет красиво звучать и разрушать сознание народных масс. Сделаем Михаила Сергеевича великим демократом или великим демагогом. Впрочем, в этой стране эти слова – синонимы”.

Как бы то ни было, но Александров подготовил все принципиальные выступления Горбачёва в области внутренней и внешней политики. Более того, из Политбюро скоренько, без лишних объяснений, были изгнаны ставленники “дорогого и любимого” Леонида Ильича. Пришли новые – молодые tecnократы. Александров создал команду известных интеллектуалов из числа экономистов, социологов, которые откровенно были ориентированы на Запад.

И лёд тронулся!

В декабре Белгородская областная писательская организация отмечает полувековой юбилей. Журнал “Наш современник” и писателей Белогорья связывают давние творческие узы. Не раз в области выступали делегации журнала, в состав которых входили В. Кожин, Ю. Кузнецов, В. Распутин, Ст. Куняев, А. Казинцев. Не раз редакция выпускала специальные номера, посвященные литературе Белогорья. К славному юбилею мы приурочили очередной белгородский выпуск.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

С МЕЧТОЮ О ПЕСНЕ ВЕЛИКОЙ...

* * *

Синим светом поднебесья
Осыпаются лучи.
Так вот просто не надейся
Русь-Россию изучить.

Не возьмут её на пушку
Ни жара и ни мороз.
Если грусть — на всю катушку,
Если радость — то до слёз.

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился в 1947 году в станице Ильской на Кубани. Окончил Воронежский государственный университет. Автор одиннадцати книг стихотворений, поэм и переводов. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки. Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат ряда Всероссийских литературных премий. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Белгороде.

А прислушаешься если —
Звонкой россыпью окрест
Как поёт Россия песни
Под лягушечий оркестр.

Разгадать никто не в силах,
В чём слаба и чем сильна
Препечальная Россия,
Развесёлая страна!..

* * *

Я пишу тебе просто так...
Из письма

Голос слов
На белых листах
Зазвучал по окрестностям мая:

“Я пишу тебе просто так,
Просто так я тебя вспоминаю.
Ты поверь, что в моих мечтах
Нет тревог и обид недавних.
Я встречалась с тобой просто так,
Просто так ухожу.
До свиданья...”

Я читаю письмо...
На устах
Просветлённость улыбки
Не тает,
Потому что, пойми:
Просто так
Ничего
На земле
Не бывает!..

* * *

Мне вспоминается деревня,
Где я когда-то жил и рос.
Там лазил я до одуренья
По веткам сосен и берёз.

Рубахи бросив на опушке,
Друзья карабкались за мной,
И не иначе как верхушку
Достать хотелось нам рукой.

И, нарушая все запреты,
Мы каждый день в ту рошу шли
По угасающему лету,
Купаясь по уши в пыли.

О, как мечталось нам и пелось!
И были помыслы чисты:
Увидеть мир большой хотелось,
Хоть с небольшой, но — высоты!..

* * *

— Ау! —
В ответ — ни слова.
— Ау-у! —
Кричу сильнее.
Я заблудился снова
В лесу души твоей.

Боясь измять травинки,
Иду-бреду сквозь лес.
Я знаю, что тропинки
Не отыскать мне здесь.

Иду такой счастливый,
Прижав к лицу листву.
Как страшно и красиво!
— Ау?
— Ау-у!
— Ау-у-у?

* * *

*Любите поэта. А слава
Найдёт после смерти его.*
Т. Олейникова

С мечтою о песне великой,
Которой не грех дорожить,
Мне в этой обители тихой
Судьбой предначертано жить;

Без скрежета, шума и треска,
Где нет ни друзей, ни врагов,
Неслышно идти перелеском
Вдали от великих лесов.

Опять заплутаю в дубраве,
Хотя и вершина влечёт.
Не думаю больше о славе,
Она после смерти — не в счёт...

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

РУКИ МАТЕРИ

РАССКАЗ

В посёлке Троицкий, что на Белгородчине, установлен памятник невинно погибшим мирным жителям, расстрелянным тут же, неподалёку, в хуторе Калиновка, 4 июля 1942 года. В монолите бетона изваян старик, скошенный пулей. Он упал на одну руку, а другую поднял, прикрывая мать с девочкой. И памятная доска, на которой высечены имена...

Погибло тринадцать человек. Среди них семеро детей:

Черных Егор — 15-ти лет,
Черных Миша — 15-ти лет,
Травкин Ваня — 12-ти лет,
Яковлев Лёня — 11-ти лет,
Травкин Боря — 10-ти лет,
Травкина Рая — 4-х лет,
Травкин Женя — 1 год от роду.

Позже я узнал, что мать, потерявшая четырёх детей и послужившая прототипом для скульптуры, жива и что ей воздвигнут монумент при жизни.

И вот я стучусь в незнакомую дверь, а сердце бьётся учащённо: здорова ли, жива ли?..

ШАПОВАЛОВ Владислав Мефодьевич родился в 1925 году на Белгородчине. Семнадцатилетним, в 1943 году, ушел на фронт. Тяжело ранен в бою. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью "За отвагу" и др. В конце войны ему было присвоено офицерское звание — младший лейтенант. Окончил Днепропетровский государственный университет и тридцать лет учительствовал, был директором школы. За плечами автора более двадцати книг прозы. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в Белгороде.

Дверь отворилась. Передо мною предстала рослая, знакомая мне по монументу женщина, только сорока годами старше. Я узнал её. Та же стройность во всей фигуре, мужественные черты лица. Время не согнуло её. Высоко, как на постаменте, держа голову, она пригласила меня в комнату.

Я ничего не изменил в её рассказе. Да и какой смысл! Никакое “художественное” воображение не способно представить себе то, что даёт жизнь. На что она способна...

Вот её рассказ — Натальи Константиновны Травкиной.

1

Наталья проснулась, когда в серо-пепельном оконце проступила двумя чёрными соломинами крестовина рамы.

Мерно, чуть слышно, тикали на кухне ходики, глубоко дышал во сне Иосиф, посапывал в зыбке Жёня.

Бережно, чтоб не разбудить мужа, Наталья спустила на глинобитный пол босые ноги. Подобрала захватом ладони рассыпавшиеся по плечам волосы, склонилась над зыбкой.

Жёня лежал на боку, подложив под щёку ручку, тёмное пятно головы скатилось с подушки. Переложила мальчика повыше, постояла, согнувшись над зыбкой, и, взяв со стула кофту с юбкой, тихонько пошла на кухню. Все трое старших спали на печи. К утру полосатая ряднина сбивалась под ноги, и Наталья, став на лавку, укрыла меньшую — Раюшу. Девочка, прожевав губами, задержала дыхание и тут же снова уснула детским непробудным сном.

Подошла к столу, увидела на скамейке торбу, завязанную шворкой. Торбу — жалкий дорожный скарб — Наталья собрала ещё с вечера, и теперь, когда она взглянула на эту прежде неприметную, ничего не значившую в доме вещь, остро кольнуло сердце...

Щёлкнула на часах, скользнув по колёсику, цепка, зашаталась иссиня-зелёная шишка стеклянного грузика, и Наталья очнулась. Тронула рукой захватанную завёртку на кухонном столе, открыла диктовую дверцу.

Накануне она готовила хлебы, в хате ещё стоял тёплый, приятный дух выпечки. Достала начатую буханку с рельефными отпечатками капустного листа на поду, с глубоко запёкшимися до черноты углинами древесной золы, отрезала небольшой ломоть. Покропила краюху солью — и что бы ни делала, думала об одном и том же...

Выходя в сенцы, Наталья оглянулась назад и в узкой половинке двери увидела угол самодельной люльки с деревянной решёткой, железную кровать с ещё девичьими пуховиками и строгий во сне мужнин профиль.

Иосиф вставал позже, и Наталья дарила ему несколько самых дорогих по утру минут сна. Постояла, и всё было бы, как прежде, как всегда, если б не легло тяжестью на грудь что-то ещё непонятное и не до конца осознанное...

Заметно светлело. Наталья ополоснула в сенцах лицо и руки, подвязала косынку волосы и, стараясь не стукнуть клямкой, вышла с подойником и посоленным хлебом во двор.

В низинах ещё стояли туманы; кое-где на возвышениях просматривались травяные плешины взлобков. Птичьим гомоном отзывались кустистые перелески. Воздух был настолько девственно чист и свеж, что чувствуешь, как вдыхаешь его.

Хутор кучно, всеми пятью хатками гуртился к густому чернолесью. Прямо от окон, через луговину с просыхающим на лето ручьём, поднимались до самой хребтины тронутые уже лёгкой желтизной хлеба. Сзади, откуда оранжево разгоралось небо, стоял непроглядной стеною тёмный дубняк, а с противоположной стороны горизонт был иссиня-чёрным. Наталья оглянула распахнувшуюся перед ней ширь, и её охватил ужас от этой открытости и незащищённости...

Зорька стояла в своём закуте. Повернув голову, смотрела большими телячьими глазами, опахивая их длинными ресницами. И как только хозяйка появилась в проёме, встретила её негромким, на полдыха, мычанием. Ната-

ля сунула ей окраек буханки, огладила белые пятнышки шерсти между рогами. Так она голубила свою ведерницу перед дойкой, и Зорька отпускала молока больше — на ласку.

Иосиф проснулся, когда Наталья отзвенела белыми тугими струнами молока в подойник и вернулась в сенцы. Сняла с бечёвки холщовую редину, покрыла сверху пустой глечик. Продавила пальцами выемку в холстинке, стала цедить молоко. Глядь, а он стоит уже готовый, с торбой в руке.

— Ося, как же я с четырьмя?.. — еле выговорила с болью в голосе.

— Дык, он же где? — нарочито молодцевато произнёс Иосиф, и в этой нарочитости Наталья уловила всю горечь того, что случилось.

А он ещё смелее добавил:

— Дык, мы его остановим.

2

А через год фронт подошёл к хутору Калиновка.

Наталья, вспомнив последние слова мужа, криво усмехнулась, но тут же пристрожила себя.

От Иосифа было всего два письма. В первом он писал, что ранен в бою и находится в госпитале на лечении, — ну и, слава Богу, хоть жив, а что, может, калека, то не такая уж и беда при всеобщем горе, если вернётся, век доживём и так. Во втором коротко писал, что из команды выздоравливающих его направляют в маршевую роту. В воинском деле она не очень-то разбиралась, но чутким сердцем уловила в скупых строчках и тревогу, и беду. Коль не домой, то уже худо. Значит, война не замиряется и невесть сколь ещё протянется.

В нескольких верстах от Калиновки, если взять напрямки через угор, в селе Ястребовка, жила Натальяина мать. Ястребовку немцы заняли раньше, и мать, зная, что на хуторе осталась дочка с четырьмя детьми, пробралась ночью через линию фронта. Вполголоса, чтоб не поднять переполох, позвала в окно:

— Наташка...

И голос родной, а вздрогнула. Подхватила живо по-тёмному, отодвинула на ощупь засов.

В мирные дни на хуторе никто не имел моды брать наружные двери на запоры. Да их, замков, считай, и не было. Но с приходом лихолетья многое изменилось. Наталья отворила дверь и не кинулась к матери, а сперва оглядела, нет ли кого поблизости за её спиной. Только затем, не удержав слёзы, в тихом беззвучном рыдании обняла мать, уронив голову на её плечо.

— Ой, какая там страсть, — простонала мать шёпотом, — что у нас в Ястребовке робылось. Людей сколько побило...

С вечера за горизонтом, где находилась Ястребовка, что-то сильно гремело, а когда начало смеркаться, небо взялось багровым кровоподтёком. К ночи зарево немного присело, но всё равно видно было: там что-то горит.

— А дитёв надо схватить, — всё так же таясь, шёпотом произнесла мать.

Она ещё не отдышалась, должно быть, бежала или шла поспехом, её беспокойство передалось Наталье.

Вдвоём они внесли в погреб по оберему соломы, устлали земляной пол. Сверху покрыли солому рядном. Перевели сонных Ванюшку с Борей, перенесли на руках четырёхлетнюю Раюшу. Мальчики, волоча ноги со сна, цеплялись босыми ногами за порог. Уложили всех рядом.

Не спали. Сидели впотьмах, вслушиваясь в неясные шорохи, что долетали через открытую дверцу, молчали. Наталья держала на руках Жёню, думала, как же остались там, наверху, Зорька и подсвинок с курами, которых с таким трудом она удержала до сих пор, Бог весть каким прокормом.

Жёня спал беспокойно, ворочался и что-то невнятно бормотал, суча голыми ножками. Наталья то и дело перекадывала его с руки на руку.

Вскоре они надышались, в погребе стало жарко.

— А чего мы мучаемся? — сказала мать. — Пойдём в хату, а как что почувется, сразу перебежим. Погреб-то рядом.

На дворе было тихо, мирно горели в вышине звёзды. Обозначил себя кромкой светлеющего неба край хлебного поля.

Они вернулись в хату. Наталья положила Женю в колясочку, что ещё для первенца смастерил муж, — так та зыбка и перекачала всех четверых по очереди, — сама прилегла на кушетке, уступив кровать матери. Спали там или не спали, только рано утром обеих всколыхнул неясный шум, что доносился с улицы. Мать подошла к окну, приоткрыла занавеску.

— Немцы! — сразу осел её голос.

На краю хутора послышалась автоматная трескотня.

Наталья схватила Женю из колясочки, выбежала в сенцы, затем во двор. И только хотела было спуститься в погреб, как увидела бегущего соседа.

Максим Сотников работал в совхозе пасечником, дома держал несколько дуплянок, прикрытых сверху кулями соломы. Бывало, срежет кус янтарно-солнечных сотов и несёт через межу в деревянной миске. Хлопцы её, Ванюшка с Борькой, ходили потом с надутыми лоснящимися пузырями до самого вечера и ко всему приклеивались.

Он бежал за тыном вдоль улицы в одной нательной рубахе, со взбитым впереди чубом и растерянными глазами. Крикнул что-то и, взмахнув рукою, точно загораживая её с ребёнком, упал, как подкошенный.

Что он крикнул, Наталья не разобрала, но поняла, что обращался дед Максим к ней, а прикрывающий взмах руки указывал: куда ты суёшься, да ещё с дитём! Наталья прижала ребёнка к себе, закрыла рукой его головку.

В это время ойкнула сзади мать. Наталья оглянулась, а мать, положив руки на голову и как-то неловко оседая на ноги, не своим, чужим каким-то голосом произнесла:

— Вот мы и дожили...

В погребе проснулись от выстрелов дети. Позвали мать, но возле них её не оказалось. Ванюшка метнулся по ступенькам вверх, за ним — Боря. Раюша всхлипнула, но тут же подхватила следом... Наталья хотела на них прикрикнуть и загнать назад, да тут её будто кто хлестнул железной плетью по рукам. Женя вздрогнул у неё на руках, будто его на мгновение свело судорогой, и обмяк...

Не помня себя, Наталья спустилась в погреб, положила безжизненное тельце на солому и, ещё не осознавая, что положила мёртвого, выползла, сама вся окровавленная, наверх и потеряла сознание...

3

Двое суток Наталья пролежала в беспамятстве вместе с мёртвыми детьми и матерью. Выходило и, поднявшись до зенита, накалив землю, заходило солнце. Слетали поутру с насеста, подавались ближе к лесу на подножный прокорм куры. Зазывно, поджимая впалые бока, мычала на привязи голодная Зорька, повернув голову, выглядывала в дверь коровника. Верещал в закуте поросёнок. Да никто их не слышал...

На третью ночь выходили из глубоких немецких тылов наши окруженцы, человек пять или шесть. Изголодавшиеся, оборванные, брели они окраинами, подальше от дорог. Наткнулись на Троицкое — отступили назад. Село большое, шлях уторован. Тут, как пить дать, полно их. Смотрят, а в стороне, под лесом, несколько хаток отдельно стоят. Не иначе — хутор какой-то высельский притаился в затишке глухомани. И там он, вражина, ясное дело, заробеет остановиться.

Было уже глубоко за полночь. Месяц, высветив белёсые стены хуторских мазанок, завяз в тучах, всё вокруг покрылось непроглядной тьмой. Лишь со стороны Троицкого доносились какие-то непонятные звуки, время от времени вспыхивали и ползли вверх по небу одинокие красные светлячки трассирующих пуль да шипяще-стелющимся эхом запоздало отзывалась на выстрелы дубрава.

От истощения уже не было сил. Рискнули попытать счастья. Первым, шагов на сорок впереди, шёл их вожак — сержант, не споровший петлицы на воротнике. За ним, немного рассредоточившись, прокрадывались осталь-

ные. Сержант осторожно, чтоб не шумнуть, открыл плетённые из лозы ворота: двор запустелый, хатушка без признаков жилья. Душок трупно-фронтальной стелется низом. Ступил дальше — и остановился, остолбенев. Так и стоял в нерешительности.

— Что там? — не терпелось узнать задним.

Сержант оглянулся, сложив ладони рупором, произнёс шепотом:

— Мёртвые тут...

Когда подошли все, кто-то ахнул:

— Братки, дак это ж дети!..

Застонала Наталья. Сквозь забытье она услышала говорок и пришла в себя. Разодрала залипшие сухой кровью веки, еле различила на фоне тёмного неба несколько теней.

Правая сторона головы занемела, слышала Наталья плохо и почти ничего ясно не видела, — подтекающая из-под волос кровь заливала глазницы.

Наталья подала голос, и бойцы, казалось бы, не робкого десятка, струхнули. Но тут же сообразили, что ничего опасного вокруг нет, что это всего лишь бабий стон, и подошли ближе. Сержант нагнулся, и Наталья признала ворот гимнастёрки.

Измощённые лица, заросшие щетиной по самые глаза, залоснившиеся от пота, приставшие к телу мокрые гимнастёрки, да и весь вид её спасителей сказал о многом. И она то ли от того, что зашевелилась и потревожила раны, то ли от сознания безвыходности их положения, снова провалилась в беспмятство.

Одного из своей небольшой команды сержант послал в хату. Боец обшарил сенцы, перебрал горшки на кухне, и, ещё не понимая, что Наталья в обмороке, спросил:

— Мамаша, там скисло молоко, можно взять?

Наталья очнулась. С трудом подняв израненную руку, молча указала на погреб. Двое спустились вниз по ступенькам и вместо продуктов, как ожидали оставшиеся наверху, вынесли убитого младенца...

— Там он... там... — стонала она, не видя, что вынесли Женю.

Всех пятерых сложили рядышком у погреба, прикрыли полосатым рядом.

— Покличьте соседей... — обеспокоилась Наталья, заметив, что солдаты собираются уходить.

Кто-то из них смотался в одну сторону, в другую и вернулся ни с чем:

— Везде побитые...

— А её куды? — обратился один из солдат к командиру.

Сержант молчал. Он, видимо, не знал, как поступить с женщиной, с живой, но не способной двигаться: коль взять с собой — она связала бы им руки, но и оставить её одну негоже.

— Вы меня не бросайте... — обеспокоилась она догадкой и попыталась подняться, но от резкой, глубокой, простреливающей всё тело боли у неё помутилось в голове.

Когда она пришла в себя, то увидела, что солдаты ладят две жердины, увязывая их путами на расстоянии друг от друга. Кто-то вынес из хаты шерстяное одеяло, под которым она проспала с мужем всю свою супружескую жизнь. Стало ясно, что они готовят что-то вроде носилок. Наталья, с трудом превозмогая нестерпимую боль, дотянулась побитой рукой к Жене, тронула холодный лобик. Дети лежали рядышком, и каждого в темноте, с закрытыми, стянутыми на ресницах кровавой коркой глазами, она опознала и каждому роняла на грудь своё бесслёзное лицо.

4

Ночь иссякла. Серой кромкой у края неба занимался рассвет. Солдаты спешили. Они несли раненую Наталью огородами в сторону Троицкого, попеременно перехватывая поручни носилок, часто сменяя друг друга из-за одолевшей их слабости. Один — для разведки — шёл впереди, двое, то и дело оглядываясь, прикрывали носилки сзади. Шелестела под ногами кар-

тофельная ботва. Встретился на пути ровик, носилки шатнулись, и Наталья застонала. Сержант, остановившись, прислушался.

Не доходя до Троицкого шагов двести, сделали передых. Носилки опустили под ракитой, одиноко стоящей на краю поля, возле оврага. И дальше не пошли. Начали шептаться. Наталья со страхом поняла, что солдаты боятся заходить в селение, и, подумав с тревогой, что они оставят её здесь, обеспокоенно шевельнулась.

По пути у неё открылись раны, начала подтекать свежая кровь. Наталья чувствовала, что слабеет.

— Лежи-лежи, бабка, — укоротил её сержант.

Сам же, приказав всем отходить к леску, что за хутором, и собираться у его южного окрайка, где начинается дубовая роща, спустился вниз и оврагом пробрался к селу. Залёг под кустом сирени, высмотрел улицу, надворные постройки захудалой хатёнки, что стояла в ряду крайней. Наконец, убедившись, что ничего опасного нет, подошёл ближе и легонько стукнул в оконце.

Там жила Мария Фоминична Черных, солдатская вдова, дальняя родственница Натальи Травкиной. Свой век Мария Фоминична коротала с дочерью и старым дедом Демьяном, у которого были больные ноги. Натанув впотьмах кофту, запахнувшись платком, она боязливо отворила дверь, вышла босая на порог и, не приглашая ночного гостя в дом, долго не могла взять в толк, чего от неё хотят.

— Мы уходим. Она лежит под ракитой, — поспешно произнёс сержант и точно растаял перед нею впотьмах.

Мария, растерявшись, всё стояла на пороге.

— Чо тама? — подал с печи голос через оставленную настежь открытой дверь дед Демьян.

Вернувшись в хату, Мария увидела, что Демьян натягивает на тощие бедра портки, ищет на колу, забитом в простенок, свою замызганную кепку.

— Горе...

К горю можно было бы уже и привыкнуть. Оно ведь тоже величина относительная, и то, что в иные времена кажется бедствием, ныне сущий пустяк.

— Чо що?! — озлился старый, недовольный тем, что Мария тянет с ответом.

Ничего непонятно: их кто-то веколыхнул, постучав в окошко, а в хату не зашёл. Так может лишь сосед. И что там могло стрястись?..

Как могла, Мария растолковала то, чего ещё и сама как следует не знала.

Без лишних слов Демьян сходил в летний хлевок, наскоро выкатил оттуда ручную, сколоченную из старых досок тележку. На той колымаге, хромящей на одну сторону из-за ковыляющего колеса, он развозил по огороду навоз. Кинул на дно соломки и покатил вдоль овражка. Мария, не отставая, спешила следом за пустой тархтелкой, попискивающей ступицей при каждом обороте перекошенного колеса, тревожно оглядывалась по сторонам и отчего-то пригибалась.

У ракиты лежало что-то длинное и плоское, будто вытянутое на доске, не похожее на человека. Мария подошла ближе и по одежде признала свою троюродную, по бабушке, сестру...

5

Наталью, обмыв засохшую кровь на теле, определили в запечье, подалее от дурного глаза. Дед Демьян забил два гвоздя на противоположных стенах, натянул между ними шворку. Мария сняла в горнице занавеску, прицепила на шворку. Строго-настроено приказала своей Алёнке никому не рассказывать, что тётя у них. А сама рано утром подалась в соседнюю Ястребовку, где жила акушерка медпункта Валентина Ивановна Померанцева.

На следующую ночь Валентина Ивановна пробилась через патрульные заставы в крайнюю хату посёлка Троицкого. Свой белый халат она, чтоб не

было лишних улик, не стала брать. Захватила лишь пузырёк очищенного самогона вместо спирта и небольшой огарок свечки. Мария к тому времени уже подрала на ленты простыню, выварила её в кипятке и успела просушить. Завесила окно одеялом, зажгла куцый огарок.

Вдвоём они перенесли страдальцу на кушетку, приладили, чтоб не падала от руки тень, светильню. Мария прикрыла Наталье ноги. Затем Валентина Ивановна взяла обмылок, долго цокала соском ручноймыльницы, вытерла руки и тщательно протёрла пальцы самогоном. Только после этого подошла к раненой. Мария, так же вымыв руки, подсобляла ей.

Стояла июльская жара. Мухи забивали окна. Заскорузлые раны покрылись в течение трёх дней гнойными окалинами. Кое-где на трещинах выступала кровь. Валентина Ивановна выковыряла из ран червей, измаранных сукровицей, обработала как следует все ранки самогоном, наложила повязки. Наталья ни разу не дала себе вскрикнуть. Сцепила зубы, сжала до побеления веки. Так и лежала, сковав тело, точно мёртвая.

У Померанцевой, как говорили в округе, была “лёгкая рука”, на свет она принимала младенцев нетрудно и удаю. Принимала она роды на дому каждый раз и у Травкиной — искусно вязала пупки, и, пришлёпнув по попе, садила кроху на ладонь, высоко поднимала над собой, придерживая другой рукою под затылок головку. Мир звонко оглашался пробудным криком. Весь век она принимала на руки жизнь, теперь они, эти святые руки, встретили смерть.

В следующий раз Валентина Ивановна пришла дня через три. Так же ночью легонько царапнула коготком шибку, не задерживаясь, сменила повязки. Она раздобыла где-то немного мази Вишневого, ещё четыре шайбочки стрептоцида, и теперь была довольна, что врачует по всем правилам лечебного дела. Управилась живо, ушла, кроясь оврагом, чтоб не увидели.

Так она время от времени навещалась в посёлок, где никто не знал про тайну крайней хатёнки Черных, заботливо пеленала Натальины раны, и они, отзывчивые на доброе бескорыстное сердце, заживали споро и без нагноений.

Наталья, скрытая от людей, отделенная ситцевой занавеской от всего мира в своём полутёмном запечье, изученном до каждой царапинки на стене, лежала беззвучно. Услуги стесняли её, и она, не требуя ухода, стараясь быть в доме незаметной, чтоб не беспокоить никого своим присутствием. С другой стороны, она тоже чувствовала щадящее отношение к себе и молча была благодарна. О детях и матери ей старались не напоминать, но видно было, что она постоянно думает о них, часами глядя в одну точку.

Поднялась Наталья где-то через месяц, но руками ничего ещё не могла делать. Голова сильно болела. Пулевое ранение, задев сбоку от затылка кость, видимо, повредило какие-то корешки. Наталья стала замечать, что гложет на правое ухо, да в том никому не хотела признаться.

— Ну, я пойду, — сказала она однажды за столом, испытывая к хозяевам безмерную благодарность и вместе с тем стеснённую своим горем вину.

Наталья вечеряла вместе со всеми за столом, и у неё уж начала сходить с лица затворническая желтизна.

— Куда?.. — с придыханием еле выговорила Мария.

В хуторе никого из живых не осталось, имущество и всякую живность давно растаскали. Мария по указке Натальи — сходи, что ж за зря добру пропадать! — принесла щепоть соли, два чёрных казана, полкуля ячневой крупки, чудом сохранившейся на миснике. Жить одной в хуторе на пять пустых хат Марии казалось жутковато.

— По свету, — отказала Наталья.

6

Так она скиталась по свету, живя подпольно на одном месте недели по две, то у родственников, то у знакомых. Осенью она тайно пробралась в хутор.

Хутор к тому времени, стоя без единой живой души, начал захламляться. Глиняные мазанки под дождями да в непогоду облупились и стали рябыми,

точно в коросте. Кое-где чернели выбитыми шибками провалы в окнах. Наталья увидела своё подворье — сердце остановилось, и она испытала то чувство, что уже раз перенесла. Упала на землю, политую кровью детей, и еле поднялась, задубевшая...

Но собрала силы, выкопала на огороде картошку и ведро лука, собрала початки кукурузы. А как немец начал отступать, припряталась на хуторе, чтобы пересидеть, пока перейдёт фронт.

Её, одичавшую, нашли под вечер, когда солнце, уложив по мягкому февральскому снегу длинные фиолетовые тени, начало садиться за угор. Молодой лейтенант в погонах — она сразу не могла понять, что бы это значило, — и старшина в смушковой шапке долго от неё чего-то добивались, наконец, не столкновшись, пообещали зайти утром. Их привела Мария и в разговор не вмешивалась, но когда военные ушли, посоветовала:

— А чего терпеть, скажи им всё...

Наталья смотрела неподвижно в окно и, казалось, не видела его.

— Пуцай все люди знают...

Сидели путемки, огня ещё нельзя было зажигать. В поддувале просыпались сквозь колосники раскалённые жарины древесных огарков, красно свечивая стены, и Мария завесила от греха окно.

— Здеся ночевать будешь али к нам пойдёшь?

Наталья покачала головой.

Когда Мария ушла и шаги её замерли за окном, Наталья поднялась. Разыскала старый жмуричек, достала совком из поддувала жарину. Прикуруила фитилёк, поправила зёрнышко огонька. Огораживая пламя ладонью, подошла со светом к тумбочке, взяла оттуда огрызок ученического карандаша и клочок тетрадной бумаги. И как села за стол с карандашом в руке, не удержалась...

Тем карандашом писали её дети — Ванюшка с Борей. Они держали карандаш так, как учили их в школе. А Раюша брала карандаш захватом в кулачок, чиркая вдоль и поперёк по бумаге. В последнем письме Иосиф просил, чтобы ему прислали обедённую ручку Жени. Наталья приложила крохотную растопырку на свободное место внизу письма, обвела каждый пальчик. Затем передала огрызок Жене, и он наставил под пятернёй целую, известную только ему самому грамоту буквенных вензелей...

Не слова — слёзы пролила на тот клочок тетрадной бумаги Наталья, просидев до ночи, пока не сник, согнувшись на дно блюдечка старичком, выпив последние капли жиринок, фитилёк.

Утром, как обещали, явились лейтенант со старшиною. И ещё третий с ними — капитан в новой военной фуражке с блестящим козырьком. Брови чёрные, нос крючком и глаза водянистые навывкате.

— Ну, готово? — нетерпеливо спросил.

И как узнал, что Травкина ничего не написала, передёрнулся как-то весь непонятно.

— Вот так всегда, я так и знал! — грубо упрекнул он тех двоих, что вытянулись перед ним, не смея молвить слова.

Наталье стало жаль лейтенанта и старшину. Как она поняла, они допустили оплошину и теперь стояли виноватыми.

— Ну, хорошо, — произнёс, чуть картавя, капитан, — я тут кое-что набросал.

Вынул из бокового шинельного кармана вчетверо сложенный лист бумаги, передал Наталье.

— Читать, мамаша, умеешь?

Слово “мамаша” царапнуло слух — к ней ещё никто так не обращался.

Затем ей велели одеться. Наталья накинула на плечи плюшку — жакетку из чёрного плюша, повязалась платком. И, выходя из хаты, перекрестилась.

Трое вооружённых военных вели её хутором в сторону Троицкого. Лопотали на ходу по халявкам сапог широкие полы шинелей; путалась в длинной юбке, поспешая, Наталья.

— У вас было четверо детей? — уточнял некоторые детали капитан.

Через некоторое время опять спрашивал:

— Совхоз назывался “Казацкая степь”?

И снова:

— А муж не в плену ли?

Её никогда не допрашивали, и она испытывала какое-то неприятное чувство, всё больше проникаясь к этому горбоносому человеку каким-то ещё мало осознанным недоверием. Особенно насторожил её последний вопрос. Были, конечно, разные думки за полтора года такой бойни, поди, много чего перетрёшь в голове, но она и мысли не допускала, чтоб с Иосифом случилось что-то негодное.

— Какие от него вести?

“Какие вести... — усмехнулась она про себя, — знала бы где он, — ластовкой полетела бы...”

Ещё издали, подходя к Троицкому, Наталья заметила на сельсоветовской хате красный флаг, а на площади — какие-то серые загоры. И когда приблизилась, то себе подивилась... не загоры то были, не частокол, а солдатики, выстроенные на снегу в длинные ряды перед потрёпанным грузовичком с опущенными на три стороны бортами. Тут же, возле резинового колеса, стояла скамейка в виде приступки. С машины ей подали руку и встали на помост.

Площадь сразу осела, выделив хаты по самые завалины. Кое-где меж дворов чернели провалами свежие гари, отчего улица выглядела по-старушечьи шербатой. Солдатики с ружьями и развёрнутыми знамёнами стояли двумя кутами — на левое крыло и на правое. Сбоку от них сбились чёрной разреженной кучкой миряне. Кое-кого из сельчан Наталья узнала и теперь терялась, надо ли здороваться отсюда, с трибуны. Она поклонилась всем разом.

— Митинг, посвящённый освобождению нашими доблестными советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков села Троицкого, объявляю открытым! — звонко прокричал немолодой мужичок в латаных сапогах и московке из перекрашенной мадьярской шинели.

Это был известный на всю округу довоенный председатель сельского совета по имени-отчеству Иван Васильевич, покалеченный ещё в ту, первую, империалистическую войну. Когда Наталья регистрировала детей, Иван Васильевич каждый раз, вручая метрики, тепло поздравлял её и крепко, по-мужски, жал руку. Наталья не видела его с тех пор, как в село вступили немцы, и теперь отметила, что он крепко сдал по сравнению с тем, каким был в прежние годы. Да и все, кого она встречала, мало были похожи на себя: война формует людей на свой лад.

Подошла Наталья очередь, и кто-то подтолкнул её вперёд, на свободное место. Наталья очутилась посреди кузова. Сотни глаз смотрели на неё в упор, и она, никогда не испытывавшая на себе давления взглядами такого количества людей, растерялась и невольно отступила назад, но капитан вытолкнул её на прежнее место.

Она забыла, что в плюшке лежит записка, а все слова, которые знала, которые заготовила, в тот момент растеряла, никак не соберет к месту. Ком сдавил горло.

— Бабка, начинай, начинай! Чего молчишь! — понукал капитан шёпотом.

“Какая я тебе бабка, — мысленно обиделась Наталья, — меня в тридцать лет война так согнула...”

Однако внимание, которое было сосредоточено на ней толпой людей, заставило её одуматься. Наталья достала из плюшки сложенную вчетверо бумагу, развернула и дрогнувшим голосом прочла:

— “Немцы — звери, — запнулась и еле выговорила следующие слова: — Смерть им, проклятым врагам!”

Это были не её слова, и она не смогла читать дальше. В глазах у неё помутилось, и она качнулась. Её поддержали сзади, а капитан выхватил листок бумажки из её руки и вышел вперёд, заступив Наталью спиной.

— Русские люди! Фронтовики! Слушайте голос русской матери! — произнёс он так громко, чтобы его услышали в последних рядах. — Восемь месяцев назад я, как и все советские люди, жила радостно и счастливо. Росли

мои дети, старшие ходили в школу. Звонкие детские голоса неслись из каждой хаты. Каждый, кто любит жизнь, кому дороги семья и дети, знает, какое это счастье. Мы тогда проживали в Калиновском отделении совхоза “Казацкая степь”.

При чтении капитан делал паузы, и становилось так тихо, что было слышно, как сзади, на фронто́не сельсоветовского крыльца, лопотал на ветру красный флаг.

— Когда мой муж Иосиф Кузьмич Травкин ушёл на фронт, я осталась с четырьмя детьми в возрасте от одного до двенадцати лет. Четвёртого июля тысяча девятьсот сорок второго года в четыре часа утра в Калиновку ворвались фашисты. Ничего не разбирая, они открыли автоматный огонь. Я упала, потеряв сознание, а когда очнулась, то увидела, что все мои дети убиты, а на моём теле — двенадцать огнестрельных ран.

Читал капитан выразительно, хотя от холода картавил сильнее. Голос его, густой, басистый, походил на тот, что по радио объявлял фронтовые сводки: мороз по коже дерёт.

— Это сделали немцы! Таковы они все! О, звери! О, бесчеловечные враги! Слышал ли ты предсмертный крик наших крошек, мой любимый муж?! Так отомсти же за них, за их невинную кровь! Истребляй фашистских гадов! Ведь они ещё топчут нашу родную землю, они ещё убивают таких же, как наши, детей Украины и Белоруссии!..

Колонны, казалось, сомкнулись плотнее — нигде блестящее остриё штыка на винтовках не шелохнётся. Чёрное вороньё, грая над стрехами, тьмой пронеслось над площадью. Кое-где мучнисто осыпался с деревьев белый пушок инея.

— Товарищи! Братья! Кровь невинных детей, пепел сожжённых хижин стучат в наши сердца! Они зовут нас перебить всех проклятых немцев, истребить их гадючье племя! Только тогда мы сможем вздохнуть свободно. Помните об этом всегда. Помните и мстите! Пусть боец не ложится спать, не кладёт винтовку, если он в день не убил хоть одного немца! Поклянёмся же, что не устанем мстить врагу до полного его истребления! Бойцы! Вы слышите предсмертные стоны детей?! Смелее же идите вперёд, на Запад! Смерть детоубийцам! Убей немца! Убей! Убей! Убей!!!

Когда закончились выступления, кто-то подал команду. Солдатики развернулись и длинной колонной, поделённой на части, со знаменем впереди, прошли маршем перед автотрибуной на Запад, как и призывал капитан. Лица их были не столько суровыми, сколько мрачными, и Наталья подумала, что они идут на смерть и что, может, не сегодня-завтра кого-то из них уже не станет...

7

Жизнь начинала как бы сызнова. Разыскала уцелевшую миску, выровняла погнутую алюминиевую ложку. Приняла от Марии казанок.

Когда-то старший Ванюша садил меньших Борю и Раю рядышком и при тусклом помаргивании жмурика читал из вечера в вечер книжку про какого-то невольного отшельника. Этот страдалец после кораблекрушения попал на необитаемый остров и жил там один. Пораюсь у печи с рогачами, постоянно озабоченная своими хлопотами по хозяйству, Наталья урывками, одним ухом, прислушивалась к монотонному бубнению за столом.

“Вот какая совсем иная жизнь, не похожая на людскую...” — думала про себя.

Теперь её жизнь чем-то походила на ту, что была описана в книжке у Ванюшки, а хутор в самом деле напоминал необитаемый остров. Тяжелее всего было переносить эту глушь и безлюдье.

Вестей от Иосифа никаких не было, хотя Наталья на всякий случай по несколько раз на день подходила к портфельчику. Тот портфельчик Ваня, когда прервалась учёба в школе, повесил на грушу возле ворот вместо почтового ящика, и туда успела ещё залететь последняя весточка из госпиталя. Надежд было мало, однако Наталья навевывалась к ободранному портфельчику на грушевом суку, закладывала руку в матерчатое нутро, хотя знала,

что почту за ненадобностью никто в хутор не носит — её просто тянуло подержать там руку.

И всё же Наталья не могла снести тяжкого одиночества, особенно после того, как побывала на митинге. Перед сумерками её, одну-единственную на все пять хат в запустелом и уже одичавшем хуторе, охватывал какой-то панический страх, и она боялась подходить к кровати, зная, что не заснёт. Одну ночь продумала, другую, наконец, решилась: в ноги упаду, а буду просить, неужто сердце камень, не растопится?

Что могли её материнские руки, кроме как хлеб растить, детей пестовать, а теперь, побитые, и того меньше. Но они, руки матери, сгодились.

В ту пору готовилось самое грандиозное столкновение двух сталец на прочность, какая выдержит, и, естественно, заранее собирались врачевать не только изрешеченные тела, но и побитые машины. Наталью Константиновну Травкину взяли в мастерские по ремонту танков.

Мастерские... Они так только назывались, потому что постоянного пристанища для них не оказалось, приходилось каждый раз, по-цыгански переезжая, ютиться в самых разных местах, где можно было наскоро поставить станок и загнать в ворота, часто проломленные в кирпичной стене, танк. Наталью встретил незнакомый доселе мир.

Её завели в длинный сарай барачного типа с оконцами поверху, приставили к большому корыту с керосином. Резкий запах керосина был знаком ей ещё до войны: брали его для лампы, а то и для подтопки при сырых дровах. Но в последнее время пришлось перейти на каганец, и теперь этот запах приятно, мучительно напоминал прошлую жизнь и домовитый дух родного очага. Наталья помнит, как трудно было отмыть руки, если где попадёт крапинка керосина, и как от маленькой его толики портится продукт, долго неся невидимые следы тошнотного привкуса во рту. Теперь она окунала руки в керосин по самые локти и пропахла им насквозь так, что всё на свете, за что бы ни бралась, куда бы ни пошла, ей отдавало этой машинной гнусью. Мыла она части от моторов, снятых с побитых танков. Поначалу давали ей что попроще — какую зубчатку или шатун, а как немного набила руку, то и клапана, кулачковые валы и даже топливный насос. Особенно робко бралась Наталья за топливный насос — этот чуткий прибор, вызывающий в ней понятие чего-то нутряного, сложного и недоступно скрытого в теле машины, отчего, может, зависела вся её железная жизнь.

Осторожно, чтобы не наделать заусениц, Наталья отвинтила нарезные болтики, сняла крышку с прокладкой, и, разобрав насос по частям, разложила их на доске, брошенной поперёк корыта. Прополоскала всё по очереди. Насухо вытерла ветошью. Затем свернула тряпицу заостренным концом, выбрала мазутную черноту в недоступных уголках и как почистила, все части собрала на место. Обратным порядком.

Солнце блеснуло в верхнем оконце, косою луч, пробив чад цеха, высветил синий до дна керосин в корыте, тронул насос, и он улыбнулся, будто новый, освежёнными гранями.

Работа для неё была и занятной, и отрадной. Наталья просто забывалась на весь день и к ночи валялась на свой сенничек в такой утome, что лишь уху — к подушке, а веки уже слиплись. Вот если б не руки...

Руки ныли по ночам во сне, не давали полного роздыху днём, на работе. Её тело прошили несколько пуль, одна задела мякоть четырех пальцев, жгутовые шрамы, стягивая кожу, мешали разогнуть ладонь. Но в том она никому не признавалась и, тая изъян, сжимала кулачок, чтоб, упаси боже, никто не увидел поранки и не вернул её назад, в гражданку.

Но больше мучили дети. Днём она как-то забывалась в работе, а вот ночью... Они приходили к ней во сне, и она ничего не могла поделать с собой, изводясь непроходящей болью в сердце. То являлся старший Ванюшка, уже пятиклассник — помога в хозяйстве и так, глава заместо отца над младшими. Слушали они его пуце матери, щадящей малых во всём, и она, наблюдая за ними со стороны, улыбалась себе самой скорбно-счастливой улыбкой, которая бывает лишь у матери. Учился он хорошо и уже было заготовил книги на будущий год — обернул каждую в газетку, составил на полочке

рядышком. Каждый раз, проходя мимо, не мог не остановиться перед завтрашней радостью. За ненадобностью учебники в разруху никому не сгодились, их не растаскали, как утварь или еду. Остались они в избе нетронутыми, и Наталья, в последний раз прощаясь с родным очагом, обводя горницу глазами, задержала на полочке печально-долгий, неразлучный в памяти взгляд...

То снился средний, Боря, озорник и лукавец, шут знает в кого удавившийся, и сделает шкоду — ни за что не признается, а как начнёт балагурить — век не переслушаешь и сразу не разберёшь, что несёт нескладичу. Но с уходом отца пострел как-то приник и стал незаметным, куда и прыть его подевалась. Забьётся в уголок, сидит неподвижно, а как окликнешь его — посмотрит на тебя дикими, не признающими глазочками...

Раюша росла вся в материнских заботах. И снится она чаще, как пеленает обёрткой от кукурузного початка свою тряпичную ляльку с глазами и носом, наведёнными послонявленным химическим карандашом.

И постоянно снился Жёня.

Наталье снилось, как она в крайнем напряжении выхватила его из колясочки, выскочила во двор, как что-то жёстко ударило её по рукам, и как Жёня, весь вздрогнув, тут же бессильно смяк...

От жгучей боли в руках она сразу просыпалась и уже до утра не могла сомкнуть веки. Так сны мучили её из ночи в ночь, и она чувствовала, как, выкрученная днём на работе, не набрав силы отдыхом, всё больше слабеет.

Рядом с нею в цехе работали такие же, как она, бабы, частью обездоленные похоронками, частью совсем ещё девчата, не изведавшие супружества и семейного счастья. Особенно она подружилась с Марфой — дебелой молодайкой из-под Фастова. Здоровая, размашистая в плечах, до упаду работающая, она тянула за двоих, и ей поручали даже неподъёмные коленвалы, которыми она орудовала, как рогачами у печи. Можно было только удивляться, как она поднимала тяжесть, недоступную и мужику. Марфа потеряла дитя в дороге во время эвакуации, когда бомбили эшелон, сходная доля сроднила их, тем более что позволяло соседство: железные корыта их стояли рядом и места их на втором ярусе деревянных нар тоже находились бок о бок. Однажды Наталья поделилась бедою:

— Не сплю я, Марфа, сны одолевают...

Марфа поставила коряжисто узловатый вал на попу, навесила крутой излом чёрных бровей над тёмными, как пропасть, глазами. Будто в сердце кольнула:

— Малёнькэ трэба.

— О-о-ой, — еле продохнула Наталья, тронув рукой грудь, где остались лишь висячие блинчики.

Те мысли, приспанные в сознании, всё же постоянно витали где-то рядом, но так ясно не прорезывались, может из-за того, что она их боялась.

— И я хочу... — призналась Марфа.

Она отнесла поперёк себя, упирая в живот, коленвал на пирамиду и, когда вернулась, добавила:

— Малёнькэ дуже хочу...

8

Поначалу было трудно привыкнуть к шуму и металлическому лязгу, что стоял в цехе с утра до ночи. Рычали на испытательных стендах моторы, грюкали, отдавая наковальным звоном в ушах, кузнечные молоты. С дребезжащим визгом, бешено вращались карборундовые точила. Наталья, привыкшая к шёпотному шелесту спеющего жита, глухому земляному топоту босых ног, невесомому щёкоту степного жаворонка, вздрагивала от неожиданности, когда включался какой-нибудь агрегат. Но постепенно вживалась в новые для неё звуки и уже различала, где какая идёт работа и для чего к “огненному жучку” — так называла она электросварочный аппарат — подгоняют громадину танка.

Ясное дело, лучше всего запоминала она детали, с которыми приходилось возиться самой. А когда увидели, что Наталья очень быстро освоила

свою работу, её перевели кладовщицей. Она зашла в узкую каптёрку с электрическим освещением, с длинными стеллажами по бокам и растерялась — такая сложность свалилась на её голову.

На нижних полках лежало, что потяжелее, — опорные катки для гусениц с прорезиненными ободами, стальные секции траков, ведущие, с крупными зубьями, колёса. А выше — какие-то шлангочки, изолированные провода, медные трубочки. Отдельно, в землянке, хранились крупнокалиберные, все в масле, пулемёты, оптические прицелы в коробках и ещё целый ворох каких-то премудростей, которые она долго не могла осилить памятью. То, что у двери в землянку стоял часовой, говорило о важности и ответственности дела, которое теперь было ей поручено. Здесь надо было крепко мараковать головой, разбираться в бумагах. Наталья вся ушла в изучение новых обязанностей и вскорости уже неплохо разбиралась, что кому требуется и где находится та или иная деталь.

Вместе с деталями она познавала и людей. С утра первым прибежал из четвёртого цеха Самуил Мойшевич — Михайлович, как он изменил своё отчество, чтобы легче было его произносить. Небольшого росточка, проворный и деликатный, он иногда мог принести даже конфетку, Бог знает где раздобытую в такое страшное время, и та перемятая в руках карамель жгучей болью отзывалась в её сердце, напоминая детей...

— Будьте любезны... — беспрестанно повторял он и, поднырнув под прилавок, обходительно оттирал кладовщицу в сторону, а сам забирался в глубину склада, роясь на полках и отыскивая то, что ему было нужно. Он не давал Наталье поднимать тяжёлые железяки и сам складывал их на тележку. Наталья в напряжении ждала, чтоб он уже управился, и когда Михайлович уходил, она с облегчением вздыхала.

Все остальные проходили в течение дня как-то по-деловому незаметно, по-рабочему обыденно. Ещё кто оставлял свой след в памяти, так это Аноха Крутских — мужиковатый зауралец с ухарско-раскидистым сибирским характером.

— Ну-ка, Алёна... — называл он её каждый раз иным именем и тут же наотмашь, захватски хлопал могучей ладонью по доске, припечатывая заявку.

Этому подай. Поднеси. И он не доходил до того крайнего унижения, чтобы подсобить кладовщице снять какую-нибудь тяжелину с полки. С ним вообще разговор был короткий: дай — и всё. Из-под земли вынь, а положи. Наталья побаивалась его — он и в ухо залепить может, не страшась штрафной, где, по его похвальбе, отбыл уже трижды.

В мастерские Аноха Крутских попал, выйдя по ранению в нестроевые, но каждый раз грозился подать рапорт, чтобы его отправили на передовую, так как ему, таёжному медвежатнику, стыдно “вакшаться с разными винтиками-болтиками”. Но рапорт не подавал.

На работы в мастерские пригоняли немецких пленных. Зная, что у Натальи постреляли детей, Аноха куражился.

— Если б я, Даха, иво сустрел... Ты мне лишь покажи, я иво, гада за-подночного, вот ентими клешняками, — он выставлял руки-ковши и пытался притулиться к ней плечом, обдавая её терпким запахом козлиного пота.

Наталья развернулась, сжала что было силы израненный кулачок и со всего маху саданула в вонючее плечо. Отскочила, дивясь себе, в угол, оскланилась, уставясь на него ледяными острями глаз.

После ухода Крутских Наталья приходила в себя, успокаивалась, зная, что теперь уже до вечера всё сойдёт благополучно.

Находясь в цехе, Наталья не слышала, что происходит за его стенами: перестук ремонтного грохота заглушал все прочие звуки. Теперь же, оставаясь наедине с собой в минуты коротких роздыхов, она всё отчётливее слышала неясный, утробно-земляной гул, что доносился со стороны фронта. А по тем танкам, что во множестве поступали на территорию мастерских, можно было хотя бы отчасти представить, что там творилось. Говорили, что тяжёлые бои идут под какой-то Прохоровкой, о которой она и слыхом не слыхала, да теперь война учила всех своей географии.

К вечеру канонада усилилась, и Наталья с тревогой смотрела на дверь. Задумалась на минуту, сняла с гвоздика заявки, что собрала за весь рабочий день. Отметила прибыль-убыль в книге учёта, потушила свет. Захватила амбарный замок, вышла со своей каморы...

Во двор мастерских волоком тащили битую технику — тяжелейший танк. Старшина Самойлов — комендант подразделения — поднял руку. Сцеп остановился, и танк, клонув опущенным дулом пушки, замер.

Весь танк был в пыли, оскалисто блестели свежим металлом на его мёртвой туше снарядные поранки. Одна из колдобин была величиной с ладонь, Наталья подошла ближе и, примеряя, вложила в неё пораненный кулачок.

— Божечка ж Ты мой, силища-то какая супротив мягкого тела...

9

К осени фронт откатился далеко, под самый Днепр, тылы начали подтягиваться, и воинская часть, в которой служила Наталья, готовилась к передислокации. Привычный, уже как-то устоявшийся ритм жизни сбился. Всё пришло в необычное движение. На склад запасных частей, в подмогу ей, выделили несколько девчат. Тесное, забитое деталями помещение заполнилось оживлённым гомоном, стукотом молотков, забивающих гвозди в деревянные ящики. Наталья моталась распорядительницей из конца в конец своей каморы, еле попевала.

По правде, новые слова, особенно длинные и совсем не русского звучания, настораживали её. Помнится, как странно, дико — на ляд кому оно сдалось! — отчуждённо прозвучало для неё слово “эвакуация”. Затем она испытала на себе, что такое “оккупация”, перевернувшая её жизнь. Теперь вот это — слово передислокации...

Постигая всю эту несусветную муть, Наталья начинала понимать, что война имеет свой страшный язык.

Да в круговерти повседневных забот некогда было особенно размышлять. Лишь поздно вечером, когда она после смертельной утомы валилась на свой сенничок и смыкала веки, невольно приходили мысли: какая непомерная работа идёт следом за фронтом — это ж надо только подумать! Ничто на свете не берёт столько сил, как война, и ничего худшего люди не могли придумать, как ту бойню...

На погрузку эшелонов пригоняли из лагеря пленных. Немцы брели, гребя сапогами пыль, нечётким строем, длинной колонной, под окрики стрелков расходились небольшими кучками по цехам. В кладовую выделяли человек пять-шесть. Стараясь не смотреть в глаза русским, немцы сразу принимались за работу. Свободно ходили между стеллажами, сдвигали ящики, выносили их во двор. Странно было смотреть на их зелёные френчи в нашей, обжитой своим духом кантёрке, слушать короткий переклик чуждой речи. Трудились они не пешая, но споро, работа у них подвигалась укладисто. В такой близости Наталья ещё не встречалась с немцами и, как чумных, чуждалась каждого, кто проходил мимо, непримиримо поглядывая на них из-под жёстких бровей остистыми глазами.

— Командант, — обращались немцы за указанием к Наталье, сразу признав её тут за хозяйку-распорядительницу. Будто варом, обжигало её это инородное слово.

Однажды она очутилась с немцем так близко, что случайно они столкнулись. Испугавшись, Наталья отпрянула назад. Пленный тоже в страхе отступил к полкам. Но по его вспыхнувшему лицу было видно, что струхнул он больше от того, что толкнул женщину. И как ни странно, боялся он того, чтобы “командант” не приняла недоразумение за какой-нибудь срамной умысел. Пленный искал в её глазах прощение, и она, не улыбнувшись, чуть смягчила черты лица.

Конечно, это были уже не те немцы, которых она наблюдала из своего лазаретного запечья через шибку, вмазанную в стену, или которых встречала, бедую по дворам близких и знакомых. Спесина на них была сбита начисто, хотя и держались они гордо и независимо, аккуратно исполняя свой не-

вольничий долг. Наталью поражало, что даже голод не склонил их головы. Бывало, помнит она, до какого унижения доходили при немцах наши пленные из-за огрызка чёрствого хлеба, а эти будто не видят, если кто развернёт бумажку с варёным бураком или принесёт горсть семечек. И хотя на них была всё та же зелёная, правда, теперь уже довольно обмятая форма, вызывающая омерзение, те же обкованные кусочками металлических пластин вдоль ранта сапоги с широкими и уже этим почему-то отвратительными раструбами халявок, те же шилотки, отношение к ним изменилось, ибо трудились они честно, без хитростей и отлынивания, держались достойно, и это вызывало чувство какого-то ещё неосмысленного до конца не то чтобы уважения — этого слова в то время применительно к немцам допустить было нельзя, — а простого человеческого отношения. Тронув костистого немца плечом, Наталья, на удивление себе, ощутила такую же, как у всех, человеческую плоть, и это больше всего привело её в какое-то непонятное смятение, будто она раньше не знала этого, не представляла да и не думала, что у них есть ещё и тело, уж не говоря о душе.

Немец, вытянувшись виновато, повторял одно и то же слово; Наталья, округлив глаза, непонимающе и понимающе смотрела на него из-под дрогнувших в горестном изломе бровей. Конечно, это были чужие слова, Наталья их не слышала ещё, но они не походили на те, “военные”, что знала она прежде, и теперь поняла, что немец извиняется.

— Иншульдиген зи, иншульдиген зи, битте, — повторял он, и в его приглушённом голосе чувствовалась не только неловкость, но и уважительность, которую можно встретить у мужчин к женщинам нечасто.

Наталья молча кивнула головой. Немец еле заметно улыбнулся.

“Зачем всё это?.. Ведь он такой же, как я... И никакой не зверь... И кто всё это придумал?..” — размышляла она.

10

Пленные немцы, обращаясь к ней со словом “командант”, будто нарекли: весной, когда снег сошёл и земля взялась мягкой опушкой зелени, Наталью вызвали в штаб части.

В ту пору находились они уже в районах Западной Украины, местности для Натальи новой и необычной своим хуторским укладом. Странно, что вместо привычных для неё сёл на русских просторах, встречались тут лишь отдельные, с подворными постройками, усадьбы, раскиданные друг от друга на сотни метров. Смотришь, в одном месте, у перелеска, — соломенные стрехи кольцом: хата, сарай для скота или, как тут называют, повитка; высокий конус клуни, приземистый дровник — в другом, у самой низины раскатистого яра; в третьем — на самом яру увальной хребтины, где, видно, судьбою выпал, — доскутный надел. По узкой стежке, пробитой в плотном, ещё невысоком дёрне, она спустилась вниз, к небольшому ключу, перешагнула ручей чистой, как стекло, воды, поднялась на пригорок, где стояла усадьба, обнесённая жердяной загородой. Вечерело. Окна, выделив крестовины, зажелтели слабым светом, во дворе, кроме часового, никого не оказалось. Наталья назвала пароль и вошла в узкие ворота.

По сути, она себя не считала военной, хотя носила гимнастёрку и солдатские, уже совсем сбитые ботинки. Поэтому не имела моды, как другие молодайки в армии, козырять рукой. Вошла, согнувшись под низкой притолокой, в крестьянскую хату и, ещё не различая лиц, поздоровалась, как это было принято у них на хуторе, с небольшим поклоном головы. Ей сделали замечание.

В хате было темно, горела вместо лампы сплюснутая под фитиль гильза от крупнокалиберного пулемёта. Однако Наталья уловила, как один из тех, что находился ближе к огню, поморщился. Его широкие погоны отражали свет серебряными зеркальцами, положенными на плечи, а высокая фуражка захватывала округлой тенью почти половину белёсого потолка.

За некрашеным столом сидело человек пять. Военные звания, которые Наталья различала уже хорошо, были у всех высокие, и она совсем растеря-

лась, кому следует доложить, что явилась по вызову, тем более что офицеры, вероятно, отложив свои дела, свели на ней не то любопытные, не то испытывающие взгляды.

И прежде она ощущала страшное стеснение, когда ей уделялось всеобщее внимание. Тот митинг на машине с опущенными бортами до сих пор, если вспомнит, отзывался в сердце, а здесь такое большое начальство, и она, остановившись у порога, не в силах шевельнуться, чувствовала, как у неё занемели ноги.

— Наталья Константиновна Травкина? — вывел её из оцепенения всё тот же подполковник с блестящими серебром погонами.

— Травкина, — коротко ответила она.

— Ну, как вам работается?

Такого вопроса Наталья не ожидала. По правде говоря, с тех пор, как оповестили её про вызов, передумала она о многом. Вообще, тяжёлое состояние легче переносишь, когда вот так идёшь в полном неведении, что тебя ожидает, и за дорогу чёрт знает что в голове перетрёшь. Была и затаённая слабая надежда: может, какая весточка о муже Иосифе объявится... Но тут же эту мысль притупила другая... Наталья даже в уме боялась произнести то страшное слово...

Ей следовало отвечать, а она молчала. Ну, как работается? Как всем. Ноша досталась тяжкая, да рази кому сейчас легко? Поди, весь свет на одном горе сошёлся, хотя Наталья видела, что кое-кто удобно укрылся в затишке мастерских, война-то она не всем одинаково достаётся, кому мимо, а кому всё в рыло да в рыло, как говорится, кому беда, а кому мать родна, да не о том толк и забота — скорее бы замирилось на земле, уж мочи нет больше терпеть...

— А как у вас с образованием? — спросил всё тот же подполковник, и Наталья поняла, что он тут главный.

С образованием один смех, да и только! Из хутора до школы далеко, походила, пока снег выпал, а больше обуви не было. На второй год — ещё столько же.

— Вы сколько окончили классов?

— Один-два, хоть друг о дружку стукни.

Подполковник сразу не разобрал, а когда понял, чуть заметно улыбнулся.

— Вот тут её накладные, — сказал другой офицер, у которого на одну звезду на погоне было меньше, а медалей на груди — больше, и положил перед подполковником несколько листков.

Подполковник внимательно рассмотрел бумаги. Потом спросил:

— Так ты одна осталась?

— Чисто одна.

— А муж?

Наталья пожала плечами.

Кто его знает? Может, на хутор и приходят письма, да так и оседают в портфельчике, а вернее всего, не идут, возвращаются по обратным адресам, ведь там, в Троицком отделении связи, знают, что почту в хутор носить некому. Наталья впервые пожалела, что сорвалась с места, может, знала бы уже какую весточку. Теперь со слов подполковника она поняла, что вызвали её не для того, чтоб сообщить, где Иосиф, и мысленно усмехнулась своим наивным надеждам...

На столешнице лежала ещё какая-то бумага, сложенная пополам. Наталья сразу и не заметила её. Но, когда подполковник перестал задавать душу выворачивающие вопросы и начал внимательно читать, что там написано, а все остальные ждали, пока он закончит, Наталья тоже взгляделась в тот чуть синеватый листочек. Она уже знала: на всех, кто нанимается в армию, заводят личное дело, это, наверное, и была бумага на неё.

— А где вы находились во время оккупации? — перебил её мысли подполковник.

Опять это страшное военное слово... Наталье уже приходилось отвечать за него, будто она в чём была виновата. Иногда из далёкой германской кабалы возвращались невольники. Кое-кого отпускали по неизлечимой болез-

ни, иным удавались побегу. Числились они там, на каторжных работах, по номерам. Цифровую наколку наносили на руку, чуть ниже локтя, Наталья приходилось видеть эти страшные знаки. Теперь она чувствовала, что на неё тоже будто наложено какое-то клеймо, которое, как татуировку, не снять и не смыть.

— Блукала по свету...

— А чем занималась?

Ну, чем можно заниматься, как не спасением души, хотя с какой радости будет расти дерево, если на нём не уберегли листочки...

Отпустили её, когда уже совсем за вечерело, боязно было возвращаться назад. Как на допросе побывала. Выкрутили её всю, как хотели. И так брали на испыт, и этак. Всю наизнанку вывернули. А чего добивались, не понять. Ничего ж она такого не сделала, не допустила. Думала, ночами глаз не смыкая, что бы всё это значило, да молвить кому-нибудь слово про тот вызов не решалась. Может, запрет в военное время был положен таким разговорам, сколько вокруг всего засекречено... Бывало, она и сама ставила подписи на всяких предупредительных документах.

Лишь через три недели Травкиной выдали военную форму, теперь уже настоящую, не обноски, и назначили комендантом ремонтных мастерских. Пленный немец как в воду глядел...

II

Наталья пристроила на ящике зеркальце, подобрала одной рукой волосы, а другою примерила пилотку. Лицо сразу, посерьёзнев, преобразилось.

Подбила пилотку набок, чуть натянула на лоб, как делают солдаты, и, повернув голову, глянула как бы со стороны. Еле узнала себя. Военная одежда придаёт человеку мужественный вид, но в той женщине, которую отражал небольшой зеркальный осколок, скорбно прорезались, прежде всего, черты исстрадавшегося человека.

Прихлопнула зеркальце оборотной стороной, уронила лицо в ладони.

Конечно, вся эта амуниция — и сапоги, и ремень, и погоны — подтягивает и строжит, да и в глазах окружающих как-то утверждает, вроде ты становишься сильнее, хоть под гимнастёркой бьётся всё то же трепетное женское сердце. Но с тех пор, как Наталья увидела во дворе надвигающуюся зелёную форму с огоньками на животе, у неё как сложилось ко всему, что связано с войною, отвратное отношение, так и осталось на всю жизнь, чья бы та форма ни была. Форма служит смерти, а не жизни, что претит материнской сути. Никогда Наталья не думала, что сама влезет в неё...

Да куда более сильное потрясение она перенесла, когда её вызвали в особый отдел.

Сидя за деревянной перегородкой, под плакатом, призывающим убить зверя в его же логове, особист в португезе через плечо и с гвардейским значком на правой стороне груди, развернулся на скамейке и, не вставая, дотянулся до ящика, обитого железом, поднял крышку, вынул оттуда кобуру, положил на перила загороды. У Натальи обмерло сердце.

Тёмно-коричневая кобура из добротной выработанной кожи лоснилась на истёртых до черноты гранях, и то, как эта зловеющая штука тяжёлым тупым стуком легла на перила, означало, что она не пустая.

Наталья, положив руки на грудь, отступила назад.

— Пошто оно мне... — выдохнула стоном.

— Положено, — казённо ответил особист, и то, как он произнёс это слово, дало понять, в какие жёсткие тиски угодила она. Так, что и не выпрыснешь.

Особист справил бумаги, а Наталья неприкаянно стояла у стены под плакатом, и ей невольно вспомнились слова того митинга у сельсовета: "Убей немца!"

— Мы переходим границу, — объяснил он, смягчая тон, — а там логово врага. Да и тут, по лесам, зверья всякого навалом. Сейчас без оружия нельзя.

Думала ли она, гадала ли, куда забросит её судьбина? Могла ли допустить, что очутится Бог весть где, в глуши неведомого края, о котором и помыслить не могла, сидьмя сидючи тридцать годов на хуторе, ведь за всю свою довоенную жизнь она и знала-то всего, что Троицкое да материну Ястребовку...

— Расстёгивай ремень, — оборвал Наталины мысли особист, заметив её замешательство.

Туго соображая, захваченная тяжкими думами, Наталья не уловила пошлости во фразе особиста. Сняла руки с груди, щёлкнула пряжкой. А он, выйдя из-за своего прилавка, живо перехватил ремень и ловко нанизал на него мочку кобуры. И, молодцевато согнувшись, обвил её талию поясом, норовя пальцами ужать бёдра.

Вскрикнув, Наталья отскочила. Металлическая штукавина, обтянутая кожей, грохнула на пол. Только тут Наталья поняла, что произошло.

“И как он может!” — в отчаянии произнесла она мысленно, чувствуя, как участилось дыхание.

С тех пор, как она попала в армию, кроме всех прочих невзгод, приходилось ещё испытывать на себе и давление *облапывающих* и похотливых взглядов щеголеватых офицеров, терпеть похабные шутки отъевшихся старшин. И чем дальше продвигался фронт, тем сгуще становилась в армии жизнь (а с переходом через границу начхозы не гнушались подножным прокормом), тем наглее становился напор служивых приставал. Никогда не думала она, мысли не допускала, что в таком строгом и суровом деле, как война, придавившая всех неизбывным горем, найдётся место для постыдного блуда. Как перед концом света обезумели люди...

Да в следующую минуту она оцепенела, перетрусив задним числом, как эта штукавина, что грохнула на пол, не пальнула!..

— Распишитесь вот здесь, — сухо, отчуждённо произнёс особист и указал пальцем на графу в журнале.

Наталья старательно, медленно, затягивая время и отдаляя неприятную минуту, вывела свою фамилию, положила ручку. Робко, с усилием потянулась к темнеющей кобуре, и первое, что ощутила, так это её вес. Пистолет оказался намного тяжелее, чем она предполагала. Невольно подумалось, как всё то, что губит жизнь, сделано основательно и прочно, и как то, что стоит против бранной беды, зыбко и разимо.

Несколько дней Наталья не решалась ходить с оружием — так тяжела была для неё эта подневольная ноша. Ей бы жизнь понести под сердцем, а не смерть...

Подпихнула увесистую кобуру под сеник и вроде забыла о ней, а мысль сторожко стояла всё время начеку, и куда бы ни пошла, что бы ни делала, выкинуть из головы её она не могла. Но и оставлять без особого догляду проклятую машинку было нельзя. За тот кусок железа, так ловко, старательно выделанный умельцами ружейного дела, и за решётку, пожалуй, сведут.

В овраг, на стрельбы, Наталья приохотилась ходить благодаря Марфе. Метилась Марфа без промашки, пистолет брала запросто, как ухват или кухонный нож. Пригнанная по ладони рукоятка начисто, без остатка, тонула в её широкой мужицкой руке.

— Я колы ходыла в Осоавиахим, то там и воздушка была, и мелкашка. А патронив — сколько хочешь. Инструктор втюрився, так я вже настрелялась, — озорно подмигивала она.

С трепетным, каким-то внутренним страхом Наталья смотрела на тёмно-округлую дырочку воронёного дула, откуда идёт смерть.

— Ты ось так, — учила её Марфа, — ливу ногу вперёд, а плечи трохы розверны.

Собрав все, что ни на есть, морщины у висков, Наталья стискивала веки, и как ни готовила себя, всё равно от резкого хлопка вздрогнула, хотя стреляла Марфа. Иначе не могла.

— Шо ж тут такого! — дивилась Марфа и, оттянув и тут же спустив на место верхний металлический брус, передала пистолет Наталье.

Минута далась трудно. Надо было превозмочь что-то такое, чего она не могла. Не смела. Что перечит всему её материнскому существу. Взяла пис-

толет, и он ожёг руку мертвяце холодной твёрдью. Тот холодок оледенил душу, напомнил самую страшную ночь, когда она, пересиливая смертельный недуг, нанесённый ранами, дотянулась, прощаясь, горячей в жару ладонью к остывшему лобку Вани...

— Шо ты! — не поняла Марфа.

Она подошла вплотную, взяла Натальину руку и через её палец сверху нажала на спусковой крючок.

Выстрел хлопнул незамедлительно. Сильный толчок ударил в плечо. В ноздри вьелась пороховая гарь.

12

Как-то по осени, уже за Вислой, к мастерским подъехала полуторка. Из кабины, хлопнув дверцей, вылез измятый сержант с медалями на груди и пышными усами на загорелом лице. Волосы на голове у сержанта были светлыми, усы — чёрными, с винтами на концах. Сержант подошёл к часовой на проходной.

— Слушай, паря, — обратился по-простецки, — как бы нам загнать старушку на яму.

И кивнул на свою полуторку.

Часовой, примкнув ложе винтовки со штыком к ноге, не ответил.

— Чо ты, будь человеком, — отступил назад сержант.

— Не положено, — коротко ответил часовой.

— Знаю, что разговаривать на посту не положено, а ты кликни кого.

— Вон — комендант, — махнул свободной рукой часовой во двор.

— Иде?

— А вона.

— Дык то ж баба! — воскликнул сержант.

— У нас комендант Травкина.

— Травкина?.. — удивлённо произнёс озадаченный сержант.

— Да, Травкина, — утвердил часовой.

Наталья обратила внимание, что у ворот происходит что-то непонятное, приблизилась к воротам.

— Сержант Орлов, — отрекомендовался браваый усач.

Выяснив, что надо, Наталья разрешила заехать.

— Знаете, — с благодарностью говорил сержант, поспешая следом за комендантом, — без ямы нам не обойтись.

И на ходу подкручивал усы. Наталью эти буравчики раздражали и смешили.

— А если б у вас нашлось болтиков на шестнадцать штуки четыре, и во все было бы прелестно.

— На шестнадцать найдётся, — ответила Наталья и крикнула часовому:

— Выпустишь потом!

Часовой согласно кивнул головой, а Наталья пошла в кладовую за болтами. Сама не понесла, послала Марфу, которая к тому времени заняла её место кладовщицы.

Шофёр залез в яму и возился недолго, что-то с полчаса. Поддомкратил одну сторону, ослабляя рессору, затем перешёл на другую. Сержант, оставаясь наверху, согнулся в три погибели, и, вывернув бычью шею, отчего глаза его налились краснотою, заглядывал под колёса, давая руководящие указания. Наталья, захопотанная своим, выпустила их из виду. Как вдруг её позвали.

“Чо ещё там?” — повернула она голову в сторону полуторки.

Если б знала, не теряла бы времени, а то, вишь, какое важное дело!

— Спасибочко превеликое, — картинно выставлял свои усы сержант, — ей-богу, не добрались бы до расположения.

— Да не за что!.. — она всегда испытывала какое-то стеснение, если ей выражали благодарность.

Надо было выгонять машину за ворота, а сержант мялся. Он явно хотел что-то сказать ещё.

— Тут вот какое дело... — начал несмело сержант, и Наталья подумала, что они будут просить ещё чего-то. — Мы слышали, что ваша фамилия Травкина?

— Травкина... — остановилась от неожиданности Наталья.

Сержант Орлов тянул, Наталья, предчувствуя что-то ещё неясное, насто-роженно заволновалась. Сердце её замерло, а дыхания не стало: может, о Иосифе что?..

— У нас тоже в части есть Травкин.

“Слава Богу”, — отлегло на душе, и она с облегчением вздохнула.

— Возможно, какой родственник, а то — муж?

— Кто его знает, — произнесла она и спокойно добавила: — Травки-ных много на свете...

Сержант со своим шофёром уехал, а разговор не выходил у неё из голо-вы. Так всю ночь и промаялась она в смутных догадках. Думала Наталья о нём, Иосифе. И хотя она не видела его в военном — как ушёл в своём пи-джачке и самодельных черевичках, так и остался в глазах — и не представ-ляла, как он мог выглядеть в гимнастёрке и галифе, всё виделся он ей то вымученным после тяжёлого ранения, то вот таким, бравым, с медалями и солидными, как теперь, к концу войны, стали заводить многие, усами, и она гнала радостные, печальные мысли долой, но они упорно сопротивля-лись и мучили обессиленное к утру сознание...

А сержант Орлов, встревоженный случайным совпадением, тоже не мог успокоиться. Вернулся в своё расположение, отыскал Травкина. Тот как раз чинил колесо походной кухни, стоя на колене.

— Что делаем? — бодро подошёл к нему сержант, уверенный в том, что делает доброе дело.

— Да вот... — указал на поломанную спицу Травкин.

Вообще, Травкина в части знали как мастеровитого человека, руки у не-го были действительно золотые, их и приберегали для всяких неполадок.

— Слушай, паря, ставь магарыч.

Иосиф, не обращая внимание на болтовню Орлова, копался в ступице долотом, выковыривал трески дерева.

— Ты чо, глухой?

— А тебе чего? — серьёзно спросил Иосиф, не выпуская долото и мо-лоток из рук.

— Жену твою нашли, говорю.

На те слова Иосиф не обратил а никакого внимания — мало кому взбредёт охота поболтать языком на подвесах. Внимательно сосредоточась, примерил затесок новой спицы в норку ступицы, чиркнул гвоздём метку, где обрезать.

— Правду говорю.

Вдруг мысль как-то повернулась, и он опустил молоток наземь. Всякого случалось ему повидать на фронтовом веку — вызволяли из концлагерей пленных, вызволяли и гражданских, угнанных в неволю даже с детьми, и у него мелькнула страшная догадка о том, что среди всего этого подневоль-ного, изведённого под корень люда могла оказаться и его Наталья с малыши. Та ж хуторская сторона вон сколько под ним, супостатом, находилась, и от-туда, сколько ни кидал в последнее время, как освободили, солдатских тре-угольников — никакого отзвука.

— Иде?.. — еле продохнул Иосиф. Руки у него дрожали, кадык ходил вверх-вниз.

— В армии.

“Ну, это уже чистая, без подмеса, коротенька побрехенька, — отлегло от сердца, — тут меня не купишь”.

В следующую минуту он уже возмутился: рази можно так изгаляться над живою душою! Что за смешки! С этим не шутят.

— В армии, говорю! В мастерских служиш. Комендантом.

Куда ей до армии, когда за подол четверо тянут — мал мала меньше! И какой из неё, деревенской бабы, комендант!

— Натальей зовут твою?

- Натальей... — оторопело моргал глазами.
- Константиновной?..
- Константин отец был... — ещё больше дивился Иосиф.
- Высокая?
- Высокая.
- Красивая?
- Ну дак! — улыбнулся.

13

Сержант ушёл, заронив смятение в душу, а боль оставил. Невысказанную. Выстраданную. Не давала она продыху, не давала жить. И что ни делал, всё валилось из его золотых рук.

Ночь не спал, наутро явился к своему командиру части. Объяснил всё, и его отпустили. Военская часть, где он служил в ту пору, находилась во втором эшелоне, после ранения Травкин уже не числился в строевых, а так, скитался по тылам на подсобных работах.

Точно десяток лет свалил разом наземь тяжким грузом, первый раз за всю войну причепурился, как, бывало, молодым, зачесал чуб, который к тому времени уже особо не запрещали в армии, вышел, весь подтянувшись, на КПШ и упрямился на попутную машину.

Иосиф толковал с часовым, доказывая, кто он и зачем, а глазами шастал по двору. Увидел женскую фигуру в гимнастёрке и, ещё не узнав, распялся на железных прутьях ворот.

Она, точно сердце почуяло, вскрикнула внутренне, повела глазами — обмерла...

Нет, это был не он. Не его стать. Чёрное, исстарившееся морщинами лицо. Запалые, точно вытекшие, глаза...

И — он. В человеке всегда остаётся что-то такое, что навеки роднит его с другим человеком и что никаким временем вытравить нельзя. Это был он, её Иосиф. Обнялись, потерявшись, уронив головы, беззвучно забились судорожной дрожью плечи.

— Где ж дети? Дети где? — Очнулся он первым, глядя на неё, и, ещё не рассматрив, не признав по-настоящему за свою, насторожился. Глаза невольно искали ещё кого-то, хотя не верилось, что такой выводок можно за собой волочить по ухабинам войны.

Щадя солдатово сердце, она не сказала ему о детях, надо было немного отойти от встречи, хотя он сразу что-то уловил в её уклончивом взгляде, в горьком искриве губ. А тут люди вокруг... Диво-то какое! Почти со всех цехов сбежались. И никто никому никаких вопросов — всё понятно и так. Не к месту слова, ничего сейчас не значащие.

Вечер был тяжкий. Самый чёрный из всех. И как только его снести. Их оставили наедине, и они потерялись, о чём говорить. Нет, за годы войны собралось столько, что и за всю жизнь не разведёшь, а уста разомкнуть не в силах. Наталья, уронив голову на грудь мужу, выплакивала последние слезинки, а горло душила такая сухота, такая боль, какой ещё не было. Никогда она не думала, что боль живёт своей жизнью, идя где-то рядом с тобой, и может быть сильнее, чем при горе...

— Где ж дети?.. — упорно спрашивал он.

В первый день она ничего не сказала ему, щадила. Перепоручила, мол, добрым людям, и он, отшатнувшись, осуждающе посмотрел на неё: как это можно оставить четверых детей на чужие руки? И этот укор тоже надо было снести...

— Что это? — взял он её руки в свои.

На тыльной стороне ладони виднелось круглое, в копейку, пятнышко. Пуля, пройдя сквозь кисть руки матери, вошла в головку ребёнка, смешав кровь матери и младенца.

Его интересовали подробности, а подробности мучили её, и он замолкал надолго.

— Какая ты у меня истрадавшаяся...

В окне уже светало, а они всё сидели, не видя друг друга, смутно чувствуя далёкую близость, от которой отвыкли.

— Как же это?..

— Кто иво знать...

Разные толки по земле блуждали подпольно, в то время и дыхнуть о том нельзя было. Говорили, будто в одном из сараев хутора остались наши раненые. Вывезти их не успели при отступлении. Немцы начали подходить, кто-то из раненых выстрелил в щёлку между брёвнами... Немцы, разъярённые за убитого своего солдата, зашли цепью, выстригли всех поголовно, кто находился в хуторе.

— Ты видела его? — неожиданно спросил Иосиф.

Наталья не поняла.

— Ну, который?..

— А как же. Высокий такой бежал. Узкоплечий. Каска на лоб, лицо рудое, нос крючком. И золотые огоньки на зелёном животе...

Долго сидели молча. Потом он спросил:

— Узнала б?

— У него шрам на щеке.

И ещё он спросил:

— Ну, а если б сустрелся?

Наталья не ответила.

14

Каждый раз, как приводили на работы немецких пленных, Наталья, холодея сердцем, скользнет беглым взглядом поверху, по головам, задерживаясь на высоких, моля Бога, чтоб не попался тот, которого запомнила на всю жизнь, и, не найдя, крестясь в уме, отходила постепенно сердцем.

Война тем временем приближалась к своему завершающему концу, настроение поднималось, и командование, узнав о такой небывалой встрече, оставила Травкиных вместе, при тех же мастерских, тем паче, что Иосиф в строевых уже не значился, а руки у него, на всё гожие, и в их ремонтном деле пригодились. Отвели им небольшую каптёрку, где поместилась кровать да сбитый из ящиков стол с осколком зеркала, в которое Наталья стала смотреться чаще. Жили они, как ещё никогда, щадя друг друга. Иосиф жалел её, видя, какая она несчастная...

И материнская плоть, то ли истосковавшаяся по настоящей жизни, то ли по своему назначению, пробудилась. Наталья понесла.

Но в том никому не призналась. Ходила по земле святою, храня таинство. И если б кто внимательно пригляделся со стороны, то мог бы заметить, что движения её стали сдержаннее, а осанка ровнее и степенней, как и должно у будущей матери.

Как-то на плацу перед мастерскими выстроили для пересчёта новую партию пленных. Наталья, проходя мимо, бросила взгляд из-под бровей, повела поверху машинально глазами, как всегда, как привыкла, и уже намерилась идти в кузнечный цех, да остановилась. Глаза её словно обо что-то споткнулись, а сердце дрогнуло. Прошла мимо, вернулась. И — узнала шрам. Через всю щёку, от скулы к губе. Тот самый, который узрела она, когда немец надвигался на неё с автоматными огоньками на животе. Вся боль сошлась в одну точку у сердца, рука невольно потянулась к поясу.

Наталью узнать он, понятно, не мог. Мало ли таких прошло через его руки! Это она его, единственного, запечатлела памятью навечно: в железной, надвинутой на лоб, каске, с браво закатанными по локти рукавами, с куцей корягой автомата на шлее через плечо, он бежал, не чуя под собой стонущей людским горем земли, люто сметая всё подряд, неся ещё небывалое зло...

Она растегнула кобурку, и всё в ней сжалось до предела. Весь мир сузился в одну точку.

Да это был уже не тот немец и как бы не то зло. Он, съёжившись, держа застывшие кулачки в карманах распущенной, без пояса шинелишки, стоял на снегу в опорках, закутанных рогожей. Раскатанная пилотка была на-

тянута до самых ушей, шрам почернел, а синий крючковатый нос обречённо торчал из поднятого, куцега, не греющего воротника. Претерпевая холод, немец ждал, пока закончится пересчёт и, ничего не подозревая, смотрел на хлопочущих солдат охраны.

Ум что-то медлил, а рука тянулась к беде. Тронула холодный металл, на мгновение остановилась. Тот смертный холодок жгучей болью отозвался другим, таким похожим, когда она, прощаясь, дотянулась простреленной ладонью до остывшего лобика ребёнка...

Нащупала рукоять, её рубчатый бок, весь в нарезках, но такой же холодный, как вдруг что-то глубоко под сердцем, глухо, утробно, давая о себе знать сюда, на Божий свет, стукнулось живое, и пальцы её дрогнули. Преодолевая ещё невиданное сопротивление, собрав воедино все, какие у неё были, силы, ещё не осознавая до конца, что делает и для чего, Наталья, с трудом размыкая пальцы на притягивающем, как магнит, металле, отдернула руку. И застегнула кобуру.

Чтоб никогда не расстёгивать её.

P. S.

Когда-то у меня была встреча с читателями на комбинате строительных материалов, что в Алексеевском районе Белгородской области. Шёл как раз юбилейный год, и я вспомнил трагедию на хуторе, как называла его Травкина, — Калиновка, и как его именовали официально — Красный. Смотрю: в зале женщина вытирает платком слёзы. Подходит позже, говорит, что среди расстрелянных там детей и её родные. Видная, рослая женщина лет сорока — а это было на 40-летие Победы, в 1985 году — называет подростков дядей Мишей и дядей Егором.

Это оказалась Нина Николаевна Турова — дочь Марии Фоминичны Черных, которая приютила израненную Травкину у себя в Троицком. Нина Николаевна и помогла мне встретиться с Натальей Константиновной.

И вот я подхожу к дому, где живёт Наталья Константиновна, волнуясь, сейчас увижу мужественную женщину с такой мирной фамилией — Травкина. Что она расскажет и захочет ли рассказывать? Сколько осаждают её с расспросами, а каждый раз всё надо пережить заново, перенести...

Дверь отворилась, и передо мною явился силуэт женщины. Дальний свет падал из-за спины, трудно было рассмотреть её лицо, но я понял, что это она, по несгорбленной, хотя ей было под восемьдесят, фигуре, по спокойным сдержанным движениям.

Небольшая комната, деревянный шкаф ручной работы, скамейки, сделанные, как я узнал позже, хозяином — мастером человеком. Мужа своего, Иосифа Кузьмича, она уже к тому времени похоронила, дочь Вера вышла замуж, живёт Наталья Константиновна одна.

...С тех пор как случилась беда, прошло более сорока лет. И я беру эти израненные руки в свои. Руки матери в отметицах шрамов. Растившие хлеб. Пестовавшие детей. Я беру эти святые руки в свои и с невероятным усилием над собой, с болью в сердце, силую представить, как вот сюда, в белесое пятнышко на тыльной стороне ладони, поддерживающей головку ребёнка, вошла пуля, смешав кровь матери с его кровью...

— А дети до сих пор приходят ко мне по ночам. Боря занесёт дров, а то у мамы, мол, палец болит (это он знает, что я пораненная), и я просыпаюсь и слышу, как ноют мои руки... Одно время Ваню видела. Часто. Почти каждую ночь. А потом отошёл...

Наталья Константиновна замолкла, долго сидела, не шевелясь. Сжались, белея, губы запавшего рта. Судорожно дрогнули израненные пулей пальцы.

Кто приходит? Да разве расспросишь каждого?.. Чаще они спрашивают. Привечала всех одинаково: и школьников, затеявших сбор в её квартире, и многих приезжих с фотоаппаратами и записными книжками. Не знала она, что среди гостей были скульпторы и художники.

— Вам рассказываю, а сама не могу... Когда от меня уходят, облираюсь холодной водой. И там, у памятника, боялась, что не выдержу... Набили мне рот таблетками... Но говорила, кажется, правильно, откуда слова брались... Вот, альбом подарили...

Листаю картонные страницы.

— А это кто, Ваша дочь? — указываю на девочку, что изображена рядом с Натальей Константиновной на памятнике.

— Нет. Это Марина. Яковлева Марина Ивановна. Нас из выселок осталось-то двое...

Когда немцы заскочили в хату, девочка забилась под кровать и тем спялась. Отца и мать с братишкой расстреляли, а она жива осталась... Живёт в Киеве.

Наталья Константиновна как-то вся подобралась и уже другим голосом продолжала:

— А дочь с внучкой бывают у меня часто. И зять Анатолий Григорьевич возит меня к памятнику, это недалеко. Там, под плитой, пятеро моих с мамой... И на то место, где были наши выселки, заезжаем. Там сейчас хлеб растёт.

* * *

Наталья Константиновна Травкина отошла в 1985 году. Но после войны родила девочку. Пятого ребёнка нарекли Верочкой. Вера Иосифовна окончила Курский медицинский институт, замуж вышла тоже за врача — Анатолия Григорьевича Степанова. Сейчас Вера Иосифовна работает во Второй поликлинике города Старый Оскол; Анатолий Григорьевич — заведующий наркологической поликлиники. В их семье родилась девочка — Леночка. Она уже выросла и тоже избрала себе самую мирную профессию на земле — работает врачом в железнодорожной больнице. Появился на свет и правнук Натальи Константиновны — Андрейка...

И всё же!

И всё же: как ни пытался враг вырвать корень Земли Русской, а по беги от него золотые пошли. Да и как изведёшь его, наш род, если у него есть такие святыне матери, как Наталья Константиновна Травкина, способные своим титаническим мужеством вынести невероятные тяготы самой лютый годины, чтобы дать бесценное потомство, заложить целительные гены в будущее родного Отечества.

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

СЕЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

* * *

Вечереет. Тени тают.
У раскрытого окна
дед сидит, стихи читает —
вот те на!..
Он уставился в газету,
водит пальцем по строке.
За окном сгорает лето,
ребятня спешит реке.
Крышу веткой клён погладил,
зашумел густой листвой.
Со стихами дед не сладил
и качает головой.
За забором у соседки
кто-то матом заорал.
Дед кусочек от газетки
аккуратно оторвал.
На носу очки поправил,
рот прикрыв рукой, зевнул,
смачно пальцы послюнявив,
самокруточку свернул.

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич родился в Белгороде в 1958 году. Окончил физико-математический факультет Белгородского педагогического института и Воронежское музыкальное училище по классу классической гитары. Лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”, лауреат международного поэтического конкурса “Звезда полей”. Автор восьми книг стихов и прозы. Живёт в Белгороде.

* * *

Да на тот на бережок
ладил, ладил я мосток
да к зазнобушке-милаше,
да к любавушке.
Ох, к любавушке...

Покачулся мой мосток...
Подхватил меня поток.
Понесло меня течение
да стремительно.
Ох, стремительно...

А к любавушке родной
перешёл мосток другой...
Мне же плыть по бурной речке
непопятливой.
Непопятливой...

ТИХО

Тихо. Ни звука. Стою на крылечке.
Вскрикнула птица где-то за речкой,
с края села донеслось чьё-то слово,
и тихо всё снова...

“Не дойду до дому!..” —
песню мужик под хмельком затянул,
споткнулся,
упал,
чертыхнулся...
Соседский кобель с перепугу взбреднул,
ему подбреднула хозяйская сука,
и снова
ни звука...

* * *

За лесную чащу тёмную
ясно солнышко хоронится.
У реки красна молодушка
расплетает косу русую.

Мил дружок её венчается.
Колокольный звон на тыщи вёрст.
Да под звон под тот малиновый
ей венчаться с чёрным омутом.

На одной весёлой свадьбе
гостьей ходит песня звонкая.
На другой печальной свадьбе
гостя — лишь тоска-молчальница.

На одной весёлой свадьбе
молодые целовались.
На другой печальной свадьбе
на воде круги остались.

ВЯЧЕСЛАВ КОЛЕСНИК

КОРЖИКИ

РАССКАЗ

— Был и я когда-то поэтом — давно, в сорок шестом году, — да только решил я тогда, что в больше никогда им не буду...

— Как это? — непонимающе посмотрел я на Ивана Григорьевича. — Как это? Ведь писать стихи — это же... диагноз, неизлечимая болезнь, это на всю жизнь, а вы: “Был и больше никогда...”

Мы сидели с Иваном Григорьевичем на самодельных деревянных стульчиках во дворе его дома, под навесом. Был тёплый денёк, каких немало ещё бывает в конце сентября. Старик луцил фасоль, я держал в руке свежий номер районной газеты, в которой были опубликованы мои стихи.

— Гонорар-то тебе за них причитается? — спросил он, указывая на газету.

— Какой там гонорар, — махнул я рукой. — На буханку хлеба, не больше.

— На буханку хлеба... — вздохнув, задумчиво повторил Иван Григорьевич. Затем, вытерев руки о штанину, он взял у меня газету, молча развернул её, отыскал глазами мои стихи. Прочитал, одобрительно кивнул головой.

— Ну, так вот, слушай, — сказал он, возвращая газету. — Расскажу тебе, почему я после сорок шестого года решил никогда не быть поэтом...

КОЛЕСНИК Вячеслав Владимирович родился в 1949 году в селе Новоивановка Ровенского района Белгородской области. Закончил Валуйское медицинское училище. Проходил военную службу на кораблях Тихоокеанского флота. Автор семи сборников стихотворений и сказок для детей (“Папа Ёж”, “Откуда всходит солнце”, “Про слона, кабана, мужика и паука” и др.), а также художественно-исторических произведений: “Белгородская черта”, “Юность генерала Ватутина”, “Сказание о генерале Ватутине”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле” (2010). Живёт в селе Стрелецкое под Белгородом.

Таких историй никогда в жизни мне слышать не приходилось. Я подвинул свой стульчик поближе к старику...

— Было мне тогда, в сорок шестом году, от роду десять лет. Только что закончилась война, начала налаживаться жизнь, как навалилась тут на нас новая беда — страшная засуха. За всё лето не выпало ни единого дождика, но особенно жарким выдался август. Духота стояла такая, что трудно было дышать, трава пожухла, листья на деревьях скукожились, в поле ничего не уродилось: хлеба стояли низкие, с полупустым колосом. Начался голод. Отец наш с войны не вернулся, нас при матери было трое: я, самый старший, сестра Нина и брат Володя. Был у нас небольшой запас: торбочка пшена и килограмма три жита, но запас этот таял на глазах. Ходили на дуг собирать щавель, мать иногда варила взвар из бурака, пекла из толчёной липовой коры лепёшки. От постоянного недоедания шумело в голове, темнело в глазах... На помощь от колхоза надежды не было никакой. Напрасно ходили люди по пятам за председателем, ответ был один: “В закромах пусто. Как можете, так и выживайте”. Ходила к нему и мать, плакала: “Как же так, мужик мой погиб за Родину, на мне трое детей, неужто с голоду нам подыхать?”

Иван Григорьевич положил на ладонь несколько стручков фасоли, вздохнул, стал перекаладывать их с места на место. Я, воспользовавшись паузой, не без удивления спросил его:

— И вы в это время стали поэтом, Иван Григорьевич? В таком-то возрасте?..

— Нет, поэтом я ещё раньше стал, в сорок третьем, — грустно улыбувшись, сказал Иван Григорьевич. — И свалился на меня этот талант, сам не знаю — откуда. Одним словом, лет с восьми начал я вдруг складно говорить, и узнали все об этом именно в сорок третьем году, на митинге в честь освобождения нашей деревни от немцев. Тут-то я на радостях, да на виду у всех, и прошпарил первые свои стихи собственного сочинения. Сам удивляюсь, как я мог их сложить? Вот послушай-ка, я до сих пор их помню:

*Прогнали Гитлера совсем,
И стало дюже нам усем!
Настала радостная жизнь,
Теперь, товарищ, веселись!*

Ко мне подошли тогда два офицера, принародно поблагодарили за патристические стихи и вручили плитку американского шоколада. Я примчался домой с этой наградой, мы разделили её поровну, на четверых, и мать моя — крестьянка, едва умевшая читать по складам, — сказала тогда: “А ведь правду старые люди говорят: разумного и в тёмном углу видать”...

Иван Григорьевич, крихтя, потирая спину, поднялся со своего стульчика.

— И вот, значит, навалилась на нас в сорок шестом году засуха... Но о том, что в колхозных закромах было пусто, председатель, конечно же, брехал. Было там маленько зерна, да только не всякий мог тем запасом пользоваться. Сам председатель да счетовод, понятное дело, не голодовали. Мало того, вечерком закрывались они вдвоём в конторе и вдвали от людских глаз решали там допоздна всякие насущные вопросы. Пили при этом самогончик, закусывали...

И вот сидим мы как-то вечером дома, хлебаем без ничего бурачный взвар, вдруг слышим: стучит кто-то в окно. Мать выглянула — Дёма прибежал, сторож сельсоветский. “Что такое?” — “Кличет председатель Ваньку вашего в контору”. Мать испугалась: с чего бы это на ночь глядя? Но власть на то она и власть, чтобы ей подчиняться. Отправился я в контору...

Иван Григорьевич замолчал. Затем, заметно волнуясь, прошёлся по двору, поднял с земли сухую хворостинку, положил её зачем-то на ступеньку крыльца.

— В общем, ждали меня в конторе двое: сам председатель, фамилия его была Деркун, и счетовод. Сидят, оба изрядно выпивши, на столе перед ними коржик лежит.

— Ну, что, Пушкин, — говорит председатель, — кушать хочешь?

Я молча слону сглотнул, а он говорит дальше:

— Стишок про меня хороший можешь сочинить?

Счетовод сидит, в разговор не вмешивается, только икает.

— Или вот про него, — показывает Деркун на счетовода. — Только требование у нас к тебе будет такое: стишок сочинить надо прямо сейчас, понял? И тогда коржик вот этот — твой...

А я стою и с коржика того глаз не свожу.

— Ну? — говорит счетовод. — Мы слушаем...

И тут я, прямо как на том митинге, снял с головы фуражку, на минутку задумался и глухим, но отчаянно-решительным голосом начал:

*Идёт Илья Данилович
Повсюду напрямки,
Собаки лают радостно,
И рады петухи!*

*За ним идёт сознательно
Милюкин-счетовод,
Который дружно трудится,
А не наоборот!*

Заулыбались они довольно, захлопали в ладоши: “Ну, молодец! Коржик твой!” А я тут же — хватя! — и за пазуху его.

— Э, нет, — погрозил мне пальцем Деркун. — С собой — ни-ни! Ешь тут. И про всё это — чтоб никому, понял? Поэмы нам твои понравились, так что приходи завтра ещё.

Съел я при них тот коржик, прибегаю домой. Мать спрашивает, что к чему да почему, я не признаюсь, стою перед ней, брешу, что интересовались, мол, сколько мне лет, сказали, что пора начинать мне помогать колхозу... И, веришь, так стыдно мне в эту минуту стало, так стыдно перед голодной матерью, перед голодными братом и сестрой за свою брехню...

— И вы больше туда не пошли? — спросил я.

Иван Григорьевич нахмурился, виновато вздохнул:

— Пошёл... И опять стишки им читал за коржик. И на третий вечер тоже пошёл, но это уж было, правда, в последний раз. Вернулся я оттуда, не выдержал, рассказал обо всём матери. Мать заплакала, стала гладить меня по голове, а я тоже плачу, кричу на всю хату: “Не пойду я больше к ним, не пойду! И стишки никогда в жизни не буду писать!” А на следующий вечер мать мне и говорит тихонько: “Может, ещё сходишь, сынок? И тебе хорошо, и нам будет полегче: всё-таки одним ртом меньше”. Вышел я из хаты, но не послушался её, просидел часа полтора в кустах, вернулся. Вернулся, а они сидят втроём, бурак печёный едят. “Сынок, ты ж, я надеюсь, не голодный?” — “Не голодный”, — отвечаю, а у самого аж кишочки заныли. Но виду я не подал, выдержал характер...

— И что, — спросил я, — так вы ни разу больше в контору и не пошли?

— Не пошёл. Пересижу где-нибудь в стогу или в кустах и являюсь домой. Голодный, как собака, но без всякого стыда в душе... А вскоре прислали нам вместо Деркуна другого председателя, так что в контору меня по вечерам никто уж и не звал.

— А куда ж Деркун делся?

— Деркуна в тюрьму посадили, арестовали прямо в поле. Оказалось, что в войну сотрудничал он с немцами, был полицаем где-то на Украине, а потом с чьей-то помощью сумел обзавестись правильными документами и оказался у нас.

Иван Григорьевич снова взял у меня из рук газету, развернул её, покачал головой:

— Вот такая, братец, история со стихами... Способный я был, даже способный. Со временем, может, и поэтом бы известным стал, кабы не те коржики...

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ПОХОДЕ

В дорогу на этот раз Клавдия решила взять с собой и Миньку, старшего сына. Какой-никакой, а мужик, хотя и годов ему едва минуло двенадцать. В случае чего защитит, да и мешок с картошкой поднять, тачку гружёную на гору втащить — опять же вдвоём сподручней. Соседка Мотя да соседка Фрося тоже собирались идти на Поньры за картошкой — они и в прошлый раз втроём ходили, друг дружке в дороге помогали, — но Клавдия решила всё-таки взять с собой Миньку. Здоровьем была она послабей соседок, отставала от них, особенно на обратном пути, с картошкой, часто приходилось ей останавливаться, просить подмогнуть. А с Минькой будет совсем другое дело. Он хотя и худенький (а с чего плотнеть-то — с лебеды?), зато паренёк хваткий.

— Минь! — позвала Клавдия сына. — Ты ж не забывай — завтра ни свет ни заря подыматься нам. Так что ложись нынче спать пораньше.

— Прямо сейчас, что ли? — отозвался Минька. — Солнце ещё, глянь, где.

— А раз “солнце глянь где”, так пойдика в сарай да возьми там баночку с дёгтем — она, кажись, на полке стоит, где отцовский инструмент плотницкий. Смажь колёса, всё легче будет таскать нам тачку. А я начну укладывать вещи.

Главными вещами, которые Клавдия собиралась обменять на картошку, конечно же, были две пары почти новых довоенных калош и брусок хозяйственного мыла. Мыло в войну ценилось: за него проси, чего хочешь. А у Клавдии оно имелось — начальник передвижного госпиталя три куска выдал ей за работу: стирку бинтов, простыней, солдатского белья. Ещё для обмена брала она с собой несколько клубков шерстяных ниток и пару бутылок бурачного самогона. Вязаная кофта, что была на ней, тоже при случае могла пойти на обмен.

То, что зиму пережить будет нелегко, что придётся голодовать, стало ясно уже к середине августа сорок третьего года, когда село освободили от оккупантов. Огороды — главное подспорье селян — были изрыты воронками, опустошены румынами, мадярами, немцами. Ни картошки тебе, ни капусты, ни огурца — закрома в погребах заполнять было нечем.

Вот и наладились бабы ходить в чужие края, туда, где удалось народу хоть что-то вырастить на огородах. Ходили далеко, километров за семьдесят, а то и подальше, меняли товары несъедобные на съедобные, в основном, на картошку. Длился такой поход дней пять, но случалось, что и за неделю не получалось обернуться — разве пешком да ещё с гружёной тачкой доже разгонишься? К тому ж ходили только по видному, а ближе к вечеру просились в какую-нибудь хату переночевать.

...Минька по-хозяйски оглядел тачку, приладил к ней моток пеньковой верёвки, смазал дёгтем колёса.

— А кресало будем брать? — зайдя в хату, спросил он у матери.

— Будем, — сказала Клавдия. — Без огня в дороге не обойтись. Слышал, волки по всей округе шатают? Вот мы костерок и разведём, ежели что.

— А я самопал с собой возьму! — решительно сказал Минька. — Как пальну по ним!

— Какой самопал? — сердито поглядела на сына Клавдия. — Я ж его выбросила. Не хватало ещё, чтоб пальцы тебе поотрывало, как дружку твоему, Володьке.

— А у меня на всякий случай запасной есть, — проворчал Минька. — Для обороны.

— Ну, если только для обороны...

Собирались до самого темна. Младших — Манечку и Ванечку — Клавдия отвела к тётке Дуне, упросила её, пока не вернётся, приглядеть за ними. Мешок с вещами уложили на тачку, повечеряли печёным бураком, вспомнили, как до войны отца на Первомайский праздник премировали кульком сахара-рафинада...

Первая попутчица зашла за ними, едва из-за горизонта показалось солнце. Это была соседка Фрося — низенькая, подвижная бабёнка, подпоясанная шерстяным платком.

— Ну, вот! — обрадовалась она, узнав, что с ними идёт Минька. — Чем не заступничек?

Появилась и другая соседка, Мотя. По годам она была старше всех, деловита, немногословна.

— Готовы? Ну, с Богом.

И затарахтели три тачки по разбитой снарядами дороге. А вдоль дороги — искорёженные машины, танки, бурьян чуть ли не в человеческий рост, сожжённые дотла хутора с безмолвно торчащими на месте хат печными трубами... Бродили по пепелищам люди — голодные, оборванные, вернувшиеся на жительство в свои погреба.

— Ты от горя прочь, а горе тебе в очь... — вздыхали при виде такого разора бабы. — Пойдёмте дальше.

И чем дальше уходили они от своего дома, тем тревожнее становилось у них на душе.

— Ничего, видать, на этот раз у нас не получится, — говорила Клавдия. — Надо было, как в прошлый раз, идти на Обоянь.

— Зачем же дважды по одной дороге ходить? — сердилась Мотя. — А то вы не помните, какие там богачи живут? Еле по оклунку картох да по кругу макухи у них раздобыли.

— А ты, Клавка, ещё и помощничка с собой прихватила, — смеялась Фрося. — А он, бедолага, еле пустую тачку перед собой толкает.

Однако к концу второго дня повезло им. Встретилось на пути селение — почти все хаты целые, кое-где только сгорели камышовые крыши. Выложили наши менялы свой немудрёный товар, начал собираться вокруг них народ. Появились тут и масло постное, и картошка, и сальце. Предлагались даже для обмена ковриги хлеба, только что вынутые из печи.

— Ох, и дорогой же у вас хлебушек...

— Так поищите дешевле.

— Ну, а калоши твои сколь стоят? За ведро картошки отдашь?

— А ходики твои гожие хоть?

— Масло постное нынче в цене...

— Ну, что ж, дед, бери тогда и краску для шерсти в придачу, бороду себе покрасишь.

Когда же, наконец, торг был закончен, глянули бабы — солнце близится к закату, и Мотя предложила тут же и заночевать. За постой пришлось расплатиться Фросиным платком — хозяйке хаты, куда они определились, он сразу же приглянулся.

Наутро тронулись в обратный путь. Самая тяжёлая тачка была у Клавдии — не зря она взяла с собой Миньку. За одни калоши только удалось ей выторговать почти мешок картошки. Да и брусок хозяйственного мыла потянул на три круга макухи. Пошёл в дело и бурачный самогон — за него Клавдия выменяла бидончик постного масла и торбочку пшена. Пришлось снять с себя и вязаную кофту — за два ведра картошки и кусок сала. У Моти с Фросей добра было поменьше, но они не завидовали соседке — тут уж кому как повезёт.

Минька, вместе с матерью впрягшись в тачку, добросовестно тащил поклажу, на подёмах тяжело пыхтел.

— Ты бы, Клавдия, хлебушка в маслице окунула, да дала парню, — советовала Фрося, — а то силы ему не хватает.

— Дойдём до Карасёвки, там и перекусим, — отвечала Клавдия.

В Карасёвке отдохнули, двинулись дальше.

— Девки, где будем останавливаться нынче на ночлег, опять там же? — спросила усталым голосом Фрося.

— Там же, в Мелках, — сказала Мотя, — если успеем дотемна.

Но до Мелков дойти им не удалось. Все уже утомились, к тому же осеннее небо, затянутое плотными тучами, по-вечернему начало темнеть. Увидев впереди небольшой хуторок, решили проситься на ночлег. Постучались

в крайнюю хатёнку, их сразу же впустили и за полкруга макухи, потеснившись, предоставили кров.

— Тачки закатите в сарай, — распорядилась хозяйка, старуха лет семидесяти, низко повязанная платком. — Так-то оно будет надёжнее. Эй, Микола! — позвала она внука, стоявшего посреди двора. — Покажь людям, что да куда!

Хлеб решили забрать с собой, в хату.

— Правильно, — одобрила старуха. — От беды подальше.

— А я гляжу, собаки у вас чи нема? — поинтересовалась Мотя.

— Нема, — ответила хозяйка. — Волки сожрали позавчера. Прямо из конуры вытащили и увоклали. А уж какая собачонка была — ни тявка, ни брёха от неё пустою никогда не слышали.

Старуха засветила каганец, подала ночлежникам широкое рядно, кучу слежалого старья.

— Ну, что ж, вечерять если будете, так вечеряйте, — покосилась она на Фросину, завёрнутую в посконную тряпку ковригу, — а нет, так стелитесь, где кому достанется.

— Не, вечерять не будем, — зевая, ответила за всех Мотя.

— Ну, тогда спокойной вам ночи.

Однако не всем спалось этой ночью в хutorке...

— Ой! Ой! Украли! Украли! — ни свет ни заря раздался вдруг во дворе голос Фроси. — Усё покрали!

Выбежали из хаты Мотя и Клавдия с Минькой, за ними старуха. На тачках лежали жалкие остатки вчерашнего богатства...

— Лихоманка их возьми!.. — всплеснула руками старуха. — Какие унюшливые.

— Да разве ж так-то можно! — с горестным стоном кричали бабы. — Ну, и народ у вас!

— До войны такого не бывало... — виноватым голосом оправдывалась старуха. — А всё, видать, потому, что изголодавши.

Но искать воров никто даже не кинулся (“Бесполезная затея, — сказала старуха, — время только терять”). Повозмущались, поплакали, да и тронулись в путь.

— Вот так переночевали...

— Хорошо, хоть хлеб с собой забрали в хату.

— А картошку-то не всю подчистую утащили — и на том спасибо...

Картошка, и в самом деле, сворована была не вся — на каждой тачке в развязанных мешках оставалось её, если бы вздумали поджарить, по две добрых сковородки.

О жареной картошке, глотая слону, и затеял разговор Минька:

— А помнишь, ма, как мы до войны её лопали? Папка вилкой, а мы с Ванечкой ложками, ложками...

— Придём домой — нажарю, — коротко отвечала Клавдия.

Мотя, шагавшая по дороге первой, оглянувшись, сказала:

— А до дому, девки, добраться надо нынче же.

Шли без отдыха, лишь изредка, завидев невдалеке ручеёк, останавливались, чтобы пожевать хлеба да попить воды.

— А с пустой тачкой хорошо бежать, неуморно, — горестно шутила Фрося. — Ещё трюхи — и будем дома.

Ближе к вечеру показался знакомый лесок. Вот она и груша-дичок рядом с дорогой, и непролазные колючие заросли тёрна.

Из них-то и послышался вдруг чуткой на ухо Клавдии негромкий, тревожащий душу шорох.

— Батюшки... — остановилась она, как вкопанная. — Не волк ли?..

— Он, бабы... — прошептала Мотя. — Смотрите, вон оттуда сейчас покажется, — указала она рукой на прогалину меж терновых кустов и тут же перешла на крик:

— Огонь, огонь давайте скорей разводите! Минька, доставай кресало! Да не пужайтесь вы! Фроська, травы, травы сухой поболее давай! Хворосту тачи, Клава!

Это и впрямь был волк — большущий, худой. Вышел он, откуда и думали, из терновника, стал поперёк дороги, негромко, коротко взвыл. Минька, сноровисто высекая кресалом искры на сухую вату, через плечо крикнул:

— Тётъ Моть, а может, из самопала по нему пальнуть?

— Не надо, — решительно сказала Мотя. — Если ранишь, а не напова, тогда нам конец. У раненного зверя силы втрое.

Костёр разгорелся довольно быстро. Волк немного отступил, но совсем уходить, как видно, не собирался. Начали швырять в него горящие головешки, стучать палками по пустым тачкам, кричать, но и это мало помогло.

— Видать, голодный дюже, — сказала Мотя.

— Хлеба ему надо кинуть, — предложила Клавдия. — Может, он и отступит.

Она выхватила из Минькиной котомки ковригу, отломилла изрядный кус, швырнула его волку. Волк с жадностью схватил хлеб, спешно, давясь, задвигал челюстями. Но с места не ушёл. Тогда Фрося, не раздумывая, располовинала свой каравай, громко крикнула:

— На, подавись!

На этот раз волк, схватив на лету хлеб, отступил с дороги, давая людям пройти. И они воспользовались этим. Спеша, скоком, тархтя пустыми тачками, понеслись они, но не по дороге, а напрямик, через поле, в сторону своей Лопуховки.

— Ничего, ничего, уже близко... — повторяла запыхавшимся голосом Мотя. — Чтоб ты, гад, сдох!

Но волк догнал их. Он завыл, и воем своим заставил остановиться бегущих.

— Не пужайтесь, — доставая хлеб, осмелела Мотя. — Теперь-то мы знаем, чем от него можно откупиться. — И, широко размахнувшись, она швырнула подальше от себя, в сторону леса, целую ковригу.

Зверь неспешно поднял её с земли и, видимо решив, что дани с этих людей взял достаточно, удалился в свои владения...

— Ну, и поход у нас получился... — опомнившись, вздохнула Фрося. — У меня так до сих пор руки трясутся...

— Как не трястись? — поддержала её Клавдия. — Да к тому ж и обидно — пять дён дома не были, а толку — с гулькин нос. Минь, пойдёшь ещё?

Минька остановился, вопросительно улыбнулся:

— Мам, а давай я хоть напоследок из самопала жахну!

— Жахни, — устало махнула рукой Клавдия, — только в гору.

А вечером в Лопуховке, в трёх крайних хатах, жарили на воде долгожданную картошку.

ВЕРА КОБЗАРЬ

МНЕ СЕГОДНЯ ЛЕГКО НА СЕРДЦЕ

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Зазвенели солнечные струны,
Вспыхнули весёлые зарницы,
Словно кто-то в тишине безлунной
Уронил с небес перо жар-птицы.

Подымалось солнышко над лесом,
Радугами яркими искрилось,
Стройным пеньем души озарились,
Колокол звонил: “Христос Воскресе!”

* * *

Сгорает день в моём оконце,
Сошла жара.
Уже к земле прижалось солнце,
Ночь у двора.

КОБЗАРЬ (КОСТЕНКО) Вера Петровна родилась в селе Красноталовка Еланского района Волгоградской области. Окончила Всесоюзный финансово-экономический институт в Белгороде. Автор сборников стихотворений “Вчера был снег” (1996), и “Весенний дождь” (2002). Член Союза писателей России.

Луг, зачарованный закатом,
Умерил пыл.
Ты помнишь: было так когда-то...
Или забыл?

А мне ещё тот вечер снится,
Твоя любовь...
Жаль, никогда не повторится
То время вновь.

* * *

Мне сегодня легко на сердце,
И природа ко мне добра:
Дождь весенний насыпал в сенцы,
Не скупясь ничуть, серебра.

Грозовые тучи раздвинув,
И невздам всем вопреки,
В небе радуга, выгнув спину,
Пьёт прохладную синь реки.

РОЖДЕСТВО

В сельском храме сладко пахнет ладаном,
Тёплый свет струится от лампад.
За окном снежок нарядом свадебным
Украшает яблоневый сад.

Из-за тучи выплыл угол месяца —
Посмотреть, как ясен мир и прост.
Высоко звезда взошла и светится
Ярче всех горящих с нею звёзд.

Детский голосок звенит на клиросе,
Как хрусталь, мелодия чиста...
Ввысь стремится с пожеланьем мира
В светлый час Рождения Христа.

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

НАДО ЖИТЬ

РАССКАЗ

Вот же какая интересная штука получается. Живёт себе спокойно человек, делает какие-то свои дела, заботясь о личном благополучии, выпивает иной раз для души с друзьями, а когда и сам, и совсем не думает о том, что в любой момент может запросто в больницу угодить, где он будет уже не Иванов или Сидоров, а “больной Иванов” или “больной Сидоров”. И тогда на какое-то время главными людьми в его жизни сделаются врачи, медсёстры и санитарки, которым он будет подчиняться, как какому-нибудь родному начальству, а то и почище...

Такие мысли появились у Николая Корнеева, когда он оказался в областной больнице, в отделении гастроэнтерологии, и сам убедился в этой непреложной истине. Началось же всё с того, что зануло у него что-то в правом боку, и никак эта боль не желала униматься, а только делалась настойчивей и неприятней. Николай долго терпел, как и всякий русский мужик, но потом, под напором жены, решился-таки пойти к участковому терапевту, а тот его и направил в областную больницу обследоваться.

— Полежите там две недельки, проверите свои печёночку и желчный, — ободряюще улынулся ему молодой уже доктор с лукавым взглядом из-за очков. — Вы как насчёт алкоголя?

— Да как и все, — пожал плечами Корнеев, — нормально.

— Ну вот, пусть и посмотрят там, что да как. Мало ли. Возраст у вас

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Окончил Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём”, “Звонница” и других. Автор сборника прозы “Продавец книг”. Живёт в Белгороде.

уже подходящий для разных болезней, так что сильно не удивляйтесь, если что-нибудь найдут.

В свои сорок восемь лет Николай на здоровье пока не жаловался, слава Богу, крепкий организм от предков достался. Если и болел, то по мелочам — простудой, в основном. А тут на тебе... Угораздило! Но ничего не поделаешь, шутить с этим делом не стоило. Вдруг, и в самом деле, какая-то серьёзная хворь прицепилась...

Прослужил исправно Николай Корнеев в ракетных войсках без малого двадцать один год. Может, служил бы и дальше, да вдруг оказался родному государству не нужен, как и тысячи других офицеров, и вышел по сокращению на пенсию в возрасте неполных сорока трёх лет и в звании майора.

Поначалу, конечно, пугала завтрашняя неизвестность. Ведь раньше всё было просто и понятно, расписано по часам и известно наперёд, а тут надо как-то самому заботиться о себе и о семье. Но ничего, постепенно приурочился он к такой новой жизни и сумел её вполне обустроить. Пришлось, правда, несколько раз сменить место работы — частные предприятия и фирмы, куда Николай нанимался охранником или ещё кем, через какое-то время, как правило, закрывались, а их хозяева убегали за границу. Последние два года он охранял громадный тепличный комплекс, где по новейшим голландским технологиям выращивались огурцы, помидоры и несколько сортов салата, и пока всё шло хорошо — деньги платили приличные и вовремя...

Палата, в которую определили Корнеева, была пятиместной, со своим туалетом и душем, разве что холодильник находился в столовой, но поскольку кормили там более или менее сытно, то особой надобности в нём не имелось. Кровать Николаю досталась в углу, рядом с окном, откуда, с высоты пятого этажа, открывался красивый вид на ухоженные клумбы, пестревшие цветами, и на сквер за больницы оградой. Последние дни лета выдались солнечными и жаркими, и окно днём и ночью было открыто, иначе в палате тут же начиналась духотища.

Коллектив подобрался, что надо — нормальные мужики, а не какие-нибудь хмыри из деловых, из тех, у кого лишь “бабло” на уме да презрение к трудовому человеку лезет из всех щелей. Один лежал с язвой желудка, у другого в желчном пузыре не давали покоя камни, третий маялся поджелудочной, а у четвёртого, как выяснилось, вообще печень пересаженная, так как своя пришла от цирроза в негодность.

Язвенника звали Фёдором Сивцевым. Маленький и сухопарый, с блеском в чёрных глазах, он был словоохотливым и гораздым на всякие интересные истории и байки, а работал водителем маршрутки. В нём Николай в первый же день нашёл себе собрата по душевным разговорам, которые всегда уважал. Почти всё свободное от процедур и обследований время они обсуждали политику или спорили о Боге, об инопланетянах, древних народах и о прочих необычных вещах. Корнеев вообще любил узнавать что-то новое и делиться этим с кем-то ещё. Раньше, в советские времена, он выписывал много журналов, таких как “Вокруг света” и “Наука и жизнь”, и зачитывал их до дыр, но теперь они стали слишком дорогими для подписки. Споры с Сивцевым нередко доходили до накала, так как Фёдор упрямством не уступал Николаю, и каждый норовил доказать, что прав именно он. Впрочем, оба быстро остывали и друг на друга ничуть не сердились.

Тот, что с камнями в желчном, в отличие от Сивцева, был молчаливым и всё больше коздовал над кроссвордами, лишь изредка вставляя в разговоры двусмысленные фразы. И нельзя было понять, что у этого человека в душе. Фамилия у него оказалась под стать характеру — Тихонин, да и внешность была непримечательная и незапоминающаяся. О своей работе он упоминал вскользь — мол, начальник отдела труда и зарплаты на каком-то предприятии. Но верилось в это с трудом, потому как на начальника он совсем не походил — уж всевозможного начальства Николай на своём веку повидал предостаточно и даже порядком от него подустал. Обычно все эти товарищи необычайно любили командовать и ругаться почём зря, имели важный вид и сердитый взгляд, точно персонажи Салтыкова-Щедрина. Иногда даже казалось, будто этих самых начальников выращивают из пробирок

в неких специальных секретных инкубаторах, как особую породу людей для руководства другими.

Короче, туманный попался субъект, но вроде бы безвредный, и то ладно.

А обитателя палаты, у которого болела поджелудочная, все уважительно называли Иванычем. Он был здесь самым старшим, в нём чувствовались большой житейский опыт и мудрость, хотя Иваныч этим никогда не козырял и не пытался никого поучать, своё мнение никому не навязывал. В споры между Фёдором и Николаем он не вмешивался, но всегда внимательно слушал, добродушно усмехаясь в седые усы. Если же кто-то о чём-то его спрашивал, Иваныч отвечал коротко и ясно, как бы даже что-то не договаривая, будто стеснялся красноречия. Он скромно поведаль, что работает в кукольном театре слесарем-сантехником и вполне тем доволен.

“Странная штука, — удивлялся Николай, — казалось бы, простой человек, не какая-нибудь там важная шишка или деятель известный, а душа сама к нему тянется...”

Возможно, причиной тому были его внимательные серые глаза с грустинкой, которые сразу располагали к себе, внушали доверие.

Чужую печень носил пятидесятилетний подполковник милиции в отставке Борисов Виктор Анатольевич. Он рассказал, что каждые полгода ложится в больницу проверять, как справляется его новый орган, с которым он жил уже третий год. Выглядел же он вполне здоровым и даже слегка упитанным.

— Пить-то тебе, небось, нельзя? — с участием спросил его Николай.

— По праздникам сто грамм позволяю, — улыбнулся в ответ Борисов.

— Ну, а как насчёт жирного, острого?

— Нежелательно, конечно, но не лишать же себя последних радостей жизни!

— И то верно, — согласился Николай. — Ну, дай тебе Бог...

Подполковник этот, кстати, поставил в палате маленький плоский телевизор, который ловил на свою антенну десяток каналов, так что лежать было не так скучно. К тому же, у него имелись карманные шахматы на магнитах, и все, кроме Тихонина, по очереди в них играли.

Вот так Корнеев и пребывал в стационаре, пока врачи выявляли причину его болей в боку. Только юный возраст большинства этих врачей вызывал некоторые сомнения в их способностях.

— Сопливые ведь совсем, — высказался в палате Николай. — Неужели всё знают и умеют?

— Чудак, ты радуйся, что хоть такие есть, — возразил ему Сивцев. — Это хорошо ещё, у нас университет медиков выпускает, а так бы беда была. Опытные-то в частные клиники уходят. Там зарплаты посолидней.

— Понятно, всем хочется жить лучше, — вздохнул Николай. — Но нам-то от этого не легче. Эти студенты, похоже, на нас и учатся, как на кроликах подопытных.

Лично ему досталась с виду девчонка девчонкой по имени Инна Сергеевна. Была она худенькая и быстрая в движениях и постоянно куда-то спешила, перемещая чуть ли не бегом, словно внутри неё работал некий моторчик. Надо признать, относилась она к своим больным чутко, а к делу — щепетильно, подробно расспрашивая про жалобы и проявляя упорство, заменявшее ей опыт.

Когда Инна Сергеевна заходила в палату, у Николая сразу куда-то пропадала боль, а на душе становилось теплее. Остальные мужики тоже начинали перед ней бодриться — видно, девушка-врач нравилась всем. Карие глаза, окаймлённые длинными пушистыми ресницами, густые тёмные волосы, обычно собранные на затылке в двойной пучок, а также белый медицинский халатик — здесь и в самом деле было на что заглядеться.

Она постоянно напускала на себя серьёзность и строгость, видимо, чтобы казаться старше и солидней, но, разговаривая с ней, Корнеев не мог избавиться от ощущения, что перед ним, в сущности, ещё ребёнок. Похоже, так думал не только он.

— Мою младшую напоминает, — признался однажды Иваныч, задумчиво глядя на закрывшуюся за врачом дверь и поглаживая пальцами усы. — Такая же бедовая.

— Да, хороша девчуха. — Фёдор мечтательно закатил глаза, почёсывая после укола зад. — Эх, скинуть бы мне годков пятнадцать... Я б за неё приударил.

— Что, око видит, да зуб неймёт? — поддел его Николай.

— Обижает, я ещё вполне могу, — ухмыльнулся Фёдор. — Мне всего-то сорок девять.

— Тоже мне, Казанова выискался. Для таких, как она, мы с тобой уже деда древние.

— Да брось ты, — махнул рукой Фёдор, тут же охнув от боли в ягодице. — Дело вовсе не в возрасте.

— А в чём?

— Ты телевизор смотришь? Не видишь, что ли, с какими девахами все эти долбаные олигархи маячат перед камерами? Сейчас, главное, были бы деньги. Взять, к примеру, моего Володьку. Женился на сокурснице сразу после технологического. Говорил, что у них любовь до гроба. Ну, и что?

— Что? — переспросил со своей койки Борисов.

— Да то... — Фёдор pokrивился. — И года вместе не прожили. Ленке его денег всё было мало. Подавай ей, видишь ли, богача. А сама только транжирила на что попало... Короче, сбежала с каким-то мордоворотом... этим, как его... риэлтором, мать его. Финтифлюшка ещё та оказалась... Вот тебе и вся любовь.

— Нет, Инна Сергеевна не такая, — уверенно заключил мудрый Иваныч. — У неё глаза живые и тепло излучают. Я человека по глазам вижу... Суматошная маленько, но это пока молодая. В голове, поди, ухажёры да свидания. Ничего, остепенится ещё...

Уже на третий день Николаю обследовали ультразвуком печень и брюшные органы. Хмурая, толстая тётка лет пятидесяти больно надавливала приборчиком на подреберье и, глядя на экран компьютера, говорила юной помощнице показания, заодно объясняя их пациенту.

— Печень... левая доля в пределах, правая немного увеличена, но это сейчас у многих... Контур ровный, структура однородная. В принципе, ничего страшного не вижу. Есть небольшая липидодистрофия. Вышиваете? Ну вот, чего же вы хотите... У самой муж такой... Так, желчный в норме... Поджелудочная... умеренно выраженные диффузные изменения. Селезёнка... в порядке. Ну, что ж... — Она положила приборчик и критически оглядела Николая. — Не увлекайтесь алкоголем, и проживёте ещё долго. Вам понятно? Тогда больше не задерживаю.

— Понял, спасибо.

Корнеев бодро вскочил с кушетки, обрадованный заключению. Вышло, что печень и желчный у него вполне здоровы. Это, конечно, утешало, но оставалось всё же неясным, отчего болит в боку...

А следующим испытанием для Корнеева была очень уж неприятная процедура — “глотание кишки”, по-научному называвшееся гастроскопией. Николаю когда-то давно приходилось проходить через это медицинское “издевательство”, и повторять его совсем не хотелось, но деваться было некуда.

Два молодых врача, похожих друг на друга высоким ростом и довольными улыбками на сытых лицах, словно “двое из ларца”, проделали всё быстро и ловко — один пропихивал зонд Корнееву сначала в пищевод, а затем в желудок, а его напарник в это время колдовал у компьютера. Через каких-нибудь пять минут уже были известны результаты.

— Очаговый атрофический гастрит со стороны двенадцатиперстной кишки, — с умным видом сказал один из этих дюжих “близнецов”, а второй, посмотрев на экран монитора, только многозначительно хмыкнул.

Слова врача были малопонятны, а потому пугали.

— Это опасно? — Николай напрягся.

— Ну... в известной степени, — неопределённо ответил молодой специалист, которому, видимо, очень хотелось поразить пациента своей ученостью. —

Если не будете следить за питанием и запустите, то легко заработаете язву или что похуже.

— А болеть в боку от этого может?

— Может, — кивнул врач. — Нервы ведь и в желудке есть. Да вы не волнуйтесь, мы вас подлечим, — уверенно добавил он. — Лекарств сейчас хороших много. Медицина на месте не стоит. Как говорится, только плати... — Он ухмыльнулся. — А вообще, пейте регулярно кефир, не налегайте на копчёности и поменьше нервничайте. Такой вам совет.

— Ага, попробуй с нашей жизнью не нервничать, — вздохнул Николай.

Здесь, в больнице, Корнеев впервые серьёзно задумался о старости, которую, как ни старайся, никому не миновать — незаметно подкараулит за углом и обнимет так крепко, что руки и ноги сделаются вялыми и непослушными, а то и ещё что похуже случится.

А она-то ведь, эта самая старость, уже не за горами. Ну, побарахтается он ещё лет десять-пятнадцать, конечно, если Бог даст, а дальше всё, тушите свет...

Добрую половину лежащих в отделении составляли пожилые люди, и каждый день Николаю поневоле приходилось их видеть, и от этого в его душу всё глубже забиралось уныние. Одни постоянно хныкали и на что-то жаловались, в том числе упрекая врачей и медсестёр в плохом обращении и нежелании лечить больных, а другие же, наоборот, были довольны и хвалили регулярное питание и чистые постели, радовались, что есть с кем пообщаться. Но, по большому счёту, те и другие были одиноки и несчастны, им остро не хватало любви и заботы, а к некоторым и не приходил никто из родственников.

“Совсем как дети”, — думал Николай, наблюдая за этими стариками и старухами, чья жизнь неотвратимо приближалась к своему завершению, и чувствовал щемящую сердце жалость к ним, а может, и к себе в будущем.

“Почему природа так жестоко поступила с человеком, придумав зачем-то старение и смерть? Нет бы, сделала его бессмертным и вечно молодым, чтобы мог он спокойно себе любоваться тысячу лет этим бесконечным миром, познавать его и созидать в нём. Так нет же, зараза... Но ведь какой-то смысл в человеческую жизнь она, вне всякого сомнения, заложила. Так какой же? Не может быть, чтобы во Вселенной всё происходило случайно и хаотически...”

Эти мысли сделались навязчивыми, не давая Корнееву покоя с утра до вечера, а то и по ночам, мешая выспаться. Конечно, думал он, рано или поздно учёные найдут способ победить смерть или, по крайней мере, отодвинуть её как можно дальше. Обязательно найдут! Вот если бы дожить до такого прекрасного времени...

Ему хотелось на эту тему высказаться и послушать, что скажут другие.

— Я тут недавно одну интересную статью прочитал, — завёл как-то разговор Николай. — Про человеческий мозг. Оказывается, очень сложная это штука, и, главное, всю жизнь сам себя перестраивает. И работает быстрее любого компьютера. Удивительно, всё-таки. По сути, сложнейший биологический компьютер.

Дело было после обеда, во время тихого часа, и все пятеро отдыхали в палате.

— Да, создала природа, — согласился Сивцев. — Тут, действительно, в Бога поверишь. Как всё продумано до самых мелочей...

— А ты что, Фёдор, не веришь? — с улыбкой спросил Иваныч.

— Да как тебе сказать... — Сивцев привстал на койке, опершись на локоть. — Я пока не определился в этом вопросе. Конечно, хочется, чтобы после смерти что-то было дальше, но... — Он пожал плечами. — Всё это как-то уж очень сомнительно. В уме не укладывается.

— Я тоже раньше не верил, — сказал Борисов. — Пока на войну не попал.

— А теперь? — тихо спросил Николай.

— А теперь точно знаю: Бог есть. Это начинаешь понимать, когда почувствуешь, как смерть рядом прошла и косою на тебя замахнулась, но почему-то не забрала. Видно, ещё не настало время...

На минуту в палате воцарилась тишина. Видимо, каждый задумался над словами подполковника, от которых веяло чем-то мистическим. Николай представил, как Смерть в виде чёрной старухи с косой бродит между ведущими бой солдатами, выбирая среди них по каким-то своим, известным одной ей соображениям того, кому в следующий миг предстоит получить пулю в молодое, горячее сердце или в голову и навсегда покинуть этот мир. Наверное, когда в двух шагах от тебя замертво падает твой товарищ, в самом деле, поневоле задумаешься о том, кому предназначалась убившая его пуля, и ощутить что-то такое, что невозможно объяснить никакой наукой. Вполне может быть, что в такие моменты человек начинает верить в Бога и судьбу.

— Хорошую религию придумали индусы: что мы, отдав концы, не умираем насовсем, — продекламировал Иваныч, отвлекая всех от не очень весёлых раздумий.

— Высоцкий, что ли? — обрадовался Сивцев. — Да, вот кто мог так мог... Жаль, прожил мало, а то бы ещё написал.

— Это точно, — согласился Борисов. — Зато какой след после себя оставил! А что толку дожить до ста лет, серенько и незаметно, если тебя на второй день забудут. То ли жил ты, то ли и не было тебя вовсе...

— Нет, погоди-ка, — заспорил Сивцев. — Получается, если я ничего не написал, так что, зря живу? — Он встал и прошёлся туда-сюда по палате, засунув руки в карманы длинных, до колен, серых в клетку шортов. — Лично мне моя работа нравится. Кто-то же должен и баранку крутить, и в унитазах ковыряться... Каждый человек решает сам для себя, как ему жить. Главное, чтобы от тебя какая-то польза была, а не вред.

“А что я оставлю после себя, какой след? — возник в голове Николая вопрос. — Когда служил в армии, то вроде был неплохим офицером, — может, порой чересчур строгим, но справедливым. Ни разу никого из товарищей не подвёл и не предал, по начальству не бегал с кляузами. Разве этого мало?”

Тогда казалось, что делает он нужную работу — защищает Родину. Что может быть почётней и достойней уважения? Правда, потом, когда отправили на пенсию, возникли сомнения... Теперь же и вовсе старался о таких вещах не думать — просто ездил каждое утро “сторожить чужое добро”, чтобы зарабатывать деньги. Никакого удовлетворения от этого, само собой, не испытывал...

— А тебе, Иваныч, твоя работа нравится? — спросил Николай.

— Да как сказать... — тот призадумался.

— Говори, как есть! — потребовал Сивцев.

— Конечно, не особо, но зато у меня есть там своя отдушина. Бывает, зайду во время спектакля в зал и смотрю на детвору, как она смеётся да радуется. И до того мне хорошо становится... — Иваныч замолчал и погладил пальцем усы, глядя затуманенным взглядом в пол.

В этот момент Николай по-доброму позавидовал ему.

— А лучше всё-таки совсем не умирать, — подал голос со своей койки Тихонин. — Или хотя бы жить лет пятьсот.

— Ну, ты хватанул. — Сивцев осклабился. — Куда тебе столько?

— Я бы нашёл куда. А то мы за свою жизнь даже толком мир не успеваем поглядеть.

— Пятьсот лет... ничего себе... — Сивцев взъерошил на голове жёсткие чёрные волосы и опять заходил по палате. — Это что же получится, если все люди будут по пятьсот лет жить? А? Им же на Земле места всем не хватит. — Видимо, эта проблема взволновала его не на шутку, словно она уже стала актуальной. — Да и попробуй прокормить такую уйму народу!

— В космосе места много, — сказал Борисов. — Рано или поздно всё равно большая часть людей туда переберётся. Ещё бы найти подходящие для нас планеты...

— Ну, если только в космосе, — подумав, согласился Сивцев. — Тогда, конечно. Можно жить и по пятьсот.

— Ничего, скоро наука обязательно откроет долголетие... а может, даже и бессмертие — убеждённо сказал Тихонин — скорее, сам себе. — Это только вопрос времени.

— Эх, дожить бы. — Иваныч грустно улыбнулся...

— Ну, что, — сказала Инна Сергеевна при очередном обходе, — анализы у вас хорошие. Обследования тоже ничего плохого не выявили. Думаю, это всё от гастрита. Побудете у нас ещё недельку, попьёте лекарства... — Она призадумалась, затем кивнула, соглашаясь сама с собой. — Должно пройти. Холестерин, правда, высоковат. Я вам дам брошюрку, где написано, что полезно есть, а чего лучше поменьше. С холестерином нужно обязательно бороться, потому что он накапливается в сосудах, а это ведёт к инфаркту. Понятно?

— Куда уж понятней, — весело ответил Николай, довольный тем, что в его организме не нашли ничего страшного. Да и боль вроде бы за эти дни стала меньше досаждать. — Буду бороться.

— Ну, тогда до понедельника всем до свидания, — засияла Инна Сергеевна.

— А домой на выходные не отпустите? — спросил Николай.

Та испуганно замахала руками.

— Что вы, ни в коем случае. Не дай бог, проверяющий нагрывает. Я из-за вас выговор не хочу. Квалификацию сразу понизят, а это удар по карману. Сейчас ведь руководство только и смотрит, где и на ком сэкономить. Так что лежите здесь.

Она тут же убежала, как всегда, озабоченная какими-то своими делами.

— У них теперь строго, — подтвердил Иваныч. — Всего бояться.

— Это плохо, — вздохнул Николай. — Тогда позвоню жене, чтобы привезла чего-нибудь домашнего...

— Как ты тут?

Наталья внимательно, с заметным беспокойством, разглядывала мужа, как будто они не виделись несколько месяцев, хотя прошло-то всего четыре дня, да к тому же каждый день созванивались.

Они сидели на лавочке возле входа в корпус. Время приближалось к обеду.

— Нормально. — Николай с трудом сдерживался, чтобы не обнять и не прижать к себе жену, чувствовал, что успел соскучиться по ней. Но на людях не выказывал эмоций, как и подобает мужику.

В детстве отец учил его, что всякие нежности и душевности — это удел женщин.

— Запомни, Колька, мужик — не баба, должен быть волевым и твёрдым. А ещё никогда не показывай вида, что тебе тяжело или плохо, терпи боль и обиду, даже если неможешь совсем...

Николай эти наставления запомнил накрепко и всю жизнь им следовал, не позволяя себе и в самые трудные моменты проявлять хоть какую-то слабость и спонтанность. Но рядом с Натальей, особенно в первые месяцы их знакомства, хоть убей, ничего не мог с собой поделать — в душе начинало твориться чёрт знает что, когда он видел перед собой её глаза, когда слышал её голос и когда пробовал на вкус её губы.

— Вот, собрала. — Наталья протянула ему увесистый пакет. — Поешь хоть домашнего. Тут котлетки куриные, вчера только сделала, салатик овощной, пачка ряженки, немного сыра, конфеты и печенье к чаю... Да, и положила, как ты просил, Салтыкова-Щедрина.

— Молодец, моя школа, — похвалил Николай.

— Как-никак, офицерская жена, — поддержала она его шутку. — Хотя и бывшая.

— Как это, бывшая? — Он притворился, что не понял. — Что, бросаешь меня?

— Конечно, бросаю. Думала, стану генеральшей, а ты, коварный, обманул девушку, майоршей сделал.

— Вот так, да? — Николай скорчил сердитую мину. — Ну, и уходи. Может, найдёшь себе генерала. А я помру одиноким, но гордым майором.

— Дурачок ты мой. — Наталья вдруг прижалась к нему и потёрлась носом о его щёку, покрытую жёсткой щетиной. — Да разве ж я тебя брошу? Это после всего-то, что было?

А ведь действительно, было много чего, если хорошенько вспомнить... Свадьба, когда он, курсант Корнеев, только оканчивал Серпуховское высшее командное училище ракетных войск... Однокомнатная квартира в военном

городке дальнего уральского гарнизона... Полевые выходы два раза в год, когда приходилось по полтора месяца жить в машине обеспечения боевого дежурства... Эпопея с разворачиванием пусковой установки прямо на болоте, где они проторчали двое суток по колено в воде — командование за этот случай наградило его часами “Электроника-5”, а все знакомые и коллеги смеялись, что “Корнеев ракету утопил”... Рождение сына, а потом и дочери, — пожалуй, самый трудный, но и самый счастливый период жизни... И много-много чего ещё...

Они с Натальей прожили вместе больше четверти века, пройдя через разные невзгоды и преодолев всё то, что обрушилось на советских людей в ельцинское лихолетье, хлебнув на двоих всякого... Чего греха таить, конечно, порой происходили между ними размолвки и ссоры, как это обычно случается в любой семье, но всё же лад всегда, в конце концов, одерживал верх, и оба приходили к пониманию, что они являются половинками одного целого, а значит, должны друг за друга держаться и прощать друг другу то, что простить можно...

Николай обнял жену, радуясь, что она смотрелась ещё очень даже привлекательно, не превратилась в бесформенную, ворчливую и вечно всем недовольную клушу, как многие женщины в её возрасте. Его по-прежнему физически влекло к ней, и это было здорово. Вот и сейчас, в своём длинном, цветастом платье, облегающем полную грудь, с русыми волосами, рассыпанными по плечам, Наталья селась в его душе приятное смятение, как и в молодости. Разве что появившаяся в последние годы какая-то усталость на лице немного старила её.

— Может, тебе деньги нужны? — спросила она. — Говорят, врачи подарки любят.

— Да и так вроде хорошо относятся, — пожал он плечами. Пока что никто никаких намёков не делал. — Но дай, на всякий случай, пятисотку, а там видно будет.

— А мы с Анькой вчера по скайпу общались. — Наталья достала из сумочки кошелек. — Я ей сказала, что ты в больнице, так что должна позвонить. — Она протянула купюру.

— Понятно. — При упоминании дочери Николаю вдруг захотелось, чтобы Аня была здесь, рядом, а не за целых две тысячи километров от дома, в северном Архангельске, где она работала в геологоразведке. Правда, в начале лета она приезжала в гости, но казалось, что это было уже так давно. Общение же через интернет всё равно не могло в полной мере заменить живого присутствия человека, а лишь создавало его иллюзию.

— Ты бы с Егором помирился. — Во взгляде жены читалась даже не просьба, а мольба. — И что ты на него тогда накинулся? Как с ума спятил.

Отношения с сыном разладились после того, как пару месяцев назад они полаялись из-за новых друзей Егора. Николаю не нравилось, что все они были слишком деловыми и занимались, в основном, торговлей, а он торгашей никогда не уважал. Долго сдерживался, но тут — как прорвало: немного выпив, он высказал всё, что накопилось в душе. Сын же в ответ посмеялся и заявил, что за такими людьми, как его друзья, будущее, потому как они “умеют жить”, а его отец просто отстал от жизни и всё ещё не может искоренить в себе “совковое” мышление. Николая эти слова зацепили не на шутку. Ну, и пошло-поехало... В общем, разругались они с Егором вдрызг и вот уже два месяца совсем не общались.

Случилось же это буквально перед тем, как начал донимать бок...

— Посмотрим, — засопел Николай. Он ждал, что сын первым пойдёт на примирение, хотя бы из уважения к отцу.

— Ладно, Корнеев, пойду я. — Наталья называла его по фамилии, когда считала, что он не совсем прав, хотя и очень ей дорог. — Всего на часок с работы отпросилась. — Она чмокнула мужа в щёку. — Сильно не скучай. Через несколько дней загляну опять...

— А вот вам, батенька, шах, — важно объявил Сивцев, не заметив на доске подвоха.

— А мы сюда, а заодно вашу пешечку скушаем. — Николай ухмыльнулся, предвкушая близкую победу. Задуманная им комбинация удалась на славу, и через два хода чёрный король Фёдора обречён был пасть под ударом белой ладьи.

Партия происходила в палате, ближе к ужину. Иваныч дремал, Тихонин разбирался с кроссвордом, а Борисов ушёл на прогулку. За окном просматривалась пасмурность, вселяя надежду на долгожданный дождь.

Николай уже взялся за ладью, намереваясь поставить в игре закономерную точку, когда в дверях появилась незнакомая медсестра.

— Требуется мужская помощь, — сухо сказала она, и по её взгляду было ясно, что это не просто рядовая просьба, а нечто большее.

— Гвоздь, что ли, забить? — предположил с усмешкой Сивцев, всё ещё не замечая своего разгрома.

— Нет, не гвоздь, — без тени улыбки ответила медсестра. — Тело надо на вскрытие отвезти.

— Это что, шутка такая? — недоумённо спросил Фёдор и тут увидел проигрыш. — Ё-моё!

— Да уж какие тут шутки. — Женщина погрузилась, и Николай понял, что она на самом деле нуждается в помощи. С такими просьбами без крайней нужды вряд ли кто-то станет обращаться.

— Тело так тело, — спокойно сказал он и поставил “мат”. — Пойдём, родная.

— А ещё один? — медсестра смотрела на Сивцева.

Фёдор оглянулся на Тихонина, но тот уткнулся в кроссворд, сделав вид, что это его не касается.

— Эх, мать моя женщина! — Хлопнув себя по ногам, Сивцев вскочил с койки. — Ну, где ваш покойник?..

Они спустились на первый этаж, вышли из корпуса и направились к соседнему зданию.

— Вы уж меня извините, — оправдывалась на ходу медсестра. — Больных много, а попросить-то и некого. С мужиками дефицит.

— А где же ваши санитары? — задал резонный вопрос Николай.

— Да к нету ж их! Зарплата копеечная, вот и не идёт никто. В основном приходится самим таскать.

— Во, блин, жизнь пошла, — только и смог сказать Сивцев.

Они вошли в дверь с надписью “Морг”. Здесь было прохладно, и в нос сразу ударял неприятный запах затхлости. Николай поёжился и на секунду пожалел, что пришёл сюда, хотя не считал себя особо впечатлительным — побывав во всяких передрягах и повидал немало.

На одном из металлических столов лежал умерший, завёрнутый в белую простыню.

— Кто ж такой? — любопытствовал Фёдор. — Старик, поди?

— Если бы! Молодой совсем. — Медсестра кивнула на стоявшие у стены носилки. — Кладите на них.

— А отчего ж помер? — опять спросил неумный Сивцев.

— Печень разложилась. Пил какую-то гадость.

Николай взял покойника за плечи, а Фёдор за ноги. Дружно подняли его и положили на носилки. Тело ещё не окоченело и казалось тряпичным, словно принадлежало кукле, а не человеку. Видимо, смерть взяла бедолагу совсем недавно.

— А вскрытие-то зачем? — спросил Николай, берясь за передние ручки носилок.

— Положено так, — коротко ответила медсестра. — Заставляют всех вскрывать.

— Для надёжности, что ли? — Сивцев хихикнул и взялся за задние ручки. — Как в том анекдоте: “умер от вскрытия”.

— Несите уже. — Медсестра бросила на него недовольный взгляд: ей было не до шуток. — Надо успеть до конца рабочего дня. Пусть лучше у них до завтра лежит.

Возле входа уже поджидала машина — серый уазик-“таблетка” с красными крестами по бокам. Молодой и круглолицый, пышущий здоровьем во-

датель открыл заднюю дверь, но и не думал помогать с водворением трупа, так что Николаю и Фёдору пришлось самим затаскивать внутрь свою ношу.

Медсестра села рядом с ними и, пока они ехали, почти без умолку судачила о том да о сём, но больше жаловалась на жизнь и работу. Лежащее подле ног тело её, похоже, нисколько не смущало.

— Живу одна с сыном, а он у меня уже школу заканчивает, ему дальше надо учиться, а это ж денег стоит, да немалых, — сетовала она. — А что я на свою зарплату могу? Да ничего. Вот и думай, как тут жить.

— А муж-то где? — вставил вопрос Сивцев.

— Где-где... на бороде. Выгнала его. Пил, нигде не работал, да ещё и руки распускал. Сперва терпела, думала, образумится... Всё надеялась... А потом решила, что хватит, натерпелась. Лучше уж одной, чем с таким оборотом. Даст Бог, найду другого, ведь ещё не старая.

Медсестра выдавила из себя улыбку. В сущности, это была симпатичная женщина лет сорока пяти, которая, если бы захотела, могла без усилий обзавестись нормальным мужиком. С такими женщинами мужчинам всегда тепло и уютно, от них никогда не слышно каких-то особых претензий или недовольства, они не изводят вечными требованиями заботы о них и доказательствами любви. А это немаловажно, если не самое главное для любого здорового представителя сильного пола.

— А алименты он что, не платит? — всё не унимался Сивцев.

— Да какие с него алименты? — Медсестра вздохнула. — Он ведь так и не работает.

— А живёт тогда на что?

— На то и живёт... Где кому что поможет за магарыч, где займёт без отдачи. Кто напоит, кто накормит, а ему и хватает. Привык уже лоботрясничать. Да и дур вроде меня, опять же, хватает. То одна пригреет, то другая. Ведь мы, бабы, сначала руководствуемся чувствами, и только потом головой.

— Это точно, — согласился Сивцев. — Потому и влюбляетесь в разных шалопутов и непутёвых.

— Где бы ещё путёвых набраться на всех... Спиваетесь вон да помираете раньше срока...

Николай молча слушал этот разговор, стараясь не смотреть на покойника, и в голову ему лезли невесёлые мысли, а душу заполняло уныние.

“Вот так и меня когда-нибудь повезут завёрнутым в белую простыню, а рядом будет сидеть такая вот медсестра и точно так же что-то обсуждать, не обращая внимания на мой труп”.

Ему стало обидно за себя. Чёрт возьми, как-то не хотелось, чтобы всё было именно так — обиденно и безвкусно. Разум протестовал и возмущался.

“Чушь ведь полная! Неужели человеческая жизнь обязательно должна заканчиваться так несуразно? Конечно, если разобраться, мне уже не будет никакой разницы, но всё же... Неужто нельзя как-нибудь попримягней?”

Машина остановилась в каком-то дворе, и водитель открыл заднюю дверь.

— Конечная остановка, — весело произнёс он. — Все, включая усопшего, на выход.

Видно, у парня было отличное настроение.

Николай и Фёдор вытащили носилки с телом и вслед за медсестрой вошли с ними в широкую двустворчатую дверь, над которой висела большая жёлтая табличка с красными буквами “Областное бюро судебно-медицинской экспертизы”.

В коридоре, где они оказались, пахло ещё хуже, чем в больничном морге, и потому хотелось побыстрее выйти обратно на свежий воздух.

— Совесть бы поимели, — с возмущением встретил их врач лет сорока, облачённый в зелёную робу, поверх которой был надет серый фартук с пятнами крови, как у мясника. — Пятница всё-таки. На кой он мне сдался в конце рабочего дня?

От врача попахивало “свежаком”. Наверное, ему не хватило терпения дожидаться окончания трудовой смены, а может, это было его обычное рабочее состояние.

— Принимай-принимай, Витя. — Медсестра со злорадной усмешкой протянула ему бланки для оформления. — У тебя ещё целый час есть.

Николай и Фёдор поставили носилки на пол и аккуратно сняли с них умершего.

— Нашёл когда помереть, — покачал головой врач, ставя подписи. — Ну, не гад ли? Не мог до понедельника подождать?

Николай заглянул в открытую дверь, из которой вышел врач, и увидел жутковатого вида металлический стол со стоками для крови и ещё какими-то приспособлениями, про назначение которых лучше было не знать.

— Простыню надо забрать, — сказала медсестра. — Я за неё платить не хочу.

Она размотала простыню, и взглядам Корнеева и Сивцева предстало голое тело парня, чья душа уже пребывала где-то в мире ином, быть может, в том, что намного лучше мира земного.

— Приподнимите его, я выдерну, — попросила их женщина.

Пришлось теперь братья за неприятно холодные плечи умершего.

— Кладите на каталку, — деловито распорядился врач.

— Чего? — Сивцев вытаращил глаза.

— Говорю, сюда кладите. — Врач похлопал рукой по стоявшей рядом тележке.

Николай понял, что сделать ещё и это будет уже выше его душевных сил, и, не говоря ни слова, взял носилки и пошёл по коридору к выходу.

За его спиной тут же раздались шаги Фёдора.

— Эй, вы куда? — крикнул им вслед врач. — Мужики! А покойник?

— Да пошёл ты! — зло ответил, не оборачиваясь, Сивцев. — Мы вам тут не нанимались трупы бесплатно таскать...

Пока ехали обратно в больницу, Корнеев размышлял о жизни и смерти, а жуткий стол для вскрытия всё стоял у него перед глазами.

“Это ж надо, что понапридумывали всякие умники. Ещё, небось, и премию за такое изобретение хапнули, а как же... Конечно, понятно, что надо выяснять, отчего человек помер, да и мёртвому-то, в сущности, уже всё равно, что с его телом творят, но... как-то слишком мрачно и бездушно всё получается”.

Очень не хотелось попадать под нож такому “мастеру разделки”, и Николай состроил в уме кукиш всем патологоанатомам мира.

“Дудки вам, господа хорошие, подождёте. Поживём ещё...”

И сразу ему стало легче от такой мысли, словно и вправду его жизнь теперь должна была стать намного дольше. Он смотрел на идущих по улицам людей и радовался, что все они живы и на вид неплохо себя чувствуют.

“Мы ведь даже не понимаем толком, что нам дана такая удивительная штука, как жизнь, то есть возможность увидеть и как следует узнать этот грандиозный мир. Мы всё время заняты какими-то мелкими проблемами и растрчиваем годы чёрт знает на что, вместо того чтобы совершать что-нибудь нужное и хорошее. И только столкнувшись близко со смертью, вдруг начинаем о чём-то таком догадываться и прозревать...”

Николаю уже не терпелось выписаться из больницы и начать жить по-новому — более осмысленно и полезно, не отвлекаясь на всякую ерунду. Он сейчас ещё точно не знал, как именно изменить свою жизнь, но очень сильно желал этих перемен.

После выписки первым делом, решил Корнеев, проведая сына и с ним помирюсь, а то нехорошо получилось и просто глупо. Ведь я же всё-таки отец, а значит, должен быть мудрее. Егора можно понять — молодой, хочет самостоятельно добиваться всего в жизни, до всего доходить собственным умом. К тому же, девушка у него появилась — даст Бог, поженятся... Ну, а упрямство характера — так это ведь такая их, корнеевская, порода, и за это осуждать его не стоит...

Николай вспомнил, что должна позвонить дочь, и он скоро услышит её голос. Как она там, в своём Архангельске? Всё ли в порядке у неё? Может, уже встретила там любимого человека и порадует отца таким известием? Эх, неплохо бы...

И только тут до него дошло, что никакой боли в боку уже нет — пропала так же внезапно, как и появилась. Похоже, она действительно была от нервов, как и сказал ему молодой врач. Выходит, повезло...

ПАВЕЛ САВИН

БЫЛИННЫЙ И ПЕСЕННЫЙ КРАЙ

БЕЛОГОРЬЕ МОЁ

Хлебами шуми на просторе,
Садами весной расцветай,
Родное моё Белогорье,
Былинный и песенный край.

Века над тобой проносились,
Менялась суровая жизнь,
Но верной защитой России
Служили твои рубежи.

Землёй нашей гордой ни разу
Владеть не сумели враги —
От Игоря, русского князя,
До огненной Курской дуги.

САВИН Павел Иванович родился в 1939 году в селе Хмызовка Алексеевского района Белгородской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Автор десяти сборников стихотворений, в том числе “Песня заката”, “Перехлёсты дорог”, “Предзимье”, “Свет памяти” и др. Печатался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём”, “Светоч”, газетах “Сельская жизнь”, “Литературная Россия” и др. На его стихи белгородскими и московскими композиторами написано около двадцати песен. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почётный гражданин Яковлевского района. Лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”.

Мы кровью поля оросили
В годину лишений и бед,
Чтоб вечно сиял над Россией
Победы немеркнущий свет.

Ты славу отцов не теряло
В течении будничных дней,
Когда не мечи, а орала
Ковали из стали твоей.

И неба пронзительной сини
Вовек не затмит вороньё...
Железное сердце России,
Цвети, Белогорье моё!

ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Припомнилось утро из детства:
Под сорок крещенский мороз,
И вьюга голодную песню,
Видать, затянула всерьёз.

И мы, босоногие, плачем,
И матери горько до слёз,
Что нас этот холод собачий
Уже проморозил насквозь.

А в домике — хлеба ни крохи,
И в горе печалится мать,
Что кончились в зиму картохи
И нечего будет сажать,

Что вряд ли дотянем до лета,
До первой травы, наконец...
И смотрит смущённо с портрета
Погибший в недавно отец.

РОДИНА

Тихая, скромная, робкая,
Кутаясь в синюю шаль,
Льнёт ко мне малая родина —
Радость моя и печаль.

Весело носятся ласточки,
В речке шумит ребяшня,
Щурятся бабки на лавочках,
Сияясь припомнить меня.

— Родина, родина, родина!
Сердце, как колокол, бьёт...
Спрятавшись за огородами,
Детство притихло моё.

Волю почуявшим голубем
Память запросится ввысь...
Тихо на белую голову
Жёлтый опустится лист...

ВОСПОМИНАНИЕ

С утра у нас в квартире гости —
Гуляют, плачут и поют:
За инвалида дядю Костю
Сегодня маму отдают.

И над таким соединеньем
Осиротевших двух сердец
Смеётся с карточки военной
Погибший в Волхове отец.

И с дядей Костей восседает
Среди сватов и кумовьёв
Такая мама молодая,
Какой не знали мы её.

А нас её поступок бесит,
И бесит выпивший народ,
И столько бед ещё отвесит
46-й бесхлебный год!

Звонят стаканы и медали,
И песня болью полилась...
А мы с сестрёнками не знали,
Что это мать спасала нас...

* * *

Опять повеяло знакомо
Весенним запахом с низин.
Прости, мой край, что не был дома
Так много осеней и зим,

Что от родимого порога
Опять, как видно, неспроста,
Колесам кланяясь, дорога
Зовёт в далёкие места.

И отпускают недовольно
Меня в другие города
Ромашки Танкового поля
И белгородская руда.

Дорог измерено немало,
И трудным дням потерян счёт...
Среди магнитных аномалий
Куда мой компас повернёт?

* * *

Встречает родина прохладой,
Но так пахуч неяркий день!
Алеет август в листьях сада,
Облокотившись о плетень.

Сейчас откроются ворота,
Застонет шаткое крыльцо,
И я увижу, как на фото,
Родное мамино лицо.

Но дом давно стоит без крыши,
Лишь нудно плачут провода,
И из него хозяйка вышла,
Чтоб не вернуться никогда...

БОРИС ОСЫКОВ, АЛЕКСАНДР ОСЫКОВ

ПОЛКОВОДЕЦ С БЕЛЫХ ГОР

*Есть имена, и есть такие даты —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.*

Александр Твардовский

Село Чепухино невелико — с полсотни крестьянских дворов. И оттого все зовут его снисходительно Чепухинкой. Чепухинка рассыпала свои белые ма-занки в просторной зелёной долине. На её краю струит родниковые воды речка Палатовка. На другой стороне поднялись к небу меловые холмы, словно белые горы. Взобраться на самый высокий из них, на макушку холма — одно из первых испытаний для чепухинских мальчишек.

Хата Ватутиных — такая же, как и у остальных крестьян — обмазана глиной и аккуратно побелена, под серой соломенной крышей, с маленькими оконцами, стоит у самого подножья холмов. И Коля Ватутин вслед за старшим братом одолел холм уже в пятилетнем возрасте.

На вершине буянили, едва не сбивая с ног, шальные степные ветры, но всё равно там было здорово. В затянтом синей дымкой просторе чудились сказочные дальние страны. И брат сказал, что в той стороне и даже совсем недалеко стоит уездный город Валуйки*. А с другой стороны холма — всё село, вся их Чепухинка — как на ладони. Хаты совсем маленькие — словно стая голубей присела на зелёном лугу. А ещё дальше, уже за селом, петляет, искрится под солнцем голубая Палатовка. Брат уже учил Колю плавать в ней, “по-настоящему” — сажёнками. И на рыбалку брал, хоть и пришлось подыматься ни свет ни заря...

А осенью в Колину жизнь вошло совсем новое. Старший брат пошёл в школу. Посередине села, рядом с хлебными амбарами, стояла длинная ма-занка — сельская двухклассная школа. Погожим осенним днём Коля проводил до её порога старшего брата. Потом терпеливо ждал его дома, чтобы под вечер примоститься у свежевывскобленного по такому случаю стола, дожидаться, когда брат разложит на нём новенькие тетрадки, и, подперев кулачками щёки, смотреть, как выводит он на белых страницах палочки и крючки...

* Ныне районный центр Белгородской области.

И когда Коля Ватутин через два года сам переступил школьный порог, он уже знал весь букварь от корки до корки и умел считать не хуже брата.

Молодой учитель Николай Иванович и старшая учительница Евдокия Борисовна стали давать Коле книги из своих библиотек.

— У Коли Ватутина — пылливый, живой ум, всё схватывает на лету, а главное — характер есть, — сказала однажды Евдокия Борисовна Николаю Ивановичу. — Учиться ему надо дальше, непременно учиться. У парнишки — редкие способности...

А дома на Колю были совсем другие виды. Невысокий шустрый Коля всё делал быстро, точно и даже как-то весело. Настоящий работник! Учителям стоило немалого труда уговорить Ватутиных-родителей отпустить Колю в Валуйки — в уездное земское училище.

Сбылась его мечта. И Коля Ватутин учился не так, как многие его сверстники, а так, как учатся взрослые, с трудом завоевавшие это право, — жадно, упорно, стараясь не потерять ни одного дня, ни одного часа, ни одной крупицы знаний.

Так было в Валуйках. Так было и в Уразово — в коммерческом училище, куда ему помогла попасть всё та же добрая душа — скромная учительница из Чепухинки. Это ей удалось выхлопотать для Коли Ватутина небольшую стипендию и место в интернате.

И Чепухинскую церковно-приходскую школу, и Валуйское земское, и Уразовское коммерческое училище Коля Ватутин окончил с отличием. Вероятнее всего, он учился бы и дальше, но началась Первая мировая война, вслед за ней — гражданская. И восемнадцатилетнего Николая Ватутина призвали в Красную армию.

В первых же боях с махновцами под Луганском и Старобельском в составе стрелкового полка молодой боец Ватутин показал себя отважным и умелым воином. Ничего удивительного в этом нет: все мужчины в роду Ватутиных имели непосредственное отношение к военной службе, а родной дед будущего полководца даже был награждён Георгиевским крестом за подвиг, совершённый им при штурме Плевны во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Так что воинский, а впоследствии и полководческий талант Н. Ф. Ватутина вырос не на пустом месте, а имеет глубокие, семейные корни.

Командование полка заметило дисциплинированного и трудолюбивого бойца, и Николая Ватутина направили на учёбу в Полтавскую пехотную школу. Но и здесь нередко приходилось прерывать изучение теории военного дела. Курсанты во главе с преподавателями участвовали в боях, а после поредевшим, но сплочённым строем — в изношенных, пропавших потом и порохом гимнастёрках, в лаптях или обмотках из рогожи — возвращались в учебные классы. Не по годам рассудительный, серьёзный, отличавшийся замечательной памятью и аналитическим, пронзительным умом, курсант Ватутин пользовался большим авторитетом среди однокурсников, которые наградили Николая метким и уважительным прозвищем — Психолог.

Через год после окончания пехотной школы Н. Ф. Ватутин уже стал командиром взвода в составе Харьковской стрелковой дивизии. В его личном деле появляется такая запись: “Любит военную службу. Твёрдо знает своё дело. В обстановке разбирается хорошо и оценивает её правильно. Отличный стрелок и методист стрелковой подготовки. Являет собой пример для других командиров”.

В 1924 году Ватутин, будучи помощником командира роты, одновременно становится слушателем Киевской высшей военной школы. В конце 1925 года Николая Фёдоровича назначили командиром роты и начальником полковой школы 67-го стрелкового полка Харьковской стрелковой дивизии.

В 1926 году Н. Ф. Ватутин направляется в Москву для поступления в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Как и прежде, учёбу Ватутин совмещает с воинской службой на должности начальника штаба Горской стрелковой дивизии.

В 1934 году, завершив обучение на Оперативном факультете академии, Ватутин был аттестован с весьма положительным отзывом, отмечавшим его “силу воли, энергичность и авторитет среди сослуживцев”.

В 1936–1937 годах Николай Фёдорович обучается в Академии Генерального штаба РККА, по окончании которой комбриг Ватутин назначается начальником штаба Киевского особого военного округа. Вскоре в его личном деле

появляется очередной лестный отзыв командования: “Всесторонне развит, с большим кругозором... Прекрасно руководит штабными подразделениями и войсковыми соединениями... Способен к точным оперативным действиям”. В феврале 1941-го Н. Ф. Ватутин был награждён орденом Ленина.

22 июня 1941 года на нашу страну по-бандитски, под покровом ночи ринулись грохочущие армады самых совершенных танков и полчища вооружённых до зубов германских солдат.

Генерал-лейтенант Ватутин служил к тому времени первым заместителем начальника Генерального штаба – мозгового центра нашей армии. В одном ряду с лучшими полководцами страны – Б. М. Шапошниковым и Г. К. Жуковым – Ватутин с первых часов Великой Отечественной войны принимал и проводил в жизнь самые необходимые, самые важные решения, которые позволили сдержать стремительное продвижение врага.

В конце июня 1941 года Н. Ф. Ватутин во главе группы генералов и офицеров направляется в Псков, в штаб Северо-Западного фронта для выполнения особого задания Ставки Верховного Главнокомандования. Войска Северо-Западного фронта к моменту прибытия Ватутина в Псков отступали из Прибалтики, перед противником открывалась возможность ударов на Ленинград и Москву.

Н. Ф. Ватутину удалось в кратчайший срок восстановить боеспособность войск фронта, уведя их из-под ударов врага, и организовать жёсткий отпор гитлеровцам в районе Новгорода. А затем последовал знаменитый ватутинский контрудар под Сольцами (город в Новгородской области), в результате которого войска моторизованного корпуса Манштейна, рвавшиеся к Ленинграду, понесли тяжёлые потери и были отброшены на сорок километров.

Контрудар под Сольцами – это был первый успех Красной армии с начала Великой Отечественной войны.

Однако фашисты, перегруппировав свои силы, спустя месяц продолжили яростное наступление на Ленинград, прорвали левый фланг нашей обороны, и, казалось, уже ничто не сможет их остановить. Но вновь генерал Ватутин продемонстрировал свой блестящий полководческий талант, организовал и осуществив контрудар в районе Старой Руссы (город к югу от Великого Новгорода). В результате этого контрудара враг вновь понёс существенные потери, и – главное – были окончательно сорваны планы Гитлера захватить Ленинград и объединиться с финнами.

В октябре 1941 года Н. Ф. Ватутин назначается командующим оперативной группой войск Северо-Западного фронта в Калининской оборонительной операции, целью которой было отражение ударов гитлеровских войск в направлении Москвы. Одним из ключевых моментов этой войсковой операции стал контрудар группы войск под командованием генерала Ватутина в районе Торжка и последовавший за ним разгром врага в районе сёл Марьино и Медное. Ватутинский контрудар под Торжком сорвал планы немецкого командования атаковать Москву с севера.

За организацию сопротивления противнику в районе Новгорода и Калинина и проявленные при этом личное мужество и решительность генерал-лейтенант Ватутин был награждён орденом Красного Знамени.

Вплоть до мая 1942 года Н. Ф. Ватутин продолжает оставаться начальником штаба Северо-Западного фронта. В мае-июле 1942 года он был заместителем начальника Генштаба и представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Брянском фронте.

Летом 1942 года фашисты начали широкое наступление на воронежском направлении, и было принято решение срочно разделить Брянский фронт надвое. “Вопрос о назначении командующих был предreshён на совещании в Ставке, – рассказывает маршал А. М. Василевский (в то время начальник Генерального штаба). – Я и Н. Ф. Ватутин называли возможных кандидатов, а И. В. Сталин комментировал. На должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: К. К. Рокоссовский был достойным кандидатом, он хорошо зарекомендовал себя как командующий армиями. Сложнее оказалось с кандидатурой на командующего Воронежским фронтом. Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Встаёт вдруг Николай Фёдорович и говорит:

– Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

– Вас? – И Сталин удивлённо поднял брови. Я поддержал Ватутина, хотя было очень жаль отпустить его из Генерального штаба.

И. В. Сталин немного помолчал, посмотрел на меня и ответил:

– Ладно. Если товарищ Василевский согласен с Вами, я не возражаю”.

В июле–октябре 1942 года Ватутин командует Воронежским фронтом, который под его руководством успешно обороняется против немецко-фашистских войск на воронежском направлении.

Осенью того же 1942-го началась грандиозная Сталинградская битва. Ватутина доверяют командование Юго-Западным фронтом, который готовится к мощному контрнаступлению против вражеской группировки, вышедшей к Волге. Его войска во взаимодействии с войсками Сталинградского и Донского фронтов окружили 330-тысячную группировку фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, а в декабре 1942 года совместно с левым крылом Воронежского фронта провели Среднедонскую операцию, в ходе которой были сорваны планы немецкого командования по деблокированию окружённых под Сталинградом фашистских войск. Оригинальность операции заключалась в организации и осуществлении сильного флангового удара в сочетании с рядом фронтальных. Действия генерала Ватутина в ходе сражения на Волге показали, насколько зрелым, многогранным, отточенным стал его полководческий талант.

После поражения в Сталинградской битве немцы окончательно потеряли стратегическую инициативу в ходе Великой Отечественной войны. Вклад генерала Ватутина в победу наших войск под Сталинградом огромен. За Сталинград Г. К. Жуков был награждён вновь учреждённым орденом Суворова 1-й степени под номером один. Орден под номером два получил А. М. Василевский, под номером три – командующий артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронов, орден под номером четыре вручили Н. Ф. Ватутину, под номером пять – А. И. Ерёменко, под номером шесть – К. К. Рокоссовскому. Случайности в порядке награждения, безусловно, быть не могло: каждого оценивали по степени его заслуг. В декабре 1942 года Н. Ф. Ватутина присвоили воинское звание генерал-полковника, а в феврале 1943 года он становится генералом армии.

В январе–феврале 1943 года войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Ватутина во взаимодействии с войсками Южного фронта провели Ворошиловградскую операцию (кодовое название “Скачок”), в ходе которой были разгромлены основные силы 1-й немецкой танковой армии и очищена от фашистов северная часть Донбасса.

В марте 1943 года Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом, который отвечал за одно из основных направлений в Курской битве. Против войск Воронежского фронта во главе с Н. Ф. Ватутиным вновь действовал лучший стратег вермахта генерал-фельдмаршал Манштейн. И вновь наш земляк продемонстрировал своё полное превосходство в полководческом искусстве.

Летом 1943 года в период оборонительного сражения на Курской дуге части и соединения Воронежского фронта отразили мощные удары противника, а в ходе контрнаступления успешно решили задачу прорыва вражеской обороны. Усиленные стратегическими резервами двух гвардейских танковых армий, войска Воронежского фронта под командованием генерала Ватутина нанесли сокрушительный контрудар по танковой группировке немцев. Знаменитое танковое сражение под Прохоровкой проходило как раз на участке Воронежского фронта. На этапе наступления при прорыве глубоко эшелонированной обороны гитлеровских войск Н. Ф. Ватутин использовал мощные группировки с введением в них танковых корпусов, что позволило обеспечить быстрое продвижение в глубь обороны противника и оперативное его преследование. 3 августа 1943 года началась Белгородско-Харьковская наступательная операция (кодовое название – “Полководец Румянцев”), проводившаяся войсками Воронежского и Степного фронтов. В ходе этой операции была разгромлена белгородско-харьковская группировка немцев, освобождены Белгород и Харьков. Советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлениях более чем на триста километров. Генерал армии Ватутин был награждён орденом Кутузова 1-й степени.

В сорок третьем, когда штаб Воронежского фронта оказался всего в нескольких десятках километров от родного Чепухина, случился в жизни нашего земляка эпизод, в котором ярко проявились характер и человеческие каче-

ства Николая Фёдоровича. Понимая, что он подвергает себя смертельной опасности, он всё-таки не выдержал и, сев в свой надёжный армейский “вездеход”, коротко приказал водителю: “Гони на Валуйки!” И шофёр “гнал”, пока была дорога с твёрдым покрытием. Но вот она кончилась. Начались колдобины, воронки, грязь. Последние километры “вездеход” пришлось тащить чуть ли не на руках. Вместе со всеми толкал машину и генерал Ватутин.

В шинели, на ходу кое-как отчищенной адъютантом от глины, вырос он на пороге родной хаты. Расцеловался с сёстрами, обнял за плечи маму — совсем седую, смущённо прячущую жилистые руки в застиранном переднике. Сёстры повисли на нём, кричат, плачут, а Ватутин ласково так унимает их:

— Лена, мама, не плачьте, я жив, я с вами...

Всего три-четыре недолгих часа провёл он с матерью и сёстрами. Его ждали неотложные дела. Фронт. Тысячи солдат. И он уехал.

У последнего поворота “вездеход” притормозил. Генерал вышел из машины, постоял у подножья меловой горы, окинул взором окрестные дали, вётлы у реки. Последний раз в жизни...

Путь выдающегося полководца оборвётся трагически рано, всего через год — в 1944-м, но до этого генерал Ватутин сделает ещё очень и очень много для достижения окончательной победы над врагом.

В августе 1943 года войска Воронежского, Центрального и Степного фронтов начали битву за Днепр. Вначале наши войска разгромили на юго-западном направлении около тридцати дивизий противника и почти полностью освободили Левобережную Украину, Донбасс и широким фронтом вышли к Днепру. Затем советские войска форсировали на ряде участков Днепр и, развивая наступление, двинулись в юго-западном направлении. В итоге тяжёлое поражение потерпели группы вражеских армий “Юг” и “Центр”, была полностью освобождена Левобережная и — частично — Правобережная Украина.

В октябре 1943 года Воронежский фронт был переименован в Первый Украинский. В ноябре 1943-го войска Первого Украинского фронта под командованием Ватутина провели Киевскую наступательную операцию, которая завершилась в середине декабря прорывом обороны немецко-фашистской группы армий “Юг”. Ватутин оперативно и скрытно провёл перегруппировку войск, сосредоточив основные силы под Лютежем, но так, что противник продолжал считать Букринский плацдарм основным для ожидаемого им наступления советских войск и стал накапливать здесь свои резервы. В результате этой военной хитрости нашему наступлению с Лютежского плацдарма была обеспечена стратегическая внезапность. Ватутин блестяще справился со своей задачей: 6 ноября 1943 года был освобождён Киев, а наши войска закрепились на правом берегу Днепра.

В конце декабря 1943 года под руководством генерала Ватутина была проведена победная Житомирско-Бердичевская наступательная операция, в результате которой 31 декабря 1943-го был освобождён город Житомир.

В январе-феврале 1944 года войска Первого Украинского фронта под командованием Ватутина провели Ровно-Луцкую наступательную операцию, в ходе которой был нанесён мощный удар по центральной позиции противника с охватом фланга его войск, что позволило выйти в тыл группировке немецких войск и полностью её уничтожить. Были освобождены города Ровно и Шепетовка, разгромлена 4-я танковая армия вермахта.

Во взаимодействии со Вторым Украинским фронтом войска Первого Украинского фронта в феврале 1944 года окружили крупную группировку противника в районе Корсунь-Шевченковского. Но после того как фашисты оказались в “мешке”, Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о том, чтобы окончательное уничтожение вражеской группировки осуществляли только войска Второго Украинского фронта генерала Конева. Так получилось, что вся слава, связанная с этой выдающейся операцией, досталась Коневу, а не её главному творцу — Ватутину. В результате операции, завершившейся 17 февраля 1944 года, была ликвидирована группировка вражеских войск на Корсунь-Шевченковском выступе, убито и ранено около 55 тысяч, взято в плен более 18 тысяч немецких солдат. Эта операция вошла в историю военного искусства как блестящий пример полного окружения и последующего уничтожения противника.

29 февраля 1944 года Н. Ф. Ватутин выехал в войска. Закончив работу в штабе 13-й армии, он, а также офицеры штаба фронта и бойцы личной

охраны на нескольких автомашинах отправились в район расположения штаба 60-й армии в город Славуту. По дороге, на окраине села Милятын Острожского района Ровенской области, кортеж автомобилей командующего фронтом был обстрелян бандеровцами – украинскими националистами, сражавшимися на стороне гитлеровской Германии. Завязался бой, в ходе которого Ватутин был ранен в левое бедро. Генерала доставили в военный госпиталь города Ровно, откуда переправили в Киев. Ранение сначала казалось не очень опасным, дело вроде бы шло на поправку, но потом состояние командующего резко ухудшилось. За жизнь полководца боролись лучшие врачи, в том числе известный хирург Н. Н. Бурденко. К сожалению, не помогла и ампутация. В ночь на 15 апреля 1944 года Н. Ф. Ватутин скончался от заражения крови.

Для матери генерала, Веры Ефимовны Ватутиной, это был страшный удар, так как она теряла уже третьего сына всего за несколько месяцев 1944 года. В феврале она получила известие о смерти от тяжёлых ран, полученных в бою, красноармейца Афанасия Ватутина, в марте на фронте погиб её младший сын – Фёдор, а в апреле ей пришлось хоронить третьего – генерала армии Николая Ватутина, которым она особенно гордилась и которым может гордиться не только семья Ватутиных, но и вся наша великая страна.

17 апреля 1944 года Н. Ф. Ватутин был похоронен в Киеве в Мариинском парке. В час погребения генералу Ватутину была отдана последняя воинская почётность – в Москве прозвучал салют в двадцать четыре залпа из двадцати четырёх орудий.

6 мая 1965 года Николаю Фёдоровичу Ватутину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Белгороде есть памятник великому земляку, один из светлых городских проспектов назван его именем. Есть памятники Н. Ф. Ватутину и в Валуйках, Старом Осколе, Киеве, Донецке, городе Димитровград Ульяновской области, посёлке Ватутино Харьковской области, селе Никаноровка Губкинского района Белгородской области. Село Чепухино теперь зовётся Ватутино. Здесь – в хате, где прошло детство полководца, – открыт музей его имени.

Имя Ватутина носит и город в Черкасской области Украины, и посёлок на Харьковщине, и микрорайон города Енакиево Донецкой области. Улицы и проспекты имени прославленного полководца есть в более чем восьмидесяти населённых пунктах России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы.

Память о великом полководце и его заслугах перед Отчизной живёт в благодарной памяти нашего народа. Все войсковые операции, которые проводил генерал Ватутин, неизменно заканчивались победой наших войск. В войсках Николая Фёдоровича называли “генералом от наступления” и “генералом от победы”. А ещё – “полководцем крестьянских кровей”. Ну, а генералы вермахта, на своей шкуре прочувствовавшие всю силу знаменитых ватутинских контрударов, признавая выдающийся полководческий талант Николая Фёдоровича, между собой называли его – ни много ни мало! – Гроссмейстером.

Высоко оценивали выдающийся талант Ватутина и его боевые соратники – прославленные полководцы Великой Отечественной войны.

Г. К. Жуков: “Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно. Обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли. Отличался исключительным трудолюбием и широтой оперативно-стратегического мышления”.

К. К. Рокоссовский: “Высокоэрудированный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный...”

А. М. Василевский: “Генерал Ватутин по заслугам снискал себе общее признание и всенародную любовь. Его имя – имя выдающегося мастера вождения войск, пламенного патриота Отечества – навсегда связано с нашими победами под Сталинградом и Курском, при форсировании Днепра и освобождении Киева, на Правобережной Украине...”

Без преувеличения можно сказать, что Николай Фёдорович Ватутин – один из самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Генерал Ватутин внёс значительный вклад в развитие теории и практики контр наступления, окружения и разгрома крупных группировок противника, действий подвижных групп фронта и армии, осуществления решительного манёвра войсками, организации устойчивой и активной оперативной обороны. Ватутин, в отличие от большинства других наших военачальников, был стратегом, понимавшим ход всей войны и ощущавшим все её болевые точки.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

“СВЕТИЛЬНИК ЗЕМЛИ БЕЛОГРАДСКИЙ”

24 марта 2013 года в Святом Белогорье произошло значимое духовное событие – торжества по случаю обретения мощей священномученика Никодима Белгородского. Теперь в кафедральном Спасо-Преображенском соборе Белгорода покоятся мощи двух святых: рака святителя Иоасафа Белгородского находится под сенью с южной стороны у алтаря, а с северной – деревянный ларь с новообретёнными мощами епископа Никодима.

В первую неделю Великого поста – в неделю Торжества Православия – в Преображенском соборе состоялись торжественные богослужения, которые возглавил митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн. Во время пения величания священномученику Никодиму его честные мощи были вынесены из алтаря и поставлены на кафедре, после чего владыка прочитал перед ними коленопреклонённые молитвы и огласил резолюцию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: “На юбилейном Архиерейском соборе 2000 года епископ Белгородский Никодим (Кононов) был причислен к лику Святых новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви. 2 ноября 2012 года на месте захоронения святителя Никодима были обретыены его нетленные останки. После проведения идентификации останков Патриарх Кирилл определил: “Найденные останки признать мощами священномученика Никодима (Кононова), епископа Белгородского, внести в месяцеслов Русской Православной Церкви дату обретения мощей священномученика Никодима”.

Отныне место обретения мощей священномученика Никодима (Кононова) включено в список объектов культурного наследия Белгородской области. СМИ сообщили, что после проведения государственной историко-культурной экспертизы обнаруженная гробница епископа Никодима будет включена в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации.

МИНАКОВ Станислав Александрович родился в 1959 году в Харькове. Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Закончил Белгородский индустриальный техникум (1978), а в 1983 году — радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники (ныне ХНУРЭ). Автор книг стихов и прозы. Автор-составитель энциклопедии “Храмы России” (М., ЭКСМО, 2008, 2010, 2012), а также альбомов “Храмы великой России” (М., ЭКСМО, 2010), “Святые великой России” (М., ЭКСМО, 2011) и др. Публиковался в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях многих стран.

Новейшие события развивались так. Краеведы и раньше указывали, что с северной стороны разрушенного в 1920-е годы Троицкого собора бывшего Троицкого монастыря был захоронен священномученик Никодим (Кононов), который служил на Белгородской епископской кафедре с 1913-го по 1919 год. Точно место определено не было, и вся северная территория на расстоянии 1–3 метров от стен некогда стоявшего здесь величественного красавца-собора, украшенного по барабану фигурами двенадцати Апостолов, считалась местом захоронения священномученика, то есть при проведении любых работ существовала опасность повреждения и уничтожения останков. Кроме того, по некоторым данным, здесь же, за пределами храма, были упокоены ещё 8 архиереев. Среди них, в частности, митрополит Антоний – предшественник святителя Иоасафа на Белгородской кафедре. Краеведы и священство напоминали забывчивым горожанам, что святитель Никодим был и остаётся также крупнейшим историком монастырей и монашества Русского Севера, автором и публикатором многочисленной литературы о святителе Иоасафе, фактически основателем первого краеведческого музея Белгорода.

Священство и краеведы-доброхоты, к счастью, смогли убедить руководство города и области, что здесь не следует вести никакого иного строительства, кроме восстановительного, поскольку это место “имеет важнейшее значение как ключевая точка формирования современного Белгорода – здесь на протяжении нескольких веков формировался духовный центр региона. Его облик сохранял историческую преемственность, был подлинным украшением старинного города. В эпоху антирелигиозного террора святыни были кощунственно уничтожены без острой на то надобности и даже вопреки властным директивам”.

Грандиозным событием, первой ласточкой истинного возрождения и возвращения этих мест (а это центр города!) стало обнаружение здесь, на Свято-Троицком бульваре, “пещерки”, то есть усыпальницы святителя Иоасафа Белгородского (Горленко), в которой рака святителя простояла с 1755-го по 1911 год (156 лет!), где честным мощам поклонялись не только простые верующие всей Российской империи, но и российские монархи Екатерина II, Александр I, Николай I, Николай II.

16 сентября 2011 года, в день 100-летия прославления святителя Иоасафа, Патриарх Кирилл при стечении люда со всего русского православного мира освятил возведённую тут Иоасафову часовню и сооружённый над “пещеркой” охранительный стеклянный купол.

На близлежащей территории, а это двory двухэтажных домов, выстроенных после 1940-х годов, в этот памятный сентябрьский солнечный день проходил молебен, и всю ночь священство принимало исповедь у прихожан. Трудно было вообразить, что на этом месте через два года начнёт расти по образу, сохранившемуся на фото, здание Белгородской митрополии! Но более всего православную общественность поразили события, предшествовавшие началу строительства: при подготовке фундамента для этого здания 2 ноября 2012 года были обретыены мощи священномученика Никодима! При вскрытии склепа обнаружилось, что епископское облачение иерарха сохранилось, но отсутствуют митра и Евангелие.

* * *

Имя епископа Никодима (Кононова), служившего на Белгородской кафедре в тяжёлые братоубийственные годы XX века, во времена величайших потрясений основ отчей веры и крушения Российской государственности и прославленного много лет спустя Церковью в священномученическом лике, белгородцам было известно мало. Лишь совсем недавно, два десятилетия назад, после морака безбожия горожане вспомнили имена святителя Иоасафа (Горленко) и митрополита Макария (Булгакова). Теперь обоим святителям в городе установлены памятники, и, слава Богу, в Белгород возвращены несленные мощи святителя Иоасафа!

Акафист священномученику Никодиму, епископу Белгородскому (память которого совершается 28 декабря), недавно составленный и читаемый в храмах Белгородской и Старооскольской епархии, но официально церковным руководством ещё не утверждённый, гласит: “Спасение от Бога улучивший в Не-

вечернем Свете, яко звезда небесная, светом Христовым сияеши, святителю блаженне Никодиме, и паки в обгащенной кровью твоими ризе, яко в царской порфире, пред очима Божиима предстоиши и вкупе с исповедницы и новомученицы российскими поеши Богу: Аллилуия!"

Что же архивисты и православные историки рассказывают о трагической жизни белгородского святого?

Будущий епископ Никодим, в миру Александр Михайлович Кононов, родился 18 июня 1871 года в семье священника-миссионера в Архангельской губернии. Закончил духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1896 года пребывал в иноческом чине, служил архимандритом и ректором Калужской и Олонецкой духовных семинарий.

Довольно быстро снискал известность в церковных и просветительских кругах как исследователь святого подвижничества и истории монастырей Русского Севера. Собрал и переработал изобильные материалы, опубликованные им в виде многочисленных научных статей и отдельных трудов, в частности, "Древнейшие архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании", "Соловецкие подвижники благочестия XVIII–XIX вв.", "Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Санкт-Петербургской епархии, XIV–XVII вв.", "Архангельский Патерик".

9 января 1911 года архимандрит Никодим был посвящён в епископа Рылъского, викария Курской епархии, и, прибыв на место служения, принял активнейшее участие в подготовке и проведении торжеств прославления в лике святых свт. Иоасафа, состоявшихся, как известно, 4 сентября 1911 года (16 сентября по н. ст.)

Отметим, что с тех пор судьба епископа Никодима была неразрывно связана с именем святителя Иоасафа Белгородского – как при жизни священномученика, так и по его кончине, включая чудесное обретение его мощей и окончательное их упокоение в Преображенском соборе Белгорода. Церковное именование "святитель", полагаем, весьма приложимо и к самому священномученику, что подтверждается всей его просветительской духовной деятельностью.

В 1913 году епископ Никодим был переведён на кафедру в Белгород, где приложил немало сил для изучения биографии святителя Иоасафа и его народного почитания. Владыка собирал для музея личные вещи святителя, опубликовал книгу "Святитель и чудотворец Иоасаф, епископ Белоградский и Обоянский, и его причтение к лику святых" (1916). Как отмечают специалисты, этот труд является примером церковно-исторического исследования и поражает высокой степенью проработанности исторического материала. Епископ Никодим составил акафист святителю Иоасафу. Сохранилось суждение протопресвитера Михаила Польского: "Этот благодатный труд преосвященного является образцом среди акафистов, составленных в России... Красотою образов духовных легко запоминаясь, он рождает святую любовь к угоднику Божию".

Возвратившись из Киева в конце ноября 1918 года в занятый большевиками Белгород, епископ Никодим произносил с амвона обличительные речи против насилия, грабежа и произвола, чинимых переворотчиками. На предупреждения со стороны новой власти он не реагировал.

Тогда в Белгороде среди красных функционеров выделялись два кровожадных представителя нового режима: В. А. Саенко и С. А. Саенко, причём С. А. Саенко "прославился" страшными казнями в Харькове, где был комендантом ЧК – он самолично зверски уничтожал людей в застенках. В частности, есть сведения о причастности этого живодёра к уничтожению целой группы харьковской интеллигенции, среди которой был известный на всю Россию пастьерь и богослов, протоиерей Николай Стеллецкий, тело которого мучители разрубили на куски. Судьба Степана (Стефана) Саенко в советское время была благополучной: он дожил до 1973 года, занимал руководящие должности и был почётным гражданином Харькова, пенсионером всесоюзного значения.

В рождественские дни 1919 года владыка Никодим был арестован чекистами по пути с железнодорожного вокзала в монастырь, затем отпущен под упорным, испугавшим чекистов давлением православных, зато была арестована делегация просителей-крестьян, некоторые представители священства, в частности, настоятель Преображенской церкви о. Митрофан, о. Владимир Лимарев, казначей о. Даниил, благочинный о. Серафим и ризничий о. Нео-

фит, которым садист С. Саенко заявил: “Через вас, попов да монахов, вся революция пропала, я вас всех перережу или постреляю”.

Уже через день епископ был арестован вновь, а 10 января убит, как и просившая за него начальница женской гимназии Мария Дмитриевна Кияновская, которую на пожарном дворе (ныне – территория Белгородского строительного колледжа) С. Саенко расстрелял из револьвера тремя выстрелами в упор (два в грудь и один в голову). Раздетый труп М. Кияновской был вывезен за город и выброшен в снег вместе с другими казнёнными.

Протоиерей Порфирий Амфитеатров, тоже активно просивший об освобождении епископа, был расстрелян через несколько дней во дворе той же тюрьмы. В 1981 году он был включён РПЦЗ в Собор новомучеников и исповедников российских в лике священномучеников.

Не столь давно были обнаружены подробные свидетельства современников, очевидцев и даже участников ареста, расстрела и захоронения владыки. Директор Государственного архива Белгородской области П. Субботин, собравший немало свидетельств и документов о тех трагических событиях, о факте последнего ареста владыки, в частности, сообщает: “В 9 часов вечера, когда народное волнение улеглось, в арестный дом прибыли секретарь ЧК Шапиро с начальником тюрьмы Воликом и под конвоем увели епископа Никодима в чрезвычайку. Чтобы скрыть личность владыки, его там наспех постригли, переодели в длиннополую серую солдатскую шинель и студенческую фуражку, отобрали монашеское одеяние и епископский крест, привезли ночью в тюрьму, где в углу двора около кухни для владыки в промерзшей земле была вырыта неглубокая могила. Владыку заставили раздеться, после чего В. Саенко, М. Васильев и С. Набоков тремя залпами расстреляли архиерея и сами же его закопали. Приготовленная для епископа могила была вырыта не по его росту, труп в ней не помещался, и его фактически втиснули в эту могилу на коленях лицом вниз. Указываемые позднее другими современниками переломы шейных позвонков, якобы от удара железным прутком, свидетельствуют, что труп владыки практически *утрамбовывали* в яму. Надзиратель тюрьмы Василий Шварев, присутствовавший при откапывании владыки, потом говорил: “Его, видимо, туда утаптывали ногами, чтобы он поместился в ней”.

Тело епископа позднее было тайно зарыто убийцами в общей могиле с северной стороны ограды городского кладбища (ныне – старое, закрытое кладбище по ул. Попова, рядом с кладбищенской Николо-Иоасафовской церковью). Несмотря на негласность захоронения, горожане неизменно приносили к холмику цветы, а когда в Белгород в июле 1919 года вступила Добровольческая армия, тело священномученика Никодима было перенесено в Троицкий монастырь и торжественно перезахоронено вблизи северного придела монастырского храма, недалеко от пещерки святителя Иоасафа, где и было обнаружено через 93 года, в 2012 году.

Акафист священномученику Никодиму, епископу Белгородскому, память коего празднуется 28 декабря, завершается замечательными словами: *“Избранный угодниче Христов, новоявленный светильниче земли Белгородския, святителем слава и мучеником радование, священномучениче Никодиме, тя яко достойнаго преемника святителя Иоасафа почитаем и помощи и предстательства у Престола Божия от тебе просяще, песненными похвалами тя ублажаем: Радуйся, святителю Никодиме, земли Белгородския славо и украшение”*.

Аллилуия!

Апрель 2013

Притчи – один из самых древних жанров. В те времена мудрость считалась Божественным достоянием. Люди не дерзали присваивать себе их авторство. Воскрешая этот интереснейший жанр, современный автор также не пожелал обозначить своего имени.

ПРИТЧИ ГОСПОДНИ

Три лебедя неслись в небе к югу. Один сказал остальным: “Мне трудно, я устал махать крыльями, давайте отдохнём”. Другой ответил: “Не нужно нам останавливаться, ибо краткий отдых делает нас слабее: после него трудно опять настраиваться на долгий полёт”. Третий лебедь сказал так: “Надо нам верить в силы свои, тогда и остановка не повредит. Мысль о слабости делает нас слабее, мысль о силе – сильнее”.

Милые дети, умеете настроить себя на долгий путь и не пугайтесь, если что-то вдруг вас останавливает на время. Думайте о цели своей и верьте в силы свои – и добьётесь желаемого.

* * *

“Зачем небо усыпано звёздами?” – спросил ребёнок. “Чтобы ты ночью не боялся”, – ответила ему мать. “А зачем заяц грызёт морковку, а не камень?” – спросил ребёнок. “Чтобы получить солнечную энергию, которая продлит ему жизнь, – ответила мать. – Камень её не отдаёт, а морковка отдаёт”. “А почему мать рождает ребёнка, мучаясь от боли, а душу мою мне Господь дал, не испытав боли?” – спросил ребёнок. “Господу не нужно испытывать боли, чтобы любить Своё дитя так же, как мать, которой боль эта дорога”. “Тебе дорога твоя боль?” – удивился ребёнок. “Да, – ответила мать. – Эта боль дана мне моим Отцом Небесным, чтобы я на всю жизнь запомнила: за то, что любишь сильнее всего в жизни, нужно заплатить страданием. Степень страдания определяет и степень любви”. “А Господь страдает?” – спросил ребёнок. “Да, – ответила мудрая мать, – но Он даёт человеку Свою любовь, а человек вместо благодарности доставляет Ему одни страдания. Мы должны избавлять Его от страданий, а для это нужно прожить свою жизнь праведно”. “Но если Господь не будет страдать, то будет ли Он нас любить?” – забеспокоился ребёнок. “Ещё больше”, – ответила мать. “Я не понимаю, зачем ты должна была страдать, если можно любить, и не испытать мук”, – недоумевал ребёнок. “Мы – земные люди, а Господь наш – Свет Неба. От страданий Он становится менее ярким”, – вздохнула мать. “Это наверное ты знаешь?” – спросил ребёнок. “Да”, – ответила мать. “Тогда я буду любить Его так, что мне будет очень больно”, – сказал ребёнок. “Милый мой, – засмеялась мать, – любовь к Отцу Небесному не боль приносит, а избавляет от боли. Это лучшее, что у тебя будет в жизни! И не бойся мук, если за эту

любовь люди причинят их тебе. Ибо боль — это то, что существует только в мире телесном. А на Небе, куда ты потом отправишься, нет боли, а лишь муки совести, не дающие предателю Господа своего покоя и радости. Но с муками совести никакая телесная боль не сравнится”.

* * *

“Она злая”, — сказала матери дочка. “О ком это ты говоришь?” — удивилась мать. “О себе”, — отвечала дочка. “А почему ты себя называешь “она”?” — не поняла мать. “Потому что я не хочу быть злой, а злюсь”, — ответила дочка. И молодая мать поняла: это говорит с ней душа её маленькой дочки, которой плоть начинает казаться неуютным домом.

Смысл притчи в том, что люди, вырастая, начинают испытывать чувства, на которые не способна их лучистая душа. Злиться не умеет душа, это свойство плоти, которое ей придал сатана.

* * *

Материнское молоко испускает лучи золотые, это живая льющаяся энергия: ведь молоко даёт ребёнку силы расти. Молоко, избавленное от сих лучей, не имеет возможности помочь малышу стать мудрым. Дети, не материнским вскормленные молоком, должны прикладывать гораздо большие усилия, чтобы их мозг услышал душу. Вот притча об этом.

Молоко сказало хлебу: “Мудрость Господня зависимость имеет от меня: если малыш вскормлен материнским молоком, он легко может стать мудрым. А те дети, коим было пищей не материнское молоко, а всякое иное, труднее приходят к Господу”. Хлеб ответил молоку: “Мне трудно в это поверить, ведь я лучей Господних и сам полон, но не говорю, что без меня человек не так устремлён к Господу”. Молоко улыбнулось: “Мать, дающая молоко, — вот что важно. А во мне лишь вода и жир, но они насыщены любовью матери. Иное молоко имеет в себе любовь к иному малышу — козлёнку или телёнку. Любовь родной матери — вот чем важно напитать малыша. Любовь матери — любовь Создателя к новому человеку. А выпитая любовь, человек открыт и мудрости”.

* * *

Один человек хотел украсить дом своей картиной. Он пришёл к мудрому знатоку живописи, который продавал картины, и стал выбирать себе полотно. Он был очень удивлён, что полотно стоило во много раз дороже лубочных картинок, которые тоже были выставлены для продажи. “Почему такая разница в цене? — спросил покупатель. — Ведь лубочная картинка тоже многие краски имеет, и на неё много ушло труда у художника”. “Верно, труда немало, — согласился продавец. — Но полотно запечатлело не только то, что на нём изображено, но и волнение художника, его сомнения и радость. А лубочная картинка только первая имеет это в себе, а все остальные оттиски, сделанные печатной машиной, пусты. И нужно много усилий твоих, чтобы ты начал испытывать то, что умел чувствовать художник, её создававший. И неизвестно, сумеешь ли ты этого достигнуть. А вот полотно, которое излучает энергию творческую, позволяет достигнуть этого едва ли не сразу”.

Смысл притчи в том, что иконы, написанные на досках иконописцами, всегда мудрее тех оттисков, кои видите вы в церковных лавках. На доске запечатлённый горный мир, увиденный художником глазами души, гораздо больше даёт света душе, чем оттиск той же иконы, сделанный на печатной машине. Для души человеческой всегда нужнее икона, писанная рукою, чем отпечатанная на бумажке. В ней столько трепета душевного, испытанного богом, что и ваша душа ответно вострепещет, видя её. Но бойтесь тех икон,

кои писаны ради коммерции: в них не Господь, а сатана. Душа, умеющая это почувствовать, воистину Господа знает.

* * *

Люди, глядя на восток утром, умиляются ему: солнце всплывает, дали озаряя утренним светом и разгоняя тьму. Когда же спускается солнце, такими красками, такими изумительными их оттенками пылает небо, что люди замирают, немея от восторга.

Такою должна быть и жизнь человеческая: её рассвет вызывает умиление и рождает надежды, с закат должен быть таким, чтобы иные люди немели, потрясённые её невероятным полыханием.

* * *

Усталый путник сказал дороге: “Как ты длинна!” Дорога ответила: “Не длиннее того пути, который ты должен пройти, чтобы угодить в Царствие Небесное”. Путник вздохнул: “Я готов идти по дороге сколь угодно длинной, чтобы туда попасть. Найти бы её”. Дорога ему ответила: “Иди по мне и твори лишь добрые дела, и я приведу тебя туда, куда ты стремишься”.

Смысл притчи в том, что Царствия Небесного можно достигнуть, и не двигаясь с места: для этого достаточно лишь совершать добро. Это и есть путь к Свету, который не требует пешей ходьбы.

* * *

Дна не было видно в реке. Золотая рябь на воде мешала увидеть его. Я на реку посмотрел и понял: то, что не видно дна, — не страшно, рябь так прекрасна, что мудрее будет не убирать её. Ведь дно есть и никуда не исчезнет, а рябь золотая — это недолгая красота.

Уму человеческому не дано познать всю Истину, пока на него наведена рябь золотая радостей жизненных, которыми он должен насладиться. Как только радости станут уходить в прошлое, рябь будет исчезать, и на дне увидит человек жемчуг Истины.

* * *

В маленькой часовенке чудотворный лик Господень висел. Он мог улыбаться тому, кто Ему молится, а мог и насупленно смотреть. Люди удивлялись этому и не могли понять, как такое возможно. А дело было вот в чём: с чем душа на лик смотрела, то и получала от него. Нагрешивший видел суровые глаза Господа, а светлые люди улыбку видели.

Это чудо и на людской мир распространяется: с чем вы к людям приходите, то и получаете в ответ. Бывают и исключения в мире людей: пришедшего с добром побивают камнями, а злодея прощают. А вот Господь таких исключений не может допустить.

* * *

Месяц светил с неба. Молодой мозг узнал в нём улыбку, а старый мозг — ухмылку. Чем отличается старый мозг от молодого? Тем, что он узнал о жизни на Земле главное: здесь преобладает зло. И потому он любую улыбку воспринимает недоверчиво. Даже Небо кажется ему полным зла. Отчасти это ис-

тина, но и свет на Небе тоже есть. От того, как прожита жизнь, зависит, подарит ли вам Небо улыбку или ухмылку.

* * *

Фонарь ночью светил собаке, которая под ним сидела. Подошёл человек и спросил собаку: “Почему ты не идёшь домой, а сидишь тут?” “У меня нет дома”, – вздохнула собака. “Но почему ты сидишь под фонарём? – спросил человек. – Тут каждый тебя видит и может пнуть, ударить или ещё что-то сделать с тобой плохое”. “Да, конечно, – ответила собака. – Но здесь я так же видна и хорошим людям – может быть, кто-нибудь захочет меня взять себе”.

Смысл притчи в том, что не нужно опасаться быть на виду людям светлым и мудрым. Конечно, каждый может их обидеть, но в то же время их свет и мудрость могут быть заметны тем, кто в них нуждается.

* * *

Плыли по небу облака. “Смотрите, – закричал ребёнок, – по небу лошадки скачут! Белые лошадки!” Дед ему сказал, улыбаясь: “Скоро я буду пасти эти небесные табуны”. “Как это?” – не понял ребёнок. “Душа человека после смерти поднимается вверх и на мгновение останавливается, достигнув облаков, которых ты назвал лошадками”, – сказал дед. “Зачем она останавливается?” – спросил ребёнок. “Чтобы увидеть, что облака – это всего лишь туман, такой же, какой человек видел на Земле”. “Ну, и что?” – не понял ребёнок. “И тогда душа понимает, что и после смерти на Земле жизнь продолжится – в ней тоже есть и любовь, и ненависть, и добро, и зло, и счастье, и несчастье. Вот почему человек так любит смотреть на облака – он хочет к ним подняться и убедиться, что жизнь его вечна. Если, конечно, он был добрым человеком и не заслужил кары, которая эту жизнь на Небе может оборвать”, – задумчиво сказал дед.

* * *

Одному человеку очень нужно было, чтобы другие люди выбрали его своим начальником. Для этого надо было ему предстать перед ними самым умным из них. Этот человек прочитал горы книг и, когда люди стали выбирать себе начальника, поразил их знаниями такими, что все разинули рты. Человек решил, что дело его решено, пока кто-то не спросил его: “А как вы будете нами управлять – по справедливости или по принятому порядку?” Человек подумал и сказал: “Я так буду управлять, что вы мне спасибо скажете: никого я не буду обижать. Ко всем я буду относиться одинаково ровно”. “Значит, по принятому порядку, – раздался тот же голос. – А мы-то надеялись, что, наконец, у нас будет справедливый начальник”. И его не выбрали. Он никак не мог понять – почему. А дело вот в чём: во Вселенной действует закон справедливости – возмездия и награды. А если вы не собираетесь наказывать виноватых, чтобы казаться добрым, и награждать достойных, чтобы никто вас не заподозрил в том, что у вас есть любимцы, то это нарушение вселенского закона. А всё негармоничное вызывает в людских душах отторжение.

* * *

Петух вскочил на забор и завопил: “Кукареку!” Его хозяин, проснувшись от петушиного кукареканья ни свет ни заря, запустил в него камнем и завопил: “Нужно тебя съесть непотрошённым, потому что где-то там у тебя спрятан твой противный голосище. Чего ты разорался, если мне сегодня не нужно работать? Я бы мог ещё спать и спать”.

Смысл притчи в том, что те, кто будит спящих, должны быть готовыми к тому, что в них полетят камни.

* * *

Некий человек внимал рассудку своему всю жизнь. То, что говорила душа его, он подвергал анализу ума и отвергал, ибо анализ показывал: этого не может быть. И когда человек сей услышал глас пророка, то закричал: “Это лжец, ибо то, что он говорит, не может быть”. “Почему ты назвал его лжецом?” – спросили люди, поверившие пророку. “Его слова не могут описать сущее, ибо описываемое им противоречит законам науки”, – отвечал отрицающий. “Разве наука описывает Небо? – говорили люди. – Небо может описать лишь душа, которая там была. А мозг в первый раз на Земле, и он состоит из смертной плоти, потому и не имеет права судить, ошибается бес-смертная душа или нет”.

Смысл притчи в том, что земная наука осмеивает пророчества, ибо зиждется на ложных основаниях. Рассудок ограниченный не может судить бесконечное знание души. Я вот какое дам сравнение: муравей смеётся над рыбой, живущей в воде – этого не может быть, говорит он, ибо в воде задохнёшься и погибнешь.

* * *

Один человек помог другому, мудростью его наполнив. Второй помог третьему, третий четвёртому... У людей появилась опора в жизни, и они все вместе благодарили того, кто первым слово Господне им дал. Но тот отверг благодарность, сказав: “Вы все – дети Господа, и каждый из вас может мудрым стать, установив мост с Отцом своим. Отца благодарить за мудрость нужно, а не меня”. “У нас не выходит так, как ты, говорить с Ним, – смущаясь, сказали люди, – а в мудрости Его мы нуждаемся”. Человек сказал: “Мой мозг устроен более совершенно, но это Его, а не моя заслуга. И вот вам главная мудрость, которую я усвоил: неустанная молитва – тот мост, который связывает с Отцом Небесным. Души свои устремите к молитве: это способ, ничем не заменимый.

Поверьте, раньше или позже, но вас наполнит такая радость, какую нельзя испытать, получая от других людей готовую мудрость. Ваш собственный способ общения даст вам радость внезапную, что вы услышаны Небом, и с этой радостью ничто не сравнится. А мои слова, продиктованные мне Господом, лишь должны послужить доказательством, что такая радость возможна”.

Одним из главных событий уходящего года стал столетний юбилей Первой мировой войны. В Европе и даже в далёкой Австралии и Новой Зеландии прошли помпезные мероприятия. Опубликованы тома солидных исследований. За всем этим как-то забылось: война — не только сражения армий, битвы экономик, соревнование политических волей. Это человеческие трагедии прежде всего! Напоминая эту простую истину, забвение которой чревато неисчислимыми бедами, редакция публикует трогательную переписку молодой влюблённой пары тех лет. Переписку, оборванную гибелью прапорщика Витольда Ярмоловича в боях за Карпаты.

АЛЕКСАНДР ПОТАПОВ

ПОЧТОВЫЙ РОМАН

В годы Первой мировой войны немало русских людей уходило добровольцами на фронт; были среди них и девушки-дворянки, которые становились сестрами милосердия. Одна из них — рязанка Анна Ивановна Мельгунова, младшая дочь коллежского регистратора, потомственного дворянина Ивана Николаевича Мельгунова и его жены Анны Александровны, урождённой Ершовой.

В Рязани, на улице Некрасова (бывшей Болдыревской), сохранился дом, в котором жили Мельгуновы и где до сих пор живут их потомки. Здесь-то в середине 1960-х годов и был обнаружен семейный архив времён Первой мировой войны. Марина Мирчетич, внучка Анны Ивановны Мельгуновой, в ту пору студентка педагогического института, затеяла разборку вещей в старом сарае, который затерялся в углу двора среди других хозяйственных построек их фамильной усадьбы, и случайно наткнулась на старую запылённую корзину, к которой, очевидно, много лет никто не притрагивался. В корзине хранилась переписка её бабушки, относящаяся к 1916 году, из которой открылась трагическая история любви сестры милосердия Анны Мельгуновой и прапорщика Витольда Ярмоловича. В одной пачке с письмами Ярмоловича Марина обнаружила и ответные послания бабушки к нему, невесть как здесь очутившиеся. (Позднее Марина догадалась, что эти письма передала на память Анне Мельгуновой сестра её адресата.)

Участников той давней переписки давно уже не было в живых, и Марина стала читать пожелтевшие от времени листки... С любезного разрешения Марины Светозаровны Мелешковой, урождённой Мирчетич, мы публикуем часть переписки из архива её бабушки, Анны Ивановны Мельгуновой. Сегодня эти частные письма уже принадлежат истории. Но сначала вкратце познакомим читателей с участниками переписки.

Анна Мельгунова родилась 29 марта 1893 года в Рязани и была восьмым ребёнком в семье. Её раннее детство прошло в родной усадьбе, расположенной в центре города, где неподалёку простиралась набережная Трубежа, а из резной беседки открывался чудесный вид на заокские дали. Девочка получила

хорошее домашнее образование, а когда подросла, её отдали учиться в частное учебное заведение Веры Павловны Екимецкой, в 1901 году преобразованное из училища первого разряда в женскую гимназию, наделённую правами министерских гимназий. Это учебное заведение славилось на всю губернию своими педагогами, работавшими в тесном контакте с семьями и успешно применявшими в процессе обучения наглядность.

Анна Мельгунова считалась одной из лучших гимназисток. После окончания гимназии девушка отправилась в Москву и поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, учреждённых В. А. Полторацкой. Здесь-то, в Первопрестольной, в жизни Анны и произошло событие, на всю жизнь оставившее след в её сердце.

На впечатлительную девушку неизгладимое впечатление произвёл Витольд Фаддеевич Ярмолович. К сожалению, сведений об избраннике сердца Анны Мельгуновой дошло до наших дней не очень много. Очевидно, он был выходцем из Белоруссии или Прибалтики. Родился 10 июля 1891 года. В отроческие годы Витольд учился в Рижской Александровской гимназии, о чём свидетельствует похвальный лист, выданный 10 января 1905 года. Вот полный текст его заголовка: «Похвальный лист от педагогического совета Рижской Александровской гимназии».

Университет окончил в Москве. Здесь судьба и свела его с курсисткой Мельгуновой. Чувства очаровательной рязанки не остались без ответа; завязался роман, но все мечты и надежды влюблённых разрушила разразившаяся война.

Ярмолович сначала был направлен рядовым в 57-й пехотный запасной батальон, а затем, в октябре 1915 года, – в Александровское военное училище, на краткосрочные курсы унтер-офицеров. По окончании курса 1 февраля 1916 года он был произведён в прапорщики армейской пехоты и направлен в действующую армию. 3 марта Ярмолович был зачислен младшим офицером в 5-ю роту 51-го пехотного запасного батальона.

Анна Мельгунова, охваченная патриотическим порывом, отправилась в Петроград и поступила на курсы сестёр милосердия. В течение семи недель девушка изучала медицинские премудрости и 8 января 1915 года получила свидетельство об окончании курсов. Анна вернулась в Рязань и стала работать сестрой милосердия в одном из военных госпиталей. Девушка ни на минуту не забывала о своём возлюбленном и едва ли не ежедневно отправляла ему письма. Ярмолович пространно отвечал, и невзрачные на вид серые конверты, в которых заключались пылкие признания, один за другим приходили в Рязань. Поскольку в военное время письма могли затеряться в пути, влюблённые договорились нумеровать их. Анна, вернувшись домой из лазарета, интересовалась, не было ли ей письма, а если таковое имелось, она спешила в свою комнату, затворяла двери и со слезами на глазах читала обращённые к ней признания Витольда. Потом присаживалась к столу и писала ответ:

Рязань, 19 марта

Как приятно возвращаться из лазарета и находить Ваше письмо. Сегодня мама сказала, что она ревнует меня к Вам. Как только я прихожу, сейчас же иду в свою комнату, затворяю двери и начинаю читать письмо. А раньше я всегда здоровалась и долго делилась своими впечатлениями.

Вы пишете, что у Вас не сил, а желанья нет расстаться с мыслью обо мне, а силы, значит, есть? Ну, а у меня и сил нет...

Хорошие отзывы Вашей сестры мне очень приятны, она заочно мне всегда была очень симпатична. И если представится случай, то я, преодолев свой страх, с удовольствием познакомлюсь с ней.

Относительно гимназии ещё ничего не знаю, слишком серьёзно я на неё смотрю, чтобы решить так скоро. К тому же я ещё никак не могу собраться с мыслями и подумать хорошенько <...>.

Ваша А. М.

Рязань, 21 марта

Сегодня письма опять нет. Завтра буду ждать <...>. Неужели опять не будет? Для меня Ваши письма стали потребностью, поэтому вчера и сегодня особенно нервничаю. Как-то даже странно мне порою, уж очень быстро всё это произошло. Загадки, конечно, были и раньше, иначе быть не могло.

Пишите чаще, уж очень тоскливо мне, спасает только лазарет, много тяжело раненных, на них невольно затрачиваешь много сил. Теперь к моей работе присовокупилась и общественная черта – раненых ждут много, открывают новые лазареты, и мы снова там нужны. Это даёт мне большое удовлетворение: сейчас я не могла <бы> не работать.

Напишите мне всё подробно. Завтра Вам буду писать в дежурке.
Ваша А. М.

В марте 1916 года Ярмолевич занедужил и угодил в московский госпиталь. Но что для влюблённого болезни? Главное – он в столице, за каких-нибудь двести верст от Анны! Витольд писал в Рязань:

Только что подписано мне предписание отправиться опять в Московский военный госпиталь <...>. В Москве есть у меня телефон, по которому можно говорить с Рязанью <...>, оттуда я смогу, может быть, уехать на несколько часов к Вам. Жаль, что здоровьем от этого не лучше <...>. Отрадно, что стоит хорошая погода. Под вечер гуляю один. Отношу письма на почту, затем иду в лес. Гуляю, читаю немного на полянках и думаю о Вас. Всегда думаю <...>. Выпишусь, день-полдня отдам Рязани, день проведу дома и уеду <...>. Скорей бы наступление. Тогда бы началось наступление одиночным порядком, без маршевых рот. Это дало бы возможность уехать без особых хлопот по сопровождению солдатских эшелонов, да и скорее можно было бы выбраться отсюда, что главным и является для меня... Разве мало того, что есть. Кажется, больше бы и душа не выдержала. Разве можно как-нибудь ещё больше, ещё лучше любить Вас? Должно быть, нет <...>. Было бы можно, сильнее бы и любил. Сказка моя милая-милая! Если бы Вы знали, как Вы мне дороги.

Ваш Витольд Фаддеевич.

Анна с нетерпением ждала приезда Витольда в Рязань и сообщала ему 25 марта:

Написала Вам сегодня, кажется, очень дикое письмо. Сейчас хочется писать ещё, даже не знаю – что, а просто хочется.

Вот сижу весь вечер дома и думаю о Вас, даже досадно! Ну, почему Вас нет со мной? Лежит сейчас бедненький в госпитале, ухаживают там какие-то чужие сёстры, а я сижу одна. Если бы я только могла, то сию же бы минуту выехала в Москву.

Я во всём этом мало узнаю себя, до сей поры я была удивительно сдержанна, а сейчас даже и не хочется себя сдерживать.

Но тут сама судьба, очевидно, испугавшись моего свободомыслия, преградила все пути. Что ж, приходится подчиниться! Пишите как можно чаще.

Ваша А. М.

Витольд приезжал к Ане в Рязань, бывал в их доме на Болдыревской улице. Влюблённые подолгу сидели на скамейке в мельгуновском саду, гуляли по городу, в сквере над Трубежем – рекой, окаймляющей кремлёвский холм в Рязани. Расстались – и опять связующими звеньями их чувств стали письма. Анна писала Витольду едва ли не ежедневно, при первой возможности.

Рязань, 12 апр<еля>

Вчера не успела написать Вам. Помимо всех дел, у меня целый день кто-нибудь был. Мои милые знакомые решили, что в праздники меня можно развлекать на дежурстве (обыкновенно я в лазарете никого не принимаю). Они, конечно, не предполагали, что только мешают мне думать о Вас и писать Вам. В конце концов, я так устала, что прямо повалилась на свой диван. Решила написать сегодня утром и отвезти на вокзал.

Мне с каждым днём всё тоскливее без Вас. Живу только мыслью о своей поездке в Москву <...>.

Соскучилась ужасно, даже жутко! Ваше стремление на фронт возмущает меня, не посылают – значит, там Вы ещё не нужны, или, во всяком случае, менее нужны, чем мне <...>. Письма буду ждать каждый день.

Ваша А. М.

Рязань, ночь на 19-е

Милый, дорогой, любимый, хотелось сказать сегодня по телефону, но при всём желании не могла, так и ушла с чувством чего-то недосказанного. Долго ходила одна по улицам – грустно, грустно было. Все эти дни думаю о Вас очень много, почти всё время <...>. Ночью, после Вашего отъезда, просыпалась всё время, и, конечно, мысль о Вас не покидала меня. Теперь сплю крепко, так как очень устаю, работаю много, и как-то особенно не жаль сил, сейчас ничего не нужно.

Сегодня осталась на перевязки после дежурства, платила свой долг за вторник <...>.

Как сейчас хочется видеть Вас, говорить с Вами, а Вы всё дальше и дальше уезжаете от меня (поезд Ваш уже ушёл, сейчас половина первого).

Писать буду часто.

Всего, всего хорошего.

Ваша А. М.

Рязань, 22 апр<еля>, вечер

Много я нервничала эти дни. Уж очень Вы напугали меня, сказав, что Ваше письмо может меня огорчить <...>. В конце концов, я решила твёрдо, что середины сейчас уже быть не может, и если я увижу хоть маленький шаг к отступлению, то уйду сейчас же совсем и бесповоротно. Или же окончательно отдамся своему чувству. Страдать от неполноты я ни в коем случае не хотела <бы> <...>.

Ваше письмо подали в конце перевязок, и сразу ждать я не могла, нервничалась до того, что когда отдали, была очень близка к истерике, но, конечно, сдержала себя. Страхов оказалось меньше, чем я думала. Стало легче, и всё же не совсем легко. Я даже не могла разобраться, почему так тяжело <...>. Но теперь всё выяснилось, и я уже свободно могу сказать, что люблю, люблю безумно, как ещё никогда никого не любила, потому что никогда не отказывалась от своей свободы, и никогда не решалась ни на один смелый шаг. А сейчас мне всё равно. Хочу только видеть Вас <...>.

Лазарет, 30 мая

№ 8

Сегодня опять нет письма, я немного спокойнее, отношу это на счёт почты. Но ведь мне важно знать всё то новое, что происходит сейчас у Вас <...>.

Мне вчера очень предлагали поехать сестрой в 38-й передовой отряд – он в пятой дивизии первой армии. Но я отказалась. Не тянет меня туда, да и Вы не хотите, и мама слышать не хочет. Но в то же время Вы можете попасть именно туда?

Вчера вечером Вам не писала, вернулась поздно и очень устала, почти сразу легла.

Сейчас пишу в дежурке, окно открыто, слышна музыка из сквера. Помните, как в прошлом году сидели там совсем чужие? А теперь! Как люблю я Вас теперь <...>.

В ответных посланиях Ярмоловича из госпиталя речь идёт не только о предмете его страсти, но также о литературе, поэзии, философии, что свидетельствует о его интеллигентности и образованности:

Соскучился я без Вашего голоса. Милый, полный жизни, радостной энергии, он как-то сразу сегодня захватил всю душу. Сразу стало так радостно, так полно у меня где-то в самом дорогом уголке моей жизни. Хорошо мне всё-таки с Вами, Анна Ивановна. Какая-нибудь нежная строчка письма, открытки с видами Трубежа, звук Вашего голоса в телефоне – и мне уже хорошо-хорошо. Почти совсем. Почти, а не вполне – потому, что вполне никогда не может быть: ведь мы, как и прежде, всё те же две целых единицы <...>.

В госпиталь вернулся на извозчике. Трамваи почему-то стали; что-то похоже на стачку вагоновожатых: ток был. Не по-офицерски это, но был доволен: на извозчике, одному, так удобно думать о “ком-то”, и можно долго думать. Всё подскажет воображение; одно не удаётся – как произойдёт эта близкая встреча? А Вы знаете что-нибудь о ней? Или, действительно, придётся всё доверить той “психике войны”, о которой писал я вчера в своём восторженном письме? Должно быть, всё так и будет. Признаюсь, я сейчас твёрдо знаю одно: что, не будь войны, Вашего дела вне Москвы, моего Зубцова,

полубродячей жизни, я многое бы иначе делал, иное говорил (но не иное чувствовал!), потому что сил было бы больше... или, нет, силы и сейчас есть в той же мере, но расчётливости-то уже не стало. На что беречь, когда воля уступила место случаю, не из бессилия, а из простого сознания, что при господстве случая усилия воли, опирающейся всегда на постоянство известных законов, попросту свелись бы к борьбе с ветряными мельницами <...>.

Наконец Ярмолевич поправил здоровье и был направлен в действующую армию. В письме, отправленном 1 июля 1916 года из-под Минска, ощущается пока ещё невнятная тревога:

Стоим третий час и не можем доехать 37 вёрст. Оттуда – новое назначение. Не спешим: едем не срочным эшелоном, т<о> е<сть> пропускаем эшелоны скота, артиллерии и – в обратном направлении – раненых. Я – на родине. На одном полустанке ушёл в деревню, типичную белорусскую деревню – грязную, забытую. Ловишь ухом экс-филолога “дзеканье” в речи, направление “праз лес” (через, сквозь лес). И очень мало мысли о будущем. Да его и нет в сознании. Живёшь абсолютно настоящим и недавним прошлым. Настоящее – это выходы на остановках, разговоры с солдатами, шутки и покрикивание, недолгие беседы со спутниками; прошлое – всё в тебе, о тебе, для тебя. Ни о чём другом и не думается. Сознательно раньше я поставил себе задачей сузить всё до самого необходимого или дорогого. И остались только взгляды да ты. Так с этим и еду, и пойду.

Как странно! Я совсем не знаю, что ты делаешь. Сегодня ведь дежуришь. Это даст возможность яснее увидеть тебя в мыслях. Хорошенькая сестрица в светло-сером. И красный крестик, маленький и знакомый, на груди. Милый, услужливый крестик.

Родная моя! Как дорого мне вспомнить последнюю нашу встречу. Так просто, так решительно приближалась ты ко мне. Я чувствовал, что я уже так мало чужой – так мало привыкать ко мне осталось <...>.

Твой Толя.

Если в Минске простоишь больше суток, оттуда напишу сегодня или завтра утром. Дело в том, что в большие города нас впускают поочередно: может быть, только к ночи придёт очередь нашему эшелону. Время терпит.

В следующем письме (от 2 июля), отправленном уж из Минска, рисуется жизнь прифронтового города:

Вчера, часа в 4 дня, прибыли. Живём в офиц<ерском> общежитии, т<о> е<сть> в особом флигеле, где спать приходится на полу и соломенных матах; я-то устроился на койке, но их очень мало. Город шумный, столица ближнего тыла. Поражает обилие расфранчённых полувоенных, штабных чиновников, полковников, чистеньких вольноопределяющихся с унив<ерситетскими> значками. Всё это чванится, спасаясь в тылу. Очень мало <...> нас, прапорщиков. По улицам всё время – автомобили, артилл<ерийские> повозки. Проходит молодцеватая гвардия, маршевые роты. По ночам редкие тревожные гудки о приближении аэроплана. Много кафе, женщин, сестёр. Атмосфера северянских удовольствий.

Вечером – новое письмо Витольда под № 7:

Сегодня ещё здесь. Перевели нас из одной армии в другую, и потому только завтра получим другое направление. И, кажется, нужно будет идти пешком. Завтра утром всё выяснится. Днём летал над нами “Gaupe” – высоко-высоко, беленький, со стрекозиными крылышками. Наши гаубицы открыли огонь. И вот на синеве неба посреди лёгких облаков стали вспыхивать новые облачка от снарядов. И долго ещё потом они не рассеивались. Публика вся с любопытством следила; только еврейки, которых здесь уж очень много, подняли шум. Для меня это – новинка, и пока интересная. Город уже надоел. Провинциальная грязь, армейский шум, дешёвый дендизм – и только. Сегодня зашёл в костёл и собор, самые красивые и единственные не опошленные общественные здания. А сейчас отнесу письмо на вокзал (он недалеко), вернусь домой и займусь чтением, пока есть книги. Аня моя дорогая! Когда-то я прочту твоё письмо. Ведь вот уж давно-давно не было любимых строчек, которые всё-таки “готические” по характеру, хотя ты и не хочешь считаться с моим определением.

Вот письмо, написанное вечером 3 июля 1916 года в Минске:

Аня, моя родная! Как я соскучился по тебе. Сегодня почему-то особенно грустно без тебя. Должно быть, полосой находят сильные настроения или уж очень надоедает ожидание и тянется сильнее душа к оставленной красоте. А какая же красота переживаний пройдёт мимо Чёрного моего Котика?

Сейчас, наконец, сообщили о дальнейшем. Начальник эшелона и его помощник <...> возвратятся назад. Поведёт эшелон мой командующий ротой, а я на его место принимаю роту. Идти пешком вёрст сто до штаба <...> дивизии, здесь и получим окончательное назначение. Новый начальник эшелона – энергичный, и потому для нас есть подводки, хотя, строго говоря, переходы от этапа к этапу очень невелики, так что и пешком не очень трудно было бы. Завтра в шесть утра уйдём из нового Вавилона. И Бог с ним. Не лежит у меня сердце к этому городу.

Если бы ты знала, как мы упростили наши потребности! Всё уложено так, что лишь самое необходимое лежит под рукою либо висит на мне. Папиросы в висячем портсигаре; открытки, секретки и карандаши – в висячей полевой сумке, где карты и документы; чернила и перо – в саквояже вместе с книжками и “несессером”; принадлежности для еды – у денщика, молоденького татарина, умницы, старательного и, конечно, боящегося меня, как огня. Жаль, что нет твоей карточки, которую можно было бы носить всегда при себе. Но ты пришлешь её... Я жду только с нетерпением, когда, – может быть, из дивизии – смогу тебе отправить телеграмму с адресом.

Какое же счастье – получить от тебя письмо! Я уже таким далёким и несбыточным считаю всё, что в Рязани. Сейчас могу мечтать лишь о письмах.

Ну, пока – до новой остановки, где-нибудь на этапе... Чуть не забыл! Прочти в № 27 журнала “Весь мир” стихотворение “Рубили старый сад”, прекрасное – и видно, что прапорщик писал. Я даже здесь не отстаю от привязанности к поэзии.

Твой Толя.

Следующие сохранившиеся письма Ярмоловича, очевидно, были написаны из небольшого прикарпатского городка. Как известно, тогда, летом 1916 года, войска русского Юго-Западного фронта осуществили удачную наступательную операцию (так называемый Брусиловский прорыв) и очистили от противника территорию Буковины и Южной Галиции.

Письмо под № 14 отправлено непосредственно с фронта, из расположения 253 пехотного Перекопского полка 64-й дивизии:

Только сегодня пришло назначение в роту. Этим окончательно выяснилось положение в полку, а завтра под вечер уже снимаемся с места. Идём недалеко! Меняем деревню из-за дурной воды. К полуночи уже будем где-нибудь в новой деревне возле местечка М...

Ещё лишний раз приходится поблагодарить свои два значка! Перед ними чувствуют потребность расшаркиваться даже батальонные командиры. Это вопрос не карьеры, а просто надлежащего отношения к тебе.

Теперь – за дневник, т. е. попросту начну тебе перечислять свои небогатые впечатления. Вчера наскоро солдаты устроили сами спектакль, танцы, дивертисмент. Было много в этом милого, наивного и простого, но грубо стало новилось только тогда, когда какой-нибудь солдат из “городских” подносил “культурную” шансонетку. Познакомился я здесь со всеми офицерами, остатками от великих боёв (эвакуируется каждый раз до 85% – большею частью, без особой нужды). Сошёлся по-хорошему с одним прапорщиком запаса из межевиков. Тихий такой, совсем ещё “штатский” <...>. А поздним вечером занялся чтением. И странным показалось оно после недолгого перерыва: за это время ведь произошло какое-то внутреннее отречение от самого главного, от своих склонностей.

Числа 16-17-го буду ожидать от тебя письма. Этот офицер-межевик сказал, что он получил на 5-й день письмо из... Зарайска. И Рязань знает. Конечно, весь вечер я с удовольствием провёл с ним. Своим, родным и далёким повеяло от этого знакомства. А, кажется, как мало оснований – ведь только Зарайск, только Рязань...

Твой Толя.

В своих посланиях из расположения дивизии Витольд успокаивает Анну (письмо от 15 июля):

Моя царевна! Опасности снова никакой. Вчера перед отходом узнали, что другой полк встаёт на позиции, а мы становимся в резерв. Ушли опять на ночь в поход, я — снова на лошади вместе с молодым жеребёнком, с которым мы уже друзья. Дорога была очень красивой — поля, перелески, лощины; дороги все уже выправлены, чего никогда не знала Белоруссия; а вдали поднимались снова ракеты. И я всё-таки по-детски глубоко верил, что там, вдали, город, большой, весь в электричестве. И странно тоскливо было. Чего мне было жаль? Москвы ли? Ведь я совсем-совсем оставил её. И, право, мне роднее была мысль об электрических фонарях где-нибудь у собора в Рязани, у Трубежа.

Боже мой! Как я люблю тебя. Вот здесь столько нового, а я немного занят всем этим. Я весь всё так же живу тобою. Я ещё больше, кажется, стал жить тобою: ведь ты для меня теперь всё, что красиво, что дорого, что понятно.

Стоим в лесу. Денщики всё устроили — палатку, койки, столы, площадку перед нашей обителью, посаженную деревьями. Почти роскошно живём <...>. Сегодня аэроплан стрелял по нам из пулемёта, но в никого не попал, и никто его не боялся.

Ждём корпусного нового! Нас бросают из корпуса в корпус, смотря по надобности. Слава дивизии — как у сибирцев: с ними рядом всё время и сражаются наши полки. Сейчас мы стоим, кажется, с целью всё-таки отдохнуть. Для меня это, конечно, безделье...

В письме от 18 июля 1916 года Витольд даёт волю чувствам:

Сегодня чудный, счастливый день: пришло твоё письмо. И хорошо мне, что именно ты — самая дорогая, любимая — первая написала мне из всех моих возможных корреспондентов. Аня, моя чудная, если б ты знала, как я соскучился без этих милых нежных строк, без тебя — ведь в этих письмах теперь для меня ты вся <...>. В субботу узнали о новом прорыве под Ковелем (мы здесь узнаём телефонограммой к вечеру), и сразу же пришло известие, что мы отходим за ненадобностью назад и через день “грузимся”, т<о> е<сть> садимся в вагоны и идём в известном направлении. С этой мыслью мы и выступили ночью. Что это был за поход, трудно описать. Позади поднимались ракеты, гремели взрывы орудий (на нашей позиции был частный успех), на небе — громаднейшие тучи, из которых хлынул ливень с грозой. Темно было так, что лошадь только инстинктом чуяла впереди идущую роту; мы все смотрели вперёд, как в чёрную стену. Все тучи вылились на нас. И вот среди этой темноты и ливня понесли солдатские песни: солдаты пели сами, по своей воле, как будто из детского задора, озорства перед судьбою.

К утру пришли в деревню. Здесь мы только сегодня узнали, что простоим несколько дней, и уже сегодня возобновили занятия: ружейные приёмы, отдавание чести, выправка...

Кстати, мне “повезло”. Оказывается, я как окончивший военное училище имею лестное преимущество перед всякого рода другими прапорщиками: я зачисляюсь в кадр полка, тогда как те только прикомандировываются. Это даёт мне право оставаться в полку в мирное время без особой аттестации офицерства и потому... меня долго могут не отпустить. Вторая моя “удача” уже совсем комична: я издала понравился командиру полка и начальнику дивизии своей “энергичностью”, т<ак> к<ак> я-де бил солдата. А я только потом вспомнил, что взял да повернул солдату голову направо, что издала и дало впечатление мордобития. Как бы то ни было, но командир полка уже сегодня высказал желание назначить меня начальником полицейской команды (соблюдение внешнего порядка на постое) и комендантом (заведование расквартированием полка, переговоры с жителями, возмещение убытков...). Конечно, откажусь.

Жаль, что письма пропадают. Не пропало ли письмо из Минска, где я пишу о стихотворении “Рубили старый сад”? Напишу теперь. Купи его: это № 27 журнала “Весь мир”. Я это стихотворение ношу с собою в полевой сумке <...>. Со странной жадностью ловлю теперь я всё красивое: закатную полосу на небе, красивое стихотворение, чутко исполненный дуэт с гитарой двух моих коллег. Это тоска о тебе, моя любимая царевна. И знаешь, как я свободен сейчас от страха быть осмеянным за то, что так мне нравится теперь наивное: “Белой акации...”. Других дуэтов нет, а этот сам по себе даёт боль-

ше всего. И хорошо, что здесь мои товарищи по батальону очень симпатичны.

Аня моя милая, моя чудная, моя нежная! Как мне хорошо сегодня, когда протянулась от тебя ниточка той близости, о которой ты тепло вспоминаешь, говоря о последней нашей встрече.

Письмо от 22 июля:

Сегодня плохо. Дождь шумит, ветер, слякоть. Наша халупа без дверей, всюду с дырами, почти без свету, так как только в двух окнах есть стёкла, — остальные закрыты ставнями.

Чувствуешь сырость, руки холодеют. Ждал твоего письма. Оно меня не обмануло <...>.

“Откопал”, по выражению Павла Ивановича, опять хорошее стихотворение в “Нов<ом> Сатириконе” Арк<адия> Бухова: “Нерассказанное” (№ 29). Интересно, что здесь у многих стихи находят заслуженное признание: ведь теперь любить поэзию не в моде. Оно очень похоже на мои прежние, может быть, даже недавние мысли о тебе. Только в них нет идеи “величия”, идеи царевны <...>.

Моя любимая, моя родная! Как мне сейчас дорого, что у меня есть кто-то близкий-милый, кого так радостно любить, кто — я знаю — меня теперь любит. Без этой сказки трудно было бы ко всему привыкнуть, что приносит проза военщины. А сейчас как скоро и легко я уживаюсь здесь со всеми неудобствами.

Твой Толя.

А вот — письмо Ярмоловича от 26 июля 1916 года, уже из военного эшелона:

Аня милая! Вчера со станции Лунинец послал тебе секретку без номера. Сейчас заходит солнце. Приближаюсь к ст<анции> Коростень, откуда получу новый маршрут <...>. Дороги этой на карте нет: отрадно — у нас за войну возникли новые железнодорожные ветки. Не знаю, когда отправлю это письмо. Нигде не могу купить марок, даже ящики для писем не везде.

Что думается? Ничего, раз не знаешь совсем назначения. Слухи всякие — от генерала Брусилова до Болгарии. Как чувствую себя? Прекрасно: со старым скучным фронтом покончено; жизнь в вагоне лучше всякого житья по грязным деревенькам; погода отличная. Едем довольно скоро, почти “срочно”: стоим немного, кухни готовят обед в вагонах, а не на этапах. Правда, перед большими станциями простаиваем у закрытого семафора, но дело здесь в перегруженности больших узлов. А дорога красивая — даже новые станции все каменные, местность — лесистая и чернозёмная, встречаются красивые черниговские крестьянки; спокойным шагом, без напряжения тянут плуги во-лы. Нищая грязная моя родина уже на севере.

Сейчас закат. В новом теперь, северо-восточном направлении буду смотреть я в эти часы (ведь я не разучился и теперь искать тебя во время заката). Много читаю сейчас, много смотрю на твои карточки (они всегда со мною — в бумажнике, в кожаной куртке). Почему мне так грустно сейчас о тебе — не пойму. Сквозь строки читаемых книг, сквозь разговоры я чувствую эту тоску <...>. Моя любимая, моя родная царевна!..

Вот письмо В. Ф. Ярмоловича от 8 августа 1916 года, очевидно, уже из Предкарпатья:

Мой чудный Котик! Сегодня ровно месяц со времени моего прибытия в полк. И только сегодня могу снова приняться за письмо. Может быть, оно и не пойдёт скоро, но мы остановились и потому хотя бы послать его в канцелярию можно. От тебя вестей никаких, и нескоро ещё наладится почта: нас переводят из корпуса в корпус и там путают номера полевых контор. Уже мы вёрстах в 140 от места прежнего письма <...>. За это время много ночей прошли пешком, днём останавливаемся где-нибудь в тоскливом безлюдном местечке, где жителей мало, нет продуктов... Ночи здесь холодные, но в палатках тепло. А днём, около 12 часов дня, пошли на смотр к генералу, герою фронта. Жара 35, разморило солдат. Генерал — боевой: ему не нужны парады; поздоровался с солдатами, вызвал нас всех и в 5 минут высказал, чего он хочет от нас (возможно, речь идёт о знаменитом герое войны — генерале от кавалерии Алексее Алексеевиче Брусилове. — А. П.). Чувствуется живая

работа, энергия, инициатива. А к вечеру уже все собрались, и до полусотни автомобилей стали перевозить нас вёрст за 60 по горам. Палатки увезли, и мы всю ночь ждали своей очереди; холод так и не дал уснуть. Сидел я у костра и думал о ком-то далёком и милом. Когда трудно или грустно – я весь ухожу в тоску о тебе.

Утром поехали. Солдаты торжествовали, видно. Я был рядом с шофёром и здесь изумлялся их безумию и смелости – постоянная быстрота, резкость поворотов, а они ведь работали без смены и сна вторые сутки (правда, в другое время они бездельничают). Дорога горная: с одной стороны – высокий крутой подъём, с другой – спуск к вечно-шумящей, быстрой горной речке, а за нею опять гряды гор, одна за другой, с красивой зеленью леса, лишь изредка как будто острижена вершина горы, деревьев нет, и солнце особенно ярко освещает небольшую покатую поляну. Дома уже деревянные, – видно, что горы, – но так же чисты и окружены садами.

Опять – постой до вечера, а там поход, уже пешком и не очень простой для меня: автомобиль всё-таки по дороге сел в канаву, скатившись с подъёма; я ушиб руку (солдаты в скатках не пострадали – мягко), к тому же заболело горло. Дорога идёт всё время по горным речкам – их всё время приходится переходить, зачастую вброд (они очень мелки), так как мосты не все удалось исправить. Здесь уже местность беднее. Мало культурной земли; горы – в обладании евреев и мадьяр. В местечках пусто. Останавливаемся в домиках, где скоро удаётся навести чистоту; обоев нет, но их удачно заменяет обыкновенный обойный сплошной трафарет по штукатурке. У жителей находили кроны, бумажные деньги, медальоны с надписью “Gott strafe England” и т<ому> п<одобное>, изредка – пианино, хотя чаще всего расстроенное.

Здесь, кажется, постоим денёк-другой. Погода испортилась – сегодня дождь.

У тебя ведь ещё отдых? Что-то ты делаешь? Я ничего ведь не знаю. А люблю всё так же пылко, как было. Так часто мне хочется вызвать в себе воспоминания о Трубеже <...>, о встрече последней. “Склонитесь вы, царевна, в тишине...”.

Твой Толя.

Письмо, датированное 18 августа 1916 года:

Аня, милая! Несколько дней не писал: часто руки холодеют, да и день уходит весь на сон – давно уже ночного сна не знаем. Вчера впервые пришла почта <...>, но не ко мне, самому ревностному корреспонденту. Почты немного; видно, что старая ещё не пришла, а более новая, направленная уже сюда непосредственно, не вспомнила обо мне. Тебе не упрёк: я знаю, что ты в своём отпуску лишена была почтового сообщения.

Три дня постояли на позиции наши роты, сегодня с отдыха опять под утро уйдём туда. Начинаются серьёзные дни, о них ты скоро прочтёшь в газетах. Для нас – сегодня или завтра. Ещё на позиции узнали о выступлении Румынии. (После знаменитого Брусиловского прорыва Румыния уверилась в силе русского оружия и вступила в войну на стороне Антанты – военного блока, в который входила и Россия. – А. П.). Всю ночь проговорил о ней в окопах с нижними чинами (днём в окопах не нужно присутствие – всюду война только ночью). Какие дети – солдаты, и глупые дети! Ни о каком укрытии сами без приказа не позаботятся, и только присутствие офицера может успокоить их волнение с наступлением ночи. Именно здесь ясно чувствуешь свою необходимость и... гордость, что служишь в пехоте: только здесь видишь ясно всё её значение, весь её труд и всё её нравственное преимущество перед другим родом войск. Вернусь когда-нибудь, расскажу яснее.

День пройдёт сегодня тихо, как проходили и ночи здесь в резерве. Скучно только. По вечерам занимались только мы с батальонным стихами: у него, как и у меня, много в полевой сумке разных листочков из газет и журналов с понравившимися стихами. Здесь так остро переживаешь отсутствие красоты (конечно, об этом тоскует не большинство).

Я, кажется, только это чутко и переживаю. Во всём остальном я страшно уравновешен, спокоен. Как будто нервы все сжаты в кулак, и никакого волнения не вырвешь в них. Вчера даже позабыл упасть на землю, когда близко, шагах в 40–50, разорвался тяжёлый снаряд (нужно падать и раскрывать рот –

во избежание контузии); нарочно подходил к израненным и убитым. Это не бравадование и не храбрость (её здесь почти и не бывает), а какое-то особенное, подготовленное убеждение во всём возможном — и потому очень простым.

Сейчас вышел из чащи гадких елей на миленькую мшистую полянку, уселся и пишу на моём письменном столе и подушке — полевой сумке. Здесь и солнце греет, и вид открывается широкий на горы, и растут какие-то высокие стройные красноватые цветы. И о тебе можно думать свободнее.

Как я тебя люблю! Раньше, до наших последних встреч ты была больше королевой и величеством. Потом, а особенно теперь, я чувствую от тебя как-то много-много тепла; от одной мысли тоски о тебе мне уже уютно. И преклонение преждее зажило вместе с глубокой нежной привязанностью к тебе.

Следующее письмо Ярмоловича от 23 августа — уже с боевых позиций:

Счастье моё, моя радость, мой хорошенький Чёрный Котик! Третий уже день приходят от тебя письма, по нескольку, в спутанном порядке... Что же сказать тебе? Что я безумно рад, счастлив? Ты это знать сама должна. Досадно, что нельзя было ответить: всё время было холодно так, что мёрзли руки, а со вчерашнего дня появилось солнце, но приказали снимать дознание по поводу одного "самострела" с пальчиком (вероятно, скоро расстреляют; да так и нужно). Стоим сейчас в окопах четвёртый день. Идёт наступление по всему фронту; перед нами мадьяры и германцы (сейчас над нами летает аэроплан с крестами, по нему бьют наши пулемёты). Наша рота держится на месте, но каждую минуту должна быть готовой идти вперёд или принять на себя удар.

Чувства страха всё ещё нет. В себе лично я замечаю странную реальность мысли. Ещё никогда, кажется, в жизни я не ощущал в себе такую гармонию воли, убеждений, поступков и... чувства. Помнишь, я говорил тебе, как я представляю себе близкое будущее вместе с моей любовью к тебе? Я думал правильно. Когда-то раньше, в отношениях к другим женщинам, я резко отделял от своего дела эти отношения. Сейчас я их — напротив — слил. То, что я здесь, и то, что я тебя люблю, — это одна неразделимая моя жизнь. И так просто и равнодушно я смотрю на раненого моего солдата, слышу, как визжит пуля надо мной, близ меня, узнаю, что убит прапорщик, прибывший одновременно со мною в полк.

Аня! Это не доблесть, не храбрость. Я бы даже не хотел, чтобы появилась эта мысль у кого-нибудь. Здесь просто есть та глубокая концентрация духа, которую знают мистики, глубоко верующие и люди здорового рефлекса. Я из последних, конечно. Я никогда себе не прощу разлада между мыслью и волей. А прозу, схематичность, логическую сухость своей природы я счастливо скрасил всей глубиной любви к тебе.

Мне почему-то неприятно, трудно говорить об этом. Я не пойму и сам. Быть может, страшно, что до такой глубины открываешь всю душу перед тобой, до какой никто ещё не допускался мною...

Сегодня тринадцатый день позиционной жизни. И, кажется, не скоро смена. 13 дней уже не раздвались, не спим по ночам, не видим людей, кроме своих. До письма единственной живой струёй были маленькие польские книжечки из Коломны. Сейчас — письма. Пиши же, мой милый, мой дорогой Котик. Чем дальше от тебя, тем ещё дороже становятся знакомые конверты с быстрым почерком.

Твой Толя.

Артиллерия успокоилась, а письмо уже нужно кончать: сейчас придёт денщик с обедом.

На следующий день, 24 августа, Ярмолович шлёт Анне новое письмо:

Моя родная! Вчера вечером, уже в окопах, получил два письма <...>. Зашёл в блиндаж (взводные в двух шагах от окопов устраивают себе маленькие блиндажи; там может гореть свеча, и санитары ночью перевязывают раненых), прочёл — и хорошо, и тепло стало на душе от этой милой ниточки к далёкой любимой девушке, царевне, минутной невесте. Милая, любимая, нежная Аня! Какой красотой полно всё, что говорит о тебе, — красотой настолько сильной, что всё здесь сразу становится лучше, легче.

Как странно! В конце июля писала ты это лучшее письмо, вчера я писал своё тебе — одни и те же мысли вечером увидел я в них. Ты говорила, что не желаешь претендовать на половину моей жизни, а я вчера же высказал, что обе

половины эти слил я в одно – и странно свободен я в своих поступках и в то же время ты царишь и в них, как и в моём чувстве, в моей любви к тебе...

Сегодня уже сменились, дня на четыре, т<о> е<сть> стоим в резерве, шагах в 500 от позиции. Значит, можно спать по ночам и жечь в шалаше огонь, чтобы согреться. Но завтра утром надо мне идти с большей частью роты на работу (исправление дорог). Нужно до рассвета пройти вёрст 5 и в сумерках уйти в убежище от тяжёлого обстрела. Вот почему сейчас спешу написать письмо. Сейчас половина девятого; уже затрещали на позиции, а где-то далеко-далеко на северо-востоке хорошенькая сестрица в сером несёт дежурство (ведь так?). Как мне хорошо, что я знаю, по крайней мере, это о тебе сейчас, когда подумаю.

Какая ты чуткая! Затосковала немного в письме, что в комнатке твоей нет меня... Котик мой! Ведь совсем не грешно скучать, желать встреч и... не любить современности. Мы не убегаем от неизбежности, но любить другое, желать Трубежа, скамейки в твоём саду никто не может запретить нам обоим.
Твой Толя.

Очевидно, письма были для влюблённых единственной отдушиной в тяжёлое военное время. От письма к письму почтовый роман разгорался всё сильнее, всё ярче. В своих посланиях влюблённые перешли на “ты”, и Ярмолович стал подписываться уже не по имени-отчеству, а просто: “Твой Толя”. Трогательная переписка продолжалась до конца лета 1916 года, а потом Анна перестала получать долгожданные весточки от любимого. Девушка мучилась неизвестностью, не спала ночей, снова и снова отправляла пронумерованные послания Витольду. В ответ – ни строчки...

Спустя много лет стало известно, что Витольд Фаддеевич Ярмолович в боях на Юго-Западном фронте командовал 15-й ротой 253-го Перекопского пехотного полка 64-й дивизии. В одном из боёв, 31 августа 1916 года, в Карпатах, при штурме высоты Деалу-Орлулуй прапорщик Ярмолович, командуя ротой, под сильным артиллерийским, ружейным и пулемётным огнём вместе с солдатами преодолел провололочное заграждение и ворвался в первую линию вражеских окопов. С боя захватил пулемёт противника. Получив тяжёлое ранение, не оставил строя, а приказал нести себя на руках и преследовал бегавшего противника, пока не был поражён ещё четырьмя вражескими пулями. В. Ф. Ярмолович пал смертью героя и за мужественный подвиг был посмертно награждён Георгиевским крестом 4-й степени.

Уже в наше время, благодаря архивным поискам московского краеведа-архивиста Александра Игоревича Григорова, удалось (пока предположительно) установить, что Витольд Фаддеевич Ярмолович был похоронен в Москве, на Введенском (бывшем Немецком) кладбище.

А тогда, в апреле 1917 года, после смерти возлюбленного, Анна Мельгунова получила из Москвы письмо от Ванды Ярмолович – сестры Витольда, которого они между собой называли Толиком:

Дорогая Анна Ивановна!

Что-то о Вас ничего не слышно. Всё время ждём Вас к себе. Теперь самое время освежить могилу Толика – теперь, я думаю, можно и посадить сирень. Пишите скорее, как приедете и приедете ли вообще? А мы без Вас соскучились, очень часто говорим о Вас. Приезжайте же скорее <...>. Пишите <...>, когда приедете.

Целую Вас крепко.

Ванда.

Побывала ли Анна Мельгунова на могиле Витольда Ярмоловича и посадила ли там куст сирени – неизвестно. Зато известно, что в том же году она уехала из Рязани на фронт и поступила в отряд Красного Креста. После революционных событий оказалась в Красной армии и стала работать сестрой милосердия санитарного поезда. Здесь произошло её знакомство с начальником поезда, врачом Младеном Петровичем Мирчетичем. Серб по национальности, он бежал из Косова от притеснений турок, предварительно заручившись рекомендацией российского консула для поступления в Московский университет. Во время учёбы на медицинском факультете он участвовал в сту-

денческих волнениях 1905 года, был исключен из университета, затем восстановлен. Работал врачом в отдалённом уголке Тамбовской губернии, а когда разразилась война, ушёл на фронт и стал начальником санитарного поезда. Здесь-то представительный серб и познакомился с обаятельной рязанкой. Анна вместе с Младеном Петровичем вывозила с передовой раненых, ассистировала ему при операциях.

По окончании гражданской войны Анна Ивановна вышла замуж за доктора Мирчетича и вместе с мужем вернулась в Рязань. Младен Петрович работал главным врачом в одной из рязанских больниц. Удостоился ордена Ленина. Умер в 1973 году.

Наша героиня жила со своим супругом в мире и согласии. Чета Мирчетичей вырастила сына Светозара, дождалась внуков. Скончалась Анна Ивановна в 1955 году. Немало было в её жизни страданий, немало и счастливых дней. И всё-таки всю жизнь бывшая сестра милосердия хранила свою переписку с Витольдом Фаддеевичем Ярмоловичем. Переписку времён Первой мировой войны.

***В публикации использованы документы из фондов
Российского государственного военно-исторического архива
и письма из семейного архива
М. С. Мелешковой, урождённой Мирчетич.***

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ЛИТВА ПРОТИВ РОССИИ

В Евангелии от Луки читаем: "...нет ничего тайного, что не сделалось бы явным..." Момент истины в отношениях США и России наступил в 2014 году. Тайные помыслы Штатов относительно того, чтобы держать нашу страну на коротком поводке и использовать её как сырьевого донора, стали очевидными для всех.

Соответственно проявились все недруги России, усердно выполняющие указания Вашингтона. Среди них особо выделяются власти Литовской Республики, демонстрирующие патологическую русофобию. Это, конечно, не делает Литву главным врагом России. Не тот масштаб. Однако из истории известно, что нередко тот или иной исход величайших событий обуславливала незначительная, на первый взгляд, деталь. Не хотелось бы, чтобы акции, которые Литва проводит против России последние двадцать лет, сыграли роковую роль, как это произошло в марте 1990 года.

Напомню, что версия о так называемой "советской оккупации" Прибалтики и стран Восточной Европы, хоть и была рождена в кабинетах Госдепа США, как плесень расплодилось по Европе именно благодаря усилиями Литвы. Известно, что инициаторами злополучной резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 года о тождестве нацизма и коммунизма были парламентарии Литвы.

В настоящий момент литовские власти усиленно пропагандируют версию о "советской агрессии против независимой Литвы" в январе 1991 года. Мощным средством пропаганды этой версии стали литовские ордера на арест участников этой силовой акции, направленные в правоохранительные органы стран Евросоюза.

В этой ситуации власти Литвы ведут себя, как та Моська из басни Крылова: "Ай, Моська! Знать, она сильна, // Что лает на Слона!" Помимо этого Литва, чувствуя защиту заокеанского патрона, в последнее время пытается достать Россию претензиями по поводу каких-то мифических войн: информационной, газовой, молочной, которые наша страна якобы ведет против Литвы.

ШВЕД Владислав Николаевич родился в 1944 году в Москве, в семье советского офицера. С 1947 года по 1992 год проживал в Литве. Трудовую деятельность начал в 15 лет. Образование — высшее техническое и политическое. На партийной работе с 1975 года. В 1990–1991 годах — член ЦК КПСС, 2-й секретарь ЦК Компартии Литвы, депутат Верховного Совета/Сейма Литовской республики, Председатель Комитета граждан СССР Литвы, защищавшего права русскоязычного населения. С 1996-го по 2004 год работал в аппарате Госдумы ФС РФ. Действительный государственный советник РФ 3-го класса. Автор книг "Тайна Катыни" (2007), "Как развалить Россию? Литовский вариант" (2012) и др. Живёт в Москве.

Подобное поведение литовских властей обусловлено не только поддержкой США, но, прежде всего, неопределённо-выжидательной позицией России, которая предпочитает не замечать литовские претензии, лишь иногда делая в ответ малозначимые заявления. В результате ситуация с каждым годом усугубляется.

В этой связи возникает вопрос, почему Россия позволила довести ситуацию с трактовкой “январских событий 1991 года” до такого состояния? Ведь первые обвинения россиян в преступлениях, якобы совершённых ими в январе 1991 года во время силовой акции Союза ССР по восстановлению конституционного порядка в Литовской ССР, были сформулированы Генпрокуратурой Литвы ещё в августе 2006 года. Уже тогда была очевидна их явная политизированность и надуманность. Однако Россия не сочла нужным должным образом отреагировать на эти обвинения.

Генпрокуратура Литовской Республики (ЛР), вдохновлённая такой реакцией России, продолжила свою линию и, разослав в страны Евросоюза ордера на арест подозреваемых, стала ждать первые жертвы. В июле 2011 года для россиян прозвучал первый звонок. Тогда в Вене был задержан бывший командир группы “А” полковник КГБ СССР М. Головатов. Только оперативная реакция российских властей не допустила экстрадиции его в Литву. Но Россия этим и ограничилась.

Литва тем временем переqualificировала преступления, якобы совершённые советскими военнослужащими у вильнюсской телебашни, в военные преступления и преступления против человечности. При этом Генпрокуратура Литвы публично заявила, что в списке подозреваемых в этих преступлениях числится 79 россиян и готовятся Уведомления о признании их подозреваемыми в совершении военных преступлений. Россия вновь не отреагировала.

В 2013 году Уведомления о признании россиян подозреваемыми были подтверждены решением Вильнюсского городского участкового суда и направлены в Генпрокуратуру РФ. Там они пролежали без движения до тех пор, пока 12 марта этого года на Панемунском КПП, расположенном на границе Литвы и Калининградской области, не был задержан российский гвардии полковник запаса танкист Юрий Мель. Уведомление Генпрокуратуры Литвы о подозрении российского полковника в совершении им военных преступлений находилось в Генпрокуратуре РФ, как минимум, полгода.

Я также числюсь подозреваемым в совершении военных преступлений на территории ЛР. Поскольку я понимал, что от российских юристов помощи ждать не приходится, мне пришлось, используя многолетний опыт работы в аппарате Государственной Думы, заняться анализом обвинений, предъявленных Мелю и мне. Благо, что тексты Уведомлений для всех подозреваемых однотипны и отличаются лишь фамилиями и личными данными.

Анализ этих Уведомлений показал, что они не только не обоснованы и не доказательны, но в ряде случаев просто абсурдны. Помимо этого, они явно политизированы и опираются на спорные исторические эпизоды советско-литовских отношений.

В этой связи мне пришлось исследовать не только обвинения российских граждан, но и утверждения о “советской оккупации”, о “советской агрессии”, о “непрерывности Литовской Республики (1920–1940 гг.)”, на которые ссылаются литовские прокуроры, пытаясь придать псевдоправовую обоснованность обвинениям в совершении военных преступлений. В результате родилась книга-исследование “Литва против “Альфы” и России”.

Январь 1991 года

Прежде всего, несколько слов о ситуации, сложившейся к январю 1991 года. В современной России об этом многие уже не знают. 23 года назад была великая страна – Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Она по праву делила мировое влияние с другой не менее великой страной – Соединёнными Штатами Америки (США). СССР казался вечным и непоколебимым. Эту уверенность у советских людей поддерживала Великая Победа, одержанная в мае 1945 года над страшным врагом – нацистской Германией.

Но в марте 1990 года Союз дал первую очевидную трещину. Вновь избранный Верховный Совет Литовской ССР вечером 11 марта того года объявил

о выходе республики из Союза ССР и восстановлении независимого литовского государства.

В ответ высший орган Союза ССР — Съезд народных депутатов — 15 марта 1990 года признал решения ВС Литвы незаконными. Так началось противостояние Литвы и Союза, которое в силу предательской позиции тогдашнего Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва Кремль проиграл.

На заявления Президента СССР о восстановлении действия Конституции СССР на территории республики тогдашний глава Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис неизменно отвечал, что Литва является независимым государством и живёт по своим законам. Ситуацию в республике усугубляло противостояние между сторонниками СССР и сепаратистами. Литовские СМИ с каждым днём усиливали раскол между ними, публикуя провокационные призывы и статьи. Не отставало от них и литовское телевидение. К январю 1991 года ситуация стала критичной. Ведущая литовская газета “Respublika” (06.01.1991) охарактеризовала её как “общественный психоз”.

В этой связи Горбачёв решил использовать свой последний аргумент — военную силу. Эта тактика уже дважды — в Тбилиси в апреле 1989 года и в Баку в январе 1990 года — потерпела фиаско. Но для самовлюбленного дилетанта, каким являлся Горбачёв, это ничего не значило.

В Вильнюс по распоряжению Президента СССР были направлены два полка десантников из Псковской десантной дивизии и 67 сотрудников группы специального назначения “А” КГБ СССР. Помимо этого, в силовой операции по восстановлению конституционного порядка в Литовской ССР должны были принять участие военнослужащие 107-й мотострелковой дивизии МО СССР и 42-й дивизии ВВ МВД СССР, дислоцированные в Вильнюсе.

Первоначально было решено лишить сепаратистов средств информационного воздействия на население. 11 января 1991 года псковские десантники взяли под охрану вильнюсский Дом печати. В ночь с 12 на 13 января воинским соединениям и группе “А” была поставлена задача установить контроль над Комитетом Литовского радио и телевидения и вильнюсской телебашней.

Литовские сепаратисты подготовились к силовой акции отменно. Из Москвы они своевременно получали информацию о всех приготовлениях советских военных в Литве. В Вильнюсе в штабе по подготовке силовой операции у них тоже были свои люди. В результате Ландсбергису удалось подготовить хорошо организованную провокацию. Важным её элементом стали люди, которых ландсбергистам удалось призвать на защиту объектов, запланированных советскими военнослужащими для взятия под контроль.

В результате все стратегические объекты в Вильнюсе оказались окружены многотысячными толпами митингующих. В этой крайне опасной и непредсказуемой ситуации Горбачёв дал согласие на проведение силовой операции с использованием тяжёлой военной техники. В ночь на 13 января две колонны десантников на грузовиках, бронетранспортёрах и боевых машинах десанта в сопровождении 7 танков (?!) двинулись к зданию телерадиокомитета и к телебашне.

Там их ждали не только люди, верившие, что защищают Литву, но и вооружённые боевики “Саюдиса”, засевшие на крышах домов рядом с телебашней. Они, стреляя с крыш в митингующих, должны были окропить независимость республики кровью невинных людей. На сенсационные снимки надеялись десятки литовских и зарубежных фоторепортеров и телеоператоров. А подлинно советских журналистов у телебашни не оказалось.

Итогом “кровавой ночи” 13 января стали 15 жертв: 14 литовских граждан и советский лейтенант из группы специального назначения КГБ СССР “Альфа” В. Шатский. Наутро и зарубежная, и советская пресса взорвалась от негодования. Горбачёв в этой ситуации предпочёл заявить, что войска в Вильнюс он не посылал и силовая операция является самодеятельностью некоего Комитета национального спасения Литвы и начальника вильнюсского гарнизона генерала В. Усхопчика.

Расследование январских событий, произошедших в Вильнюсе, проведённое Прокуратурой СССР, хоть и установило, что от действий советских военнослужащих не погиб ни один защитник телебашни и зданий телерадиокомитета, тем не менее, стрелки ответственности за применение военной силы

перевело на мифический Комитет национального спасения Литвы, просьбы которого якобы выполняли руководители силовой операции.

Литовские власти, не дожидаясь результатов официального расследования причин смерти погибших в январскую ночь, уже утром 13 января заявили, что ответственность за жертвы ложится на советских военнослужащих, то есть на Советский Союз. Такая позиция Литвы во многом была обусловлена поддержкой Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, которую он высказал, прилетев 13 января 1991 года в Таллин.

Напомню также, что в сентябре 1991 года именно поддержка Ельцина обеспечила выход Литвы из Союза ССР со всеми территориальными и материальными приобретениями, полученными в советский период. Как говорится: “Не делай добра – не получишь зла!” Литва быстро забыла доброе и после распада СССР все претензии переадресовала России.

В 1991 году литовские власти не оценили и жесты доброй воли со стороны советского руководства. Так, по указанию Президента СССР М. Горбачёва Генеральный прокурор СССР Н. Трубин совершил деяние, граничащее с изменой Родине: он согласился передать все материалы уголовного дела № 18/5918-19 (37 томов) “О событиях, имевших место в Вильнюсе 13 января 1991 г.” Генпрокуратуре Литвы.

Не знаю, был ли ещё в мире прецедент, когда обвиняемый в преступлении передавал бы оригиналы материалов своего расследования обвиняющей стороне? Глупостью это нельзя назвать. Это преступление. Сегодня материалы советского расследования Генпрокуратура Литвы надёжно скрывает в своих архивах, а ответчиком по январским событиям стала Российская Федерация как правопреемник СССР.

Все двадцать с лишним лет Россию не интересовало следствие по делу о январских событиях, проводимое Литвой. А зря. Власти Литовской республики, обвиняя бывших граждан СССР, а ныне граждан России в преступлениях, совершённых в январе 1991 года, изначально ставили своей целью не столько наказание этих так называемых “преступников”, сколько создание правовой базы для объявления СССР “преступным государством, совершившим в январе 1991 года военную агрессию против независимой Литвы”.

Наличие такой правовой базы создаёт для Литвы основание требовать от России как правопреемника и правопродолжателя СССР компенсировать ущерб, нанесённый в ходе советской агрессии с учётом моральной составляющей.

Причём с каждым годом, учитывая усложняющееся социально-экономическое положение республики, литовские власти всё сильнее обуревает желание “наказать” Россию. А сейчас, в связи с событиями на Украине, это желание просто зашкаливает. Это не случайно. Президент Литвы Д. Грибаускайте, недавно получившая мандат от избирателей на второй срок правления, связывает неудачу своих попыток вовлечения Украины в “Восточное партнёрство”, прежде всего, с Путиным. Теперь у неё уже личные счёты к России.

Правда, Грибаускайте и раньше не питала особой любви к России и СССР. С её приходом в 2009 году на пост президента было реанимировано дело о январских событиях, или дело 13 января (дело № 09-02-91). В 2010 году именно по её инициативе январские события 1991 года были переквалифицированы в военные преступления и преступления против человечности, не имеющие срока давности (дело № 09-2-031-99).

Вышеизложенное свидетельствует, что для России не так страшны внешние враги, как внутренние. Они, пытаясь завоевать расположение врагов России, фактически играют на их стороне, делают необдуманные заявления и подписывают документы, которые впоследствии дорого обходятся России, а также передают врагам важные документы или оставляют их происки без должной реакции.

Инцидент в Вене

Как ранее упоминалось, 14 июля 2011 года австрийскими правоохранительными органами в транзитной зоне венского аэропорта “Швехат” был задержан бывший командир группы “А” КГБ СССР Михаил Головатов. Основанием для задержания был ордер на его арест, представленный Литовской Республикой. Однако здесь литовскую фемиду ждал “облом”.

Литовский ордер оказался не ордером в полном смысле этого слова, а простым “пересказом исторических событий”, в которых не было “вменяемых конкретному лицу” преступлений. Об этом скептически сообщила австрийская газета “Kleine Zeitung”. Резюме на М. Головатова, предоставленное после повторного обращения Австрии, было повторением первоначального.

Начальник отдела уголовной юстиции Минюста Австрии Кристиан Пилнацек заявил, что тот факт, что Михаил Головатов командовал отрядом спецназа КГБ при штурме телебашни, “не является достаточным доказательством его вины”. Пилначек подчеркнул, что “ответственность лица за преступление должна быть убедительно доказана”.

И эти утверждения обоснованы. Я внимательно изучил Уведомление, подготовленное Генпрокуратурой Литвы, датированное 06 августа 2006 года, на основании которого выписывался ордер на арест М. Головатова.

Там на 75 страницах изложены бездоказательные обвинения в адрес советских военнослужащих и подсчитан ущерб, якобы нанесённый их действиями. В отношении М. Головатова сообщено, что он участвовал в каких-то совещаниях в Северном городке Вильнюса, месте дислокации 107-й мотострелковой дивизии. Сообщалось также о том, что сотрудники группы “А” под руководством М. Головатова участвовали в “преступной” силовой операции в Вильнюсе.

Но должная аргументация и доказательства обвинений, предъявляемых М. Головатову, отсутствовали. Добавлю, что обвинения, предъявленные в Уведомлении Головатову, были явно надуманными. Не случайно австрийские власти приняли объективное правовое решение, позволившее М. Головатову вылететь в Москву уже 15 июля 2011 года.

Решение Австрии освободить бывшего полковника КГБ юридически оправданным признал и Европейский союз. Вивиан Рединг, еврокомиссар по вопросам юстиции, основных прав и гражданства, заявила, что “с юридической точки зрения ситуация вполне ясна: Австрия не должна была реализовывать европейский ордер на арест”.

Тем не менее, Литва негодовала, как Австрия посмела отпустить на свободу “палача литовского народа”. Несмотря на громкие заявления, Генпрокуратура ЛР сделала некоторые выводы из позорного фиаско, которое она потерпела в Вене, пытаясь задержать М. Головатова. Она постаралась “конкретизировать” обвинения подозреваемым россиянам. Те уже в меньшей степени стали напоминать “пересказ исторических событий”, но пока весьма далеки от истины. А с точки зрения доказательности фактов военных преступлений и преступлений против человечности просто несостоятельны. Тем не менее, желание “наказать” россиян у литовской стороны не убавилось.

Как уже говорилось, литовская фемида планирует проведение заочных процессов над 79 российскими гражданами: они должны стать участниками большой политической акции, которую Литва готовит против России. Гвардии полковник запаса Юрий Мель, вероятнее всего, будет первым россиянином, которого литовская фемида намеревается судить в ближайшем будущем. Не вызывает сомнений, что процесс над ним станет в Литве грандиозным политическим и информационным шоу. Также не вызывает сомнений, что этот процесс будет направлен не столько против Меля, сколько против России.

Что же касается бывшего старшего лейтенанта 76-й воздушно-десантной дивизии МО СССР Василия Котлярова, задержанного 14 мая в аэропорту Милана (Италия) по литовскому ордеру, то здесь ситуация непростая. Прежде всего, Литва в ордере указала имя Владимир, а не Василий. Василий Котляров, хоть тоже является бывшим десантником, категорически отрицает участие в силовой операции в Вильнюсе.

Помимо этого, выяснились некоторые любопытные юридические нюансы его задержания. Итальянский адвокат Ренато Музелла утверждает: “Моего клиента задержали по литовскому мандату. Такая процедура не имеет юридической силы, поскольку на территории ЕС в таких случаях действует только европейский мандат на арест (European Arrest Warrant). Ордера на арест, выданные национальными органами юстиции, на территории Италии не применяются к исполнению”.

Как полагает Музелла, запрос Вильнюса об экстрадиции Италии выполнить будет крайне затруднительно. Защита Котлярова намерена доказать, что в деле нарушены основы итальянского уголовного законодательства.

Во-первых, из фабулы видно, что в обвинении есть политическая составляющая. Во-вторых, Василий Котляров отрицает, что в январе 1991 года был в Литве. По итальянским законам, это очень значимое признание, которое должно учитываться. В-третьих, факт его нахождения в январе 1991 года в Вильнюсе не доказан и никак не отражен в литовских документах. В-четвёртых, даже если бы Котляров и находился в Вильнюсе и выполнял там приказы советского командования, для итальянской фемиды он ни в чём не виновен.

Помимо этого Музелла отметил, что Литва присоединилась к Евросоюзу только в 2004 году. События января 1991 года в Вильнюсе происходили не на территории Евросоюза, а в Советском Союзе – в другом государстве, в другом правовом поле. Одним словом, в деле Василия Котлярова много неясностей, и будем надеяться, что итальянская фемида учтёт вышеизложенные обстоятельства, и он вернется домой.

Но вернёмся к готовящимся в Литве заочным судебным процессам. Они должны стать вторым “Нюрнбергом” в деле признания СССР агрессором, совершившим в январе 1991 года военные преступления на территории “независимой” Литвы. Расплачиваться за него, в том числе и финансово, как говорилось выше, по мнению литовских юристов, предстоит России.

Этими процессами Литва стремится обеспечить правовое подтверждение “фактов” совершения Советской Армией военных преступлений на территории “независимой” ЛР в январе 1991 года. Тем самым Литва стремится обрести своё “Катынское дело”, которое не только позволит ей предъявлять России бесконечные материальные претензии, но и утверждать, что РФ является правопреемником “преступного государства СССР”.

Правовая концепция уголовного дела 13 января

Правовая концепция уголовного дела № 09–2–031–99, или дела 13 января, изложена на первых пяти страницах Уведомления о признании подозреваемыми граждан Российской Федерации, подготовленного Генеральной прокуратурой Литовской Республики (ЛР) и подтверждённого Вильнюсским городским участковым судом.

В основе вышеназванной концепции лежит утверждение литовских властей в том, что **Литва с момента провозглашения независимости 11 марта 1990 года якобы являлась независимым государством**. Соответственно, по логике литовских властей, в январе 1991 года СССР совершил против неё военную агрессию, поэтому действия советских вооружённых сил в Литве следует расценивать с позиции международного права.

Однако данная концепция независимости Литвы является, мягко говоря, спорной, и её обоснованность не выдерживает проверки историческими фактами. Достоверным является то, что в январе 1991 года не существовало такого субъекта международного права, как Литовская Республика. Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы провозгласил не восстановление независимости республики, а лишь **намерение восстановить эту независимость**.

Ссылки литовской стороны на “Договор об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой” от 29 июля 1991 года, в котором Россия признала независимость Литвы с 11 марта 1990 года, некорректны.

Только после решения Госсовета СССР от 6 сентября 1991 года о признании независимости Литвы она обрела реальный территориальный суверенитет. Мировое сообщество признало Литовскую Республику международным субъектом именно после решения Госсовета СССР. Это неопровержимый исторический факт, который не может изменить мнение двух политических лидеров, подписавших вышеназванный договор: Б. Ельцина и В. Ландсбергиса.

В силу этого обвинение россиян в преступлениях, якобы совершённых на территории современной ЛР, является юридически ничтожным. Помимо этого, следует иметь в виду, что власти Литвы исходят из того, что советский период был периодом оккупации. Это ставит под сомнение не только легитимность органов власти Литовской ССР, но и избранного в условиях так называемой оккупации Верховного Совета Литовской ССР, провозгласившего 11 марта 1990 года независимость республики.

При рассмотрении правовой обоснованности обвинений, изложенных в Уведомлении, следует иметь в виду, что **современная Литовская Республика не считает себя правопреемницей Литовской ССР**. 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы, помимо провозглашения независимости, восстановил (временно) Конституцию Литовской Республики 1938 года. Тем самым была подтверждена преемственность провозглашенной Литовской Республики не с Литовской Советской Социалистической Республикой (1940–1990), а с Первой Литовской республикой (1920–1940).

Желаемое за действительное

Помимо вышеизложенного, литовские прокуроры сформулировали в Уведомлении абсурдное и недоказуемое утверждение о том, что все подозреваемые, умышленно совершая преступления против Литовской республики и её граждан, якобы **знали**:

что Литва между двумя мировыми войнами являлась независимым государством;

что 15 июня 1940 года СССР её “оккупировал”;

что 11 марта 1990 года Верховный Совет (ВС) Литовской Республики провозгласил её независимость;

что с этого момента на территории республики не действовала “конституция никакого другого государства”.

Подкрепляя вышеперечисленные утверждения, далее в Уведомлении перечисляются правовые акты, которые принял ВС Литвы в ночь с 11 на 12 марта 1991 года и о которых якобы должны были **знать** все подозреваемые. Также литовские прокуроры исходят из недоказуемого утверждения, что **все подозреваемые** были информированы о том, что руководство СССР и КПСС в ответ на провозглашение Литвой независимости стало осуществлять политику свержения “законно сформированной власти Литвы”.

Невозможно согласиться с тем, что военнослужащие Советской Армии, переброшенные в январе 1991 года в Вильнюс для восстановления конституционного порядка, **могли знать о вышеперечисленных правовых актах ЛР**. Это утверждение просто несерьёзно.

При этом, по убеждению литовских прокуроров, подозреваемые **знали**, “что при осуществлении указанной политики были приняты следующие правовые акты СССР”, – и перечисляются Указы Президента СССР, Законы СССР и Постановления СМ СССР по вопросам, связанным с ультимативным провозглашением Литвой независимости. Но вряд ли большинство подозреваемых тогда знали об этих актах советского руководства.

Однако в Уведомлении почему-то не упоминается главный правовой акт Союза ССР в отношении провозглашенной Литвой независимости. Это Постановление третьего Съезда народных депутатов СССР от 15 марта 1990 года, в котором даётся следующая правовая оценка этому факту:

“Съезд народных депутатов рассматривает упомянутые решения Верховного Совета Литовской ССР, принятые 11-12 марта 1990 года, как не имеющие законной юридической силы. Съезд народных депутатов СССР констатирует, что в соответствии со статьями 74 и 75 Конституции СССР суверенитет Союза СССР и действие Конституции СССР продолжают распространяться на территорию Литвы как союзной Советской Социалистической Республики”. Сказано более чем определённо.

Вот об этом Постановлении высшего органа власти Союза ССР было известно большинству подозреваемых. Но Вильнюсский городской участковый суд предпочёл не заметить эту более чем явную оплошность литовских прокуроров.

Тот же участковый суд, подтверждая абсурдные обвинения литовских прокуроров, согласился с фантастическим утверждением о том, что большинству подозреваемых было **известно**, что министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, председатель КГБ СССР Владимир Крючков и член Политбюро, секретарь, член Политбюро ЦК КПСС Олег Шенин в конце 1990 года **создали “организованную группу**, в которую вовлекли 159 военнослужащих и политических деятелей”.

Надо полагать, литовские прокуроры не оставляют надежды включить в свой список подозреваемых этих 159 военнослужащих и политических деятелей

лей. Помимо этого, в Уведомлении речь идёт о 919-ти десантниках из Псковской 76-й дивизии ВДВ, о неустановленном числе военнослужащих Алитусской воинской части 10999 ВДВ, 42-й дивизии ВВ МВД СССР и 107-й мотострелковой дивизии МО СССР, а также о 180 дружинниках, участвовавших в январской силовой акции. Несложный подсчёт показывает, что литовская фемида готова в будущем преследовать около **1500** бывших советских военнослужащих.

В Уведомлении утверждается, “что Д. Язов совместно с создавшими организованную группу Б. Пуго, В. Крючковым и О. Шениным, каждый в соответствии с подчинённостью, подобрали и привлекли ответственных лиц” для исполнения вышеназванного плана введения президентского правления.

Одним из таких ответственных лиц в Уведомлении назван бывший замминистра обороны СССР – ныне покойный Владислав Ачалов. Он якобы “привлёк находившегося в его подчинении заместителя командира 76-й воздушно-десантной дивизии МО СССР полковника Василия Кустрьо, который во исполнение указаний Д. Язова и В. Ачалова вовлёк в организованную группу и других 43 (сорок три) офицера 76-й воздушно-десантной дивизии...”

Затем отмечается, что Дмитрий Язов “привлёк заместителя командующего Прибалтийским военным округом, генерал-майора сухопутных войск МО СССР Виктора Овчарова, который привлёк...” Далее перечисляются фамилии командира 107-й мотострелковой дивизии генерал-майора Владимира Усхопчика и 21 офицера этой дивизии, якобы вовлечённых командирами в организованную группу.

В Уведомлении приводятся фамилии всех 66 военнослужащих из группы специального назначения КГБ СССР “Альфа”, **которых “привлёк в организованную группу” Председатель КГБ СССР Владимир Крючков.** Кстати, официально группа “Альфа” изначально назвалась группой “А”.

Не забыт в Уведомлении и министр внутренних дел СССР Борис Пуго, который “привлёк в организованную группу находившегося в его подчинении замминистра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Николая Демидова, который привлёк находившегося в его подчинении начальника Управления внутренних войск МВД СССР по Северо-Западу и Прибалтике Василия Савина”. Те, в свою очередь, привлекли командующего 42-й дивизией МВД СССР, дислоцированной в Вильнюсе, генерал-майора Александра Житникова, а тот привлёк одиннадцать офицеров этой дивизии.

Далее в Уведомлении подчёркивается, что “Члены организованной группы в целях проведения и содействия политике другого государства – СССР, а также иностранной организации – КПСС и его подразделения в Литве – КПЛ/КПСС, незаконной смены конституционного строя Литовского государства, покушения на его независимость, нарушения территориальной целостности, **приняли решение осуществить это путём совершения преступлений против человечности и военных преступлений, с нарушением обычаев международного права и других международных обязательств...**”

Вот так, без тени сомнения, литовские следователи представили структуру силовых ведомств Союза ССР как некую преступную организованную группу, которая в январе 1991 года выполняла личные указания противников независимости Литвы Д. Язова, В. Крючкова, Б. Пуго и О. Шенина. И подобное якобы происходило в одном из самых централизованных государств мира?! Это уже не политические домыслы, а маразм литовских прокуроров.

Замечу, что желание литовских следователей представить руководство силовых ведомств СССР преступной “организованной группой” понятно. Известно, что преступления участников группы караются более сурово. Помимо этого, согласно статье 3 Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 года, Россия и Литва обязались “сотрудничать в области борьбы с организованной и международной преступностью”.

На основании этой договоренности, Литва после заочных процессов требует от России сотрудничества в деле поиска и наказания виновных в январских событиях, вплоть до их выдачи. Замечу, что намёк на российско-литовский договор 1991 года содержится уже в первых строках Уведомления о признании. Там говорится “о признании подозреваемого гражданина иностранного государства... в связи с совершением преступлений, за которые ответственность предусмотрена **на основании международных договоров Литовской республики...**”

Для того чтобы придать псевдообвинениям членов “организованной группы” большую обоснованность, в Уведомлении перечисляются международные Хартии, Декларации, Пакты, Акты, Конвенции, Протоколы, которые якобы намеривались нарушить и нарушили члены ранее упомянутой преступной “организованной группы во главе с Д. Язовым”, реализуя план введения в Литве президентского правления.

Особо подчёркивается, что “преступные деяния членами группы были совершены в соответствии с ранее разработанным организаторами планом и с чётким распределением ролей”. Прямо банда “Чёрная кошка”, только на государственном уровне!

Представляет интерес следующая формулировка литовских прокуроров относительно деятельности вышеназванной “организованной группы”. Оказывается, Д. Язов и его “сообщники” не выполняли Постановление третьего Съезда НД СССР, Указы Президента и Законы СССР, а **прикрывались ими, решая свои сугубо личные цели “по перехвату власти в Литве”**. Да, полёт фантазии литовских следователей поистине безграничен. Правда, в Уведомлении не сказано, что же “организованная группа Язова” намеревалась делать с Литвой после захвата власти?

На самом деле, у этого утверждения есть более реальное объяснение. Пытаясь представить силовую акцию в Литве как некую самостоятельность глав силовых структур Союза СССР, **Генпрокуратура Литвы тем самым выводит из-под удара Президента СССР М. С. Горбачёва**.

Между тем, известно, что силовая акция в Литве была не первой в СССР, а третьей – после Тбилиси и Баку, и без согласия Президента СССР она никак не могла состояться, иначе бы головы военачальников полетели. Известно, как лихо расправился Горбачёв в мае 1987 года с военной элитой Советской Армии после приземления на Васильевском пуске самолёта М. Руста!

Напомню, что за силовую акцию в Баку, якобы проведённую без его ведома, Горбачёв удостоил Д. Язова звания маршала СССР. Как тут поверить, что Язов действовал в Баку и Вильнюсе без согласия Президента СССР? Но литовские прокуроры и слышать не хотят об этом.

“Запрещённые” военные атаки

Особый упор в Уведомлении делается на **“запрещённые международным гуманитарным правом военные атаки”** на стратегические объекты в Вильнюсе: Дом печати, здания Литовского радио и телевидения (ЛРТ) и телебашню. По утверждениям литовских прокуроров, именно во время этих атак советские военнослужащие продемонстрировали весь арсенал преступных деяний, которые статья 100 УК ЛР квалифицирует как военные преступления и преступление против человечности.

Вот как они сформулированы в Уведомлении. Советские военнослужащие во время “запрещённых международным гуманитарным правом военных атак **бесчеловечно** обращались с лицами, находящимися под защитой международного гуманитарного права: преследовали гражданских лиц по политическим и **национальным** мотивам, запрещённым международным правом, убивали их, причинили тяжкий вред их здоровью, причинили заболевания, лишали их **свободы**, подвергали **пыткам**, а также **применяли средства устрашения и террора и запрещённые международными договорами военные средства...**”.

Возникает вопрос, каким образом в ходе кратковременных атак советские военнослужащие умудрялись выяснить национальность защитников, лишать их свободы и подвергать пыткам? Однако чего не сделаешь для того, чтобы обвинение соответствовало требованиям статьи 100 УК ЛР?

Особое внимание хочу обратить на утверждение литовских следователей **о массовых убийствах**, которые советские военнослужащие якобы осуществляли в ходе военных атак на здания ЛРТ и телебашню. Известно, что в “атаках” на это здание участвовало **несколько сотен советских военнослужащих**. Все они были вооружены автоматами Калашникова, не считая пулемётов, которые стояли на бронетехнике.

Между тем, литовской судмедэкспертизой установлено, что жертвами огнестрельных ранений у телебашни стали **лишь 9 человек**: И. Шимулёнис, Д. Гербутавичюс, В. Мацюлявичюс, В. Друсчис, В. Концявичюс, Т. Масю-

лис, В. Вайткус, А. Повилайтис. Причём, согласно выводам литовских криминологов, пули, нанешие ранения жертвам, были не только пулями от автомата Калашникова, но от охотничьих и мелкокалиберных ружей, а также от винтовки Мосина образца 1891/1930 годов.

А где же горы трупов, которые должны были быть в случае ведения советскими военнослужащими массированного огня на поражение? Для того чтобы явственнее представить масштабы той трагедии, которая была бы в случае стрельбы у телебашни боевыми патронами на поражение, напомним тбилисские события 9 марта 1956 года. Тогда грузинская молодёжь, протестуя против решений XX съезда КПСС, осудивших культ личности Сталина, захватила в Тбилиси Дом связи, смяв дежуривших на входе солдат Советской Армии. Одно из солдат пытались заколоть вилкой. **Он нажал на курок автомата. В результате – 21 труп. Вот что такое стрельба на поражение в толпе.**

Особо следует отметить странную природу огнестрельных ранений январских жертв. Литовские судмедэксперты установили, что **семь огнестрельных ранений якобы погибшего у телебашни Игнаса Шимулёниса были нанесены с разных сторон и с разной высоты**, причём стреляли в уже мёртвое тело. Ведь погиб Шимуленис в результате бытовой автоаварии. Этот вывод зафиксирован в акте судмедэкспертизы.

Пять огнестрельных ранений, нанесённых с разных сторон, были установлены литовской судмедэкспертизой и у Дарюса Гербутавичюса. Известно, что обвинение и свидетели на заседаниях Округного суда по делу “13 января” (1991) утверждали, что Д. Гербутавичюс получил эти ранения, находясь в толпе. Каким образом советские десантники, находясь перед толпой митингующих, могли расстрелять Гербутавичюса с разных сторон, литовские прокуроры не объясняют. Или же эти выстрелы производились, как и в случае с Шимулёнисом, не в толпе и в уже мёртвое тело?

Советских десантников также обвинили в умышленном убийстве защитника телебашни Видаса Мацюлявичюса. В уже упомянутом июньском (1991) Заявлении Генеральной прокуратуры Литвы были изложены обстоятельства его гибели у вильнюсской телебашни. В качестве основного свидетеля этого эпизода фигурировал брат погибшего. В “Заявлении...” говорилось: “Свидетель Мацюлявичюс показал, что десантники дали боевыми патронами 3–4 залпа над головами мирных защитников в цементный козырёк башни. После одного из залпов он увидел, как стоящий рядом его брат упал, и с его щеки фонтаном брызнула кровь.

Брат Мацюлявичюса погиб от ранения сверху вниз, от срикошетившей пули, калибр которой соответствует калибру пуль, которые применяли десантники. То, что Мацюлявичюс был убит на глазах брата военными от срикошетившей пули, подтвердили и другие свидетели, которые помогли вынести тело погибшего”.

Между тем, литовские криминалисты установили, что В. Мацюлявичюс был убит “пулей калибра 7,62 мм образца 1908 года, **предназначенной для винтовок Мосина 1891/1930 годов выпуска, карабинов и пулемётов**”, выпущенной сверху (с крыши или башни). Ясно, что советские десантники не могли быть вооружены таким оружием.

В журнале “Karys” (“Воин”, № 3, 1991) было опубликовано фото, которое свидетельствует, что именно литовские боевики были вооружены винтовками Мосина. Однако этот факт так и не заинтересовал литовских прокуроров. В Уведомлении от 10.06.2013 В. Мацюлявичюс представлен жертвой советских военнослужащих.

Удивительны приключения пули, извлечённой из тела Виргинюса Друскиса. Она поразила погибшего сверху вниз под углом 40 градусов. Но удивляет не это. Судя по актам судебных экспертиз, находящихся в уголовном деле, эта пуля в документах трижды “меняла” свой калибр! Причём, будучи якобы выстреленной из автомата Калашникова, она не покрылась характерной окалиной, а осталась блестящей и оранжево-жёлтой, как если бы она была извлечена не из тела Друскиса, а из магазина автомата? Как это понимать?

Результаты исследований литовских судмедэкспертов и криминологов позволяют утверждать, что **к гибели январских жертв советские военнослужащие не причастны**. Тем не менее, Генпрокуратура Литвы и Округной суд г. Вильнюса категорически возражают против версии о стрельбе неизве-

стных снайперов с телебашни и крыш домов, хотя существуют неопровержимые свидетельства этой стрельбы.

Так, в деле № 09-02-91 фигурирует **документально зафиксированный сотрудниками Департамента Государственной безопасности Литвы радиоперехват переговоров советских военнослужащих**. Достоверность этого документа не может вызывать сомнений у литовской стороны. Итак, цитаты из документа: “Я, Гурзуф-74, приём. Не понял, повторите, Гурзуф-74, работаю внутри здания, работаю внутри здания. Из соседнего белого здания, с пятого этажа, в меня стреляют, я держусь”.

“... Я Гурзуф-74, приём, напротив здание, из которого стреляют за спинами людей с оптическим, с оптическим, приём – нет, вы поняли? Приём, Гранит, вы поняли?.. Я Гурзуф-74, приём, вы поняли, приём. Нас обстреляли со стороны города, приём. Вы поняли, приём, Паркет, огонь одиночными выстрелами. Приём – одиночными, приём 38-й, да, люди укрыты” (у. д. 09-02-91, т. 298, л. 64-66).

В том же уголовном деле зафиксированы радиопереговоры сотрудников группы “А”, находившихся 13 января в телебашне со штабом силовой операции в Северном городке. Разговор шёл о том, что “альфовцы” не могут покинуть объект из-за сильного автоматного огня с крыш домов. В итоге из Северного городка для их эвакуации из телебашни были высланы три бронетранспортера.

В материалах уголовного дела № 18/5918-19, возбуждённого Прокуратурой СССР по расследованию январских событий 1991 года в Вильнюсе, фигурируют показания свидетелей, утверждавших, что по советским военнослужащим у телебашни велась интенсивная стрельба из автоматического оружия, в том числе траассирующими пулями. Об этом же говорилось и в докладной записке Генерального прокурора СССР Н. Трубина от 28 мая 1991 года, направленной в Верховный Совет СССР.

Помимо этого, литовские криминалисты установили, что **траектории стреляных ранений в телах нескольких январских жертв шли сверху вниз под углом 40–60 градусов, то есть стрельба по ним велась с крыш**. Это зафиксировано в приговоре Okружного суда от 23.08.1999 г. (стр. 110). Полагаю, что приведенных примеров достаточно, чтобы сделать однозначный вывод. В уголовном деле, призванном выявить причины гибели январских жертв, налицо сплошные подтасовки.

Вывод о подтасовках при расследовании трагических январских событий подтверждает видеофильм режиссёра Б. Талочки (ЛТВ-1995. Авторы: С. Штикялис, Б. Талочка, режиссёр Б. Талочка, оператор Л. Григонис). Он был показан в январе 1997 года по Литовскому ТВ. В этом фильме большинство эпизодов снимались в режиме фиксации времени съёмки.

Так вот, сопоставление временных параметров кадров этого видеофильма с временными параметрами уголовных эпизодов, зафиксированными литовским следствием, показало, что трупы одних и тех же январских жертв ночью 13 января 1991 года **якобы раздвоились и одновременно находились в различных местах Вильнюса...**

Мистика, да и только. На самом деле литовские следователи при подтасовке следственных материалов и назначении выгодного для официальной версии временного интервала совершения событий ночью 13 января не учли, что эти события были зафиксированы на видеоплёнке с указанием точного времени. Какие после этого могут быть разговоры об объективности расследования литовской стороной январских событий?

Фальсификаторы

Важнейшим документальным свидетельством, уличающим ландсбергистов в заранее спланированной кровавой акции, являются карточки вызова машин скорой медицинской помощи в ночь на 13 января 1991 года. Являясь документами строгой отчётности, они позволяют утверждать, что **13 января 1991 года в Вильнюсе всё было готово для того, чтобы обвинить Советскую Армию в убийстве не 14, а 72 человек**.

Для этого было необходимо лишь одно. Советские десантники должны были пойти на штурм здания Верховного Совета Литовской Республики и там **должны были появиться 58 погибших от рук “советских варваров”**.

Но этого не произошло. А 58 подготовленных трупов остались. На них тоже были заготовлены карточки вызова скорой медицинской помощи.

Это показал несложный анализ этих карточек, заполненных в ночь на 13 января 1991 года. Его осуществил Валерий Иванов, бывший лидер движения “Единство”. Он установил, что одной из первых в больницу от телебашни была доставлена Лорета Асанавичюте. Это произошло в 2 часа 30 минут 13 января 1991 года. На неё в больнице “Красный крест” была заполнена карточка № 5164.

На труп В. Вайткуса, доставленного машиной “скорой помощи” в морг по ул. Полоцко ба, в 2 часа 50 минут 13 января 1991 года, то есть спустя двадцать минут после доставки Асанавичюте в больницу, была заполнена карточка уже за № 5222. Можно ли поверить, что за 20 минут были доставлены, не ясно куда, 58 пострадавших у телебашни (5222 – 5164=58)? Тем более что **карточки вызова за № 5165-5221 до сих пор так и не удалось обнаружить**. Вероятно, они были уничтожены.

Исчезновение 58 человек литовские прокуроры объясняли тем, что “советы” похищали людей в ту ночь и где-то их уничтожали. Родственники пропавших ходили искать их даже на объекты, занятые советскими солдатами. Но...

Данных об этой акции боевиков “Саюдиса” не сохранилось. Однако “Vilniaus laikraštis” (“Вильнюсская газета”) в номере от 17-24.01.1991 **сообщила о 15 погибших, 164 раненых и 57 пропавших без вести в ночь на 13 января людей**. Но никаких розысков пропавших литовские власти так и не предприняли.

Литовские прокуроры не рискнули этих пропавших “записать” на счёт Советской Армии. Видимо, понимали, что афера в этом случае будет неминуемо раскрыта.

Назначенный преступником

Известно, что вплоть до 2013 года литовские прокуроры заявляли лишь об одном факте расстрела защитника телебашни Аполинараса Повилайтиса неустановленным советским офицером. Об этом сообщалось в официальном июньском (1996–1999) “Заявлении Генеральной прокуратуры Литовской Республики”.

Оно было опубликовано в газете “Республика” (номер от 10–17 июня 1991) и являлось ответом на Информационную записку Генерального прокурора СССР Н. С. Трубина “О ходе расследования уголовного дела о событиях, имевших место г. Вильнюсе 13 января 1991 г.” от 28.05.1991 года, направленную в Верховный Совет Союза ССР.

В “Заявлении...” сообщалось об обстоятельствах гибели А. Повилайтиса. Якобы свидетель И. Татарюнас показал: “Повилайтис что-то хотел сказать солдату, толкавшего его прикладом. Когда солдат ударил его в грудь, то он от удара отпрянул, сделал шаг назад и задел светловолосого офицера. Тот отскочил и из автомата серийно выстрелил в Повилайтиса, после чего Повилайтис упал”.

Вызывает удивление, что через 22 года, в Уведомлении от 10.06.2013 года, А. Повилайтис фигурирует в общем списке как жертва огнестрельного ранения, но без указания обстоятельств его гибели. А что же “светловолосый офицер” и свидетель И. Татарюнас, который так подробно рассказал о расстреле Повилайтиса? Почему они исчезли? Чем это было обусловлено?

Но свято место пусто не бывает. В Уведомлении вместо защитника телебашни А. Повилайтиса появился защитник телебашни И. Шимуленис, якобы убитый неустановленным офицером группы “А”.

В Уведомлении от 10.06.2013 года также излагаются обстоятельства расстрела (не смертельного) защитника Дома печати Витаутаса Лукшиса. Его якобы совершил зам. командующего 76-й дивизией ВДВ, полковник Василий Кустрьо: “...Руководивший операцией В. Кустрьо, умышленно из автоматического оружия АКС-74, применяя запрещённые международными договорами военные средства – патроны калибра 5,45 мм с пулей со смещённым центром тяжести, – **произвёл очередь выстрелов в защищавшего Дом печати и направившего струю воды на наступавших военнослужащих сотрудника ДОК** (Департамента охраны края. – В. Ш.) Витаутаса Лукшиса, чем

причинил ему тяжкое расстройство здоровья, выразившееся в огнестрельном сквозном ранении левой стороны лица...).

Это описание ещё раз свидетельствует о дилетантизме и отсутствии логики у литовских прокуроров. Ведь если бы пуля 5,45 мм была со смещённым центром и обладала свойством кувыряться в теле жертвы, то при попадании в голову Лукшиса она бы превратила её в фарш. А она пробила голову навывлет.

Следует также напомнить, что восемь лет назад в Уведомлении о подозрении от 03.08.2006 года утверждалось, что защитнику Дома печати В. Лукшису был причинён тяжкий вред здоровью. Но не указывалось – кем. И вдруг, спустя более двадцати лет, выясняется, что в него стрелял полковник В. Кустрьо, да ещё пулей со смещённым центром?!

Невозможно поверить, чтобы советский офицер, полковник-десантник позволил бы себе выстрелить в безоружного человека. Это очевидно для всех, кто знает о системе требований к офицерам, и особенно десантникам, в Советской Армии. Достаточно было бы дать хорошего пинка этому доковцу или использовать приклад.

Так, судя по видеосъёмкам, в основном и кончались все стычки у телебашни. Это подтверждают кадры из видеофильма, в которых советский десантник бьёт прикладом доковца, намеревающегося бросить бутылку с “коктейлем Молотова” в танк. Эти кадры вот уже 23 года в годовщину январских событий в Вильнюсе показывают по литовскому и российскому ТВ. Но кадров, где советские офицеры и десантники в упор расстреливают защитников телебашни, нет ни в одном видеофильме, зафиксировавшем события января 1991 года.

Известно также, что в 1991 году факт расстрела защитника Дома печати Лукшиса нигде не фигурировал. Фамилия полковника В. Кустрьо, руководившего операцией по взятию под охрану Дома печати, также не упоминалась ни в одном свидетельстве, ни в одной публикации. Не фигурировала она и в упомянутом Уведомлении о подозрении от 03.08.2006 года. Почему же она возникла спустя 22 года?

А ещё возникает вопрос, каким образом новая бригада литовских прокуроров, начавшая работу в декабре 2010 года, спустя 20 лет установила причастность В. Кустрьо к травме Лукшиса? Полагать, что кто-то спустя 22 года смог опознать конкретного человека в стандартном армейском бушлате, в кепи и каске, находившегося у Дома печати, просто не реально. Возникает подозрение, что конкретные фамилии советских военнослужащих, якобы совершивших те или иные “конкретные преступления” в январе 1991 года в Вильнюсе, брались прокурорами из списка обвиняемых в военных преступлениях и подгонялись под обстоятельства тех или иных “преступлений”.

Проще говоря, **литовские прокуроры пошли по пути “назначения” преступников.** Этот, числящийся в списке, будет ответственным за такое-то преступление, а этот – за такое-то... И чем выше его звание, тем лучше.

Видимо, это был ответ литовских прокуроров на критику независимых исследователей вильнюсских событий о том, что в уголовном деле 13 января отсутствуют “конкретные виновники конкретных преступлений”, совершённых в январе 1991 года. Вот литовские прокуроры по истечении 20 лет решили “обнародовать” “конкретных виновников”. Почему не раньше?

Между тем, на 12, 13 страницах Уведомления от 10.06.2013 года литовские прокуроры признают, что зам. командующего 76-й дивизии ВДВ Кустрьо отдавал приказы военнослужащим 234-го и 237-го полков этой дивизии, действовавшим у Дома печати. А на стр. 15 и 25 утверждается, что В. Кустрьо находился в штабе командования силовой операцией по взятию под охрану ЛРТ и телебашни. Значит, полковник Кустрьо, в соответствии с Боевым уставом, командовал операцией. А как же тогда его личное участие в “военной атаке”?

Вычеркнуть СССР из исторического прошлого

Известно, что литовские государственные обвинители на процессе 1996–1999 годов, обосновывая обвинения против “организаторов” так называемого январского 1991 года государственного переворота, немало времени тратили как на доказательство факта “советской оккупации” Литвы в июне 1940 года, так и факта “незаконности” советской власти в республике.

На заочных процессах по делу № 09-2-031-99, судя по содержанию Уведомления о подозрении от 10.06.2013 года, эти темы вновь “всплывут”. В этой связи целесообразно рассмотреть те политические установки, на которые опирается постсоветское руководство Литовской Республики, выдвигая претензии к России, как правопреемнику СССР.

Литва исходит из того, что:

а) СССР, введя 15 июня 1940 года дополнительный контингент войск на её территорию, совершил оккупацию;

б) Первая Литовская Республика (1920–1940) никогда не прекращала своего существования;

в) Литовская Советская Социалистическая Республика 1940–1990 годов была незаконным оккупационным образованием;

г) 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы восстановил независимое демократическое Литовское государство, берущее начало в средних веках. Соответственно, в январе 1991 года СССР осуществил военную агрессию против этого независимого и суверенного государства;

д) Развиваясь вне СССР, Литва сегодня была бы на социально-экономическом уровне, соответствующем Дании или Финляндии.

Представляет интерес литовская методика обоснования вышеперечисленных утверждений. Так, для того чтобы доказать непрерывность существования Первой Литовской Республики, литовские власти осуществили следующую псевдоправовую процедуру.

Известно, что активное антисоветское, называемое “партизанским”, подполье в Литовской ССР действовало в период 1944–1953 годов. В феврале 1949 года в деревне Минайчяй Радвилишского уезда состоялся так называемый “партизанский” съезд. На нём присутствовало 8 “партизанских” командиров, а точнее – главарей.

10 февраля на этом съезде было принято решение о создании “Саюдиса борьбы за свободу Литвы” (Lietuvos laisves kovos sąjūdis — LLKS) на базе “Саюдиса всеобщего демократического сопротивления” (BDPS). Был избран Совет этого “Саюдиса”, объединивший окружных командиров нелегальных военных подпольных группировок. Председателем Президиума этого Совета был избран бывший капитан литовской армии Йонас Жемайтис, которому также было поручено исполнять обязанности командующего обороной Литвы. Жемайтису тогда же было присвоено звание партизанского генерала.

16 февраля 1949 года Совет “Саюдиса борьбы за свободу Литвы” принял Декларацию о принципах будущего устройства Литовского государства (Lietuvos Laisves Kovos Sąjūdis io Tarybos deklaracija). Провозглашаемые в этой декларации принципы в основном были достаточно демократичными. Но методы, которыми пытались добиться своей цели “лесные братья”, не имели ничего общего с этими принципами.

Следует отметить, что после принятия 16 февраля 1949 года высокопарной партизанской Декларации о создании демократического государства основным методом антисоветского сопротивления в Литве стал банальный бандитский террор, который был направлен против тех, кто представлял эту власть. В “растрельный список” “лесные” вносили партийных, советских и хозяйственных работников, милиционеров, врачей, учителей, колхозников и их семьи.

Надо признать, что “лесные”, орудовавшие в литовских лесах, вели борьбу не столько против советских “оккупантов”, сколько против собственного народа. Тех, кто выбирал советскую власть, они уничтожали семьями, причём с нечеловеческой жестокостью: не только расстреливали, но убивали топорами, пилами, удавками, сжигали заживо. Не случайно их в советский период справедливо называли “бандитами”.

В итоге за 1944–1956 годы от рук литовских националистов, прикрывавшихся благородными принципами “Саюдиса”, погибло 25108 человек, 2965 – были ранены. Среди убитых 993 ребёнка в возрасте до 10 лет и 52 – до 2 лет; 118 детей было ранено (Известия ЦК КПСС. № 10, 1990. С. 139). Дети-то чем провинились перед так называемыми “патриотами” Литвы? Неужели во имя независимости необходимо было истреблять и грудных детей?

Тем не менее, 12 января 1999 года Сейм Литвы Законом № VIII-1021 признал Декларацию партизанского “Саюдиса” от 16.02.1949 года государственным актом, тем самым единственно законной властью в период так называемой второй “советской оккупации” (1944–1990) в современной Литовской Республике

считается Совет “Саюдиса борьбы за свободу Литвы”. 11 марта 2009 года Сейм Литвы специальной декларацией признал И. Жемайтиса четвёртым президентом Литовской Республики.

Вот так бесцеремонно литовские власти обращаются с историческим прошлым, опровергая Гераклита, который сказал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Для литовских политиков это не является проблемой. При этом они, правда, забывают, что любое изменение прошлого неизбежно отражается на настоящем.

Отрицание преемственности современной Литовской Республики с Литовской Советской Социалистической Республикой выдвигает на первый план проблему территорий, которыми Литва приросла, будучи союзной республикой. Права ЛР на них весьма сомнительны. Вот об этих территориях и поговорим.

Присвоенные территории

Известно, что только в советский период Литва собрала все спорные территории и обрела современные границы. Началось всё в октябре 1939 года, когда СССР передал Литве Вильнюс и Виленский край.

История Вильнюс-Вильнюса и его края весьма непростая. В XVII–XIX веках в результате культурной и этнической польской экспансии Вильнюс и его окрестности имели преимущественно польское население. После распада Российской империи Вильнюс и край в период немецкой оккупации номинально считались литовскими.

В октябре 1920 года Вильнюс был захвачен войсками польского генерала Л. Желиговского, затем он вошёл в состав Польши и находился там до сентября 1939 года. Весь этот период Литва исходила из того, что она формально находилась в состоянии войны с Польшей. Соответственно в Литве считали, что Вильнюс как столица Литовской Республики оккупирован Польшей.

В марте 1938 года на польско-литовской границе погиб польский солдат. Польша, воспользовавшись ситуацией, 17 марта предъявила Литве ультиматум с требованием установления в течение 48 часов дипломатических отношений и отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильнюс столицей Литвы. Замечу, что восстановление дипотношений между Литвой и Польшей автоматически приводило к признанию де-факто существующей линии границы двух стран, то есть признанию Вильнюс польским городом.

Для оказания давления на Литву на польско-литовской границе сосредоточились польские войска. В случае отклонения ультиматума польская армия грозила захватить Каунас и оккупировать всю Литву. **19 марта Литовская республика приняла условия польского ультиматума, признав тем самым право Польши на Вильнюс и Виленский край.**

Ситуацию спас СССР. Москва заявила Варшаве, что Советский Союз заинтересован в сохранении независимости Литвы. Также было заявлено, что в случае войны против Литвы СССР без предупреждения расторгнет польско-советский пакт о ненападении и оставит за собой право на свободу действий. В итоге Польша была вынуждена прекратить давление на Литву и ограничила свои требования одним пунктом – установлением дипломатических отношений.

После разгрома Польши в октябре 1939 года Советский Союз передал Вильнюс и Вильнюсский край Литве в обмен на право разместить ограниченный воинский контингент на территории республики. Согласно дополнительному протоколу между Союзом Советских Социалистических Республик и Литовской Республикой от 27 октября 1939 года, Литве также отошли северо-западные территории Белорусской ССР. **Общие размеры переданной Литовской Республике в октябре 1939 года территории составляли 6655,5 квадратных километров.**

Как известно, “Договор о передаче Литве города Вильнюс и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой” от 10 октября 1939 года **до сих пор не дезавуирован**, и одно из главных его условий – “право держать в установленных по взаимному соглашению пунктах Литовской Республики за свой счёт строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооружённых сил” – **никто не отменял.**

Напомню также, что в январе 1941 года **советское руководство выкупило у Германии за 7,5 миллиона золотых долларов так называемый Су-**

валкский выступ, размером в 8200 квадратных километра, где компактно проживали литовцы. Этому был посвящён секретный протокол от 10 января 1941 года, подписанный Молотовым и Шуленбургом. Территория выступа также была включена в состав Литовской ССР.

Вопросы к Литве могут возникнуть и в отношении Клайпедского края, так называемого Мемельланда, который восемь столетий был неотъемлемой частью германской Пруссии. Напомню, что в январе 1923 года литовские военные под предлогом так называемого “восстания” литовского населения Клайпеды присоединили к Литовской Республике часть территории Восточной Пруссии – Мемельланд и порт Мемель. Антанта согласилась на это присоединение в качестве компенсации Литве за утраченный Вильно и Виленский край.

Однако в марте 1939 года Литва **без малейшего сопротивления вернула Клайпеду Германии**. 20 марта 1939 года министр иностранных дел рейха Иоахим фон Риббентроп принял своего литовского коллегу Юозаса Урбшиса. Последнему был предъявлен ультиматум: “Литва должна передать Германии навечно Мемельский край, иначе фюрер будет действовать с молниеносной быстротой”.

22 марта 1939 года министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп подписали договор (пакт Урбшиса-Риббентропа). 1 апреля 1939 года Президент А. Сметона ратифицировал этот договор. Текст договора был опубликован в “Правительственных новостях” 13 апреля 1939 года (№ 640. С. 143–145). (См. главу VI).

Особый интерес представляет статья 1-я этого договора, согласно которой **“Клайпедский Край, который был отторгнут от Германии согласно Версальскому договору, вновь воссоединяется с Германским Рейхом”!** Президент А. Сметона, ссылаясь на статью 112 Конституции Литвы, обязался этот германо-литовский договор неукоснительно соблюдать.

В связи с утверждением, что современная Литовская Республика является продолжением сметоновской республики, пакт Урбшиса-Риббентропа можно считать **действующим с вытекающими из этого правовыми последствиями**.

Также следует напомнить забывчивым литовским политикам и о том, что по решению Потсдамской конференции (июль-август 1945) территория Восточной Пруссии и входивший в неё Клайпедский край были переданы Советскому Союзу, который затем передал часть этой территории Литовской ССР.

Указом Верховного Совета СССР от 28 января 1948 года все жители Клайпеды литовской национальности, бывшие литовскими гражданами до 22 марта 1939 года, получили советское гражданство. В мае 1950 года, в рамках общесоюзной реформы административного деления СССР, Указом Президиума Верховного Совета СССР в составе Литовской ССР была образована Клайпедская область, территория которой в настоящее время входит в состав Литовской Республики.

Документальные правовые основания относительно нахождения Клайпедского края в составе Литовской Республики отсутствуют. Конечно, при этом не следует забывать, что 9 июня 2003 года Президент РФ В. Путин утвердил Закон о ратификации границы Российской Федерации и Литовской Республики. 12 августа 2003 года литовские средства массовой информации с удовлетворением отметили тот факт, что договор о границе с РФ вступил в силу. Но...

Известно, что Литва сегодня претендует не только на Клайпедский край, но и на Калининградскую область, называемую “Малой Литвой”. Тема территориальной принадлежности бывшей Восточной Пруссии слишком обширна для настоящего исследования. Ограничимся тем, что переадресуем её специалистам из российского МИДа. Пока эта тема их не волнует, но со временем она встанет в полный рост. Во многом это будет обусловлено не столько позицией Литвы, сколько позицией Федеративной Республики Германии.

Продолжу тему. 3 августа 1940 года VII чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о вхождении Литовской ССР в состав СССР. Одновременно было принято **решение о передаче Советской Литве части территории Белорусской ССР с городами, носящими сегодня названия: Швенчёнис, Шальгининкай, Друскининкай и посёлками: Адутишкес, Девянишкис, Даугилишкес и др.**

Известно, что литовские делегаты первоначально просили передать в состав Литовской ССР только Свенцянский (Швенчёнский) район. Однако член

литовской делегации председатель Союза писателей Литвы Людас Гира напомнил о литовских селениях Марцинконис, Девянишкес и о курорте Друскининкай. Вопрос тут же был решён в пользу Литвы.

Известно, что 29 марта 1990 года Президиум Верховного Совета БССР направил в адрес Верховного Совета Литвы официальное Заявление, в котором напоминалось: нахождение белорусских территорий в составе Литовской ССР основывалось на Законе ВС Союза СССР “О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик” от 03.08.1940 года, который власти Литовской Республики в марте 1990 года признали незаконным. Заявление Президиума ВС БССР было опубликовано в газете “Звезда” от 01 апреля 1990 года.

В заявлении отмечалось, что в связи с тем, что в **Литовской Республике вышеназванный закон объявлен недействительным, возникает вопрос о принадлежности белорусских районов Литве**. Ситуацию для Литвы тогда спас президент СССР М. Горбачёв, настоявший, чтобы вопрос о территориях Белоруссии сняла, так как это якобы мешает переговорному процессу между Вильнюсом и Москвой. Тем не менее, из вышеизложенного ясно, что современная Литва, не признавшая Закон СССР о вхождении Литовской ССР в состав СССР, **потеряла право на белорусские территории**.

Кстати, выкупленные у Германии территории, а также белорусские территории, прилегающие к городу Друскининкай, географически являются тем **территориальным коридором**, который мог бы обеспечить прямую связь России с Калининградской областью через территорию Белоруссии.

После провозглашения Литвой 11 марта 1990 года независимости советские эксперты из Совета Министров, Госплана и Госснаба СССР в справке для Президента СССР по вопросам, которые могут возникнуть на предстоящих переговорах с Литовской ССР, **акцентировали требование о “выделении в состав Калининградской области РСФСР южной части территории Литвы для создания транспортного коридора** с тем, чтобы обеспечить независимость сухопутных связей остальной территории СССР с этой областью”. Но Горбачев, как обычно, проигнорировал это предложение.

Напомню, что уже после развала СССР во время одного из телемостов Москва–Вильнюс, посвящённого январским событиям 1991 года (кажется, 11 января 2001 года на НТВ), **бывшие лидеры “Саюдиса” признались, что они были готовы пойти на территориальные уступки в обмен на выход Литвы из СССР**.

В целом же современное Литовское государство в его границах со столицей городом Вильнюсом и Клайпедским краем является следствием послевоенного урегулирования территориальных вопросов в Европе, в решении которых Советский Союз сыграл главную роль. Но литовские политики принимают это как должное, постоянно при этом заявляя о преступной политике СССР.

Для сведения сообщу, что территория Литвы **до всех территориальных приращений**, полученных от СССР, составляла примерно 50 тыс. кв. км. Население насчитывало 2,7 млн чел. Национальный состав был следующим: литовцы – около 70%, евреи – примерно 12%, поляки – 8%, русские – 6%, немцы – 4%. Из состава СССР Литва вышла, обладая площадью уже в 65,2 тыс. кв. км. Население достигло 3 млн 700 тыс. чел. Национальный состав также изменился. Литовцы в 1990 году составляли – 80%, русские – 8,9%, поляки – 7,3%, белорусы – 1,7%.

Признание советского периода оккупационным, на чём настаивают некоторые литовские политики, автоматически ставит вопрос о границах Литовской Республики. Надежды Литвы на нерушимость договоров о границах, заключённых в 1990-х годах, в современной крайне сложной международной обстановке весьма сомнительны. Вспомним, сколько подобных договоров было заключено в канун Второй мировой войны? Сегодня в Европе желающим пересмотреть Ялтинские и Потсдамские соглашения тоже более чем достаточно.

Как Дания?

В завершение поговорим о ещё одной претензии Литвы к России как преемнику СССР. По утверждению литовской стороны, период “советской оккупации” якобы серьёзно замедлил развитие республики, иначе бы она се-

годня была на социально-экономическом уровне, соответствующем уровню Дании, поэтому России надлежит компенсировать недополученные Литвой материальные блага.

Основой этой претензии является утверждение, что в 1937 году Литва по уровню среднедушевых доходов населения якобы находилась на 14-м месте в Европе и входила в одну группу с Данией и Финляндией. В целях подкрепления этих заявлений в 2001 году департаменты статистики трёх прибалтийских государств подготовили статистический сборник, который подтверждает это заявление.

Зная реальное социально-экономическое положение довоенной Литвы, остаётся лишь сослаться на премьер-министра Великобритании (1868, 1874–1880) Бенджамина Дизраэли, который отмечал, что **“существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика”**. Причём в этом случае трудно оценить, чего больше в литовском утверждении: наглой лжи или статистики?

Глава комиссии по вопросу возмещения ущерба от “советской оккупации” Т.-Б. Бураускайте в ходе пресс-конференции, устроенной интернет-газетой “Лента.ру” (28.05.2012), заявляла, что “метод расчёта ущерба состоит в том, чтобы посчитать разницу в доходе на душу ВВП за 1940–1991 годы между Литвой и Финляндией, исключая период оккупации Германией. Именно эту разницу должна будет выплатить Россия”.

Вот так, ни много ни мало – пару сотен миллиардов долларов литовские “эксперты” насчитают. Ну, а для того, чтобы россияне болезненно не реагировали на тему возмещения ущерба от советской оккупации, та же Т. Бураускайте полагает, что им следует предоставить более полную информацию о том, почему и сколько они должны Литве!

Ну, что же, я постараюсь немного отрезвить главу литовских “экспертов”, предпочитающую считать чужие “денежки”. Прежде всего, напомним, что собой представляла в 1939 году Первая Литовская Республика, провозглашённая в 1920 году. В современной Литве утверждают, что это было экономически процветающее государство социального мира и согласия. Но так ли это? Обратимся к фактам.

Напомним, что правительство Советской России, признав в июле 1920 года Литовскую Республику, выделило ей 3 миллиона золотых рублей, положив начало золотому запасу республики. Однако буржуазное правительство за 20 лет существования не реализовало ни одного проекта, позволившего бы Литве стать индустриально-аграрной страной, какой в 1940 году являлись Дания и Финляндия.

Многолетние рассуждения литовских деятелей буржуазной республики о необходимости построить гидроэлектростанцию на реке Нямунас в районе Каунаса так и остались рассуждениями. Эта гидроэлектростанция была построена за счёт средств союзного бюджета уже в советское время (1955–1960). Соответственно, по производству и потреблению электроэнергии довоенная Литва занимала одно из последних мест в Европе: **всего 80 млн кВт·ч в 1940 году. Дания же в 1940 году произвела 1100 млн кВт·ч, то есть в 13,75 раза больше, нежели Литва!**

После этих цифр можно было бы вообще не говорить о сопоставлении показателей Литвы и Дании. Для любого мало-мальски толкового инженера-экономиста всё становится ясно, когда сравниваются показатели энергооборуженности стран. Известно, что в 1939 году Литва являлась сугубо аграрной страной: 80% процентов населения составляли крестьяне. Уровень сельского хозяйства в основной массе крестьянских хозяйств Литвы был средневековым: лошадь, корова, свиньи, гуси, плуг, борона, вилы, лопата, телега.

В лучший период 1938/39 года Литва произвела мяса (в убойной массе) 180 тыс. т, молока – 1.240 тыс. т на 4.430 тыс. га сельхозугодий. От одной коровы в среднем в год надаивалось 1.400 кг молока, то есть не более 4 литров в день. Урожайность зерновых составляла немногим более 9 ц/га. Поэтому даже при наделе в 10 га крестьянину было трудно прокормить семью.

Продукция пищевой промышленности составляла 47,6% всей производимой валовой продукции. Крупными предприятиями, насчитывающими свыше 50 работников, были в основном предприятия пищевой и лёгкой промышленности. Соответственно, основную долю литовского экспорта составляли продукты питания: мясо (бекконы и гуси), масло, сыры, колбасы. Сельское

хозяйство в Литве было малопродуктивным, его специализацию определяли потребности рынка двух стран: Великобритании и Германии.

Считается, что в ремесленной промышленности Литвы в 1939 году работало около 40 тыс. человек. Наибольшее количество рабочих было занято в пищевой промышленности – 5.687 человек, в текстильной – 5.404 и в деревообрабатывающей – 3.993 человека. В пищевой промышленности объёмами производства выделялось акционерное общество банкиров Вайлокайтисов “Maistas” (“Пища”) (Lietuvos statistikos metraštis: 1938 m. K.: CSB, 1939. P. 165–166. T. 12: 1939 m. V.: CSB, 1940. P. 155–156).

Подлинно промышленными можно было считать 135 предприятий, из них с числом работающих более 50-ти – 12. На них было занято 4558 человек. Они производили 4,8% всей промышленной продукции: гвозди, проволоку, крепёжные изделия, пилы, бороны и т. п. (Краткая энциклопедия “Литва”. Изд-во главной редакции энциклопедий, Вильнюс, 1989. С. 402).

Всё, что посложнее – трактора, вёзки, сноповязалки, электродвигатели, велосипеды, швейные машины и т. п. – Литва ввозила из Англии и Германии.

В этой связи следует развенчать миф о том, что в советский период СССР строил в Литве высокотехнологичные предприятия по причине наличия в республике квалифицированной рабочей силы. Этот миф повторяет и Т. Бураускайте. На самом деле в буржуазной Литве просто был избыток рабочих рук – работать было негде. В этой связи наиболее смелые и предприимчивые литовцы, а таких за 20 лет буржуазной республики набралось более 100 тысяч, предпочли уехать на заработки за границу. Зарождающейся промышленности Советской Литвы достались ремесленники, работавшие, в основном, на кустарных предприятиях.

Эти ремесленники выполняли изготовление или ремонт обычных бытовых поделок. Квалифицированными рабочими их было трудно назвать. Вместе с тем, им было присуще трудолюбие, и они достаточно быстро становились квалифицированными рабочими. Были среди них подлинные самородки технического мастерства. Подготовка многотысячной массы высококвалифицированной рабочей силы в Литве была делом рук советской власти.

По данным краткой энциклопедии “Литва”, в народном хозяйстве Литовской ССР в 1985 году работало 212 тысяч специалистов с высшим образованием и 287,6 тысячи специалистов со средним специальным образованием. В научных учреждениях в том же году насчитывалось 14,0 тысячи научных работников. В вузах училось 65,3 тысячи студентов. Литва при советской власти стала страной сплошной грамотности и по количеству студентов на 10 тысяч жителей опережала Японию, Англию и Западную Германию.

Но вернёмся в 1920–1939 годы. Избыточная рабочая сила в эти годы на селе составляла более 200 тысяч человек. 40 тысяч крестьянских хозяйств за годы буржуазного правления были пущены с молотка. В условиях избытка сельскохозяйственных рабочих эксплуатация в Литве была просто дикой. Если в 1930–1931 годах сельские рабочие получали 400–500 литов в год, то уже в 1932 году были изданы “Нормативные условия найма”, по которым зарплата батраков становилась всего 350 литов в год, но её можно было уменьшить и до 245.

Условия, в которых приходилось жить литовским батракам, напоминали рабские. Газета Союза литовских христианских рабочих “Darbininkas” (“Рабочий”) от 6 марта 1934 года писала: “По всей Литве жизнь дворянских батраков в большинстве, как в пещерах. По-человечески ли это, если по гнилым подоконникам гуляет ветер, окна забиты тряпками, дым идёт больше вовнутрь, чем через камин, нет никакого пола, только ямы и грязь, в которой ползает грязное маленькое дитя”.

Батрак из поместья И. Булвичюса, одного из сподвижников президента Сметоны, рассказал корреспонденту газеты “Balsas” (№ 20, 1931): “Наши трудовые условия невыносимы. Начинаем работать с рассветом и кончаем после заката. Зарплата очень маленькая. Едим не лучше свиней: то же самое снятое молоко дворянин даёт и нам, и своим свиньям. Здания, где мы живём, особенно те, в которых живут семьи с маленькими детьми, уже много лет не ремонтированы... приходится мёрзнуть и болеть всю зиму. Кроме того, уже почти полгода не получаем торфа”.

Бывший премьер-министр (1920–1922) и президент Литвы (1926) от крестьянской партии “ляудининков” д-р Казис Гринюс (Kazys Grinius) в календа-

ре благотворительного общества “Pieno lašas” (“Капля молока”) за 1939 год сообщил результаты своего обследования 150 крестьянских хозяйств.

По его данным, **76% обследованных литовских крестьян носили деревянные башмаки**, только 2% – кожаные ботинки. Всего 1% женщин имели ночные рубашки, 19% женщин не употребляли мыла. Паразиты имелись в 95 семьях из 150. **Мясо ежедневно ели 2% обследованных**, четыре раза в неделю – 22%, реже – 7%, остальные совершенно не видели мяса на столе. 19% детей умирали, не достигнув года.

Тот же Гринюс в статье, опубликованной в газете “Lietuvos inios” (“Литовские вести”) за 25 января 1940 года, сообщал, что в Литве 150 тысяч человек больны туберкулезом. Около 80% детей больны рахитом. Соответственно, **смертность в Литве превышала рождаемость и, если так продолжалось бы, то через 150 лет литовский народ должен был вымереть**. Известно, что в тот период о подобной ситуации с наёмными работниками в Дании и Финляндии не могло быть и речи. И как после этого утверждать, что уровень среднедушевых доходов в Литве и в этих странах был одинаковым? Вот она, лукавая статистика!

Не лучше было положение на промышленных предприятиях, где работало более 10 человек. Известен случай, когда в июне 1936 года рабочий лесопильни А. Кранаускас, доведённый до отчаяния придирами и штрафами хозяина, убил его и застрелился сам. Его похороны стали огромной политической демонстрацией с участием 30 тысяч человек. Рабочие требовали демократических выборов в Сейм, освобождения политических заключённых и т. п.

Попытки полиции преградить путь демонстрантам к центру города привели к кровавому столкновению, в котором один рабочий погиб и многие были ранены. В знак протеста было решено уже на следующий день начать всеобщую городскую забастовку. 18 июня в полдень рабочие всех каунасских фабрик, мастерских,строек, транспорта и т. д. перестали работать. 20 июня сметоновский режим пошёл на удовлетворение части экономических требований рабочих. Только тогда забастовка прекратилась.

Всего же в период 1930–1940 годов в Литве произошло 765 забастовок экономического характера, в которых участвовал 96371 рабочий. Тогда же произошло 145 забастовок политического характера, в которых участвовали 48 тысяч рабочих. Особенно активный характер забастовочное движение приобрело в 1930 году. Затем оно активизировалось в 1933–1937 годах. Таким образом, ясно, что миф о социальном мире в буржуазной Литве не выдерживает проверки историческими фактами (подробнее см. Ж. Буткус. “Окровавленная Литва. Националистический террор и его причины” на лефт.ру).

Ну, а теперь настало время перейти к Дании. Она выбрана литовскими экспертами в качестве базы для расчёта претензий к России не случайно. Социально-экономические показатели Дании являются одними из самых высоких в Европе. Соответственно, разница в уровне развития Литвы и Дании значительная. Это для формирования претензий к России весьма существенно.

Но нас интересует не современная Дания, а Дания 1939 года как точка отсчёта для сравнения с Литвой. В XX век Дания, в отличие от Литвы, вступила индустриально-аграрной страной. Известно, что уже в середине XIX века Дания располагала достаточно мощной судостроительной промышленностью, которая, как локомотив, тянула за собой экономику страны. В то время судостроение было мерилом технического развития любой страны, как сегодня ракетостроение и электроника.

Вершиной судостроения в любой стране тогда считалась способность строить военные корабли. **Так вот, Дания первые броненосные корабли стала производить в 1880-х годах**. Это были сложные технические устройства, предполагавшие наличие не только высококвалифицированных специалистов, но и соответствующей производственно-технологической базы, а также развитие смежных отраслей промышленности, поставляющих для судостроения соответствующие комплектующие.

В 1930-х годах Дания совершила новый индустриальный рывок. **Перед Второй мировой войной она стала поставщиком на мировой рынок не только судов, но и дизелей для них, цементного оборудования**. В 1938 году Дания произвела 26 тысяч тонн стали, что позволило ей изготовить морские

суда в 158 тысяч регистровых тонн, что соответствовало 30 судам водоизмещением в 5 тысяч тонн каждое. Именно в это время в Дании было налажено производство судовых дизелей. Это весьма сложные изделия, требующие высокоточного оборудования и соответствующих специалистов.

При этом одной из ведущих отраслей экономики Дании осталось высокопродуктивное сельское хозяйство. Уже в начале XX века Дания по праву считалась молочной фермой Европы, поставляя на европейский рынок разнообразные молочные продукты. **Энерговооружённость и эффективность датского сельского хозяйства для того времени были весьма высокой.**

Так, урожайность ржи в Дании была 18,6 ц/га, а в Литве – 10,5 ц/га. Картофеля Дания собирала 171 ц/га, а Литва – 129 ц/га. Годовой надой молока от одной коровы в Дании составлял 3300 кг, причём высокой жирности (более 4,2%), а в Литве – 1400 кг низкой жирности. Соответственно, в 1939 году Дания произвела 182 тысячи тонн коровьего масла, а Литва – 16 тысяч тонн.

В 1939 году Дания произвела мяса (в убойной массе) 554 тысячи тонн, а Литва – 180 тысяч тонн. Естественно, продуктивность мясных пород скота в Дании была значительно выше, чем в Литве. Даже в вопросах производства сахара из сахарной свеклы Дания существенно превзошла Литву. В 1938 году Дания произвела 165 тысяч тонн сахара, а Литва – 24 тысячи тонн (Данные из: Statistical Yearbook 1970, UN, 1971. Nørlyng T h., Danmark, 6 udg., Kbh.. 1954; Statistisk Aarbog (ежегодник, с 1896).

А что мы видим в это время в ремесленной Литве? Как говорилось, там даже одну гидроэлектростанцию на Нямунасе не смогли построить. А в сельском хозяйстве? Сплошное Средневековье – плуг и вилы, – за исключением нескольких крупных хозяйств, располагающих импортной сельскохозяйственной техникой. Но тем не менее, литовские власти утверждают: “Мы были на равных с Данией!”

В апреле 1940 года германские войска вторглись в Данию. С декабря по договору с Германией датская промышленность (268 предприятий) приступила к выпуску продукции для вооружённых сил Германии: дизель-моторов для подводных лодок, запасных частей для самолётов, взрывчатых веществ, обмундирования и обуви. В Литве о такой продукции в таких объёмах даже мечтать не могли!

Для нужд вермахта датские фермеры поставляли большие объёмы сельскохозяйственной продукции. Только с апреля 1940 года до конца марта 1941 года Германия получила 83668 тонн масла, 159686 тонн свинины, 97384 тонны говядины, 59381 тонн яиц и 73000 тонн сельди. В годы войны Дания покрывала потребности немецкого населения в сливочном масле на 10 процентов, в мясе – на 20 процентов, в свежей рыбе – на 90 процентов.

За пять лет оккупации Дании Германия получила от неё продукции на 11 млрд крон, что равно тогдашним 2 млрд долларов. Это впечатляющий показатель, если учесть, что создание атомной бомбы обошлось американцем в такую же сумму.

Во время нацистской оккупации экономическое положение Дании заметно улучшилось: её фирмы активно участвовали в сфере военного производства Третьего рейха (появилось около 100 новых миллионеров), а датчане работали в Германии и на оккупированной германскими войсками территории. Повысилась уровень жизни датского крестьянства: заказы Германии на мясную и молочную продукцию постоянно росли.

В период германской оккупации в Дании были полностью сохранены системы медицинского обслуживания населения, социального страхования, структуры начального, среднего и высшего образования.

Падение жизненного уровня по сравнению с довоенным периодом для Дании было не столь заметно, как для большинства других стран Европы. Так, стоимость жизни в оккупированной Дании за время войны выросла всего на 32 пункта, а в оккупированной Франции – на 287, в воюющей на стороне Германии Финляндии – на 167. Дания выглядела более благополучно в сравнении с мирными, нейтральными странами.

Как это учитывать в сравнении Литвы и Дании? На чей счёт записать увеличившийся разрыв в благосостоянии двух стран, если учесть, что Литва от нацистской оккупации потерпела ущерб на 17 млрд рублей, или 30 млрд долларов США? Или это тоже будет записано на счёт СССР?

Известно, что, по оценкам экспертов ЦРУ, по некоторым социально-экономическим показателям Советская Литва вышла на уровень тогдашних Дании и Финляндии в 1985 году. Об этом на совещаниях с гордостью говорили советские руководители Литовской ССР.

А что же мы наблюдаем в современной Литве? После объявления независимости 11 марта 1990 года там началась вакханалия уничтожения не только политического, но и научно-технического и экономического советского наследия. Вот что рассказывал об этом периоде литовский историк Л. Труска в интервью “Экспресс-неделе” (02.04.2011):

“В 1991–1992 годах, после восстановления Литовского государства, закладывались краеугольные камни литовской экономики. Тогда большинство в Верховном Совете Литвы составляло правое крыло “Саюдиса”. Они пробыли у власти до осени 1992 года, успев разрушить колхозы, провести приватизацию основных предприятий и сельскохозяйственных земель. Когда же в 1992 году к власти пришла Демократическая партия Литвы во главе с Бразаускасом, основные законы уже были приняты, поменять их было невозможно.

...Ландсбергис и его сподвижники ярко проявили себя как разрушители: главным для них было разрушать, хотя необходимости в тотальном разрушении не было. Колхозы можно было преобразовать в кооперативы – они есть на Западе, где существует государственный капитализм, не обязательно было разрушать фермы, постройки, которые сейчас пустуют и разваливаются”.

Оценку Труски дополняют впечатления В. Петкявичюса. В 1994 году тот занимал пост Председателя комитета Сейма по национальной безопасности и сопровождал в поездке по Литве командующего Национальной гвардии США генерала Сейджера.

“Едем по дорогам Литвы, а мимо мелькают разбитые и “разбомблённые” животноводческие фермы, машинно-тракторные мастерские. Генерал меня спрашивает: “Что, русские, отступая, все переломали и вывезли?”. Что я мог ему ответить? Врать? Никоим образом. Говорю ему: “Нет, это мы сами всё разворовали и разломали”. Он задумался, помолчал и потом сказал: “В таком случае с вами лучше не иметь дела. Неужели подобное может сделать здоровый человек”... Оказывается, может” (“Обзор”, 14.10.2002).

Добавлю, что приватизацию основных предприятий промышленности, а также сельского хозяйства ландсбергисты превратили в банальный грабёж и разрушение. Практически весь экономический потенциал, созданный за советский период, за два года варварским образом был расчленён и распродан. Немалые дивиденды от этого получил организаторы так называемой приватизации. Государству перепали крохи.

Этот вывод подтвердил известный диссидент советской эпохи Л. Дамбраускас. Он писал в своих воспоминаниях: “В итоге существуют две Литвы: одна – нагло захватившая власть под лозунгом “Заслужили жить лучше”, – заканчивает пускать на ветер экономические достижения советских времён, а трудовых людей обрекает на нищету. Жива и другая Литва, ограбленная своими “суперпатриотами” и обречённая служить повышению благосостояния паразитирующей верхушки”.

О “достижениях” Литвы после десятилетия независимости рассказал ведущий литовский экономист, доктор экономических наук, ныне покойный Юлиус Весялка (Julius Veselka). В статье “Крах по-литовски...” (“Литовский курьер”. № 19/727 от 11–17.05.2000) Весялка отметил, что “Литва, развиваясь в направлении чистого капитализма и свободного, дикого рынка с 1991 по 1998 год, потерпела следующий ущерб:

– в секторе сельского, лесного, рыбного хозяйства не произведено совокупного внутреннего продукта (СВП) на 170 миллиардов лит, в промышленности – на 1300 миллиардов лит;

– в строительстве – на 60 миллиардов лит;

– **ВСЕГО** – на 1530 миллиардов лит (**380 млрд долл. США. – В. Ш.**).

...Из-за снижения рождаемости Литва лишилась 230 тысяч человек.

...С 1993 по 2000 год внешнеторговый дефицит Литвы со странами ЕС составил 17,7 млрд лит. По этой причине она лишилась 680 тысяч рабочих мест.

Также надо учитывать, что до 2000 года в долг на Западе уже взято 3,8 млрд долларов, или 15,3 млрд лит” (1 доллар США тогда равнялся 4 литам. – **В. Ш.**);

Известно, что 2010 год Литва завершила с государственным долгом около 36 млрд лит. То есть за один тот год госдолг вырос почти в два раза. 2012 год Литва завершила с государственным долгом уже в 46,6 млрд лит, что составило 41,2% внутреннего валового продукта (ВВП). Причём внешний долг достиг уже 35,2 млрд лит, или 10,2 млрд долларов США.

Добавлю, что к настоящему времени более 700 тысяч граждан Литвы, в основном квалифицированных специалистов, навсегда выехали из республики в поисках лучшей жизни. Ежегодно они создают внутренний валовой продукт на 70 млрд лит, из которых в Литву поступает лишь 10%.

По данным переписи, проведённой в мае 2011 года, за последние 20 лет (1991–2011) численность населения Литвы уменьшилась с 3,7 млн до 3,0 млн человек (по некоторым данным, до 2,7 млн человек), причём уменьшение произошло за счёт самых инициативных и креативных граждан Литвы. Это позволяет сделать вывод, что убыль населения в Литве в годы капиталистического хозяйствования является национальной катастрофой, о чём свидетельствует ряд авторитетных литовских экспертов. Это можно назвать гуманитарным геноцидом литовской нации.

Это на самом деле так. Ведь на Западе, в частности, в Англии и Ирландии, литовских высококвалифицированных специалистов воспринимают как дешёвую рабочую силу, способную лишь стричь газоны, мыть машины, убирать дом и, в лучшем случае, выполнять работу сантехников. В этой связи следует напомнить об обидной карикатуре на литовцев-гастарбайтеров, опубликованной в 2013 году в лондонской газете "Independent". Там они изображены аккуратно уложенными в консервную банку, наподобие прибалтийских шпрот, предназначенными для употребления западными хозяевами.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что 44 года господства литовской буржуазии (1920–1940 годы и 1990–2014 годы) принесли Литве или застой, или разруху. Попытки возложить ответственность на СССР за провалы в осуществлении социально-экономической политики лишены каких-либо оснований. Не говоря уже о том, что утверждение об одинаковом уровне развития предвоенной Литвы с Данией является не столько некорректным, сколько мошенническим.

То, что Литва сегодня находится у *разбитого корыта* в экономике и в социальной сфере, естественно и объяснимо. И виноват в этом не СССР и не Россия, а правящая литовская элита, место которой давно на исторической свалке. Надеюсь, что придёт время, когда литовское общество осознает, кто виноват в его бедах.

То, что это рано или поздно произойдёт, я не сомневаюсь. Ведь даже большинство бывших литовских диссидентов, в своё время активно борющихся с советской властью, сегодня категорично выступают против нынешних литовских властей. В начале 2012 года свет увидела книга высказываний и интервью наиболее известных литовских диссидентов советского периода.

Она называется "Dar karta apie landsbergizma" ("Ещё раз о ландсбергизме"). Ландсбергизмом в этой книге именуется гибельная политика, которую последние двадцать четыре года проводит в Литве новая правящая элита. Бывшие диссиденты, всю жизнь посвятившие обретению Литвой независимости, с горечью констатируют, что они мечтали не о такой республике.

Нашему другу и автору Владиславу Шведу в этом году исполнилось 70 лет. Редакция "Нашего современника" сердечно поздравляет Владислава Николаевича и желает ему здоровья и творческих сил!

В декабре 2014 года Россия и Беларусь отмечают 15-летнюю годовщину создания Союзного государства. К этой знаменательной дате журнал “Наши современники”, вложивший немало сил в укрепление интеграционных связей между нашими странами и народами, публикует статью об инициаторе и идеологе создания Союзного государства Александре Григорьевиче Лукашенко.

ЮРИЙ ГОДИН

ЛУКАШЕНКО: “20 ЛЕТ В СОЮЗЕ С РОССИЕЙ”

На пути к независимости

25 августа 1991 года Верховный Совет Белоруссии принял Декларацию о государственном суверенитете бывшей союзной республики, придав этому решению статус конституционного закона. Руководству СССР из Минска было официально заявлено: “Де-юре мы ещё одна семья, но жить будем по разным квартирам”. Придание Декларации о независимости конституционного статуса, при всей значимости этого факта, по сути дела, ничего не меняло, но это был серьёзный шаг на пути ликвидации Советского Союза. Окончательный развал великой державы состоялся 8 декабря 1991 года, когда на территории Белоруссии – в Беловежской пуще – был денонсирован Союзный договор 1922 года. С этого момента Белоруссия, как и остальные союзные республики, отправилась в свободное, самостоятельное плавание в бурном море мировой политики и экономики, став независимым государством и субъектом международного права.

За двадцать с лишним лет Республика Беларусь прошла сложный путь становления национальной государственности и трансформации внутренней социально-экономической системы. На наш взгляд, в условиях глобализации её внешняя и внутренняя политика претерпела несколько этапов, подвергаясь сильному воздействию как с Запада (Евросоюз и США), так и с Востока (Россия, СНГ, Китай). Это воздействие определяло кардинальные изменения во внутренней жизни страны, которые во многом повлияли на целенаправленный выбор и реализацию специфической, социально ориентированной рыночной модели трансформации национальной экономики Белоруссии. Отмеченные факторы наложили серьёзный отпечаток на внешнеполитический и внешнеэ-

ГОДИН Юрий Фёдорович — экономист-международник, в 1973–2010 годах работал в высших структурах государственной власти. В 1997–2001 годах “делал” аналитику для президентов Б. Н. Ельцина и А. Г. Лукашенко перед заключением Договора о создании Союзного государства, в 2002 году защитил докторскую диссертацию по теме “Усиление интеграционного взаимодействия России и Белоруссии в условиях становления Союзного государства”. По совместительству занимался научными исследованиями в Российской академии наук, автор трёх монографий и более 150 научных статей по российско-белорусской интеграции. Живёт в Москве.

кономический курс руководства республики, закрепление её внешнеполитического вектора и ориентацию на Восток, прежде всего, на Россию – главного стратегического союзника и партнёра.

Конкуренция за вектор развития

Первый этап самостоятельного пути молодой республики (август 1991-го – июль 1994 года) можно назвать периодом выживания и поиска путей национального развития. Белоруссию тогда возглавлял тандем: председатель Совета Министров Республики Беларусь Вячеслав Кебич и председатель Верховного Совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич. Позиции, внешнеполитический вектор и внутривнутриполитическая ориентация их были антагонистичны. Это и понятно, если первый как государственный хозяйственник стоял за сохранение экономических связей с Россией, отдавал приоритет развитию внешнеполитических отношений с Москвой, а второй как выдвигенец националистического Белорусского народного фронта (БНФ), русофоб устремил свои взоры на соседнюю Польшу и на Запад. Сделав блестящую карьеру в СССР, Шушкевич стал одним из его могильщиков и считал это, по утверждению Кебича, чуть ли не подвигом¹.

За короткий срок правления противостоящих друг другу руководителей правящий тандем привёл Республику Беларусь к экономическому и политическому коллапсу. В результате только за 1992-1994 годы в условиях гиперинфляции из страны было вывезено оборотного капитала на сумму более 11 млрд долларов, что составляло две трети всего оборотного капитала республики. Экономика Белоруссии оказалась в одночасье фактически обескровленной и отброшенной на многие годы назад. В стране за отмеченный период произошло снижение объёмов производства, по сравнению с уровнем 1990 года, по автомобилям – в 3,5 раза, тракторам – почти в 4 раза, по телевизорам – более чем в 7 раз и т. д. Повсеместно останавливались предприятия, а 80% из них оказались на грани банкротства; только 2% производственных единиц в сельском хозяйстве работали рентабельно².

По оценке Института экономики Национальной академии наук Беларуси, развитие кризисных процессов в республике “подвело государство к опасной и тревожной ситуации возможной утраты национальной безопасности в результате полного разрушения экономического потенциала”³. Александр Лукашенко дал тому периоду известную ёмкую характеристику: “Власть валялась под ногами”.

Победа Лукашенко

В этот сложный момент жизни молодого государства 10 июля 1994 года на выборах президента Республики Беларусь победу одержал Александр Лукашенко. С его приходом на высший пост страны начался новый, продолжающийся по сегодняшний день этап становления и развития всех сторон общественной жизни Белоруссии.

Вот уже двадцать лет внутренний и внешний курс молодой республики определяет Александр Григорьевич – самобытный, в меру амбициозный, крестьянский прагматичный выходец из деревни на Могилёвщине, прошедший путь в политике от председателя колхоза до директора совхоза, от народного депутата СССР до председателя Антикоррупционной комиссии Верховного Совета Белоруссии. Четвёртый раз подряд он избирается белорусским народом на пост главы республики.

Без всякого сомнения, как внутренняя социально-экономическая политика, так и подчинённая ей внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия страны непосредственно связаны с личностью белорусского президен-

¹ См. подробнее: Кебич В. Испытание властью. Из жизни премьер-министра. Минск, “Парадокс”, 2008, 480 с.

² Лукашенко А. Мы открыты для диалога и сотрудничества. Минск, “Беларуская Думка”, 1999, № 6. С. 8, 9.

³ Никитенко П. Г. Модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси: проблемы формирования и эволюции. Минск, Институт экономики НАН. С. 17.

та. Лукашенко сумел консолидировать свой народ и направить его на социально ориентированный характер реформ как объединяющей идеи. При этом белорусский лидер показал себя истинным защитником национально-государственных интересов во внешней сфере. Тем самым он завоевал доверие, поддержку и уважение со стороны белорусского народа и нажил достаточно врагов на Западе; там его объявили даже последним диктатором Европы, ввели против него санкции, сделав невъездным в страны ЕС и США.

Харизматические черты характера белорусского президента во многом остаются определяющими при выработке и проведении внешнеполитического курса Минска как в отношении главного стратегического союзника – Москвы, в том числе в рамках СНГ, так и – особенно – по отношению к Западу.

Белоруссия в мировой политике

Став независимым государством, Республика Беларусь, как и другие страны СНГ, решает чрезвычайно важную и сложную задачу рыночной трансформации своей экономики при одновременном интегрировании в мировое хозяйство. В ходе этого процесса республика реализует линию на внешнеэкономическую открытость своего народнохозяйственного комплекса, чтобы включиться в систему мирохозяйственных связей в качестве равноправного участника.

Возрастание экономической открытости меняет соотношение внутренних и внешних факторов развития. Мировая практика свидетельствует, что по мере вовлечения национально-хозяйственного комплекса в мировую экономику внешнее воздействие становится всё более значимым в выборе экономической стратегии. Это означает, что государство в нынешних условиях вынуждено регулировать хозяйственную жизнь внутри страны с учётом процессов, происходящих в мировом хозяйстве. Государственная политика концентрируется на приспособлении национального хозяйства к новой системе мирохозяйственных связей, которые сегодня функционируют иначе, чем в прошлом.

Белоруссия относится к разряду сравнительно небольших государств. В составе СССР Белоруссия считалась “сборочным цехом” державы, хотя на долю республики приходилось только 1% территории, 3,5% населения занятых в народном хозяйстве, 4,4% валового общественного продукта. Несмотря на свои малые размеры, Белоруссия занимает очень выгодное географическое положение, располагаясь в центре Европы. Её территория находится на пересечении железнодорожных и автомобильных магистралей, систем нефте-, газо- и продуктопроводов, систем связи, водных и воздушных путей сообщения между промышленно развитой Западной Европой и богатой природными ресурсами Азией. В условиях значительного ослабления мирополитической и мирохозяйственной роли России как правопреемницы СССР, а также в связи с активным продвижением НАТО и Евросоюза на восток Белоруссия играет исключительно важную роль буфера на пути евроатлантических структур, действующих с дальним прицелом в отношении России.

Для западных стран геополитическое и геостратегическое значение Республики Беларусь представляет несомненный, можно даже сказать, исключительный интерес. При поддержке антироссийски настроенных прибалтийских, украинских и польских политических кругов предполагается создать буферную зону от Балтийского до Чёрного моря в составе Украины и стран Балтии с последующим включением в неё Белоруссии. В этой зоне предусматривается протянуть с юга на север нефтепровод, снабжённый соответствующими терминалами, а с севера на юг – газопровод для экспорта природного газа из Норвегии. В буферной зоне планируется установить высокие пошлины на провоз товаров из России, предусмотреть жёсткие квоты и коридоры для экспорта российской нефти и газа в Западную Европу, для движения железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта. Западные спецслужбы даже и не скрывают, что их деятельность направлена на отрыв Белоруссии от России, в том числе, по сценарию, по которому они сегодня действуют на Украине, чтобы привлечь Минск на свою сторону, а хозяйственную инфраструктуру республики, по открытому признанию профессора Института международной политики, политики безопасности, оборонного и международного права Университета Бундесвера в Мюнхене Михаэля Штаакка, использовать

как “потенциальное место для размещения ориентированного на российский рынок производства”¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный фактор, как двойственное влияние Запада на процессы регионализации и участие той или иной страны в какой-либо интеграционной группировке. С одной стороны, западные страны показывают всему мировому сообществу, что в интеграции, в межгосударственном соединении жить лучше, чем без интеграции. Но с другой – именно Запад оказывает сильное дезинтеграционное воздействие, которое связано, прежде всего, с политикой известных правительств и промышленно-финансовых групп. Такая политика проводится в русле геоэкономической и геополитической стратегии Брюсселя и Вашингтона по дальнейшей дезинтеграции постсоветского пространства и ослаблению России. Наиболее ярким примером подобной политики сегодня является Украина, которая оказалась на перепутье между Таможенным союзом и Европейским союзом. Здесь Запад делает всё, чтобы Киев оказался “подальше и позарубежнее от Москвы”².

Россия – главный партнёр и союзник

В отличие от Украины, где, как оказалось, “политика не дружит с экономикой, а власть – со здравым смыслом и собственными интересами”³, Белоруссия – с приходом к власти Александра Лукашенко – оценила объективные факторы целесообразности единения с Россией и на референдуме 14 мая 1995 года ясно выразила свою волю к всестороннему сближению. Его результаты однозначно показали руководству как в Минске, так и в Москве, что белорусский народ хотел бы не только углубления экономической интеграции двух братских государств, но и полномасштабного восстановления разорванных связей, воссоздания единой государственности. Всенародный референдум в Белоруссии стимулировал нарастание реинтеграционных настроений и в российском обществе, и непосредственно у государственного руководства. Следуя волеизъявлению народов обеих стран и используя исторический шанс, наши лидеры сумели за короткий исторический срок расширить и углубить сферу межгосударственных отношений и запустить объединительный механизм сначала в рамках **Сообщества** (2 апреля 1996 года), затем – в **Союзе** (2 апреля 1997 года), а теперь – на этапе создания **Союзного государства** (8 декабря 1999 года).

Чтобы донести до понимания читателя достаточно объективную информацию о тех многочисленных перипетиях и сложностях межгосударственного интеграционного строительства в рамках российско-белорусского союза, по-видимому, необходимо иметь определённый опыт участия и работы в структурах данного интеграционного объединения, а ещё лучше – заниматься также научными исследованиями в этом направлении. Как представляется, только на этой основе независимый наблюдатель и эксперт может сформировать непредвзятое представление о событиях интеграционного взаимодействия двух стран.

Если во внешней политике России Белоруссия является одной из её составляющих как верный союзник и партнёр в деле реинтеграции постсоветского пространства, то для Белоруссии Россия – это центральное звено в её внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в рамках СНГ, но, главным образом, в реализации интеграционного проекта Союзного государства, а с недавних пор – в создании Таможенного союза.

Следует иметь в виду, что Минск критически зависит от Москвы, от двустороннего торгово-экономического и производственно-кооперационного сотрудничества, особенно в топливно-энергетической сфере. Белоруссия импортирует из РФ 85% энергоносителей и практически весь объём природного газа, что по стоимости превышает одну треть ВВП республики. На долю России приходится более 60% товарооборота Белоруссии, то есть Российская Федерация является для неё основным торгово-экономическим партнёром.

¹ См. Штаак М. Продолжение курса на изоляцию. “Internationale Politik”, № 10, октябрь 2001. С. 83.

² См. подробнее: Годин Ю. Ф. “Славянский треугольник”. М., ИМЭМО, журнал “Россия и новые государства Евразии”, 2014, № 2.

³ См. Глазьев С. Ю. На пороге союза. М., журнал “Однако”, 23.11.2009. С. 16.

Таким образом, на внешнюю политику Минска кардинально влияет поведение Москвы в отношении своего ключевого союзника и важного партнёра, который именно за свою промосковскую позицию постоянно подвергается открытой обструкции со стороны западных государств. Следует, однако, особо подчеркнуть, что и отношения Александра Григорьевича во взаимодействии с Кремлём не всегда складывались гладко. Попытаемся проанализировать основные эпизоды, в том числе кризисные, взаимоотношений Минска с правящими кругами России в течение последних двадцати лет нахождения Лукашенко у власти.

Влияние российских групп и интересов

После развала СССР интересы Москвы в отношении независимой Республики Беларусь сильно эволюционировали. Первое время (с декабря 1991 года до прихода к власти в Минске в 1994 году Александра Лукашенко) Кремль был поглощён внутренними проблемами. Для радикально-реформаторских политиков во главе с Е. Т. Гайдаром, задававших тогда тон в России, Белоруссия особого интереса не представляла. Вопреки заявлениям об укреплении дружбы с белорусским народом, Москва на деле стремилась дистанцироваться от Минска, отдавая предпочтение прозападной политике.

В 1994–1999 годах (до отставки Бориса Ельцина) интерес к сотрудничеству с Белоруссией заметно вырос. Это случилось, как уже отмечалось выше, когда Александр Лукашенко стал главой государства под лозунгом единения с Россией и недвусмысленно развернул свою страну на Восток. Эта радикальная переориентация внешней политики объяснялась, среди прочего, резким ухудшением состояния белорусской экономики, сильно пострадавшей от разрыва кооперационных связей с Россией. В 1997 году в Москве за объединение высказалось 92% респондентов, а в Белоруссии – более 80%. Начавшееся сближение было закреплено рядом договоров: о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, о создании Сообщества двух государств, о Союзе Беларуси и России и, наконец, о создании Союзного государства.

Но одновременно возникли значительные трудности. Радикальные реформаторы, возражавшие против создания Союзного государства, обладали сильными позициями в российской исполнительной власти, в то время как левые и левоцентристские силы, поддержавшие российско-белорусскую интеграцию, пытались оказывать давление на Ельцина и его администрацию через парламентское большинство. Ельцин всё время лавировал и сдерживал радикальные инициативы Лукашенко.

Самое яркое и, на наш взгляд, самое драматичное проявление системного кризиса, его кульминационный момент во взаимоотношениях руководства двух стран мы – специалисты Исполкома Союза Беларуси и России – наблюдали в течение 1999 года, когда “утрясались” узловые моменты Договора о создании Союзного государства. Тогда официальный Минск посчитал предложенный российской стороной проект практически ничем не отличающимся от действовавшего Договора о Союзе Беларуси и России. Белорусский лидер не раз отмечал, что российский вариант проекта по своей сути и содержанию не соответствует своему названию, и даже в сердцах обозвал его “посмешищем”.

Александр Лукашенко выдвигал более радикальный вариант, который предполагал введение поста единого президента и создания парламента на основе всеобщих выборов, формирование общего союзного правительства, то есть создание полноценной государственно-политической надстройки Союзного государства с едиными органами власти. Кроме того, по мнению белорусского президента, такое государство должно иметь единую валюту, бюджет, армию и другие атрибуты верховной власти. В конце концов, в символический день – 8 декабря 1999 года – долгожданный Договор был всё-таки подписан в Кремле двумя президентами стран-союзниц.

Заключение Договора о создании Союзного государства, несомненно, создало предпосылки для преодоления системного кризиса в двусторонних отношениях. Однако, как показали дальнейшие события, этого не произошло.

Поведение Москвы и Минска, их воззрения на модель двусторонней интеграции после ухода с политической сцены одряхлевшего Б. Н. Ельцина и

прихода ему на смену молодого В. В. Путина кардинально изменились. Если во времена правления Бориса Николаевича двустороннюю интеграционную идею всё время инициировал Александр Григорьевич, то с приходом к власти прагматичного Владимира Владимировича владение “мячом интеграционного процесса” не сразу, но постепенно перешло к Кремлю. Это стало ясно после того, как Москва предложила Минску три известных сценария межгосударственного объединения на основе принципа “отделения мух от котлет” и получила в свой адрес адекватный “любезный” ответ. После этого интеграционное взаимодействие на десятилетие фактически зашло в тупик. “Процесс строительства Союзного государства на сегодняшний день застопорился”, – заявлял тогда не раз Лукашенко. Белорусский лидер как Председатель Высшего Государственного Совета Союзного государства также не раз констатировал, что первое десятилетие 2000-х годов в союзном строительстве следует назвать “замороженным этапом”.

Мы можем сделать вывод, что Кремль при новом лидере сменил интеграционный вектор.

Россия поставила Белоруссию перед альтернативой: либо полное объединение, либо ничего. Путин фактически предложил Минску влиться в состав России с потерей национального суверенитета. Лукашенко же настаивал на равных правах для своей страны в рамках Союзного государства. Этот вариант, в свою очередь, не устраивает Кремль из опасения превратиться из федерации в конфедерацию с непредсказуемыми политическими последствиями для судьбы России. Кроме того, против создания Союзного государства с равными правами для Белоруссии выступают российские этнонациональные территориальные образования. Их лидеры ещё на стадии обсуждения Договора о создании Союзного государства заявляли: “Мол, что нам делать в славянском Союзном государстве?”

Иными словами, Россия приняла тогда решение в отношении Белоруссии: либо объединение в одно государство на условиях Москвы, либо новые отношения с Белоруссией – не как с союзником, а как с любым другим иностранным государством, без особых поблажек и преференций. Были отменены “специальные условия” в торговле с Минском, в отношении которого Москва заняла сугубо рыночную позицию: “Утром деньги – вечером стулья”. Хотя в принципе Россия не очень-то и нуждалась в тех дополнительных рублях, которые стали платить белорусы за поставки российских энергоносителей по новым ценам. По мнению белорусской стороны, в новом подходе Москвы к отношениям с их республикой преобладал чисто политический мотив.

Судя по всему, белорусское руководство не рассчитывало на такой стремительный пересмотр отношений. Как объяснил А. Г. Лукашенко, “текущие проблемы в белорусско-российских взаимоотношениях – это не более чем неприятный эпизод в великой истории двух братских народов”.

Верный союзник России

Несмотря на возникающие противоречия и даже порой кризисные явления во взаимоотношениях Минска с Москвой, следует, однако, признать, что в течение двадцати с лишним лет Белоруссия всегда доказывала свою верность в качестве союзника России и всячески поддерживала почти все её внешнеполитические акции на международной арене. Особо следует отметить, что Республика Беларусь постоянно и активно поддерживает Российскую Федерацию в её усилиях по реинтеграции постсоветского пространства: и в рамках СНГ, и в ЕврАзЭС, а теперь и в Таможенном союзе (Россия, Белоруссия, Казахстан), и, конечно по-прежнему, в строительстве Союзного государства.

В Минске хорошо понимают, что Таможенный союз предполагает гарантированный экономический эффект для всех государств-участников. По расчётам специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, члены Таможенного союза за счёт интеграционного, синергетического фактора получают дополнительно около 15% прироста своего ВВП. Получение такого результата связано, прежде всего, со снижением издержек производственной кооперации благодаря устранению тарифных и нетарифных ограничений, а также технических барьеров, внедрению единой системы пограничного и таможенного контроля, общего рынка товаров, услуг и труда, свободного

движения капиталов. В конечном итоге, эти меры повышают конкурентоспособность товаров и способствуют росту национальных экономик государств-участников.

С приходом в Кремль Владимира Путина на третий срок Россия в качестве настоящего лидера начала не только на словах, но и на деле серьёзно усиливать свою интеграционную деятельность на постсоветском пространстве. Результатом этой деятельности стало ускоренное формирование Таможенного союза, всецело поддержанное Минском, а также Астаной. Сторонники единения России и Белоруссии с большим удовлетворением наблюдают дружественные встречи двух президентов, во время которых постепенно преодолеваются межгосударственные разногласия, накопившиеся за последние годы. Приезд Путина в Минск 2 июля 2014 года на празднование 70-летия со дня освобождения столицы Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков свидетельствовал о снятии всех барьеров во внешней политике союзных стран.

Что бы сегодня ни говорили о неприятии фигуры и образа Лукашенко, его “сдача” означала бы крах объединительной идеи двух поистине родственных народов и торжество белорусской оппозиции, которая в случае своей победы, без всякого сомнения, развернёт страну на 180 градусов – прочь от России. Однако у сторонников единения с Белоруссией есть уверенность, что в Минске никогда не повторится сценарий государственного переворота, случившегося в Киеве, и республика не изменит свой магистральный внешнеполитический вектор. Курс на Москву и основы внешней политики Белоруссии, утвердившиеся при правлении Александра Лукашенко, не позволят этого сделать.

МИХАИЛ ЛЕМЕШЕВ

Академик Российской академии естественных наук

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Предвижу, что у некоторых уважаемых людей может возникнуть вопрос: почему именно “русское государство”? Ведь страна-то у нас многонациональная?

Да, страна наша многонациональная. И общество наше многонациональное, а вот государство как основной политический, экономический, социальный, военный и правовой институт может и должно быть именно русским. Это предопределяется не только тем, что в составе населения страны на долю русских людей приходится 80% его общей численности, но, главным образом, тем, что **русские – государствообразующий народ**. Именно русский народ создавал и отстаивал на протяжении веков великую многонациональную державу – Россию. Так было в истории, так остаётся и в наше время, так будет и в будущем.

Создание могучего государства, способного обеспечить величие страны, по силам только великому народу. Необходимо особо подчеркнуть, что величие народа определяется отнюдь не только его численностью, но и его жизнеспособностью, созидательным талантом, одухотворённостью. Этими качествами судьбой и Богом в полной мере наделён русский народ.

История России – это история православного русского народа в его благодетельном взаимодействии и сотрудничестве со всеми народами и народностями, населяющими огромные пространства евразийского континента. Плодотворность такого взаимодействия и его высокая эффективность в сохранении и развитии всех российских этносов достигалась, прежде всего, за счёт высокой духовной культуры русского народа, проистекающей из Православия и утверждающейся им. “Наша история, – пишет И. Л. Солоневич в своей прекрасной монографии “Народная монархия”, – есть история того, **как дух покоряет материю**, а история САСШ (современная аббревиатура США. – Прим. авт.) есть история того, как материя подавляет дух”.

Строительство Русского государства и должно осуществляться с учётом этого нашего уникального исторического опыта, который нашёл своё литературное воплощение, в частности, в шедевре русской мысли – “Домострое”. В этом бесподобном своде нравственно-этических и хозяйственных норм русской жизни, написанном священником Сильвестром в начале XVI века, речь идёт не просто об обустройстве дома и семейного уклада жизни, но и о богоугодном поведении русского человека.

Приведу лишь один фрагмент из “Домостроя” о праведном житии: “А если кто по-божески живёт, по заповедям Господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нели-

цеприятно и одинаково всех – богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного, – такие, конечно будут вознаграждены за свои справедливые решения”.

Легко заметить, что эти поучения об обустройстве русского дома непосредственно вытекают из учения Иисуса Христа. Вот тому подтверждение:

“Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен:

Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне.

А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое” (Евангелие от Луки, 6; 47–49).

“Камень” – это и есть истинная Вера. Итак, **только истинная православная вера позволит нам не просто возродить, а и воскресить Россию – Дом Пресвятой Богородицы.**

О возрождении России в наши дни говорится и пишется много. Это стало для многих как бы неким заклинанием, а заклинание, как известно, плохой помощник в богоугодных делах. О возрождении России, хотя и сквозь зубы, хотя и лицемерно, говорят даже “демократы”. При этом они представляют себе это возрождение в форме федерации так называемых независимых государств – бывших республик Советского Союза.

Но почему же федерация? Крупнейший русский философ-государственник И. А. Ильин убедительно показал, “что федерация совсем не есть ни единственный, ни важнейший способ сращения малых государств друг с другом”.

История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое – не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу. “Вспомним, как Франция, – пишет И. А. Ильин, – в III–IV столетиях срослась в современное единство, состоя первоначально из одного королевства, одного курфюршества, 26 герцогств, 6 княжеств, одного маркграфства, одного вольного графства, 77 графств, 19 вице-графств, 14 владений, одного “маркизата”, одного “капталата” и 13 духовных владений. Революционный “жирондизм” был последней вспышкой распада во Франции. К началу XIX века от всего этого множества государств не осталось почти и “швов”.

Италия ещё в середине XIX века (к 1866 году) состояла из Королевства обеих Сицилий, Ломбардо-Венецианского королевства (под протекторатом Австрии), Королевства Сардинского, Герцогства Савойского, Великого Герцогства Тосканского, Герцогства Моденского, Герцогства Пармского, Княжества Пьемонта и Папского Государства. Давно ли это было? В единой Италии от тех времён остались одни “названия” и “титулы”.

История хранит ещё память о том, что на месте современной Испании несколько сот лет тому назад существовали три королевства: Кастилия, Арагон и Гренада; что имелись на её территории и другие государства – Астурия, Леон, Наварра, Маркграфство Барселона. Всё уже срослось в единую Испанию.

Во всех этих случаях, – подчёркивает И. А. Ильин, – малые государства объединились, не федерируясь, а поглощаясь одним из них, сливаясь. Нации ассимилировались, и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма государства уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные “империи” распадаются, ибо одни распадаются, а другие возникают.

Один путь – договорного объединения (федерации), другой путь – политического включения, экономического сращения в унитарное государство.

Думаю, непредвзято мыслящий читатель согласится, что России присущ исторически predetermined и показавший свою уникальную эффективность именно второй путь.

Возможно, некоторые скажут, что суждение великого русского мыслителя изложено им полвека назад, а теперь, мол, другое время. Да, время действительно другое. И надо сказать, далеко не лучшее. Тем не менее, даже в это лихое время два германских государства слились в одно, а предложения некоторых франкоговорящих экстремалов, проживающих в провинции Квебек в Канаде, об отделении её от Канады, отвергнуто референдумом –

полутора миллионами самих жителей Квебека. Даже в Южно-Африканской Республике, где наблюдаются серьёзные противоречия между белым и коренным населением страны, те и другие решили сохранить единое унитарное государство.

В тексте Священного Писания, приведённом мною выше, прекрасно сказано об условии надёжного устройства дома. Но ведь дом наш – это не только скромная сельская изба, городская квартира или загородная дача, не только наш семейный очаг, – это и наше Отечество, и наша Православная Церковь, и наше Русское государство. Так как же нам строить наш общий дом?

Прислушаемся к мудрым предвидениям русских мыслителей. И. А. Ильин с поразительной прозорливостью обращался к нам, свидетелям нынешнего кризиса в России: “Когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: “Народы бывшей России, расчленийтесь!”, – то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмёт в свои руки крепкие “бразды правления”, погасит этот гибельный лозунг и поведёт Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнётся непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия”.

Такая спасительная и созидательная диктатура только и может быть организована посредством создания Русского государства, способного не допустить дробления России и восстановить историческую традицию русского народа в формировании и защите единой и поэтому могучей унитарной державы. Необходимость и закономерность унитарности Русского государства диктуется самим национальным составом населения страны. Численность лиц так называемой титульной национальности, по которым получили наименования ныне существующие республики в составе РФ, составляет лишь 8,9 миллиона человек, при этом многие представители этих национальностей проживают за пределами “своих” республик. Так, только 36% башкир живёт в Башкирии, более половины марийцев – за пределами Марий-Эл, а 70% мордвы – вне Мордовии. В общей сложности, лица “титульных” национальностей составляют 6% населения страны. О какой же федерации можно вести речь? Тем не менее, представители (начальники) национальных республик составляют 26% численности Совета Федерации. Не очевидно ли, что это “федерация” бюрократов, чиновников высшего звена власти – президентов, председателей местных законодательных собраний и правительств?

Создание Русского государства вовсе не означает ущемление интересов других народов, проживающих в России. Напротив, оно должно выступать гарантом равных прав и свобод для всех своих граждан, включая, конечно, и свободу вероисповедания. Разумеется, за исключением тоталитарных, деструктивных и сатанинских сект, на опасность деятельности которых указывал Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II, начиная со времени его интронизации и до последних дней своей земной жизни. Вот его предостерегающие, проникновенные слова: “Дорогие мои! Не нужно думать, что время борьбы со лжеучениями прошло и осталось в далёкой от нас эпохе Вселенских соборов. И сегодня Господь зовёт нас отстаивать Истину Православия от умножившихся проповедников тьмы”. На вредоносность деятельности сектантов указывал ещё святой оптинский старец преподобный Амвросий. В своих “Письмах к мирянам” он с предельной чёткостью разъяснял: “Явных безбожников всякий отвращается и удаляется; людей же, прикрывающихся видом ложной религиозности, в душе же своей пропитанных старым или новым заблуждением прелести вражьей, не вдруг распознает кто-либо и из понимающих дело”. Так что сектанты много зловреднее для веры Христовой, чем открытые атеисты, которые по благодати Божией ещё не лишены возможности уверовать.

С чего же может быть начато строительство Русского государства? Убеждён, что начало этому должны положить разработка и принятие такой Конституции России, которая законодательно закрепит права русских людей как православного государствообразующего народа. В ныне действующей, а точнее говоря, бездействующей Конституции РФ, сочинённой ненавистниками России, этих прав у русского народа попросту нет. В ней демонстративно **даже не содержится упоминания о русском народе, а говорится о мифическом “многонациональном” народе, что с точки зрения этнографии явля-**

ется чистейшим абсурдом. Там можно встретить такие безликие понятия, как малые, коренные, репрессированные народы, но не оказалось места великому русскому народу – носителю суверенитета и источнику власти в России.

Неприемлемо и то, что в Конституции РФ никак не учитываются интересы миллионов русских, оказавшихся за пределами Российской Федерации. В русском народе, равно как и в других народах, населяющих Россию, вполне осознаётся необходимость создания Русского государства и принятия Конституции России. Появились уже заслуживающие внимания проекты Основного закона будущего государства. В частности, я имею в виду проект, подготовленный Лигой защиты национального достояния. Приведу преамбулу предложенного проекта.

“Мы – Русский Народ, сознавая свою ответственность перед Богом, свято чтя память наших предков, создавших Киевскую Русь, Московскую державу, Российскую империю и выстоявших в трагических испытаниях XX века, воодушевлённые желанием охранять своё национальное и государственное единство, права и свободы человека, тысячелетиями складывавшиеся территорию и культурные устои Российской цивилизации, завещая нашим потомкам любовь и преданность Нации и Отечеству, уважение к Человеку, на основе естественного права народов на самоопределение создаём своё независимое национальное государство Россия и принимаем его Конституцию”.

Не пытаясь представить здесь собственный проект, укажу лишь на необходимость принципиальных уточнений в данной преамбуле. По моему глубокому убеждению, следовало бы говорить не о “Российской”, а о русской цивилизации, и не о “независимом национальном государстве Россия”, а о **Русском православном государстве.**

Ставя вопрос о единении Православной Церкви и Русского государства, хочу привести на этот счёт высказывание одного из самых выдающихся иерархов Русской Православной Церкви – митрополита Филарета. В своём слове на память святителя и чудотворца Алексия, произнесённом 12 февраля 1847 года, он отмечал: “Как крепко у нас Церковь и Отечество друг друга обнимали и поддерживали! Как благодетельно было твёрдое единство священноначалия при не довершившемся ещё единстве государственным! Как чудно против тяготевшей над нами силы чуждого неверного народа поставлена была духовная сила Церкви, чтобы несколько уменьшить и сдержать сию разрушительную тяжесть, доколе возрастут и созреют для её отражения победоносные государственные силы”.

Речь шла о мрачном времени татаро-монгольского ига, тяготевшего над Русью, но разве не такой же мрак угрожает Отечеству в наши дни? О благодатной роли Русской Православной Церкви в жизни нашей страны убедительно говорят незабываемый духовный и гражданский подвиг патриарха Гермогена, по молитвам и призывам которого Русь преодолела страшную смуту начала XVII века. Москва была захвачена поляками, на царский престол после злодея Лжедмитрия и захваченного в плен поляками царя Василия Шуйского претендовал польский королевич Владислав, в стране царили разбой и междоусобица. Государственная власть оказалась не в состоянии защитить и сохранить Россию.

Твёрдое стояние Патриарха за веру, его призывы собрать ополчение и освободить Москву отрезвили русский народ и обратили его к покаянию. Патриарху это стоило жизни: поляки, засевшие в Кремле, умурили его голодом. Но и из заточения рассылал Патриарх грамоты через верных и бесстрашных людей.

Вот одно из последних его посланий: “Писать в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы крепко стояли за веру и не пускали сына Маринки (Марины Мнишек, жены Лжедмитрия. – **Прим. ред.**) на престол – не благословляю. Писать в Вологду к властям и святителю Рязанскому, чтобы тоже писали в полки... чтобы клали живот за Дом Пречистыя, как обещали. Да и во все города пишете... говорите везде моим именем”.

Через девять дней после его мученической кончины русским ополчением под руководством Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина была освобождена Москва. Этот живой исторический опыт имеет наиважнейшее значение для построения будущего Русского государства. Вполне осознаю, что это задача предстоящих обсуждений и дискуссий, неизбежных при разработке Основного закона страны. В данный момент ограничусь лишь соображениями об ор-

ганизационных формах создания и функционирования Русского государства. Основу его могли бы составлять выборные органы местного, уездного, губернского самоуправления, при которых формировались бы и исполнительные органы – земские управы. Состав представительных и исполнительных органов власти должен определяться свободными выборами на пропорциональной основе, определяемой национальным составом населения указанных административных единиц. Высшим органом управления на этих уровнях управленческой иерархии должны стать Земские собрания. На этих собраниях избираются члены Земского Собора – Верховного органа власти Русского государства, определяющего политику, стратегию и тактику развития страны и решающего важнейшие вопросы духовной, культурной и социально-экономической жизни российского общества. В земских органах управления всех уровней должны быть представлены все сословия и все народы и народности, проживающие в России. Из состава Земского Собора, впредь до учреждения народной монархии, избирается Высший Государственный Совет – Триумвират в составе Патриарха Русской Православной Церкви, Верховного главнокомандующего и Главы правительства.

При таком государственном устройстве России не нужны будут чуждые ей республиканские “одежды”, ни президентские и ни парламентские. Не нужны ей будут и различные партии, разрывающие единый организм российского общества. Россия в страшном кризисе. Задача создания Русского православного государства несказанно трудна, но это **единственный плодотворный путь к спасению и воскрешению России.**

АНДРЕЙ РУДАЛЁВ

БРАНЬ С ПУСТОТОЙ

Основной сюжет русской культуры

Совершенно элементарная вещь: мировоззрение средневекового человека было чётко структурировано. В основе — тернарная оппозиция: Бог–человек–сатана (к слову, эта оппозиция является структурообразующей в стихотворении Лермонтова “Нет, я не Байрон”, реализуясь в несколько измененном виде: Бог–я–никто). По этой вертикальной линии выстраивались все прочие противопоставления, которые регламентировали человеческую жизнь и поведенческую модель: добро–зло, целое–часть, мир–брань, правое–левое, центр–периферия, красивое–уродливое, правда–ложь, добродетель–грех и другие.

Эта система была предельно понятна человеку, она опиралась на основной библейский принцип свободы воли. Человек — в центре вертикали, и он волен выбирать: либо по лестнице добродетелей подниматься вверх, либо совершать падение вниз. Остальное от лукавого — соблазн, морок.

Важно ещё и то, что, в отличие от Нового времени, культуре Средневековья неведома была категория *характера*, да и такого понятия, как личность, не существовало. Плохо ли это, была ли, исходя из этого, та культура ущербной? Едва ли. Всё то сложное сочетание многих индивидуальных качеств, которые мы подразумеваем под характером, перекрывалось такой категорией, как духовная брань. Человек — личность, индивидуум — нечто греховное, неполноценное, это часть, отпавшая от целого (можно вспомнить лермонтовский “Листок”). Это состояние должно быть преодолено, исправлено. Ради этого исправления человек ведёт внутреннюю и внешнюю духовную брань. Часть имеет смысл только в единстве с целым, в общности. Вспомним евангельское: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них”.

Отсюда происходит ещё одна важная особенность: переживание одиночества, тоски, печали, уныния, так свойственные человеку Нового времени, средневековым сознанием воспринимались как проявление дрейфа в греховное. Это отказ от ведения духовной брани, которая составляет смысл человеческой жизни и является основным путём его обожения. Если современный человек возвёл личное одиночество практически в культ, то, например, для христианского подвижника было характерно переживание целого, особого единства.

Подвижник воспринимает себя частью особого духовного полка, ведущего беспрестанную брань. Даже в уединении, в глухой пустыне или лесной чаще он ощущал себя находящимся практически в луковиче этого единства — особой многослойной целостности, которая и слагает духовный полк, в кото-

ром он состоит. Подвижник шёл по стопам Спасителя и старался во всём уподобляться Его земному пути, параллельно ощущая Его присутствие, воспринимая Его как вождя. Такое же единение он переживал со святыми, которые уже прошли этим путём и составляют небесный духовный полк. Также единством сочетался он и с другими соратниками, сподвижниками, братьями, шествующей по этому же пути. Была ещё и внутренняя духовная крепость человека, который измерял свою жизнь по шкале тернарной вертикали. Традиция и настоящее, божественное и человеческое – всё это составляло ощущение единства, особые доспехи в духовной брани. Современный человек иллюзию подобия этого ощущения пытается выстроить, к примеру, в соцсетях.

Стремление к этому единству, преодоление состояния части, розни, отчуждённости, разобщённости, пустоты составляет генетическое свойство отечественной культуры. В этом её главный смысл, стержень и движитель. Линия этой брани с пустотой и разделённостью проходит через всю отечественную тысячелетнюю культуру и историю.

Здесь Бог с сатаной борется, а поле битвы – не только сердце человека. Потому как сердце – это не столько индивидуальное “Я”, сколько соборное “мы”. Эта брань отражается и распространяется во всех. Тот же классический русский персонаж героя-правдоискателя – это далеко не пассивный наблюдатель-натуралист, а скорее воин, отправившийся в поход с целью устроить особый порядок в мире, основанный на нравственных принципах.

Один из апофеозов этой брани пережила страна и в недавней своей истории. Когда общество впустило в себя пустоту, допустило девальвацию и перереформатирование ценностей, когда отказалось от борьбы, отступая перед разрухой. Когда пустынная эрозия стала разъедать и внешний мир, и внутреннее духовное пространство.

Появилось даже ощущение целого поколения пустоты. Это не клеймо, не субстанциональный признак, а некое общее тягостное мировосприятие, которое необходимо преодолеть. Бесплодная пустыня – аллегория души, покинутой Богом, грехопавшей, но в то же время – это особый этап на пути. В нём можно завязнуть и погибнуть, а можно выйти из него преобразённым.

Превалировало ощущение себя как осколков, разрозненных частей былого, но потерянного единства, ставшего теперь бесформенной, хаотической массой. Мир стал восприниматься с предлогом “без”, как в стихотворении Пушкина: “Без божества, без вдохновенья, / Без слёз, без жизни, без любви...” Вокруг воздвигнут искусственный мир, который представляет собой не более, чем хрупкие и пустотельные декорации. Декорации ошибки.

Поколение с пустым и тёмным будущим, ярко описанное в “Думе” Лермонтова. Удел этого поколения, как приговор: “Толпой угрюмою и скоро позабытой / Над миром мы пройдем без шума и следа...” Это лермонтовское стихотворение показывает, что и наша современная ситуация не уникальна, что этот сюжет неизменно присутствует в отечественной истории. Михаил Юрьевич показывает нам пример борьбы, изживания, преодоления демона пустоты как вектор от “Никто” к Богу в его знаменитом стихотворении “Нет, я не Байрон”, к восстановлению святынь.

Поколение с глубоким рубцом на сердце после разлома великой страны, с растоптанной историей и осквернёнными душами. Поколение, перед глазами которого развернулась трагедия тех, кто был выброшен на обочину жизни. Как, к примеру, герой романа Сергея Шаргунова “1993” Виктор Брянец, приложивший руку к созданию лунохода, но в новых реалиях загнанный под землю – чинить прогнившие коммуникации города. Вместо этого на первые позиции стали выходить производные пустоты – хлестаковы, чичиковы. Полные нули, ни то ни сё.

Люди отказались от очевидного, казалось бы, безусловного, привычного – от борьбы. Превратились в тени. Они обречены на исход как наказание за грехи. Отчего пал Константинополь? За грехи. За унию – за договор с пустотой и разрухой.

В подобное состояние беспутства впала и литература. Она практически перестала реагировать на происходящее. Стала аутичной, забила в свою нору. Ситуация оказалась схожа с обрисованной Боккаччо в “Декамероне”: бегом, бегом из болеющей Флоренции на загородную виллу, где можно создать круг единомышленников вдали от смертельной инфекции, которая ох-

ватила всё вокруг, и смысла противостоять ей нет никакого! Эта литература стала ограждать себя от прочего мира оградой стилия. Внушила себе высоко-родность, стала отмежеваться от простолоюдинов, прикрываясь мантиями своих стилистических шифров, стала рассуждать о качестве, об эстетизме, всё более повисая в безвоздушном и беспочвенном пространстве.

И здесь крайне важно было появление в 2001 году манифеста Сергея Шаргунова “Отрицание траура” (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html). В нём он пишет, что литература, живущая в собственном герметичном пространстве, “больше не нужна народу”, она “обречена на локальность”, на существование в резервации. Необходимы открытые формы диалога народа и искусства, которые принадлежат друг другу.

Шаргунов сказал о среднем человеке, который “значительней и интересней любых самых бесподобных текстов”. При том, что все последние годы этот самый *средний простой человек* полностью игнорировался, он был не *героем времени*, а его аутсайдером, его пытались сравнить с полным нулём, вывести в *никто*.

Миру пустынному, дробному, хаотичному он противопоставил совершенно конкретные вещи, где “почва – реальность. Корни – люди”, и именно через них возможно преодоление этого состояния.

Шаргунов писал о “новом ренессансе”, о поколении, аналогичном Серебряному веку, которое сильно своей полнотой, пёстрым многообразием, где ушли на второй план идеологические противоречия, где торжествует настоящее искусство. Оно симфонично, поэтому и возвращается “ритмичность, ясность, лаконичность” текстов. Свой манифест молодой писатель завершил фразой: “Надо сказать просто: литература неизбежна”.

Удивительно, но и само заглавие этой небольшой статьи крайне важно и показательно. “Отрицание траура” – отрицание отрицания! – это квинтэссенция русской культуры, отражающая постоянный мотив борения с пустотой и распадом.

Именно преодоление пустоты стало знаменем поколения, которое заявило о себе в литературе в первое десятилетие нового века. Манифест Шаргунова отразил общее мироощущение, жажду выхода из состояния пустынножительства.

Этот вектор был воплощён в герое-бунтаре, которого категорически не устраивает нынешнее положение дел, и он приносит себя в жертву, чтобы противостоять разрастающейся пустоте. Таков Саша Тишин – герой романа Захара Прилепина “Санькя”, – который в финале выбрасывает рупор этой пустоты – помощника губернатора Безлетова – в окно.

В романе философ-чиновник, друг умершего отца Саши, исповедует особый либеральный нигилизм. Тишинской позиции неприятия существующего порядка вещей противопоставлена точка зрения, что никакого порядка и нет. Безлетов заявляет: “Здесь нет ничего, что могло бы устраивать. Здесь пустое место. Здесь даже почвы нет... И государства нет”. Страны никакой нет, людям лишь надо дать дожить “спокойно по их углам”, потому как “народ... невменяем”.

“Пустое место” Безлетова – это полное безвариативное небытие, без тенденции к восстановлению. “Россия должна уйти в ментальное измерение” – таков его приговор. Саша Тишин же утверждает, что “в этой стране революции требует всё”, так как всё заражено вирусами распада и пустоты. Революция – это преодоление разлагающей инерции. Ей он кричит в мегафон из губернаторской резиденции: “Вижу в вас гной, и черви в ушах кипят!”

Финал романа – восстановление традиционного отечественного культурного кода, осознание его основополагающей линии: обретение цели, постепенное возвращение ценностей.

После отрицания траура и жертвенной борьбы с пустотой появляется возможность чуда. Можно вспомнить характеристику Виктора Брянцева в романе Шаргунова “1993”: “чудак в ожидании чуда”. Это не лежание на печи и ожидание трансцендентной *манны*, а ожидание деятельное, трудническое, по примеру героя рассказа Фёдора Абрамова “Сказание о великом коммунаре” Силы Игнатьевича.

Мир воспринимал его в спектре от чудо-богатыря до чокнутого. Но этот человек, упорно проделывавший совершенно не понятный окружающим труд,

в итоге совершил чудо – “север от деревни отогнал”. Сорок лет крестьянин соорудил преграду на пути смертоносной силы – осушал болото, через которое, “как по трубе, хлынет стужа на деревню. Всё сжигало, всё убивало”.

Его малые дела сродни подвигам святого. Его труд превращался в определённое литургическое действие, совершаемое праведником, становился его актом коммуникации с Богом. Да и сам крестьянин воспринимал дело своей жизни не как простую механистическую работу, – для него это сражение, брань с чертями, война с болотом.

Схожий мотив деятельного чуда, которое преображает мир, воспроизвёл в своей повести “Полоса” Роман Сенчин.

В основу повести положен реальный случай, который чуть не обернулся катастрофой: 7 сентября 2010 года самолёт Ту-154 совершил аварийную посадку в бывшем аэропорту посёлка Ижма Республики Коми, который теперь, в годы тотальной оптимизации, свернулся до вертолётной площадки. Прототипом героя повести Сергея Шулина стал реальный человек – Сергей Сотников, который все годы следил за взлётно-посадочной полосой.

“Пусть уж могила, но не пустое место”, – считал Шулин. За этой могилой он и ухаживал все годы, несмотря на упрёки окружающих. Встал на пути пустоты. Годами совершая нерациональные, казалось бы, бессмысленные поступки, он следил за взлётно-посадочной полосой, вырубал на ней кустарники, гонял автомобили, которые норовили её занять, и тем самым предотвратил катастрофу – гибель пассажирского авиалайнера. Шулин вырвался из дурной бесконечности круга бесцельной жизни, вышел за пределы своей личной ограды и ощутил реальность цели, которая состоит в освоении, сбережении ценностей, а не в умножении пустоты.

“Что будет с территорией, на которой никого не останется?” – задаётся Шулин вопросом во время поездки в Москву на встречу с премьер-министром. Этот процесс не остановить действиями одного человека, даже если он – глава государства. Нужна общая воля общества, которое должно обрести цель, выйти, как Шулин, за пределы своей ограды или в пределах ограды и остаться, пока не ляжет в ней под землю насовсем.

Русский человек силён этим внутренним богатством – созидательной, собирающей силой, противостоящей разладу, распаду. В основе личности человеческой – не индивидуалистические мотивации, а духовная брань, совершающая чудо. Этот важный отечественный культурный код прочитало и восстанавливает поколение, которое в полной мере прочувствовало вселенскую катастрофическую ситуацию торжества хаоса и триумфального шествия пустоты по стране, по людским судьбам и душам. Восстанавливает не только в литературе, но, к примеру, в Новороссии, куда за правдой идут многие люди, доказывая, что за тысячелетие русский человек мало изменился. Он до сих пор на передовой, где Бог с сатаной борется. Значит, есть смысл, значит, есть цель. И будут возведены преграды на пути пустыни. И вслед за Шаргуновым можно повторить: “литература неизбежна”, – так как она – летопись этой брани!

г. Северодвинск

ВИКТОР СБИТНЕВ

УКОРЕНЁННЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Есть такая земля – Кострома...

Нет, в самом деле, странным образом скроен русский человек, а тем паче, костромич! И четыреста лет назад, сразу по завершении “великой смуты”, удивлялся он тому парадоксу – что отчего-де посчастливилось уродиться вроде на самой обширной и богатой земле, а живём беднее всех?.. И триста лет назад удивлялся: что же это, всё рубим и рубим эти проклятые “европейские окна”, а живём по-прежнему скудно?.. И двести лет назад, низвергнув французского супостата, перед которым трепетала вся Европа, и принеся тем самым российскому самодержцу всемирную славу и господство, удивлялся тому же. Ещё более удивлялся он этому сто лет назад, в 1913 году, когда империя Российская во главе с опекаемыми царём костромскими белопащцами кормила своим хлебом едва ли не всю Европу, а сама перебивалась со жмыха на солому... Кстати, именно в ту достопамятную пору гениальный костромской философ Василий Розанов в письме к своему не менее гениальному земляку Павлу Флоренскому назвал костромичей **самыми укоренёнными людьми России**, вложив в это определение как великую гордость, так и “многие печали”.

В последнее время меня, такого же костромича, только живущего столетием позднее, стало вдругстораживать специфическое свойство российской жизни – то, что её парадоксы каким-то весьма чудным образом перешли из разряда явлений исключительных в разряд обыденностей, проще говоря, перестали удивлять. Ну, скажите на милость: разве сегодня кому-нибудь понастоящему больно от такого очевидного несоответствия: **Россия – самая богатая страна мира, а подавляющая часть её населения живёт, по современным меркам, бедно**. И даже очень бедно! Повторюсь, что из подобных парадоксов буквально соткана современная российская действительность. Но даже на общероссийском фоне Костромская область – тоже своего рода парадокс, причём парадоксален самый факт существования такого субъекта на карте Российской Федерации. Но обо всём по порядку.

Начнём с того, что Костромская губерния после 1917 года зажила, пожалуй, самой тяжёлой по сравнению с другими регионами России жизнью. Ничего хорошего от самодержавия не выдавшие большевики чрезвычайно не любили Кострому, известную как “колыбель дома Романовых” и одна из “по-

СБИТНЕВ Виктор Альбертович, прозаик, публицист, главный редактор “Костромского собеседника” — ежеквартального литературно-художественного журнала Костромской области.

ставщиц” на бурно развивающийся капиталистический рынок целой плеяды блестящих личностей купцов и предпринимателей, среди них Фёдор Чижов, братья Павел и Сергей Третьяковы, Иван Сытин, Михаил Красильщиков и другие. Именно они и им подобные заложили отличительные черты истинно русского предпринимательства, которые до сегодняшнего времени являются едва ли не главным примером рачительного отношения к делу. Ни до Чижова и его “коллег по ремеслу”, ни после них в России не было столь квалифицированных и профессиональных устроителей крупных производств и столь же справедливых и совестливых граждан страны и родного края. Львиную долю своих гигантских прибылей эти “хищные буржуи” вкладывали в учреждение и содержание в Костроме и губернии учебных заведений, театров, больниц и в строительство иных общественно значимых объектов.

В послереволюционное время с Костромской губернией творились разные чудеса. Сначала её упразднили, превратив в район огромного Ивановского промышленного края, а затем кое-что от неё перепало Нижнему Новгороду (Горькому), Ярославлю и Вологде. При этом надо заметить, что знаменитый Иваново-Вознесенск до этой славной “перестроечной” поры был всего лишь одним из многих промышленных посёлков, разросшихся, как грибы после дождя, по всей стране, вставшей на путь капиталистического развития. Там (да простят меня трудолюбивые и добрые ивановцы!) до этой самой поры фактически не творилось ничего, что бы стало заметно в российской истории, но там возникли первые Советы!.. А в центре Костромы – древнейшего русского города – на постаменте искусно выполненного памятника бывшей правящей династии установили статую... вождя мирового пролетариата! А памятник династии Романовых, правивших Россией 300 лет, уничтожили вместе с Костромской губернией.

Каждый, кто учился в советской школе, а тем паче окончил советский вуз, помнит, что, в отличие от наших времён, преподаванию истории тогда уделялось ключевое место, и, конечно, знает, что в конце двадцатых годов, вскоре после свёртывания нэпа, страна взяла курс на индустриализацию. Огромные средства и людские ресурсы были брошены на строительство крупных промышленных предприятий. Их строили по всей стране, в том числе и на территории современного Центрального региона: в Ярославле, Иванове, Горьком, Вологде, Кирове... Но никто не собирался строить что-либо фундаментальное в каком-то районном центре, каковым в ту пору числилась Кострома!.. Да, на её территории валили лес для строек в соседних областях и сменяли на эти стройки костромскую молодёжь. И Костромскому краю оставалось развиваться, в сущности, одно лишь сельское хозяйство, по которому в эту пору шёл “девятый вал” коллективизации, сопровождавшийся массовыми раскулачиваниями наиболее работающих и соответственно продуктивных крестьян. Но костромской мужичок не опустил руки, и недаром же много позднее, в шестидесятые годы, лучший секретарь Костромского обкома КПСС Флорентьев был назначен на должность министра сельского хозяйства СССР. В Ярославле же отстроили огромный шинный и нефтеперегонный заводы, в Рыбинске – Рыбинский моторный, рядом с Вологдой – Череповецкий металлургический комбинат, в Иванове – целую череду текстильных фабрик, в Горьком... один автозавод чего стоит! Не говоря уже про мощнейшую “оборонку”! А потом началась война.

Хотя Кострома до самого 9 Мая 1945 года оставалась глубоким тылом, но Великая Отечественная выкачала и перемолола в своих смертоносных жерновах практически всех молодых мужчин края. Как значится в Костромской энциклопедии, “Костромская область отдала каждого четвёртого своего жителя фронту и каждого второго из них – безвозвратно”!.. Поэтому когда в августе 1944 года статус Костромской области был наконец-то восстановлен, он стал хоть каким-то, хотя и слабым утешением всему сильно поредевшему населению края. По городам и весям Костромской земли стоял плач куда более безутешный, чем во времена Батыева нашествия, когда и Кострому, и древний Галич не раз жгли, а то и вовсе стирали с лица земли. Да, во время войны область несколько пополнилась беженцами и эвакуированными с западных территорий страны, но это были, в основном, женщины, дети и старики. Многие истощённые дети Ленинграда, так и не сумев поправиться, умерли на Костромской земле, где им сегодня, словно считая себя в чём-то виноватыми, памятливые костромичи, “укоренённые русские люди”, поставили великолепный памятник.

Началось восстановление страны из развалин и пепла. И вновь СССР призвал на эти стройки самых молодых и перспективных. Губернатор Сергей Ситников, возглавивший Костромскую область два года назад, ссылаясь на недавние исследования Института прикладной социологии РАН, в личной беседе констатировал то печальное обстоятельство, что поскольку на территории нынешней области лет пятьсот (!) не велось никаких крупных строек, отток молодёжи отсюда был явлением постоянным. Притока же, естественно, не наблюдалось. Это, с одной стороны, сказалось на генетике местных жителей (почти чистая русская генетическая линия сохранилась!), а с другой — неминуемо привело к старению местного населения. И сегодня процесс этот, особенно в районах, приобретает угрожающий характер. Приток, по словам губернатора, конечно, был, но кого! В первую очередь, это отставные военные и северяне, которые приехали к нам в рамках жилищных проектов и программ, а они, как правило, люди уже немолодые.

А между тем, власти заново созданной области к шестидесятым годам оказались перед фактом, что между районами, с одной стороны, и областным центром — с другой фактически нет сколько-нибудь надёжных путей сообщения, то есть элементарных проезжих дорог. В тридцатые годы их прокладывали разве что для подвоза спиленного леса к железнодорожным узлам. Пишущий эти строки, приехавший в Кострому в конце восьмидесятых годов, добирался в дальние районы области, в основном, на самолёте Ан-2, который зимой, случалось, приземлялся и на каком-нибудь огороде. Вообще, вновь образованная область (исконно костромские, поволжские районы — Плёс, Кинешма, Юрьеvec так и остались за Ивановым) представляет собой довольно странную конфигурацию — это некий “чулок”, вытянутый с юго-запада на северо-восток примерно на шестьсот вёрст. И если сама Кострома стоит далеко не на самой северной реке Волге, то из Павина и Боговарова в особо морозные зимние ночи запросто можно увидеть сполохи северного сияния. А родина знаменитого русского художника-сказочника Ефима Честнякова вообще носит название в самом прямом смысле разъединяющее — Кологрив, то есть город, расположенный около (“коло”) гривы. Той самой гривы — выпуклости тверди земной, которая проводит чёткую границу между Югом и Севером России. И всё здесь, так или иначе, подчинено этому геофизическому разграничению. Например, реки, берущие начало к югу от этой гривы, такие, как некогда сплавная и богатая рыбой Унжа, текут в Волжский бассейн, а те, что начинаются севернее, скатываются с гривы на Север, к Ледовитому океану. В связи с этим и народ на территории нынешней Костромской области живёт разный, даже образ жизни, а не только говор у северян и южан совершенно не похожи один на другой.

Жители юго-запада области в большинстве своём значительно практичней и жёстче северян. В прежние времена где-нибудь в районе Вохмы, встретив на ночной дороге случайного мужика, можно было запросто рассчитывать на кров и скромный ужин. Увы, на юго-западе области, вблизи оживлённых магистралей и торговых путей, крупных производств и соответственно более обеспеченной жизни, такое представить гораздо трудней. А если уж и приютят, то за определённую плату. Бедность наша портит людей. Области **нужны** деньги. А их в нашем практически лишённом крупной промышленности крае всегда остро не хватало. Бюджет-то, как известно, пополняется за счёт налоговых поступлений с продуктивно работающих предприятий.

И всё-таки, как говорится, “лучше поздно, чем никогда”. Кое-как справившись с разрухой на западе страны, центр наконец-то обратил внимание на проблемы, так сказать, молодой области. Впрочем, всё вновь подчинили идеологии и геополитике, и уже в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов вокруг Костромы развернулось интенсивное строительство многочисленных ракетных шахт под ядерные ракеты, разумеется, с соответствующей инфраструктурой: сетью дорог, мостов, городков и прочего, прочего, прочего... Поскольку многие шахты “пришлись” на крайне заболоченную почву, копать которую было бессмысленно, её замораживали жидким азотом и лишь после этого долбили и сверлили. Когда ракеты были уже наведены на потенциальных врагов — страны НАТО и США, — вспомнили, что в столице области до сих пор нет шоссевого моста через самую крупную реку Европы — Волгу, которая здесь разливается более чем на версту. Мост построили лишь к 1970 году, а до этого так и сообщались две городские стороны при помощи

парама. И это в то время, когда большинство крупных промышленных предприятий было построено как раз на менее значительной по численности населения заволжской стороне города (в прошлом году на мосту провели долгожданный ремонт!). Так и жили, сурово и весело.

Основное костромское производство — это текстильные мануфактуры и машиностроение, но со временем появилась и углублённая переработка древесины, и не только в Костроме, но и на северо-востоке области: в Мантурове и Шарье. Честно говоря, костромская лесная отрасль жила очень неплохо почти до ельцинских времён. Леспромхозы (ЛПХ) стали не только производственными локомотивами края, но и средоточием культуры и духовной жизни. Здесь и зарабатывали больше, и жильё строили, и соцкультбыт налаживали, и работников своих и членов их семей обеспечивали всем необходимым для хорошей жизни, в том числе и пресловутым дефицитом. Костромской край — это не только Волга да боры дремучие, хотя под Кологривом до сих пор сохранились участки девственной нетронутой тайги с выводками теремов и глухарей, с лосями, медведями, кабанами и даже рысями. **Костромская область — это страна синих озёр и разливов до горизонта, это край искусных рыболовов и охотников, грибников, ягодников, травников и уникальных знатоков всех удивительных секретов русского Севера.** Здесь, где-нибудь под Боговаровом, пахают такое домашнее масло, что после него и знаменитое вологодское есть не станешь. Здесь, где-нибудь под Бумом, Сусанином, а то и Вохмой тебя угостят таким сыром, какой ни одному голландцу придумать не под силу. А от ухи с Чухломского озера можно сойти с ума! Вспоминается одна занимательная история...

В разгар так называемого застоя в Кострому очень любил ездить на охоту брежневский зять Юрий Чурбанов со товарищи, которого, как водится, встречало первое лицо региона, в ту пору — первый секретарь Костромского обкома КПСС Юрий Баландин. Уже находясь в воздухе, первый заместитель министра внутренних дел Чурбанов попросил главу области Баландина угостить его знаменитыми чухломскими карасями. Времени оставалось в обрез. Что делать?! Баландин, о крутом нраве которого в Костроме до сих пор рассказывают анекдоты, вызвал из местной воинской части вертолёт и послал солдатиков на Чухломское озеро ловить карасей. А дело было январской ночью, аккуратно на Крещение! Мороз в Чухломе стоял такой, что весь карась забился в тину, и в сеть, спущенную через прорубь, естественно, идти не торопился. Обозлённый Баландин сидел на рации, поминутно спрашивая про улов. О каждом пойманном карасе ему докладывали отдельно. Наконец, когда число рыбин перевалило за дюжину, первый секретарь приказал срочно лететь назад и как можно скорее доставить улов вместе с чухломским ухаваром. А весил каждый озёрный карасик, между прочим, никак не меньше килограмма. Так что Чурбанов и московские генералы были страшно довольны угощением, сваренным в специальном казане на каких-то заранее заготовленных, не известных никому травах... И подобных рассказов я слышал десятки, и все они всегда были только из первых рук, от непосредственных участников и свидетелей событий.

И всё же, увы, самое сильное впечатление на меня произвели не Чухломское и Галичское озёра, и даже не заповедный Каменик, где, запнувшись о белые грибы, можно вывихнуть ногу, а острова между Нёмдой и Унжей неподалёку от Берёзовца, что в Кадейском районе. Мы с сыном ловили там щук “на дорожку” и были страшно увлечены процессом, как вдруг заметили какие-то странные перемены вокруг. Словно Стикс переплыли! Вода незаметно встала и потемнела, а кругом воцарилась такая мёртвая тишь, какой в июле, да ещё на весёло текущей Нёмде, просто быть не могло! Ни птичьего щебета, ни коровьего мыканья (на островах всегда паслись коровы, самостоятельно переплывав с одного клочка суши на другой), ни древесного шелеста... Внимательно присмотревшись к ближайшему острову, мы увидели старый пирс из полусгнивших брёвен, а дальше — ржавые остовы небольших судов-лесовозов и лесопогрузочной техники: краны, лебёдки, вагонетки, обломки рельсов, обрывки тросов и прочее. Потом появился ещё один такой пирс, а потом ещё и ещё. Всё как будто говорило о том, что здесь произошла какая-то страшная катастрофа, и люди, которые некогда работали в этих краях, просто в одночасье бросили всё и кинулись в чащи, спасаясь от смертельной опасности. И больше они сюда уже не вернулись. Сын, ничего не понимая,

сидел на корме и, словно домашнего кота, гладил по голове недавно пойманную, ещё не уснувшую щуку, а я вдруг вспомнил про Унжлаг, о котором мне рассказывал один костромской краевед пару лет назад. Помнится, я ещё и слушал-то его не шибко внимательно, поскольку обильно хлынувшей литературой обо всех этих лагерных ужасах был уже утомлён. И вот на тебе, так просто, безо всякой журналистской цели, сибаритствуя и наслаждаясь любимым видом отдыха на редкой по красоте реке, взять и выплыть сразу в центр самой страшной русской трагедии!.. Ещё не выйдя полностью из ступора, я неожиданно громко закричал сыну, чтобы он грёб отсюда в обратную сторону, ужасаясь одной лишь мысли, что впереди нас могут поджидать всё новые и новые пирсы. Успокоились мы лишь возле Берёзовца при виде плывущего прямо по Нёмде стожка (!). Это один из местных “укоренённых” жителей вёз с островов сено, укутавшись в него с головой.

Вообще говоря, костромичи в семидесятые-восьмидесятые годы жили не хуже других, и не только “лесники” (работники лесной отрасли), но и, например, многочисленные “текстильщики”, которые имели весьма приличные привилегии по сравнению с теми же машиностроителями, учителями и прочей интеллигенцией: высокие зарплаты, ежегодные бесплатные путёвки, свои профилактории и стадионы. Да и самый крупный в области Дворец культуры, в который охотно ездили и ездят все звёзды страны и зарубежья, — их, текстильщиков! Даже в первые годы ещё советского рынка они оказались в выигрыше, поскольку стали менять часть своей продукции на дефицитные в ту пору автомобили “ВАЗ”, которых попросту не было в свободной продаже. А тут директора льняных комбинатов обеспечили своих сотрудников дефицитными автомобилями “от и до”! Многие, честно говоря, их попросту перепродавали, и не по одной машине. Ещё лучше жилось работникам крупнейшей в Европе Волгореченской ГРЭС, расположенной в полусотне километров от Костромы, которая до приезда на неё Чубайса была не только градообразующим для Волгореченска предприятием, но и значительно пополняла областной бюджет. Но с приходом во власть Ельцина и команды Гайдара всё, увы, в Костромской области стало круто меняться в худшую сторону. И, конечно, не только и даже не столько в материальном отношении. У большинства “укоренённых” россиян попросту вышибли из-под ног абсолютно все основы их жизни, самого мироощущения. Подавляющее большинство людей среднего и более чем среднего возраста перестали понимать: что (а главное — во имя чего) в стране происходит? Какие-то проворные молодые люди, которых никогда не видели ни на фабриках, ни на комбинатах и заводах и которых ранее все считали тунеядцами и спекулянтами, стали массово скупать ваучеры, становясь хозяевами тех самых предприятий, что совсем недавно кормили практически всю область. Теперь же, воцарившись на них, новые хозяева, первым делом, грубо говоря, гнали всех в шею, и прежде всего — самых опытных и профессиональных специалистов, потому что они во все времена оставались, по большому счёту, независимыми гражданами края и страны. Признаться, мне этот процесс чем-то напоминал раскулачивание, только в сфере производства. Чем всё это закончилось, известно. Самые умные и мастеровитые со временем ушли в частные фирмы, а то и вовсе уехали из края, оставив фабрики и заводы на полное разграбление и умирание. И они практически все умерли...

Умереть текстильной промышленности края помогала и Китай, рьяно занявшийся переработкой исконно русского продукта — льна. Китайцы стали заваливать им западные рынки по заниженным ценам. И вскоре Дания, Голландия, Италия и иные наши постоянные западные партнёры переключились на торговлю с китайцами.

Но куда больнее было “лесникам”, поставившим на рынок основной костромской продукт — пиломатериал. Главный удар гайдаровцы нанесли по леспромхозам, практически уничтожив их и завязанные на них структуры жизнеобеспечения. И если горожане в этой ситуации ещё как-то могли переориентироваться и даже какое-то время просуществовать, например, на зарплату члена семьи, занятого в другой отрасли, то в многочисленных удалённых от центров лесных посёлках наступил самый настоящий мор, поскольку в них все только лесом и занимались — от мала до велика. Я знаю, о чём пишу, потому что изъездил весь костромской северо-восток вдоль и поперёк.

Лесорубы – это соль костромской земли

Их посёлки и называются по-особому, словно и не сёла так называли, а прозрачные лесные родники, которые всегда наши люди оберегали пуще своей жизни: Талица, Воробьёвица, Полдневица, Черемошница... Так и слышится в них – “водица”, а ещё есть в очереди их и Питер, и Иерусалим... В конце концов, ЛПХ точно так же разворовали и обанкротили, как и городские предприятия. В этой связи мне в ту пору очень хотелось дать холёному “реформатору” Гайдару топор и отправить его куда-нибудь под костромскую деревню Гротовщина, в царство мошкары и слепней – сучковать заваленный ельник!..

А “процесс”, о котором говорил ещё Горбачёв, всё шёл и шёл: вскоре в области ликвидировали мобильные дорожно-эксплуатационные предприятия (ДЭПы), жилищно-эксплуатационные комбинаты и участки (ЖЭКи и ЖЭУ), ремонтно-строительные участки (РСУ) и даже наша “градообразующая” ракетная дивизия была выведена в неизвестном направлении, а многочисленные ракетные шахты взорвали и частично засыпали старыми денежными купюрами. Я бывал в брошенных военных городках, на так называемых ракетных точках. Ощущение сродни тому, что я описывал выше, когда случайно запыл в УнжЛаг. Но до сих пор я езжу на своём автомобиле по многочисленным проложенным военными бетонкам, и до сих пор в костромских лесах не заросли рваные траншеи – следы выкопанных мародёрами кабелей... О сельском хозяйстве и говорить нечего. В области есть районы, например, Пыщугский, где “колхозов” (ОПХ или СПХ) нет вообще: скотина забита, а пахота окончательно заросла дурниной.

Но, как утверждал некогда Александр Блок, у которого взбунтовавшиеся в семнадцатом году мужики сожгли родовое имение, сколько бы мы ни говорили о печальном и не рассуждали о концах и началах, всё же необходимо думать и о простом человеческом счастье. Какое оно у людей в нашем заповедном лесном краю? “Оно соткано из удивительных, неповторимых приоритетов, – считает костромской губернатор. – Скажите, где ещё, в каком регионе огромной страны русский мужик ставит взаимоотношения с соседом выше отношений с супругой?! Честно, не знаю: плохо это или хорошо... Но вообще дружба в шкале нравственных ценностей у жителей нашего северо-востока стоит на первом месте! Увы, здоровье пока лишь на восьмом...”. Наверное, поэтому ничто в области сегодня не развивается столь интенсивно, как строительство и переоборудование поликлиник, больницы и медицинских центров. И приток свежих сил наблюдается, например, врачей из соседних регионов, где у них и зарплаты ниже, и нет той сетки льгот, которые разработаны и обеспечены губернатором и местной думой. Да и бизнес, если трезво подумать (увы, пьянство по-прежнему остаётся главным бичом провинциальной жизни!), способен встать на ноги не только на торговом юго-западе области, но и в удалённых от цивилизации Боговарове или Павине. Для этого бизнесмену необходимо понимание цели своей деятельности, честолюбие и самоотверженность. В общем, те же качества, которыми обладали костромские предприниматели начала прошлого века.

И в крохотном Павине, например, таковых наберётся человек пятнадцать. Это бывшие лесорубы, трактористы и инженеры, которые, используя преимущества протекционистской в сфере развития лесоперерабатывающей отрасли политики, учредили в начале нашего века более десятка частных фирм. Пишущий эти строки объехал с главой района несколько таких малых предприятий и был несказанно удивлён высокой культурой павинской лесопереработки: до двадцати пяти наименований продукции по самым высоким евро-стандартам! И каждая партия, а то и отдельное изделие – в целлофановой плёнке и с маркировкой. Но и среди этих полутора десятков предпринимателей, по мнению Сергея Ситникова, есть настоящие феномены, опыт которых может стать живым примером для всей России. Например, хозяйство Курбанова (я был в нём лично ещё лет пять-шесть назад), на котором лесопереработка искусным образом сочетается с сельским хозяйством. На первых порах как животноводство, так и земледелие предприниматель поддерживал исключительно за счёт леса. Но со временем он сумел добиться такого гармоничного сочетания видов деятельности, при котором всё в хозяйстве стало зависеть одно от другого. Навоз и опилки так обогащают курбановские посевные уго-

дья, что земля на них даёт до сорока центнеров с гектара зерновых при пятнадцати-восемнадцати центнерах у соседей. В свою очередь, хорошие урожаи обеспечивают значительные привесы свиней и бычков. Средства же от выгодно реализованного мяса Курбанов вкладывает в модернизацию лесоперерабатывающего оборудования и расширение лесосечных площадей. Кстати, плату за аренду лесосечных площадей нынешняя администрация снизила почти вдвое.

Увы, куда более однороден и незатейлив бизнес, развивающийся в самой Костроме. К сожалению, в большинстве своём местные предприниматели не унаследовали тех, прежде всего, человеческих качеств, коими были в полной мере наделены их знаменитые на всю Россию предшественники. Кажется бы, налоги – святое дело! Но даже их – легальные, предусмотренные федеральными законами денежные отчисления в бюджет – нынешние костромские капиталисты платят неохотно, изощрённо изобретая разного рода “уходы” и хитрости. Например, в любом из магазинов широкой сети одного “закоренелого” депутата областной думы вы получите на кассе сразу несколько чеков: колбаса и мясо – от одного ИП, рыба и консервы – от другого, молочная продукция – от третьего и так далее. Делается это как раз с целью уйти от налогов и хорошо известно в самых широких кругах, как дробление бизнеса. И лучше других это знают костромские силовики и фискальные органы. Но... в костромских думах, как областной, так и в городской, львиная доля депутатов – предприниматели, которые ловко лоббируют свой бизнес, часто применяя при этом не самые прозрачные приёмы и методы (пресловутые зарплаты в конвертах и прочее). Так, Кострому небезосновательно называют ювелирной столицей России, но налогов областная казна от этой самой столицы получает – кот наплакал. То же можно сказать и о строительстве. Например, некогда мощный и единый Горстрой сегодня также представляет собой не менее дюжины куда более мелких строительных компаний и фирм. Одна из основных причин всё та же: возможность более гибкого ухода от налогообложения. Депутат областной думы и руководитель группы компаний “ФЭСТ” Владимир Михайлов по этому поводу не раз взывал к коллегам: дескать, пора образумиться и перестать дурить хотя бы самих себя. Ведь постыдным для всех нас является не то, что налогов не платят разного рода подпольщики (тех же ювелиров-частников в одном только Красносельском районе более трёхсот!), а как раз то, что это постыдное явление касается руководителей, формально признанных и уважаемых, которые поставляют на рынки всего Центрального региона самый широкий спектр товаров и услуг. Кстати, бизнес самого Михайлова без натяжки может служить примером для всех российских предпринимателей. Когда-то, ещё в девяностые, он решил развивать на костромской земле такую сферу, которую до него по каким-либо причинам не “трогал” никто. Это – автомобильные аптечки. Уже к 1995 году ФЭСТ становится в стране очевидным лидером в этом сегменте производства. Дальше – больше. В 1998 году Михайлов активно берётся за производство бандажной продукции, которую до него в стране монополизировал Минздрав. Со временем и здесь ФЭСТ выходит во всероссийские лидеры. Для того чтобы прилично выглядеть на европейском уровне, предприниматель начинает активно ездить во Францию и Италию с тем, чтобы выставлять свою продукцию женского белья на международных выставках. Его дизайнеры и модельеры скрупулёзно изучают все самые модные тенденции и цвета, и вскоре ФЭСТ признают одним из лидеров в сфере производства товаров для женщин. “А ведь мы только сунули туда нос!” – восклицает предприниматель. На предприятиях Михайлова работает порядка пятисот человек, а в Европе предприятия подобного профиля насчитывают не более ста работников и уже считаются крупными. Сегодня он поглощён производством стерильной продукции, в том числе для беременных и только что родивших женщин.

А началось всё с его жены, которая вышла в фойе родильного дома к мужу, “укоренённому россиянину”, в весьма смешном, плохо сидящем халате. Выяснилось, что своё бельё и одежду в роддом приносить нельзя, ибо там всё должно быть абсолютно стерильным. И это стало толчком для предпринимателя Михайлова. Сегодня ФЭСТ производит более тридцати видов стерильной одежды для женщин. Это постельное бельё, полотенца, пледы, носки, детские комплекты, различные бандажные как дородовые, так и послеродовые вещи и прочее. Но гуманитарная мысль предпринимателя пошла дальше.

Возвращаясь из Парижа, он разговорился в самолёте с Виктором Николаевым, директором фирмы “Старсем”, которая, помимо прочего, стерилизует одежду для космонавтов, стартующих во французской Гвиане. Оказалось, что они делают это кустарным способом... Похоже, беседа может перерасти в сотрудничество, поскольку предприниматели подобного склада “с тех ещё времён” никогда и ничего не бросали на полпути.

Весьма характерно и знаменательно то обстоятельство, что он не конкурирует со своими, а, наоборот, как и предприниматели прошлого – Чижовы, Третьяковы, Сытины, – делает костромское дело всероссийским, европейским и, может быть, мировым. А что? Он ещё довольно молод, а у молодых есть перед всеми нами одно существенное преимущество: они, как правило, – оптимисты и, в лучшем смысле этого слова, прагматики. А мы сейчас, живя и действуя в потенциально самой богатой стране мира, продолжаем в большинстве своём свыкаться с, так сказать, персональной бедностью как с непреложной данностью, вроде нашего тощего костромского бюджета. Но кроме тощего бюджета остаются ещё и они, *нынешние Чижовы*, которых год от года становится на земле Костромской всё больше, медленно, но верно.

Бывая сегодня у нас, как предприниматели, так и просто туристы из индустриально развитых регионов, мягко говоря, недоумевают: да откуда у вас столько торговых центров – в разы больше, чем в любом соседнем городе? Например, где ещё можно найти столько всего для строительства и ремонта, как в костромском “Аксоне”? Поверьте на слово: нигде! Разве что в Москве или Питере, только существенно дороже. То же можно сказать и о нашем наивкуснейшем в мире хлебе (например, о самых доступных в России пирогах и тортах!), и о нашей пище духовной, за которой на родину последней монаршей династии едут сегодня из соседних областей, некогда пытавшихся поглотить, по мановению космополитического Центра, наши реки, леса, сёла и города. Не получилось – Бог уберёт! Последние русские кесари пошли из Костромы, и Бог у нас – один. Но это здравый смысл и логика. А есть ещё и “живая” власть, которая, по меткому выражению Пушкина, “для черни ненавистна”. Весь вопрос в том, согласны ли мы, “укоренённые русские”, считать себя черню?... Самая пора пришла с этим как-то определиться. Хотя бы потому, что опять российская власть наши края и области намерена “укрупнять” путём пресловутого присоединения слабых к сильным. Понятно, что Кострому, если это начнёт происходить в Центральном регионе, в силу тех же причин “назначат” слабым регионом, а, к примеру, Ярославль, который дымит всеми своими трубами всего в шестидесяти километрах от Костромы, – сильным. И вряд ли тогда “геополитиков” из Думы смутит то “временное” геополитическое обстоятельство, что Костромская область более чем вдвое обширней Ярославской. Ну, не смешно ли?!

А может, чем снова заниматься болезненными административными перетасовками, лучше приступить к окончательной разработке и последующей реализации проекта по глобальному инвестированию Центра России?... Теперь же мы, добрые и отзывчивые “укоренённые” русские люди, искренне радуемся построению колоссального моста на Дальнем Востоке, преобразению Краснодарского края, присоединению Крыма. Но если честно, то нам самим чрезвычайно остро не хватает ещё одного (грузового) моста через Волгу, а российским природным газом, который обогревает пол-Европы, пользуются всего пять районов области из двадцати пяти! Более того, даже в самой Костроме найдутся дома и целые улицы, на которые ещё не ступала нога работника самой мощной в мире газовой компании. Пора бы уж вспомнить о “коренной” России и наших “коренных” русских людях.

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

В ПРЕДДВЕРИИ ЦАРСТВА*

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что всем странам в мире предстоят ещё большие внутренние бури от социальных движений. Бури эти, вероятно, будут ужасны, и нерастерзанными могут остаться только те страны, в которых религия и государство составляют одно нераздельное целое.

Адмирал Макаров

1. “Ослабляющий врагов врагами...”

Уже говорилось в начале книги о том, что дети князей в те далёкие времена рано прощались с детством, приучались к беспокойному быту воина и политического деятеля и потому стремительно созревали для государственной жизни. Конечно, не без помощи толковых наставников. Но созревание Василия Дмитриевича, старшего сына Дмитрия Донского, даже в их ряду было слишком стремительным. Я удивляюсь, честно говоря, тому, что его жизнь, полная благородных деяний, авантюрных поступков, драматических ситуаций, даже компромиссов со своей совестью ради Отечества, не стала ещё поводом для замечательного приключенческого романа.

Для полноты понимания нами трагического состояния, в котором находились в то время остатки Киевской Руси, и в том числе Московское княжество, я приведу пристальное наблюдение Николая Карамзина. Писатель и выдающийся историк, говоря об успехах царя Ивана Грозного, справедливо пеняет иноземцам, которые не ведают разницы между Россией Василия Тёмного и Россией Ивана IV. Если великий князь имел только тысячу с половиной войска, то царь уже завоёвывал другое царство отрядом лёгкого войска, не утруждаясь действием других полков. “Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственных успехов древней России, если не вникнем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на место предков и не бу-

* Окончание. Начало в № 1–3 за 2014 год.

дем смотреть их глазами на вещи и деяния, без обманчивого соображения с новейшими временами, когда все изменилось, умножились средства, прозябли семена и насаждения. Великие усилия рождают великое: а в творениях государственных начало едва ли не труднее совершения”. (Цит. по книге “Иван Грозный. Личность и судьба”. С. 82 М. “Дарь”, 2005.)

Как помнит уважаемый читатель, в результате стремительного нашествия Тохтамыша земля Московская подверглась разгрому и унижению. Дмитрий Донской, чтобы не потерять Владимирское великое княжение в споре с тверским князем Михаилом Александровичем, вынужден был послать в Сарай 23 апреля 1383 года своих бояр во главе с юным сыном Василием (родился 30 декабря 1372 года). Вручив богатые дары, посольству удалось убедить Тохтамыша не давать право на великокняжеский стол Михаилу Тверскому. Посольство было отпущено, но одиннадцатилетний княжич был оставлен в заложниках до возвращения московской дани в 8000 рублей серебром. Посольство Донской не мог оплатить такой огромный оброк сразу, но отрок почти три года находился в плену. Дмитрий Иванович оставался данником хана: чеканенные в Москве монеты имели на одной стороне княжеские знаки Дмитрия, а на другой – арабскую надпись “Султан Тохтамыш-хан”.

Сама неволя, тамошние порядки и кровавые междоусобицы пришлось свободолюбивому юноше не по душе. Нашлись доброты (скорее всего, из старомонгольского лагеря – противники исламизации Орды ханом Узбеком. – **Авт.**), которые “умысли крепко” и помогли четырнадцатилетнему Василию осенью 1386 года бежать на волю. Действительно, план побега был задуман умно, ибо княжич бежал во время охоты со своим окружением, не на запад, через рязанские земли, а на юг, в Подолию, где его принял по-дружески молдавский воевода Пётр. Затем княжич оказался на Волыни, где встретился с изгнанным из Литвы Витовтом, внуком Гедиминаса. Выдающийся политик того времени, будущий герой летописей и белорусской литературы, ровесник Дмитрия Донского, которого высоко ценил за смелость, он понимал, что его сын станет наследником Московского княжества, и потому, имея в мудрой голове далеко идущие планы, решил не только подружиться с Василием, но и отдать свою дочь Софью за него замуж, для чего и был подписан соответствующий договор. После этого в сопровождении польско-литовского отряда кружным путём, через Вену – Майнц – Кролевец (Кёнигсберг), Василий вернулся в Москву, где 19 января 1387 года его встретили бояре отца.

Любопытно и то, что история сохранила свидетельство о приезде митрополита Киприана летом 1387 года в Литву для встречи с Витовтом, с которым у него были добрые отношения. Тогда же он обручил 15-летнего княжича Василия с Софьей, дочерью Витовта, в надежде на будущее приятство двух русских князей. К тому времени, будучи крещён по католическому обряду, Витовт в 1384 году был снова крещён, но уже по православному обряду под именем Александра самим митрополитом Киприаном.

Через два года, в мае 1389-го, Дмитрий Донской, умирая, передал старшему сыну Василию Великому княжество Владимирское (то есть впервые в истории дома Калиты произошло присоединение целого княжества к территории Москвы. – **Авт.**). Он завещал сыновьям своим во всём слушать мать Евдокию Дмитриевну (дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича) и старшего брата. Лично Василию он оставил Москву и в особенный удел – дорогую его памяти Коломну, а между остальными сыновьями поделил города и волости своего княжества. В предсмертном завещании он настаивал: “А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел”. Это означало, что Василий Дмитриевич оказался первым князем, получившим великое княжение в наследство по завещанию отца, “как отчину московских князей”, а не по ханскому ярлыку, который надо было с дорогими подарками в руках выпрашивать в ханской ставке.

Заглядывая вперёд, мы скажем, что на основании этих слов второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в московской земле, так и в Великом княжестве Владимирском. Возможно, он был не прав, потому что Дмитрий Донской, скорее всего, имел в виду только одно: смерть старшего сына бездетным, а не передачу наследия по лестничному обычаю. Тем не менее, это юридическое недоразумение вызовет в Московском государстве через тридцать лет мощное потрясение его начальных основ и закончится только в 1446 году.

Приняв в семнадцать лет отцовский трон, Василий Дмитриевич был посажен во Владимире на великокняжеский стол ханским послом Шахматом. Он понимал, что получил в свои руки не только Московское великое княжество, но и великие трудности внутри московской земли и за пределами её. Обстоятельства его княжения с самого начала оказались сложнейшими и могли бы разрушить созданное с такими трагическими усилиями Московское государство, чей попечительский статус среди других русских княжеств стал общепризнанным. Неожиданно для него претензии на стол великого князя Московского заявил дядя юного князя, знаменитый герой Куликовской битвы Владимир Храбрый, хотя перед своим уходом из жизни Дмитрий Иванович обговорил с двоюродным братом старшинство своего сына. После недолгих переговоров с Владимиром Серпуховским был заключён договор (Собрание государственных грамот и договоров, т. 1). Получив в свой удел города Волок-Ламский и Ржев, он признал старшинство юного князя.

Почему так произошло? Потому что за спиной Василия Дмитриевича было верное Московскому княжеству боярство, которое умело отстаивать и свои интересы, и потребности Москвы. Не случайно, умирая, опытный политик Донской сказал своему сыну, чтобы он держался московских бояр: его советники станут верными друзьями Василию. Вот как об этом писал уже известный читателю историк Николай Герасимович Устрялов: "...ещё не совсем погибли плоды Иоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные в его школе, руководили сыном, следуя указанию великого и мудрого святителя, митрополита Алексея, который духовною властью смирял крамольников тем успешнее, что сам он пользовался особенной милостью хана".

Эта мысль не только верная, но и справедливая. Во времена разора, нестроения, дробления на мелкие части Руси и воинам, и крестьянам нужна была внутренняя устойчивость власти, предсказуемость её поведения. Иоанн Данилович своей умелой политикой создавал такую устойчивость. Вот почему бояре из разных крупных и мелких княжеств, видя благоустройство Москвы, тянулись к сильной и ласковой руке Калиты. При сыне его Иване Красном это тяготение усилилось. Бояре из поколения в поколение сближались с Домом Калиты, становились верными слугами и союзниками, советниками, а то и ближайшими родственниками, как мы видели это с родами Вельяминовых или Бяконтов. Постепенно образовалась категория "думцев". И княжеское решение укреплялось "общей думой всех наличных советников". Осознавая себя содеятелями усиления Московского княжества, они выполняли роль деликатных дядек-воспитателей при юных княжичах. Так было при возрастании Дмитрия Донского, так стало при возмужании Василия Дмитриевича, так будет и в последующем. Им явно не хотелось, чтобы какая-то боковая ветвь Рюриковичей захватила власть прямых наследников. Вот почему они спустя годы будут смертно стоять за отрешённого от власти Василия Тёмного!

У Василия Дмитриевича ещё в молодости проявились незаурядные дипломатические способности: он умел, когда было необходимо, и отступить с достоинством. Умел, когда обстоятельства изменялись, и наступать с пользой для своей земли. К сожалению, его княжество окружали крупные и сильные государства – Золотая Орда и Великое княжество Литовское и Русское, – и потому возможности для действий были сужены обстоятельствами времени. Но и в этой обстановке молодой князь держал ухо востро. В одно он неукоснительно верил – в помощь своих бояр, проверенных в сражении на поле Куликовом под руководством Дмитрия Донского.

Первым великокняжеским действием Василия I было подписание мирного договора с богатым Великим Новгородом, который очень опасался нападений со стороны Витовта. Вторым делом его стала женитьба на дочери Витовта Софии. Свадьба состоялась в праздник Рождества 1391 года в Коломне, где венчался в своё время и его отец Дмитрий Иванович. Москвичи не очень любезно отнеслись к браку с литвинкой. Сам же Витовт на свадьбе не был. Он в очередной раз бежал от двоюродного брата Ягайлы во владения Тевтонского ордена. К сожалению, в будущем брак между московским князем и дочерью литовского князя не привёл к прочному союзу между странами.

Третьим – и очень важным – делом было расширение сферы влияния Московского княжества. Он понимал, что в этом ему может помочь не тесть, а хан Золотой Орды. Василий Дмитриевич в своих думах был недалёк от истины. Владетелю Золотой Орды необходимы были безотказные союзники,

а точнее — их полки для походов. После зрелых размышлений выбор Тохтамыша пал на Василия Дмитриевича, который, среди четырёх русских великих князей выделялся здравым умом и своей казной. Он решил обласкать своей милостью Великого князя Московского. Хану Золотой Орды для расходов на войну против Тимура были срочно нужны огромные деньги. Ими могла его обеспечить Москва.

Когда открылись новые обстоятельства, то Великий князь Московский незамедлительно воспользовался ими и смело попросил у хана ярлык на присоединение к Москве Великого княжества Нижегородского. Тем более что московские бояре уже подготовили почву для такого необычного действия: они провели тайные переговоры с нижегородскими боярами, которые давно тяготели к Москве, недовольные политикой своего князя Бориса. Василий Дмитриевич лично появился в ставке Тохтамыша и щедро одарил хана и всю его знать.

Летописец так говорит об этом важном для истории событии: “Того же лета сложил князь великий Василий Дмитриевич крестное целование к великому князю Борису Константиновичу (Нижегородскому)... и пошёл в Орду к царю Тохтамышу со мною честию и с дарами; и начал просить великого княжения Нижнего Новгорода... к своему великому княжению к Москве, и умзди (в данном случае: оплатил. — **Авт.**) князей царёвых, чтобы печаловались о нём царю Тохтамышу; они же взяли многое золото и серебро и великие дары, так же и царь их Тохтамыш взял многое золото и серебро, и великие дары. И дал царь Тохтамыш... великое княжение Новгородское к Москве великому князю Василию Дмитриевичу, и пошёл князь великий Василий Дмитриевич из Орды от царя Тохтамыша с радостью, с послом царёвым, на Русь...” Получив ярлык на нижегородский стол, он вернулся в Москву в сопровождении чрезвычайных послов хана, которых затем послали в Нижний Новгород с ведущими московскими боярами. Великого князя Бориса, покинутого единомышленниками, быстро схватили. Нижний Новгород вынужден был принять в качестве наместника сподвижника Василия. Князь Московского снова пригласил в ставку Тохтамыш и обращался с ним “... с великой честью, какой не видал ещё ни один русский князь... и много любезно его жаловал и отпустил его на Русь”. Кроме Нижнего Новгорода хан отдал ему ещё уделы Городецкий, Мещерский и Тарусский. В ответ Великий князь московский согласился продолжать считать Тохтамыша своим покровителем. Это была умная сделка. Его прадед Иван Калита был бы доволен им. После устоявшегося присоединения эти города подпали под юрисдикцию московского митрополита Киприана и вошли в его епархию. Епископ нижегородский пожаловался на это подчинение греческому Патриарху. В 1393 году патриаршие послы приехали разбираться с жалобой, но церковный спор всё-таки решился в пользу митрополита Киприана.

Получив эти земли, Василий Дмитриевич приобрёл контроль над средним течением Волги. И, в первую очередь, над торговым движением по реке судов. Это стало сильно смущать Новгород, ибо его Двинские да “иные” земли, неблизкие по расстоянию от их материка, становились под сильную опеку московитов. Их тревожные ожидания вскоре воплотились в великокняжеское требование к торговой республике платы чёрного бора (побора с крестьян. — **Авт.**), княжчины и митрополичьего суда. Ранее, в 1391 году в Новгород приезжал митрополит Киприан и пожелал себе права митрополичьего суда над новгородцами, от которого они отказались ещё в 1385 году. В 1392 году Великий князь Московский потребовал от Новгорода неукоснительного исполнения всех его пожеланий. А по неисполнении своей воли совершил воинственный поход на Торжок, Волок-Ламский и Вологду. В отместку Василию Дмитриевичу новгородцы разрушили владения Московского княжества — города Устюг и Белоозеро. Но уже в следующем году заперсили мира “по старине”, то есть полностью выказали смирение. Господин Великий Новгород обязывался выплачивать все долги свои Москве, а великому князю и митрополиту лично доплатить ещё 350 рублей.

Став в 1392 году пожизненным великим князем Литвы, Витовт через три года прибыл в Смоленск и пригласил к себе смоленских князей якобы с целью примирения. Прибывшие князья были схвачены и лишены своих владений, и только одному Глебу был дан в княжение небольшой городок Полонное. Вместо изгнанных местных князей Рюриковичей Витовт поставил своих

наместников Василия Борейковича и Ямонта. С этого момента начались активные целеустремлённые нападения Великого князя Литовского на юго-западные земли русских князей. Начал он со своих родичей. Первым пострадало Витебское княжество Свидригайла, потом, после смерти двоюродных братьев Вигунда и Нариманта Ольгердовичей, он забрал себе их земли. Дальше — больше: аннексировал у Скригайло Киевское княжество, у князей Кариатовичей — Подольскую землю, у Дмитрия Корибута — Северское княжество... Аппетит его рос не по дням, а часам.

Василий Дмитриевич, хотя его и расстроил дерзкий захват Смоленска Витовтом, не мог выступить против своего тестя, не имея достаточных для победы сил. Он также понимал, что на западе ему не удастся расширить поле деятельности. Он знал о планах своего тестя по объединению территории бывшей Киевской Руси в одно государство. Витовт желал вырвать из объятий Польши все западные русские земли, а из объятий Золотой Орды — все восточные русские земли. Не единожды тесть предлагал объединиться с ним в походе против татар. Но умный князь Московский осознал, что усилившийся великий правитель Литвы не пощадит Москвы и подомнёт в своём властолюбии её территорию. Не для того по крохам собирали Московское княжество его предки, чтобы стало оно частью Литовского, которое к тому времени называлось так: Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское (по имени племени жмудь. — **Авт.**) и всех прочих. Конечно, он соглашался с дерзкими идеями своего тестя по уничтожению Золотой Орды, но уклонялся от присоединения своих сил к литовско-русским походам. Не имея возможностей самому воевать против Витовта, он вынужден был отмалчиваться до поры до времени. За эту осмысленную тактику сдерживания своих порывов его упрекали многие историки. На самом деле это была вынужденная тактика реального жизненного выжидания своего выхода на историческую сцену. Таких редких политиков, как Василий Дмитриевич, очень справедливо охарактеризовал Николай Михайлович Карамзин: “Смелость оправдывается только успехом; безвременная неудача губит державы — и часто благодарность Отечества принадежит тому, кто без крайности не держал опасности, не искал имени великого”. Потомки князя смогли понять его поступки, ибо они знали то, о чём не могли ведать современники: на восточном горизонте замаячило новое великое нашествие. И оно грозило быть более разрушительным, нежели Батыево!

Притянул к себе эту беду хан Тохтамыш. Как он возник на политическом горизонте Золотой Орды? Будучи по рождению чингизидом, он принадлежал к потомкам Тукай Тимура, тринадцатого сына Джучи, и потому имел право на трон в улусах, созданных его великим предком. В начале своей карьеры Тохтамыш служил полководцем у своего родственника Урус-хана, о котором мы говорили выше. Последний был ханом Синей Орды и в тот момент воевал с эмиром Тимуром (Тамерлан, Тимурленк — хромой Тимур. — **Авт.**). Когда Урус-хан ушёл в поход против Тимура, Тохтамыш, тайно получив военную поддержку от эмира, напал на столицу Урус-хана город Сугнак (на территории нынешнего Казахстана). Но неожиданно для себя был разгромлен и чудом спасся от гибели. Воины Тамерлана вытащили раненого Тохтамыша из реки, обогрели и доставили в ставку эмира в Самарканде. Появление беглеца в ставке Тимура накануне войны с Урус-ханом было весьма кстати. Тамерлан, как всякий восточный правитель, любил выполнять свои планы методом привлечения обиженных своими врагами. А Тохтамыш был сыном Туи-Ходжи-оглана, правителя Мангышлака, казнённого Урус-ханом за неповиновение. И потому Тамерлан оказал изгнанному воину пышный приём и поддерживал его в борьбе с Урус-ханом до тех пор, пока Тохтамыш не встал во главе Золотой Орды.

Сам Тимур, вопреки утверждению некоторых историков, не был чингизидом. Он родился в монгольском тюркизированном племени барлас в семье бека Таргая, получил религиозное образование. Военачальники, видя его незаурядное умение управлять войсками, избрали Тимура “великим эмиром” и доверили ему быть единоличным правителем Мавераннахра со столицей в Самарканде. Женившись на дочери эмира Хусейна, чингизида, Тимур стал величаться гураганом (зятцем хана). Мы помним о том, что и Мамай был гурганом.

Это было время, когда стала разрушаться империя Великого Могола. Малочисленные монгольские племена подпадали под влияние культуры много-

численных тюркских народов и постепенно перерождались. Тимур был смелым и расчётливым воином, сумевшим создать свою армию, состоявшую из наёмников-профессионалов. Он оснастил её даже огненным оружием – великой редкостью для воинских отрядов народов Востока. Он прекрасно говорил на персидском языке, одном из благородных языков мира, был начитан, знал восточную поэзию и сам был мудрым поэтом. Он говорил, что “благоразумие завоевывает царства, но поддающиеся мечу”. Своими завоеваниями на Востоке Тимур создавал новое государство. У него была навязчивая идея построить свою империю, в которой он правил бы единолично. “Всё пространство населенной части мира, – говорил он, – не стоит того, чтобы иметь двух царей”.

Но этой мечте помешал его бывший офицер, ставший ханом Золотой Орды. У Тохтамыша были свои запредельные планы, и империи Тамерлана места в них не было. Первым его шагом после невероятной удачи с покорением Москвы было нападение на Хорезм, но оно закончилось неудачей. Выдав время и основательно подготовившись, зимой 1385–1386 годов Тохтамыш захватил Тебриз, пообещав жителям города, как и москвичам три года назад, мир и согласие. Но войдя в город, он поступил так же подло и жестоко. Город был разграблен и разрушен так же тщательно, как Москва. Этот набег раскрыл Тимуру глаза на серьёзность опасности, угрожающей ему со стороны Золотой Орды. Как только Тохтамыш ушёл на север, Тимур с сильной армией появился в Азербайджане. Зимой 1386–1387 годов в Дагестане передовые отряды Тимура вступили в битву с армией Тохтамыша. Хан приказал отступить.

Кстати, именно в то время, воспользовавшись походом Тохтамыша на Восток, бежал из своего плена юный княжич Василий Дмитриевич.

На следующий год Тохтамыш решил повторить своё нападение. Вот как об этом говорит оригинальное мусульманское сказание: “Рассказ о выступлении Тимура на войну против Токтамыш-хана и об одержании победы при помощи Божией”.

“Так как злая судьба, которую непреложное перо начертало на челе несчастий и бедствий, привела Токтамыш-хана к тому, что он, забыв все милости и попечения Тимура, отважился на неблагодарность, то он собрал со всего улуса Джучи, доставшегося ему лишь благодаря помощи и содействию Тимура, огромное войско... С такою неподдающейся счёту армией, превосходившей число древесных листьев и дождевых капель, в конце 790 года (1 января – 30 декабря 1388 года. – Авт.), соответствующего году крокодила, в начале зимы двинулся он против Тимура...”

И далее с замечательной образностью описывается битва и разгром противника. Несмотря на подобные поражения, Тохтамыш постоянно набегал (чаще всего, когда Тимур был в походах) на земли империи и грабил города и кишлаки. Конечно, великий эмир Самарканда понимал, что победить врага можно только на его территории. Но перед этим нужно было уничтожить его союзников. Тамерлан последовательно разгромил войско Хорезма, буквально сравнял с землёй Ургенч и разбил кыпчакскую орду, входившую в состав Золотой Орды. На следующий год он напал на владения узбеков, которые были союзными этому государству. И только в 1391 году двинулся со своей армией на Волгу. Тамерлан собрал лучшие свои силы в мощный кулак. Он понимал, что прокормить войско ещё можно, охотясь на степных зверей, а коней – невозможно, ибо в таком долгом походе корма не напасть. Но и здесь ум его нашёл талантливый выход. Час похода был пробит тогда, когда трава зазеленела и стала в росте своём продвигаться медленно на север. Вместе с зелёной весной двигалось и мощное войско Тамерлана.

Понятно, что Тохтамыш не ожидал такого “коварства” от Тамерлана и был застигнут врасплох. Он стал спешно собирать свои отряды. Просил хан о помощи и Великого князя Московского. Со своим отрядом Василий Дмитриевич участвовал в походе против войск Тамерлана на берега Сыр-Дарьи. Когда князь Московский увидел поражение Тохтамыша, то он вспомнил обман жителей Москвы и последующее разрушение родного города в 1382 году и без сожаления развернул свой отряд в низовья Камы. Вовремя перейдя на правый берег, он избежал поражения. Кстати, суздальским отрядом в этом долгом походе командовал Великий князь Борис Константинович Нижегородский. Поражение золотоордынских войск на реке Кондурче (приток Волги) в 1391 году было неминуемо. В этой битве Едигей, зять Тохтамыша, изменил своему хану и перешёл к Тамерлану вместе со своими воинами. Но Тохтамыш и на этот

раз сумел избежать плена. В гневе своём за предательство Едигея, назвал своей дочери Джанике-ханум, он убил её мать, свою супругу – ханшу Тогай-бек.

Арабский историк Низам-ад-дин-Шахи так описывал происшедшее сражение: “Взвилась на воздух пыль от копыт и лилась кровь от мечей. Кони смерти не переставали носиться и крутиться, и погрузились в море крови все – и знатные, и простые. Длился этот рой и погром три дня. Пыль и кровь застилали очи бившихся, и казалось им, что земля стало шесть, а небес, как морей, восемь”.

В итоге произошедшего стало ясно, что Тамерлан не смог окончательно победить своего противника и противостояние двух самолюбивых полководцев продолжается. Тохтамыш вернулся в Сарай. Мурзы, изменившие ему, вернулись к хану. Тот, желая удержать их, дал им привилегии. В последующие годы Тохтамыш снова укрепил на всей территории Золотой Орды. Подбирая себе союзников, хан в 1393 году обратился к польскому королю Ягайле. Высылая ему ярлык, он сообщает: “Бог нас пожаловал опять, наших неприятелей-врагов дал нам всех в наши руки. Мы их казнили так, что опять не будут нам пакостить...”, – и просит “брата Ягайло” заключить с ним не только военный союз, но и надеется на восстановление торговых отношений между государствами “без приим”, то есть без пошлин.

Есть в этом послании и любопытная деталь. Хан просит Ягайлу собрать выходы с “подданных нам волостей”, захваченных Литвой, и вручить “идушим послам для доставления в казну”. Это красноречиво говорит о том, что литовцы всё-таки платили тогда дань с Киева, Подолии и некоторых других западнорусских районов Золотой Орде. В следующем 1394 году послы Тохтамыша побывали даже у египетского султана Фарахта, но сведений об этих переговорах не имеется. Был заключён договор о помощи и с турецким султаном Баязетом. Известно также, что союзнические отношения были налажены и с царём грузинским.

Собрав за три года огромное войско и обучив его, амбициозный Тохтамыш решил продолжить войну с империей Тамерлана. Уже осенью того же года, пройдя по кромке Каспийского моря мимо Дербента, его войска появились в районе Ширвана (северный Азербайджан. – **Авт.**), жестоко воюя с населением. Тимур потребовал, чтобы Тохтамыш признал его власть над этой территорией, но тот не согласился. Когда же своими военными действиями хан показал неукротимый и дерзкий характер, великий эмир вынужден был ответить ударом на удар. 15 апреля 1395 года в долине реки Терек завязалось крупнейшее из сражений того века. Две армии, насчитывавшие более двухсот тысяч человек каждая, схлестнулись в яростной атаке. Пробив центр войска Тохтамыша, воины Тимура в горячке боя вырвались вперёд, но неожиданно были атакованы свежим отрядом татар. В критической обстановке боя великий эмир показал хладнокровие и умение биться с врагами. Его богатыри, создав оборону из татарских телег, дождались подкрепления. В кровопролитной битве войско Тохтамыша было разбито, победителю достались несметные сокровища хана, как и после победы на реке Кондурче. Сам Тохтамыш бежал в Литву. После небольшого отдыха отряды Тамерлана огнём и мечом прошли по территории Золотой Орды, уничтожая селения, разрушая города, в том числе и столицу Золотой Орды Сарай-Берке, основанную внуком Чингисхана и братом Батыя ханом Берке. Великий воин Тамерлан нанёс поволжскому государству такие раны, от которых ему уже невозможно было подняться на ноги. Но агония его продолжалась ещё восемьдесят лет, пока внук Василия Дмитриевича Иван III Великий не покончил с ним окончательно у чистых вод реки Угры.

Великий князь литовский с распостёртыми объятиями встретил бывшего хана Золотой Орды и его сильно поредевшую армию. Его не смущало сегодняшнее положение Тохтамыша. По себе он знал, что время переменчиво. К тому же у литовского полководца были далеко идущие планы по использованию способностей бывшего татарского повелителя. Он отдал ему в качестве резиденции красивый замок в Лиде.

За грозными событиями века с тревогой следили в Москве. Василий Дмитриевич и митрополит Киприан готовились к нашествию азиатского полководца на русские земли. В течение летних месяцев было собрано войско для отпора армии Тамерлана. Василий I, оставив в столице сильный гарнизон под руководством великого воина Владимира Храброго Донского, основные силы сосредоточил в Коломне ещё в начале августа. По западному берегу Оки мож-

но было быстро организовать заслон от нападения неведомого эмира. Москвичи знали, что азиаты разгромили Елецкое княжество, подчинённое Золотой Орде, и тревожно ожидали похода их на Москву. Тимур, в свою очередь, решив грабить окрестности, ждал от своих разведчиков вестей о положении русских северных земель. Получив сведения, он решил, что лучше вернуться с награбленным добром на родину, нежели искать удачи в неведомой стране, одолевшей полководца Мамай и уже готовой сразиться с ним самим. К тому же интересы Тамерлана лежали не в северной, а юго-восточной стороне.

Сделав вид, что начинает наступление на Москву, Тамерлан разворачивается и уходит в сторону Крыма в надежде пограбить богатейших купцов Азова и Кафы (Феодосии). Возможно, что его разведчики доложили о движении войска Витовта на помощь своему зятю. Возможно, на это решение повлияло восстание на Кавказе среди черкесов, татар и осетин. Возможно влияние небесных сил, ибо именно в этот благословенный день Успения Богородицы москвичи встретили образ Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, принесённый из Владимирского кафедрального собора по просьбе митрополита Киприана и Василия Дмитриевича. Это была та чудотворная икона Богородицы, которую князь Андрей Боголюбский, основатель Залесской Руси, в 1155 году по пути во Владимир забрал из Вышгородского монастыря. По преданию, она была написана евангелистом Лукой и вывезена им из Константинополя. Торжественная встреча духовно повлияла на жителей столицы великого княжества. Такой поворот событий был для Московской Руси спасительным: участь великого погрома на этот раз миновала Москву. Великого князя устраивало сложившееся положение на Волге. После разгрома Золотой Орды он перестал присылать в Сарай дань. Деньги нужны были и в московском хозяйстве: в 1395 году сгорело несколько тысяч домов на посаде (будущий Китай-город). И пять лет назад тоже “сгоре неколико тысяч дворов”. После этого пожара Василий Дмитриевич задумал построить укрепление перед посадом. Летописец записал так: “Замыслиша ров копати и почаша с Кучкова поля (от Сретенского монастыря), а конец в Москва-реку, шириною в сажень, а глубину в рост человека”. И далее с большим сочувствием к горожанам продолжал: “Много бысть убытка людям, потому что поперег двора копаша и много хором размоташа”, то есть было разрушено.

А впереди русичей-москвитов ожидали новые испытания.

Вскоре в растерзанной погромами Тимура Золотой Орде появились два властителя, бывшие офицеры, воевавшие в армии завоевателя. Один из них – царевич Корейчак – был сыном Урус-хана, потомком Чингисхана, а другой – Едигей Мангит – был мурзой. Полководец Едигей не был чингизидом, поэтому после ранней смерти царевича предложил Темир-Кутлугу, двоюродному брату Корейчака, стать новым ханом. Узнав об этом, Тохтамыш пытался вернуться на трон в Сарае, но Темир-Кутлуг разбил его войско. Едигею же, который был владетельным ханом Ногайской Орды (от него пошёл род русских князей Юсуповых. – **Авт.**), он предложил стать правителем двора (главой правительства). Подобный ход событий не устроил Витовта, который хотел вернуть власть в Золотой Орде своему ставленнику Тохтамышу. Великий князь Литовский стал собирать армию для вторжения. Узнав об этом, Темир-Кутлуг потребовал от Витовта выдачи бывшего хана. Витовт отверг его требование и ускорил сбор войска для нападения на Сарай.

Василий I знал об этих приготовлениях, догадывался о конечных результатах этой авантюры своего тестя, даже поддержал его мысль о возврате на трон Золотой Орды Тохтамыша, но участвовать не стал. Он берёт своих воинов и не хотел, чтобы они погибали на чужих полях за чужие интересы. Впрочем, у него и своих забот хватало. После коварного захвата Смоленска в 1395 году Витовт стал внимательно присматриваться к Великому Новгороду. Его давно привлекал этот богатый город, но и раздражал своей независимостью, особенно дружбой с немецкими торговыми городами. При встрече Витовта и Василия в Коломне они договорились убедить новгородцев разорвать отношения с немцами. Московский князь выслал своих послов, но гордые новгородцы отделались посланием: “Господин великий князь, у нас с тобой мир, с Витовтом – иной, и с немцами – иной”. В 1397 году началась война: москвичи захватывали новгородские земли, новгородские воеводы грабили и сжигали великокняжеские Белозерскую и Кубенскую волости, Вологодскую землю, Белоозеро и Устюг...

В общем, повоевали от души. А потом прислали послов в Москву для заключения мира “по старине”. Василий Дмитриевич согласился на этот мир, поскольку он уже не доверял тестю. Для него не стало новостью недавнее заключение обоюдовыгодного договора Витовта с магистром Ливонского ордена. Литовский князь обещал помочь ордену в нападении на Псков, а тот обещал поддержку в захвате Новгорода. Летописец так описал мысли великого князя литовского: “Похвалялся Витовт, говоря: пойдём и победим царя Темир Кутуя, возьмём царство его, посадим на нём царя Тохтамыша, а сам сяду на Москве, на великом княжении, на всей русской земле”.

Тучи над головой Великого княжества Московского стали снова сгущаться. Но, как говорится в народе, “не было бы счастья, да несчастье помогло”. Витовт, собрав стотысячное войско, пошёл войной на Золотую Орду. Он был в полной уверенности, что победит. Но Господь не любит самонадеянных. В августе 1399 года у реки Ворсклы мощная армия Витовта, состоявшая из отборных полков Киевского, Смоленского, Волынского, Рыльского и других юго-западных русских (белорусских) воинов, большого польского отряда с пушками, а также из немецких рыцарей, татар Тохтамыша и литовцев, потерпела жестокое поражение от умелых татарских полководцев Темир-Кутлуга и Едигея. В этом великом сражении, равном по масштабу Куликовской битве, погибли участники её Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, знаменитый воевода Боброк-Волынский, а также князь Смоленский Глеб Святославович, князь Киевский Иван Борисович и другие выдающиеся витязи. Победителям достался княжеский обоз с несметными богатствами. Литовский князь и Тохтамыш позорно бежали. Татары гнались за ними до самого Киева. Горожане, чтобы татары не уничтожили город, откупились традиционными тремя тысячами рублей. А Витовту пришлось заплатить победителям ещё и требуемую ими сумму от себя. Таким образом, мечта литовско-русского князя стать объединителем всех русских земель вокруг Вильно не состоялась. Победа Золотой Орды лишила Витовта выхода к Чёрному морю. Один из пунктов договора с Едигеем был самый унижительный: выдворение Тохтамыша с территории Великого княжества Литовского и Русского. Но Витовт не был бы великим деятелем Западной Европы, если бы отказался от всех амбициозных планов. Именно думая о них, стратег, подготавливая будущее, вскоре заключил с новгородцами мир, как и зять его, по старине. А на следующий год состоялась Виленская уния – формальное включение Литвы и её владений в состав Польского королевства. На самом деле это была дипломатическая ловушка: Витовт и его подданные были вынуждены принести письменное обещание о верности Польше. И хотя он был признан Великим князем литовским, но все переданные ему во владение земли, в том числе завоёванные им, после его смерти отходили к действовавшему королю и королевству Польскому...

Не прошло и пяти лет, как Витовт почувствовал снова в себе силу и крепко взялся за восстановление своего достоинства. В 1405 году он вернул под свою власть Смоленск, который выскользнул из его рук, и снова занял Вязьму. После этого он захватил малые княжества Перемышльское, Новосильское, Одоевское, Воротынское, которые располагались в верховьях Оки... Василий I, понимая, чем эти захваты грозят его княжеству, объявил войну тестю. Переговоры состоялись под Можайском и закончились перемирием. Трижды Великий князь Московский выводил своё войско по просьбе Пскова и Новгорода против Витовта: первый раз – в 1406 году близ Крапивны, второй раз – в 1407 году у Вязьмы и, наконец, – против Витовта с Ягайло в 1408 году на реке Угре). К счастью, до кровопролитной битвы дело ни разу не дошло. А река Угра, где был заключён вечный мир, стала узаконенной границей между Литвой и Русью. Пройдёт ещё 72 года, и при внуке Василия I Иване Васильевиче III Великое противостояние на Угре хану Ахмату станет символом окончательной независимости России от наследников Золотой Орды.

Но перемирие – это не мир. Чтобы обезопасить Москву от притязаний Витовта, Василий Дмитриевич пригласил к себе младшего брата польского короля Ягайло Свидригайло Ольгердовича, который враждовал с великим князем Литвы Витовтом. На тот момент Свидригайло был владельцем Чернигово-Северского княжества со столицей в Брянске. В 1408 году он с большой свитой князей и православных священников приехал в Москву к Василию I и получил от него ряд городов “на кормление”: Владимир, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Волок-Ламский и Ржев, а также половину Коломенского кня-

жества. Но ему не повезло: в том же году эти города были разорены ордынцами во время нашествия Едигея на Москву. В следующем году Свидригайло, по сообщению летописца, “от тех Едигеевых татар утомился зело” и вернулся в Литву. Витовт продолжал своё политическое давление на Василия Дмитриевича, заключая договора против него с враждебными Москве княжествами Тверским, Рязанским и Пронским, вмешивался в дела Новгорода и Пскова.

Поход на Москву эмира Едигея, умного полководца и организатора, который за несколько лет сумел преобразовать дряблую и пассивную Золотую Орду в крепкое государство, был продуман от начала до конца. Он должен был наказать князя Василия за пренебрежение к обязанности выплачивать дань своему повелителю. Нападение было неожиданным и дерзким, но эмир не ожидал такой самоотверженности от защитников столицы, которыми руководил князь Владимир Храбрый, и умения защищать свой город от уничтожения. Более того, Едигей не ожидал дипломатического удара от великого князя: в отсутствие эмира в Золотой Орде произведена была попытка переворота. Потому, спасая своё правление, Едигей, взяв дань в 8000 тысяч рублей серебром (таковым же был размер дани, выданной Тохтамышу за его нашествие на Москву), поспешил вернуться в Сарай. А великий князь Василий поспешил вернуться из Костромы в свою столицу.

Впереди у Василия Дмитриевича было ещё пятнадцать лет жизни, но он не испытал более ни одного нашествия и даже нападения на родную землю. После неожиданной гибели Едигея в татарской столице снова началось нестроение. Василий Дмитриевич мастерски использовал усобицу в Золотой Орде: и с 1395 года по 1412 год он не платил татарам дани. В 1410 году умер его дядя Владимир Андреевич Храбрый – великий воин и мудрец, ставший на горло собственным амбициям ради спасения прямой линии престолонаследия московских князей. В этот же год произошла ставшая знаменитой Грюнвальдская битва. Объединённое польско-русско-литовское войско под руководством братьев – короля Польши Ягайло и великого князя Литовского Витовта – разгромило рыцарей Тевтонского ордена. В бою русское войско сражалось особенно самоотверженно. На смоленские полки легла главная тяжесть боя. Идеологом и воплощением этого плана в жизнь был Витовт. Немалую долю в эту победу внёс и сын Тохтамыша хан Джелал-эд-дин “Саладин”, который ненадолго стал ханом Золотой Орды. Брат его Керимберды, убив в 1412 году Джелал-эд-дина, также недолго был ордынским ханом. В это же время Василий Дмитриевич узнал, что нижегородские князья пытаются вернуть себе великое княжение, что молодой князь Иван Тверской, подружившийся с Витовтом, поехал за ярлыком в Сарай. Не мешкая, он собрался к новому хану. Оказывается, Керимберды не забыл, как после смерти Тохтамыша великий князь приютил в Москве его со старшим братом: он ласково встретил в своей ставке Василия Дмитриевича. После недолгого разбирательства Московский князь выиграл нижегородское дело.

Конечно, на фоне жёсткого характера отца характер Василия Дмитриевича многим казался мягким, даже нерешительным. Но это было не так. Иначе бы его не любили в народе и не чтили бы враги его. Вспомним, что именно при нём были присоединены к Московскому княжеству Нижний Новгород, Суздаль, Муром, Ростов, часть черниговских уделов – Таруса, Козельск, Перемышль, а также некоторые новгородские земли – Бежецк, Вологда. Были по-братски улажены многочисленные споры с великим княжеством Рязанским (1403).

В 1411 году семья Великого князя Московского породнилась с Мануилом Палеологом: княгиня Анна была выдана за Ивана, сына византийского императора, которому Василий Дмитриевич посылал серебро для борьбы с турецким завоевателем Баязетом.

Современные исследователи мало уделяют внимания духовной и творческой жизни Москвы того времени. А она была разносторонней и плодотворной. Один из внимательных историков нашей столицы В. В. Назаревский наглядно показывает в своей книге очерков “Из истории Москвы. 1147–1913” (А. А. Левинсон. Москва. 1914) не только численный рост населения столицы, но и культурные успехи её. Для убедительности позволю себе привести из книги неопровержимый пример самобытности московичей эпохи Василия Дмитриевича: “Несмотря на то, что татары Тохтамыша пожгли массу рукописей и книг, кои с разных сторон “были спроважены в Москву сохранения ради и были намётаны в церквах до тропа (стропа или свода), русская письмен-

ность в это княжение поднялась опять благодаря трудам Киприана, Фотия, а также Епифания Премудрого, Кирилла Белозёрского и др. Многие рукописи данной эпохи обильно украшены прекрасными миниатюрами, орнаментом или узорочьем, заглавными буквами или заставками. Здесь искусные мастера рукописного дела проявляли немало самобытного русского творчества. В это время в Москве, кроме пергамента, продолжали писать на бумаге хлопчатой и тряпичной. Равным образом русское зодчество и живопись в Москве продолжали успешно развиваться. В это время творили великие мастера, художники-иконописцы Игнатий, Даниил Чёрный, Кнаш, Феофан Гречин, Симеон Чёрный, старец Прохор из Городца”.

Воспользовавшись относительно мирным временем, Великий князь Московский уделяет большое внимание созданию культовых построек. Во время его правления в Московском Кремле были построены монастыри Вознесенский, Рождественский и Сретенский, а также ставший знаменитым Благовещенский собор, который расписывал сам Андрей Рублёв. За этим храмом Василий Дмитриевич на башне великокняжеского дворца устроил великую диковинку: часы с боем, коих никогда не было на нашей земле ранее. Сотворил это диво дивное афонец Сербин Лазарь. Об этих часах летописец сообщает: “сей же часник наречется часомерье: на всякий же час ударяет (железный человек. — Авт.) молотом в колокол, размеряя и рассчитая часы ночные и дневные: не бо человек ударяще, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищено...” Народ собирался толпами, чтобы услышать этот бой, и дивился сему зрелищу.

Подводя итоги правления Василия Дмитриевича, можно с уверенностью сказать, что оно было благотворным как для жителей Великого княжества Московского, так и для роста будущего государства.

В 1422 году Витовт попросил московскую и тверскую дружины помочь ему в борьбе с Тевтонским орденом. Василий I знал, что литовский князь не даёт ордену захватить Жемайтию, западную землю, которую населяет языческое племя жмудь. Эта территория знаменательна тем, что находилась между двумя немецкими землями: Ливонией и Пруссией. Сам факт существования непокорного племени раздражал тевтонских рыцарей. И они пытались многие годы решить эту проблему и военным путём, и путём переговоров то с Ягайло, то Витовтом. Те обещали, но не могли в силу разных обстоятельств помочь. Жмудь оказалась крепким орешком. Но орден решил подчинить её себе во что бы то ни стало! Московский князь пошёл навстречу Витовту. Русские отряды помогли литвинам, и по Мельскому миру тевтонцы вынуждены были отказаться от всяких прав на Жемайтию.

Через три года, умирая от жестокой болезни, Василий Дмитриевич просит 75-летнего своего тестя Витовта защитить великокняжеские права его внука и своей супруги. Он очень опасался властолюбивых братьев своих Юрия и Константина Дмитриевичей. И не напрасно!

2. “И в слепоте оказывая более государственной прозорливости...”

Получив это известие, Великий князь Литовский возликовал. Наконец-то пала единственная преграда, мешавшая ему разделаться с Московским княжеством и присоединить все оставшиеся русские земли под свою руку! Ровесник Дмитрия Донского, не воспринимавший всерьёз своего зятя, он начинает, по сути, борьбу против Великого князя Московского, своего десятилетнего внука Василия Васильевича. Для начала Витовт заключает письменные договоры о мире с двумя издавна соперничающими с Москвой княжествами: Тверским и Рязанским. Далее, благодаря содействию митрополита Фотия, он подписывает с Юрием Дмитриевичем Звенигородским, братом Василия I, мирный договор (1425), по которому тот отказывается от силового захвата московского трона. На следующий год Витовт вторгается в пределы псковской земли и подходит к Опочке, но жители села устраивают литовцам ловушку, в которую попадает и погибает немало воинов Витовта. Литовскому князю пришлось отступить к городу Вороничу. Здесь захватчиков настигла невиданная доселе гроза. Воины в ужасе разбежались. Тем временем псковичи связались с московским князем Василием Васильевичем (и матерью его Софьей

Витовтовной), и тот направил к своему деду посольство с предложением о мире. Псковичи в качестве отступного добавили к этому пожеланию 3000 рублей серебром. Витовт удовлетворился таким дорогим даром и с радостью вернулся в свои пределы.

В свою очередь, уверенный в своей правде, князь Звенигородский пробует силой захватить то, что, по его разумению, он должен получить мирно по завещанию своего старшего брата Дмитрия Донского – великокняжеский престол. Поэтому, когда к нему в 1325 году в Звенигород приехал от митрополита Фотия боярин Акинф Ослебятев (родственник героя Куликовской битвы инок Осляби), он отказался приезжать в Москву для принесения присяги Василию II и уехал в Галич Костромской. Понимая, что ему нужно время для сбора войска, он попросил время для раздумий. Но и в столице понимали, для чего ему нужна передышка, и, собрав большую рать, двинулись в сторону Костромы. Юрий Дмитриевич удачно ускользал от неприятелей то в Нижний Новгород, то за Суру, то снова в Галич. Оттуда и попросил он перемирия на год. В июне 1425 года митрополит Фотий, радеющий за “велию тишину” в великом княжестве и сам неутомимый заботник веры и Отечества, приехал для переговоров о мире. Но князь Звенигородский не шёл на уступки и упрямо ставил свои условия. В итоге мир всё-таки был заключён, и Юрий Дмитриевич получил благословение церковного иерарха.

Через три года Великий князь Литовский без особых усилий добился от московских бояр грамоты за подписью Василия II – отречения от независимой политики Московского княжества в Великом Новгороде и Пскове. И защищая своего внука, а на самом деле устраняя противника, Витовт убеждает дядю великого князя Юрия Дмитриевича отказаться от права на великое княжение московское, ограничивая его владения Вяткой и Галичем (1428). А в дополнение к этому берёт с него обязательство не принимать на службу тех, кто уехал из столицы. 27 октября 1430 года, так и не дождавшись королевской короны от императора Сигизмунда, восьмидесятилетний Витовт умирает. Пятидесятилетний Юрий Дмитриевич воспрял духом. Он пытается воспользоваться неожиданным даром судьбы и направляется в ставку хана Золотой Орды, чтобы получить ярлык на великое княжение. Он очень надеялся на помощь эмира Текие, соратника хана Улу-Мухамеда.

Вслед за Юрием Звенигородским едет и его шестнадцатилетний племянник вместе с московскими боярами. Они надеялись, в свою очередь, на поддержку самого хана, которого после поражения от Борака, внука Тохтамыша, за десять лет до этого приютил у себя князь Витовт. Долгое, более года длящееся пребывание соперников в ставке хана в итоге закончилось победой Москвы.

Как нам уже известно, Дмитрию Ивановичу Донскому удалось склонить своего двоюродного брата Владимира Храброго к тому, чтобы уступить права великого княжения семнадцатилетнему Василию I. Нам известно и то, что после смерти великого князя герой Куликовской битвы попытался занять трон великокняжеский по праву старшего в роду. Но получив в управление ещё два города, вспомнил своё обещание и признал всё-таки племянника старшим над собой.

Немудрено, что сильный и настойчивый Юрий, сын Дмитрия Донского, ссылаясь на его завещание, пожелал сесть на великокняжеский стол. Василий Дмитриевич знал каверзный характер своих братьев Юрия и Константина и, опасаясь силового захвата власти, попросил Витовта взять под свою опеку внука. Известно также, что юному князю помогли принимать ответственные решения близкие бояре: мать Софья Витовтовна, умная и сильная женщина, и, конечно же, митрополит Фотий.

Назначенный Патриархом на всероссийскую кафедру ещё в 1408 году, сразу после страшного разгрома русских земель Едигеем, Фотий более полутора года пробыл в Киеве, где нашёл способ примириться с Витовтом, до того не желавшим его видеть на патриаршей кафедре. Таким образом, он простирали свою духовную власть и на Литву, и на Галичину. Приехав в Москву, митрополит навёл строгий порядок в церковном хозяйстве. О его неуёмной деятельности в летописи записано: “стяжанья митрополю своя церковная и доходы Фотей митрополит нача обновляти и, что где изгибло, начат изыскивать; или от князей и бояр избобиженно, или от иных неких лихоимцев что восхитено, села, власти и доходы и пошлины Христова дому и Пречистыя Богородицы и свв. великих чудотворцев Петра и Алексия, он же вся сия от них взима-

ше и утверждал крепко в дому Христове и Пречистыя Богородицы”. К сожалению, митрополит Фотий умер в 1431 году. Юрий Дмитриевич, узнав об этом, вернул крестоцеловальные грамоты Василию Васильевичу, что означало начало новой борьбы за великое княжение.

И повод для неё не замедлил явиться, причём это было событие шестидесятипятилетней давности. Я напоминаю уважаемому читателю о свадьбе Дмитрия Донского, которому перешёл от Дмитрия Суздальского через его дочь Марию (в приданое) дорогой отделки пояс. На следующий день этот пояс пропал. Как выяснилось спустя годы, тысяцкий Вельяминов подменил этот пояс и отдал сыну своему, Николаю, за которого была сосватана другая дочь Дмитрия Суздальского. От него пояс перешёл в род двоюродного брата Донского Владимира Андреевича, а через сына Юрия – к Василию Юрьевичу, в приданое за его женою.

Получив в 1433 году ярлык на княжение, Василий II женился по настоянию матери, Софии Витовтовны, на Марии, дочери удельного князя боровского Ярослава Владимировича. На весёлой и доброй свадьбе молодого князя оказался старец, узнавший пояс Дмитрия Донского, которым опоясан был Василий Юрьевич, и закричал об этом. Вспыльчивая Софья Витовтовна при всех сорвала пояс с ничего не понимающего Василия Юрьевича (в историю он войдёт под именем Косого). Оскорблённые таким отношением близких родственников, братья Юрьевичи тотчас выехали из Москвы. Они не догадывались о криминальной истории этого злополучного драгоценного пояса, но оскорбление, нанесённое им, решили смыть кровью. Уезжая к своему отцу в Галич, они по дороге (говорящая деталь!) “пограбиша Ярославль и казны всех князей разграбиша”. Юрий Дмитриевич, блюдя честь своих сыновей, быстро собрал силы, напал на Москву и выгнал из столицы Василия Васильевича в Кострому, а вскоре и его самого захватил в плен. Так началась первая среди потомков Калиты смута, длившаяся в итоге более четверти века.

Юрий Звенигородский, считая себя справедливо севшим на стол своего отца, пожалел племянника (по просьбе боярина Морозова) и дал ему в удел (на прокорм) город Коломну, который прославился не только тем, что был центром похода против неверного Мамая, уютностью и красотой своей, но и свадьбой Дмитрия Донского. Вскоре ему пришлось стать и новой столицей Московского княжества. Ибо сюда, в знак несогласия с решениями нового князя, стали собираться все обиженные и недовольные новыми порядками. Выезжали из Москвы купно, вместе с семьями и скарбом. Так провинциальный городок превратился в пункт сбора сторонников Василия Васильевича. Побродив некоторое время по опустевшим великокняжеским палатам, Юрий Дмитриевич понял, что против народа ничего сделать нельзя, и выехал из Москвы. Василий Васильевич сел на великокняжеский трон, но уже в 1434 году дядя его присоединился к войскам своих сыновей Василия Юрьевича и Дмитрия Шемяки, и они совместными усилиями снова выгнали Василия. Великий князь вынужден был бежать в Нижний Новгород.

Но Юрий Дмитриевич ненадолго захватил Москву: 5 июня 1434 года он скончался. Старший сын его объявил себя Великим князем. Об этом он и сообщил своим братьям, которые гонялись за Василием Васильевичем. Братья обиделись и написали ему: “Если Богу не угодно было, чтобы княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим”. И послали приглашение на трон Великому князю. Узнав о приближении объединённого войска трёх князей, Василий Юрьевич, захватив отцовскую казну, сбежал в Великий Новгород. Оттуда он ушёл в Заволочье, а затем в Кострому, по пути собирая войско для борьбы с Великим князем. Побитый в сражении у реки Которосль, он снова собрал ратные силы, но, не надеясь на них, решил победить хитростью. Встретившись с соединённым войском Василия Васильевича и родного брата Дмитрия Красного, он предложил Великому князю распустить своих воинов для сбора фуража. Тот, не подозревая каверзы, согласился. Василий Юрьевич уже готовился к нападению, но Великого князя успели предупредить. Обманщик был схвачен и привезён в Москву. Когда же Василий Васильевич узнал, что вятичи, союзники двоюродного брата, захватили в плен его полководца – князя Брюхатого – и, получив за него выкуп, не отпустили на волю, он рассвирепел и приказал ослепить Василия Юрьевича.

Этот жестокий поступок, по мнению братьев, требовал отмщения, но мстить, по мнению злопамятного Шемяки, было ещё рано. Он стал выжи-

дать подходящего случая. И случай этот представился через пять лет: Великий князь потерпел неудачу в походе на Улу-Мухамеда.

Небольшая предыстория этого конфликта. За несколько лет до этого Василий Васильевич не захотел поддержать междоусобную борьбу Улу-Мухамеда с ордынскими князьями. Вместо того чтобы оставить своим союзником изгнанного родным братом из Золотой Орды в 1438 году хана, который в своё время поддержал молодого князя в борьбе с дядей, Василий II стал воевать с ним, не видя в этом серьёзной опасности. Его войска окружили хана в городе Белёве. Улу-Мухамед готов был на любые условия, но неожиданно московского князя предал литовский воевода, и хан ушёл к Нижнему Новгороду. Как известно, загнанный зверь защищается отчаянно. Улу-Мухамед и его сыновья совершили стремительный набег на Москву. Великий князь спешно покинул столицу и скрылся на Волге. Оттуда он неоднократно призывал на помощь Дмитрия Шемяку. Двоюродный брат не отвечал на его призывы. Василий II это запомнил. И когда Улу-Мухамед покинул разграбленную столицу и её окрестности, Великий князь собрал свои войска и выгнал Дмитрия Шемяку из его владений в Новгороде. В ответ Шемяка собрал свою рать, но воевать не стал, а заключил мир.

В 1445 году, желая отомстить за нападение на Москву, Василий II подготовил наступление на Казань и выступил в начале июля в поход. Под Суздалем, недалеко от речки Нерль, московские полки, ведомые самим князем, одержали верх над татарским войском. Но довольные победой воины наши, как писал летописец, “оплошали и разбрелись за добычей”. Дорого им стоило их легкомыслие! Русское войско было разгромлено, а мужественно сражавшийся, весь израненный Великий князь был взят в полон Улу-Мухамедом.

Для молодого государства это был чувствительный удар. Тем более что выкуп был назначен невероятно большой – 200 тысяч серебром! Более того, крупные отряды татар должны были контролировать выплату этой дани, а татарские знатные воины формально поступили на службу к Московскому князю. Естественно, на его кошт. Новые денежные тяготы оказались тяжелейшей ношей для жителей княжества. И среди бояр, и среди воинов поднялся ропот. Этим воспользовался Шемяка и его соглядатаи. К ним примкнул и князь Иван Можайский. Узнав о том, что Великий князь приехал в Троицкий монастырь для совершения молебна, заговорщики напали на него и увезли в Москву, где на четвёртый день ослепили, отомстив таким образом за ослепление Дмитрия Косого. Дмитрий Шемяка велел увезти Василия Тёмного в ссылку в Углич, а мать его Софью Витовтовну – в Чухлому. К счастью, малолетних сыновей его Ивана и Юрия успел увезти из Троицкого монастыря в свою вотчину – село Боярово – князь Ряполовский. Правда, вскоре под давлением Шемяки и при невольном посредничестве рязанского епископа Ионы Ряполовского заставили отдать детей. Шемяка клятвенно обещал выпустить слепого отца на волю, а его детей пожаловать волостями. Но слово своё не сдержал, а заточил их там же в Угличе, где содержал и Василия, с тех пор прозванного Тёмным.

Эта жестокость вызвала в Москве “народную волну в пользу законно наследственного государя”, а среди служилых людей Великого князя – мощное сопротивление против несправедливых действий Шемяки. Стали создаваться дружины, которыми руководили князья Ряполовские, Стрига Оболенский, бояре братья Ощера и Бобр, а также Филимонов, Русалка, Руно... Одни из них двинулись в сторону Углича, а другие (во главе их стояли потомок Владимира Андреевича, князь Василий Ярославич и князь Оболенский) повернули к Литве, чтобы соединиться со сторонниками Великого князя. Уже знакомый читателю историк Москвы В. В. Назаревский убедительно писал в своей книге “Из истории Москвы”, что “особенно велика была поддержка принципу наследственного единодержавия со стороны Церкви и её предстоятеля – святителя Ионы. Он был иноком в Симоновом монастыре и нёс послушание “в пекарнице” или в хлебной... этот достойнейший преемник святых Петра и Алексия энергически стоял за законного государя Василия Васильевича. Когда восторжествовал над ним Шемяка, Иона, бывший в то время ещё только Рязанским владыкой, печаловался о своём заточённом великом князе и его сыновьях, находившихся в Муроме, под защитой князей Ряполовских... Когда Шемяка не сдержал своего слова, не отпустил угличского заточника, то св. Иона обличал его за то, что он сделал святителя орудием своего обмана. “Что тебе может сделать слепец? – говорил иерарх. – Дети его ещё малы; укрепи его крест-

ным целованием и нашей братией-владыками”. Благодаря заступничеству Ионы Шемяка освободил Великого князя, взяв с него клятвенное слово более не искать великого княжения.

Церковь была последовательна в своих действиях. Подвижник благочестия игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия Васильевича от клятвенных грамот, данных Шемяке. При этом действии присутствовали многие бояре и боярские дети, простые люди, любившие своего государя. Его поддержал и Великий князь тверской Борис Александрович, чья малолетняя дочь Машенька была помолвлена с юным Иваном Васильевичем.

В пути к Москве в отряды великого князя влились дружины доброжелателей из Литвы и, что было совершенно неожиданно, отряды сыновей Улу-Мухамеда: они помнили помощь, оказанную им Василием Васильевичем и его отцом. Таким образом, при ликовании народа Великий князь вернулся на трон Дома Калиты.

Шемяка вынужден был признать Василия Тёмного Великим князем и подтвердить это “проклятыми” (то есть клятвенными) грамотами, хотя в душе он держал огромную обиду на двоюродного брата. Узнав о попытках Шемяки через своих людей вопреки договору поднять восстание против него, Василий Тёмный, понимая, что подобная *замятня* (смута) может длиться вечно, отдал это дело на суд собору епископов. Владыка Иона “от лица русских святителей” послал Шемяке “укорительное” послание, скреплённое печатью пяти владык. Послание это убеждает всех быть верными и послушными своему “государю – Великому князю, и грозит тоже отлучением тем, кто не добьёт челом своему государю”.

Настойчивый Шемяка осадил Кострому, но его напор был отбит боярином Фёдором Басёнком. В следующем, 1450 году он был разбит под Галичем и бежал в Новгород. Но Шемяка не прекращал борьбы и после захвата отцовского города. Такое положение не устраивало ближних бояр, и по совету одного из них Дмитрий Шемяка был отравлен. Его сторонники Иван Можайский вместе с Шемякиным сыном Иваном и другими своими сторонниками бежали в Литву. Так закончил свою жизнь человек, чей княжеский неправый суд в народе стал нарицательным – “Шемякин суд”.

Василий Васильевич не забыл о том, что Господин Великий Новгород принимал врага Москвы под свою крышу. Вскоре было собрано войско, которое возглавили опытные полководцы – князь Стрига Оболенский и Фёдор Басёнок. Им не составило особого труда разбить под Русою новгородские отряды, собранные наспех. Можно понять независимый город, на который зарились не только Литва, но и ливонский магистр, грозивший поднять против него скандинавов. Пример его соседа Пскова (нижегородцы называли его своим посадом), подчинившегося воле Москвы, говорил о том, что и Новгороду нужен покровитель. Горожане обязались платить Великому князю не только чёрный бор, но и судные пени, а также писать свои грамоты от имени Великого князя Московского. Великий Новгород был смирен. Но ненадолго. В том же году Великий князь Московский намеренно поставил своего десятилетнего сына Ивана Васильевича соправителем Московского великого княжества. С этого момента все юридические документы (грамоты) исходили от имени двух великих князей.

Подводя итог жизнедеятельности Василия Васильевича Тёмного, сделаем небольшое, но важное для понимания его правления отступление. Евгений Александрович Белов, один из авторов энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб, 1890–1907), писал в статье “Василий Васильевич Тёмный”: “Княжение сына В. Д. показало, что сила, значение и направление политики Москвы не зависели от личности князя. В. В. был человек характера слабого и злого, никогда не обнаруживал ни политических, ни военных талантов, после отца остался десяти лет, и, следовательно, лет десять не мог сам управлять, в 16 лет был слепцом. При всем том сила и значение Москвы, в его тридцатидвухлетнее княжение, в продолжение которого он 26 лет не мог править то по молодости, то по слепоте, не только не уменьшились, но ещё возросли. Этот многозначительный факт показывает, что усиление Москвы находило сочувствие массы населения во всех княжествах давно, благодаря Церкви, чаявшей единства Русской земли”.

Текст известного военного историка, высоко оценившего жизнедеятельность сына Василия II Ивана Великого и правнука его Ивана Грозного, требу-

ет небольшого пояснения. Не будем обращать внимание на то, что Евгений Александрович почему-то посчитал Василия Васильевича с “16 лет слепцом”, хотя ослепление его произошло в 1446 году, то есть правил он княжеством целое десятилетие самостоятельно, да и дальнейшие 16 лет крепко держал в своих руках бразды правления Московского государства. Последние десять лет жизни Василию Васильевичу очень помогал молодой сын его Иван, прозванный вскоре заслуженно не только Великим, но и Правосудом. В возрастании этого государственного мужа есть большая заслуга отца, бывшего отнюдь не слабым правителем. Кстати, если верить его современникам, слепота изменила его характер. Он стал более твёрдым в своих поступках, и решения его государственные стали более последовательными и взвешенными. А вот в том, что значение Московского княжества в тридцатисемилетнее правление Василия Васильевича усилилось, Евгений Александрович совершенно прав.

Если объективно объединить мнения других историков в одно целое, то характеристика личности Василия Васильевича будет примерно такой: “Начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и Державу, **но оставил Государство Московское сильнейшим прежнего**, ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского”. И такое совместное их мнение будет справедливым.

И ещё об одном великом поступке молодого Василия Васильевича, не давшем ему сменить веру наших предков на латинскую, стоит сказать особо. Одно только это мужественное бескомпромиссное стояние за Православие можно вменить в огромную заслугу Великому Московскому князю перед Русской Православной Церковью и родиной.

После смерти митрополита, грека Фотия, в 1431 году в Москве пожелали иметь своего, русского митрополита, тем более что достойный кандидат уже был – владыка Иона. Но литовский князь Свидригайло успел послать в Константинополь на утверждение своего ставленника – Смоленского епископа Герасима, который правил первосвятительской кафедрой с 1432-го по 1435 годы, пока неуровновешенный Свидригайло не сжёг владыку по подозрению в измене. И только в конце 1435 года митрополит Иона, облечённый доверием всех епископов русских, представителей белого духовенства, монашества, бояр и земских людей, а также поддерживаемый Великим князем Василием Васильевичем, преодолевшем претензии на трон своего дяди, отправился в Константинополь для утверждения в сане. Но долгие сборы и тяжкий путь в греческую столицу, собственные проблемы Константинопольской Патриархии были виной тому, что Иону опередили и призвали на русскую митрополию нужного патриархату грека Исидора.

В Греции современники считали его выдающимся философом, постигшим великие знания. Ещё в 1433 году греческий император Иоанн Палеолог посылал его на Базельский Собор, чтобы подготовить соединение христианских церквей в единое целое. Греческому патриархату Ферраро-Флорентийский Собор представлялся великим собором, на который соберутся христианские иерархи и главы христианских государств для выработки единых догматов вероисповедания. Без Русской Церкви такой Собор был немислим, и потому греки выбрали митрополитом всея Руси именно Исидора. В нём они ценили ум и начитанность, а также горячее желание содействовать делу единения христианских церквей. В том, что латиняне пойдут на догматические уступки благодаря греческому красноречию и убеждённости, греки не сомневались. Кроме того, они имели огромную надежду на то, что Исидору удастся уговорить Великого князя Василия Васильевича помочь финансами, как прежде помогал им его отец. Сам Патриарх говорил: “Если бы потребовалось и до ста тысяч аспров, то можно собрать с епископов: митрополит русский один привезёт такую сумму”. Действительность оказалась иной.

Папа наотрез отказался принять все аргументы греческой партии. Практически весь 1438 год прошёл в прениях. Наконец, когда Собор был перенесён во Флоренцию, Папа поставил вопрос ребром: или православные принимают латинское вероучение к Пасхе 1439 года, или уезжают восвояси. Несчастные греки заколебались. Наиболее податливых специально приглашали к Папе, и они возвращались оттуда поборниками воссоединения Церквей. Отступление началось с русского митрополита Исидора и никейского митрополита Виссариона, они склонили к тому же и царя, и умиравшего Патриарха Иосифа. Затем,

путём разных притеснений и давлений, были понуждены к унии и все остальные греческие иерархи, кроме Марка Ефесского. Как писал современник событий, они “подписались под актом унии, по их собственным словам, со стеснением и плачем в глубине сердца своего”.

Митрополит Исидор приехал в Москву 19 марта 1441 года, в третье воскресенье Великого поста. По обряду папского легата, он въехал в город с преднесением латинского креста и проследовал прямо в Успенский собор для богослужения. На литургии митрополит Исидор велел помянуть на первом месте не имя константинопольского Патриарха, а имя Папы Евгения IV. После литургии митрополит приказал своему протодиакону прочесть во всеуслышание с амвона Соборный акт об унии от 5 июля 1439 года. Затем передал Великому князю послание от Папы с просьбой к Василию Васильевичу быть усердным помощником митрополиту в деле введения унии на Руси!

Конечно же, Москва к приезду митрополита уже знала о том, что произошло на Флорентийском Соборе. Великий князь не сразу понял, что Константинопольский император вместе с патриархом совершили вероотступничество ради призрачного спасения своей родины. Он не мог поверить этому! И когда митрополит подтвердил факт заключения унии и её необратимость, Василий Васильевич объявил Исидора еретиком и велел посадить его в Чудов монастырь. **Так Москва встала на защиту Православия и отторгла митрополита-униата и ересь униатства, которая грозила укорениться по всему княжеству. Эту защиту традиционного Православия можно считать подвигом Великого князя Московского во славу Русской Православной Церкви и Родины.**

Василий Васильевич, чтимый народом и детьми, преставился на сорок седьмом году жизни, 17 марта 1462 года, в полной уверенности, что трон предков находится в надёжных руках.

3. “Иван Васильевич первый прославил русское имя, до тех пор не известное”. Джон Мильтон

“Великая гора был царь Иван”, – так назвал Ивана III в своей знаменитой трилогии о Смутном времени один из лучших наших поэтов – Алексей Константинович Толстой. Почему же “горой”, да ещё и “великой”?

Насколько справедлива эта характеристика? Неужели он так высоко возвышался над своими предками? Историк С. М. Соловьев назидательно замечает: “Мы знаем, что в древней нашей истории не Иоанн III был творцом величия России, но что это величие было приготовлено до него в печальное время княжеских усобиц и борьбы с татарами...”.

Так ли это? Полная ли это правда? Возможно, Виссарион Белинский был более прав, когда восторженно писал: “Вот могучий Иоанн III, первый царь русский. Душа отдыхает и оживает, когда выходит на сцену этот могучий человек с его гениальной мыслию, с железным характером, непреклонной волею...”. И всё же посмотрим, как было на самом деле. Кто были предтечи Ивана Великого?

В истории существования московского княжества первым значительным лицом, деятельным и норовистым, был Иван I, по прозвищу Калита, внук Александра Невского, сын родоначальника московских князей Даниила Александровича, младшего сына Невского. При нём Москва стала резиденцией митрополита всея Руси – задолго до того, как стала политической столицей. Его часто называют собирателем Руси. Это далеко не так. Но Калита стал инициатором соединения всех русских земель в единое целое. И немало преуспел всеми правдами и неправдами на этом неблагодарном поприще.

Второй выдающейся фигурой среди сменяющихся друг друга московских князей был политик и полководец Дмитрий Донской, внук Ивана I. При нём началось строительство белокаменного Кремля, ибо Москва из центра маленького удельного княжества становилась общерусской столицей. И благодаря его объединительным усилиям с благословения Сергия Радонежского стопятидесятитысячная армия русичей разгромила карательную рать татарского темника Мама. Эта победа имела великий смысл: русские освободились от страха перед полчищами ордынцев. Эта же победа легла краеугольным камнем в фундамент строительства общерусского государства.

Но велики были людские потери на Куликовом поле, страшным катком прошла в 1382 году по княжеству безжалостная военная машина хана Тохтамыша, разоряя города Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров и, конечно, Москву. Долго пришлось Руси оправляться от такого разора. Сын Дмитрия Донского Василий I немало приложил усилий, восстанавливая уничтоженное и потихонечку-помаленечку приращивал к Московскому княжеству то Нижний Новгород, то Муром, то Вологду, то земли Коми.

При княжении юного Василия II в Московии началась смута, в которой участвовали дядя его Юрий Дмитриевич, а после смерти его – сыновья Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Эта борьба за великокняжеский стол грозила свести на нет мечту о едином Русском государстве. Но уже окрепла в народном сознании мысль о первенстве Москвы в собирании русских земель, да и молодой князь, несмотря на татарский плен и ослепление Дмитрием Шемякой, показал бойцовский характер. Василий Тёмный сумел одержать победу в феодальной войне и, уходя из жизни в 47 лет, твёрдо указал в своём духовном завещании: “А сына своего старейшего, Ивана, благословляю своею отчиною, великим княжением”, – не упоминая ни словом о “царе” – золотоордынском хане.

Что же получил молодой Великий князь во владение? “Треть в Москве, и с путями”, то есть наследство Василия II, доставшееся тому от Василия I, “с Добрянтинским селом с бортью и Васильцевым с людьми. А также 12 городов со всеми землями и доходами”. Это – Коломна, Владимир, Переяславль, Кострома, Галич, Устюг, Суздаль, Нижний Новгород (с Муромом, Юрьевцем и Великой Солюю), Боровск, Калуга, Алексин, а также Вятская земля, хотя власть над ней была номинальной. И братья его получили немалые уделы: все четверо вместе владели 11-ю городами с уездами. Кроме того, у каждого из них была доля в Московских владениях и право судебной и политической власти в своих вотчинах. Накануне княжения Ивана III русская земля “представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией” (Ю. Г. Алексеев). Удельная система осталась в неприкосновенности.

Чтобы понять, на каком фоне совершалось становление Московской державы, уважаемому читателю необходимо вспомнить, что происходило во второй половине XV столетия с европейскими государствами.

В 1453 году в результате захвата турками Константинополя династия Палологов, процарствовавшая почти двести лет, прекращает своё существование, а вместе с нею и вся Восточная Римская империя. Османское государство вбирает в себя Грецию, Болгарию и Сербию. Католическая Европа, ненавидевшая Православие, ничего не сделала для спасения этих христианских стран от магометанского притеснения.

Италия является ареной раздоров между городскими республиками. Римская империя, Испания и Франция борются за право обладать этим лакомым куском. Франция во второй половине XV века, так неудачно начавшегося для неё, находит в себе силы освободиться от власти англичан и собрать воедино свои земли.

Германская империя под руководством Фридриха III (1440–1493) неумолимо идёт к своему закату и грозит распасться на десятки удельных княжеств, которые только в XIX веке под прусским шлемом Бисмарка снова сольются в единое государство. Королевства Кастилия, Леон и Арагон именно в это время объединяются в могучую испанскую державу.

Англия после поражения от французов вступает в период своего смутного времени (1455–1485), называемого войной Алой и Белой Розы. Португалия весь XV век занята открытиями заморских земель и созданием своих колоний в Старом и Новом Свете. На севере Европы в конце XIV века объединяются, хотя и временно, для совместной жизни Дания, Норвегия и Швеция.

Королевская Польша вступает в союз с Великим княжеством Литовским при Ягайле (сыне тверской княжны) и образует мощное государство, которое спорит, и успешно, с императором Германии, оказывая своё влияние на Чехию и Польшу.

Московское же княжество в этот период представляет собой небольшое образование, граничащее с Тверью (80 км) – самым враждебным ему русским княжеством, с Литвой (100 км) – самым опасным врагом русского княжества, с татарами (100 км) – самым агрессивным своим соседом. Несколько переходов и – Москва под ударом с запада или с юга!

Академик Борис Александрович Рыбаков в предисловии к моей исторической драме “Противоборство” (Тула. ПКИ. 1988. С.126) так писал об этом времени: “Казалось, что звезда Москвы уже совсем померкла. Но объективный ход истории, общенародная воля к единству (подкреплённая циклом былин о могуществе богатырской в своём единстве Киевской Руси) привели к преодолению центробежных сил”. И в этом преодолении великую роль сыграл острый ум и недюжинная воля государственного деятеля и полководца Ивана III.

Жизнь не баловала юного княжича. Чтобы понять его последующие действия, осторожные и продуманные, надо заглянуть в его детство, беспокойное и тревожное. Когда ему было четыре года, казанский хан Улу-Мухаммед, внук Тохтамыша, захватил Нижний Новгород. За пять лет до этого он 10 дней осаждал Москву, к счастью, безуспешно. Его отец – Василий II – на следующий год попытался нанести ответный удар, но 7 июля 1445 года потерпел поражение под Суздалем и попал в плен, из которого был отпущен ханом только за большой выкуп. Естественно, что Иван III не мог забыть разбоев и унижений, чинимых татарами, и, когда пришёл к власти, попытался умерить амбиции их властителей. Но понадобилось ещё долгих двадцать лет, чтобы русские войска взяли Казань и молодое ханство попало в вассальную зависимость от Москвы.

Кровавая междоусобная борьба, длившаяся около тридцати лет, когда двоюродный брат отца пленил его, а потом и ослепил, оставила тяжёлый след в сознании княжича. Через несколько десятилетий он напомнил об этом своей дочери Елене, вышедшей замуж за короля Польши и Великого князя Литовского Александра Казимировича: “Ино, дочи, слышал яз, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слышала еси, каково было нестроение при моем отце”.

2 июля 1451 года ордынский царевич Мазовша со своим войском стремительно подошёл к Москве. Столица приготовилась к осаде, а Василий Тёмный спешно выехал из города, чтобы собрать войско для защиты Москвы. Его сопровождал старший сын, впервые названный Великим князем. К счастью, горожане успели дать отпор налётчикам. Помогли ли им небесные силы или мужество самих горожан, или какая иная была тому причина, но утром татар и след простыл. Этот дерзкий, неожиданный набег и возникшую в результате суматоху и панику юный Великий князь запомнил на всю жизнь, и в будущем он всегда старался предупреждать действия своих противников, в частности, через восемь лет он “со многими силами” отбил на Оке нашествие ордынцев Сеид-Ахметовича. За всё своё полувековое правление он никому не позволил приблизиться к столице Руси.

В двенадцать лет он стал не только Великим князем, но и соправителем отца. В те времена взрослые рано: к примеру, Василий Тёмный по завещанию отца стал Великим князем в десять лет, а дед его Дмитрий Донской – даже в девять лет. Отсюда, из сурового детства, вероятно, и растут корни его ранней зрелости как государственного деятеля.

В январе 1452 года Василий Васильевич “отпусти сына своего, великого князя Иоанна... противу князя Дмитрия (Шемяки)”. Это был первый самостоятельный и очень трудный зимний поход длиной в сотни километров по северному краю Руси. Здесь он впервые увидел ужасы военных действий. Бесстрастный летописец сообщает нам: “воюючи, город Кокшенгу взял, а кокшаров секл множество”. Такова была жестокая школа жизни. Но Шемяку он не догнал – очень уж быстро бежал от него дядя.

В том же году 4 июня отец женил Ивана на десятилетней (!) тверской княгине Марии Борисовне. Этот брак был удачной попыткой остановить столетнюю вражду между Тверью и Москвой. В двадцать пять лет любимая жена князя умерла, потому тело её удивительным образом отекло. Подозревали в воровстве служанку великой княгини Наталию Полуктову, но Иван не поверил в её злодейство. Он не был таким подозрительным, каким станет его царственный внук.

Через десять лет умер и Василий Васильевич. 28 марта 1462 года Иван Васильевич стал полноправным государем Московским. Впервые за более чем двухсотлетнюю историю государства русский князь не обращался за ярлыком на великое княжение в Орду, хотя ещё в течение четырнадцати лет платил Орде “выход” и принимал её посольство, но при этом зорко следил за границей и отбивал набеги кочевников. Ахмат, умный и дальновидный хан Золотой

Орды, не спешил наказывать строптивца. Он понимал, что к карательной экспедиции необходимо основательно подготовиться, потому что успешный набег не приведёт к успеху. Через десять лет он попытался учинить разгром на Руси, но неожиданно встретил умелый отпор 180-тысячной армии Ивана III и поспешно ретировался, а через восемь лет попытался взять реванш...

А пока молодой князь наводит порядок в своём хозяйстве и пристально следит за положением в соседних княжествах. В нём рано проснулся зрелый ум стратега и дальновидного политика, умеющего провидеть и терпеливо ждать, ценящего друзей и союзников. Когда подрос в Москве юный Василий Рязанский, его отпустили в стольный город Переяславль. В январе 1464 года он приехал в Москву, чтобы жениться на Анне, сестре Великого князя. В Москве родился их сын Иван, будущий великий князь Рязанский, союзник Ивана III.

Николай Карамзин верно подметил рано созревший ум правителя: «В лета пылкого юношества он изыскивал осторожность, свойственную умам зрелым, опытным и ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правило века».

В 1463 году Ярославское великое княжество вошло в состав Московского государства. И совершилось это тихо и спокойно, без военных действий, ибо княжество угасало естественным образом. Ярославские князья переходили на службу к сильному правителю. Они «простились со своими отчинами навек, подавали их Великому князю Ивану Васильевичу. А князь Великий против их отчины подавал им волости и села», то есть те становились московскими вотчинниками.

В зимних переговорах начала 1464 года с Новгородом и Псковом Московский князь впервые выступает как государь всей русской земли, который вправе судить власти Новгорода и Пскова, считая эти земли своей «отчиной». Через семь лет, подписывая Коростынский мирный договор, Иван III согласился держать Новгород «в старине, по пошлине, без обиды». Разгромив на Шелони, по своему плану и под личным руководством, сорокатысячное новгородское войско, Иван III мог диктовать свои условия. Падение торговой республики, которая была противником общенациональных интересов и постоянно вела политические интриги, означало одно: создание крупного централизованного государства. Отныне государь Московский именовался «князь Великий... Володимирский и Новгородский... И всея Руси самодержец...» А ещё через семь лет и «Господин Великий Новгород» войдёт составной частью в русское государство.

Поразительно, как в таких неблагоприятных условиях жизни смогло в нём сформироваться аналитическое мышление и объёмное мировоззрение? Он стал отцом в семнадцать лет. Его пятнадцатилетняя жена подарила ему сына Ивана, будущего талантливого полководца. Но это не удивительно. Для того времени подобное было нормальным явлением: через сто пятьдесят лет, чтобы восстановить численность населения после потерь Смутного времени, Русская Православная Церковь разрешит браки с пятнадцати лет. Удивительно другое: Иваном Васильевичем с молодости владела мысль о Руси как общей Отчизне. Он был первым из русских князей, кто не только думал или писал (как Симеон Гордый), но и говорил о себе как о Государе Всея Руси, считая себя преемником Рюрика и Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Отсюда и его поведение с правителями соседних княжеств — стран иных. Придёт время, и он откажется от великой чести для европейского государя — принять корону короля от германского императора. Но именно при нём возобновятся международные связи Киевской Руси с Италией, Германией, Персией, скандинавскими странами...

Смирив непокорный Новгород, Великий князь берётся за обустройство своей столицы. Успенский собор, строительство которого началось по благословению митрополита Петра при Иване Калите, уже устарел. Нужен был новый, который бы соответствовал настоящему положению Москвы. Ивану III очень хотелось поставить такой храм, каким был Успенский собор во Владимире. 30 апреля 1472 года состоялась торжественная закладка нового храма. Через три года его заново начнёт строить великий зодчий Аристотель Флорентинский. А через семь лет собор будет стоять в центре Кремля, изящен и величествен, благороден, как русская и европейская культуры, родившие его.

Да и неудивительно: ведь чтобы построить этот собор, Иван Васильевич отправляет Аристотеля в поездку по северным русским землям, вплоть до Белого моря. И в этой поездке итальянский архитектор смог напитаться духом старинного русского зодчества, обозревая удивительные русские храмы, построенные ещё до монгольского нашествия.

26 июня того же года пришла радостная весть от воеводы Фёдора Пёстро-го Стародубского о победе на реке Колве над войском князя пермского Михаила. Это означало, что северная часть Пермской земли вошла отныне в состав Московского государства. Открывалась возможность хозяйственного освоения Северного Урала.

Этот государственный подход к собиранию Руси дивно отметил старый, ныне, к сожалению, забытый, умный историк князь Щербатов: “Он был разумен и дальновиден: свидетельствуют то его дела и мудрые учреждения; ибо никогда нечаянная война его не находила неготового к брани, и все почти свои брани окончил с меньшим, елико возможно, кровопролитием; приобрёл себе самодержавную державу над Новым Городом и покори́л Тверское княжество, не толь силою оружия своего, коль мудрыми своими поступками, и принудя и самые вольные народы любить свою власть. Разными образами сыскал способ присоединить к Московскому княжению в полную себе власть и другие удельные княжения и чрез сие самое прекратить все междоусобия и беспокойства, которые Россию колебали и ослабляли ее. Старался с европейскими государствами иметь союзы и сообщения, дабы чрез сие просветить свои народы в нужных вещах; чего ради и множество чужестранных разных художников в Россию выписывал; а союзами в Европе хотел учинить некоторый перевес и силе татарской. Тщателен он был содержать союз с Менгли-Гиреем, ханом крымским, как для устрашения всегдашних врагов России, поляков и литовцев, так дабы и более татар большие орды всегда в разделении содержать, от подданства которых он первый почти освободился. Строгий исполнитель веры, во всю жизнь свою показывал совершенное набожие, исполняя то строением храмов, почтением к духовному чину и истреблением ересей. Можно ещё сказать, что самая твёрдость его в греческом католиком законе много ему и в политических делах послужила: ибо, быв почитаем истинным защитником православной веры, ту часть новгородцев, которые не хотели ради разности вер поддаться полякам и литовцам, по самой обязанности к вере, в доброжелательстве к себе удержал; и когда началась брань с князем Александром Литовским, тогда многие князья и с вотчинами своими по единоверию под власть великого князя Московского предались. Знающий в военном тогдашнем времени искусстве, но елико можно избегающий от войны, яко от величайшего государствам зла. Хотя сей государь и не во многие походы сам ходил, но я не думаю, чтобы сие было от недостатка личной его храбрости; но за лучшее почитал чрез воевод своих всегда действовать, представляя себе изнутри государства равно действия войск своих учреждать, нежели обратя свои внимания на единую войну, оставить какую другую часть государства без нужного призрения”.

12 ноября 1472 года произошло ещё одно знаменательное событие: в столицу торжественно въехала невеста великого князя, дочь Морейского деспота Фомы, племянница последнего византийского императора Константина Палеолога Софья Палеолог, она же Зоя Палеологиня. В тот же день состоялось венчание Софьи Фоминичны с Иваном Васильевичем. Н. М. Карамзин приводит слова митрополита Филиппа: “Бог посылает ему столь знаменитую невесту, отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда всё христианство православное, неразделённое; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих”. Правда, правами греческих императоров притраговывал её брат Андрей, отдавая их то одному европейскому королю, то другому. Но польза от этого династического брака была несомненной: Россия становилась преемницей Византии в Европе, единственной среди православных стран, не зависящей ни от турецкого султана, ни от хана Золотой Орды. Последний же сделал всё для того, чтобы наступило поскорее время расплаты с дерзким “улусником Ивашкой”.

1480 год был с самого начала тяжёлым для Московского государства. 1 января войско Ливонского ордена напало на псковские земли, взяло Вышгородок и осадило Гдов. Семнадцатилетнее перемирие закончилось. Воевода

Ивана III князь Ноготь Оболенский с московскими полками выступил навстречу псковичам. Совместно они взяли укрепление Омовжу на Чудском озере и осадили Юрьев. Но на следующий день воевода неожиданно ушёл из псковской земли. В первых числах февраля в Новгород, где находился Великий князь, который стремился погасить крамолу, зажжённую архиепископом Феофилом и его сторонниками, пришло известие о том, что “князь Андрей Большой да князь Борис отступиша от Великого князя”. Мятеж родных братьев, недовольных стеснением своих удельных прав и усилением влияния Великого князя, грозил новой смутой, подобной недавней шемякинской.

Возвратившись в Москву, Иван III пытается уничтожить конфликт в зародыше и посылает к братьям с мирными предложениями боярина Андрея Михайловича Плещеева. Но тщетно. Братья закусили удила. Тогда Великий князь направляет к ним для переговоров своего духовника, архиепископа Вассиана, который пользовался у них несомненным авторитетом. Братья надеялись на то, что Новгород поддержит их мятеж, но Иван III успел выкорчевать крамолу из этого города. Не отказавшись от переговоров, они всё же продолжали свой мятеж, “грабише и плениша, токмо не секоша” русских людей.

Опасным для Великого князя было то, что братья обратились за помощью к польскому королю Казимиру, их “печальнику”. Формально это было так, ибо в духовном завещании Василия Тёмного записано, что тот должен “печалиться” о его детях. Но Казимир постоянно выступал против Московского государства, то пытаясь включить Новгород в состав своего королевства, то натравливая Ахмата на Русь. Угроза совместных действий Ахмата и Казимира была реальной, и Московский государь старался активными действиями обезопасить себя от нашествия. Поэтому он через своего посла, князя Ивана Звенца-Звенигородского, подписывает с крымским ханом Менгли-Гиреем стратегически важный союзный договор о взаимопомощи при нападении, делает своими союзниками тюменского хана Ивака и вождей поволжских племён, направляет новое посольство к братьям для переговоров, предлагая им территориальные уступки, готовится к возможной осаде Москвы.

Эти приготовления не были напрасны: весной Ахмат, собрав огромное войско, вместе с Касымом, своим племянником, и дружественными им семьюдесятью ордами выступил в поход. Двигался он не спеша, зная, что положение Московского князя незавидно: продолжался мятеж братьев, стотысячная армия Ливонского ордена осадила Псков; кроме того, хан заручился поддержкой польского короля Казимира и ждал уже подхода его войск.

8 июня двадцатитрёхлетний полководец, Великий князь Иван Молодой выступил в поход к окским рубежам. Его отец Иван III с основными силами вышел из Москвы к Коломне. На рассвете 6 октября русские воины встретились с передовыми отрядами Ахмата. Так началось Великое противостояние на реке Угре, которое длилось 33 дня. Стараниями русских историков Татищева, Карамзина и особенно советских – Базилевича, Павлова и Каргалова – восстановлена картина тех долгих дней. И встаёт перед нашим мысленным взором трудная и жестокая война, которая шла на многих фронтах. Острый дипломатический ум Московского государя позволил ему выиграть время, ведь ни к чему не обязывающие переговоры с Ахматом, поджидая прихода замирившихся братьев. И 20 октября их полки прибыли в ставку Московского правителя – в Кременец.

Хан узнал об этом. На приход войск Казимира он уже не надеялся. Зима была ранняя. Реки стали покрываться льдом. Начались болезни, падёж коней. Воины стали роптать и растекаться по окраинам казимировых владений, чтобы хоть чем-нибудь поживиться.

Ахмат повернул коней назад, грабя и забирая в полон. Великий князь послал ему вдгон трёх своих братьев. Ордынцы побежали. Через два месяца хан Ивак убьёт Ахмата и верноподданнически сообщит об этом в Москву.

На берегах Угры завершился процесс складывания великорусской народности. Произошло второе рождение России. И в этом – в создании русского государства и в освобождении от тяжкого ига – великая заслуга Московского государя Ивана III. Немудрено, что к Москве сразу же потянулись русские единоверные земли, прося защиты от притеснений католической Литвы. В последующее двадцатилетие в состав Московского государства вошли Тверское княжество, Вятка, Вязьма, Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж, Путивль, Рыльск

и другие города и сёла. Своему сыну Василию III Московский князь оставляет централизованное государство, по размерам в восемь раз большее, чем досталось ему, с развивающейся инфраструктурой, в которой проглядывают будущие военные, дипломатические и производственные ведомства, со своим сводом законов и двуглавым гербом государства, не случайно заимствованным у Византии.

Мудрый Карамзин справедливо замечает, характеризуя время Ивана Васильевича: “Уже союзы и войны наши имеют высшую цель, каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу Отечества. Народ ещё коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам ума просвещённого... Посольства иноземные одно за другим являются к нашей столице: император, Папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новгорода до Сибири”.

Сын Ивана Васильевича Василий III упрочил и расширил приобретения своего отца. Кто-то из наблюдательных людей заметил, что той стране повезёт, у которой два мудрых правителя следуют друг за другом. России повезло, и заложенный двумя Рюриковичами потенциал позволил ей выстоять и преодолеть ещё не одно смутное время, включая и наше с вами, уважаемый читатель!

Академик Рыбаков справедливо заметил: “Иван III, к сожалению, не был воспет ни современниками, ни потомками, хотя обозначенная его именем эпоха вполне достойна эпического увековечивания”. (“Противоборство”. Тула. ПКИ, 1988. С. 126.)

Слишком это была крупная фигура для того времени, чтобы современники смогли разобраться в ней. Но мы-то можем отметить два (с моей точки зрения) несомненных качества, которые отличают его в ряду выдающихся личностей русской истории: **он берёт людей** и любил побеждать не мощью полков, хотя его армия была одной из лучших в Европе по умению биться и по оснащённости своей, а силой разума, полководческого предвидения; он ценил свободу, это при нём выросло несколько поколений, не знавших опустошительных набегов и унижительного плена. Народ дал ему любовно не одно имя, как обычно, а сразу несколько: Иван Правосуд – для своих и для врагов, Иван Великий – от дел его. Прав Алексей Константинович Толстой – великая гора был царь Иван III! Настолько великая, что даже мы, дальние потомки его, видим её отчетливо и уважительно склоняем головы пред ним.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

“СТАЛИН И МАО СЛУШАЮТ НАС...”

В 1957 году, когда в Москве состоялось Международное совещание коммунистических и рабочих партий, мало кто сомневался в правильности выдвинутого на нём Мао Цзэдуном тезиса о том, что “ветер с Востока довлеет над ветром Запада”. Страны социалистического лагеря занимали уже две трети мировой территории, на которой проживало около 40 процентов населения мира. Бурно развивалось антиколониальное движение в Африке и Азии, руководимое преимущественно левыми силами, что сулило существенный прирост соцлагеря. Проамериканские диктатуры в Латинской Америке с великим трудом удерживали напор революционного движения – и на Кубе всё-таки спустя два года его не удержали. Да, “красный ветер” с Востока совершенно очевидно довлел над “белым ветром” с Запада. Почему же в конце XX века ветер с Востока сменился полным штилем, уступив место ветру с Запада? На этот счёт есть много мнений, но правильное, на мой взгляд, только одно: из-за разрыва СССР и КНР. Соцлагерь просто треснул пополам и былой силы уже не представлял. Более того: Советский Союз и Китай, продолжая конфронтацию с Западом, ощетинились оружием и друг против друга, чему я сам был свидетелем, поскольку с 1968-го по 1975 год проживал в гарнизонах Забайкальского военного округа. Какой уж тут ветер с Востока...

Но отчего произошёл столь быстрый разрыв СССР и КНР? Здесь тоже много мнений, и правильное тоже только одно. Союз между компартиями Советского Союза и Китая разрушил Хрущёв – маленький ушастый коротконогий человек, взобравшийся после смерти Сталина на вершину власти. А Брежнев не обладал стратегическим мышлением Сталина, чтобы содеянное Хрущёвым суметь исправить. Даже личные амбиции Мао Цзэдуна и пресловутая “культурная революция” сыграли здесь далеко не первую роль. Это всё ложь, сочиненная либеральными “китаеоведами” из ЦК типа Ф. Бурлацкого. Прислушаемся к мнению врага – секретаря “дубчековского” ЦК КП Чехословакии Зденека Млынаржа, которому незачем врать, как врут бурлацкие и К^о. Хрущёв, по словам Млынаржа, “потерял Китай и Албанию и не сумел “вернуть в лагерь” Югославию. При Хрущёве Советская армия вышла из Австрии. Проводившаяся Хрущёвым десталинизация расшатала Польшу, Венгрию и Чехословакию, непослушание стала проявлять Румыния. Коммунистическое движение в странах вне сферы советского влияния стало заметно терять свой вес в качестве политического тыла Москвы. В этом смысле Хрущёв, бесспорно, ослабил имперские позиции Советского Союза”.

А вот что, по словам Дэн Сяопина, говорил на эту тему Мао Цзэдун 23 октября и 30 ноября 1956 года во время встреч с послом СССР: “Вы совсем от-

казались от такого меча, как Сталин, выбросили этот меч. В результате враги подхватили его, чтобы им убивать нас. Это равносильно тому, что “подняв камень, бросить его себе на ноги”.

Самое скверное, что Хрущёв *отдал врагам этот меч* исключительно ради борьбы за личную власть! В человеческую необходимость для Хрущёва разоблачений Сталина я категорически не верю. Никакого искреннего сожаления по поводу личного (и активного!) участия в репрессиях в пору своего руководства московской и украинской парторганизациями он никогда не высказывал, отделяясь оправданиями типа: “Все боялись, и я боялся”. Полагаю, тайна лежит в другой плоскости. Хрущёв не имел такой популярности в стране и такого международного авторитета, как, скажем, Молотов и Жуков. У него, обыкновенного и нечистого на руку партийного интригана, была одна возможность удержаться наверху: используя противоречия между членами Президиума ЦК и тягу к власти “второго эшелона” в партии, он стравливал и одного за другим отправлял в политическое небытие и противников, и бывших соратников. Июнь 1953 года – Берия; июнь 1957-го – Молотов, Маленков, Каганович, Первухин, Сабуров, Шепилов; октябрь 1957-го – Жуков; март 1958-го – Булганин; июль 1960-го – Ворошилов. К 1961 году вроде бы все были повержены, сталинские лагеря опустели... Можно бы, кажется, и расслабиться, и утверждать как автору Программы строительства коммунизма, но нет! На XXII съезде КПСС, официально посвящённом принятию новой Программы, снова развернулась антисталинская кампания, близкая уже к истерике (на предыдущем, XXI съезде, о Сталине почти ничего не говорилось). Рекомендую сравнить, сколько в съездовском отчёте слов о Программе и сколько – о Сталине... Половина на половину, наверное. И ведь ничего нового не было сказано по сравнению с закрытым докладом на XX съезде, зато компромата на Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Булганина – хоть отбавляй! Намёк более чем прозрачный: кто не со мной – тот “сталинист”!

Однако истеричный характер “десталинизации” насторожил не только противников и бывших соратников Хрущёва по ЦК, но и руководителей компартий Китая и Албании. Может быть, политика дискредитации Сталина не нравилась им лично как авторитарным владыкам? Не нравилась, конечно, но не могла являться основной причиной разрыва, потому что те деятели стран Варшавского договора, которые не возражали Хрущёву, тоже были авторитарными владыками. А сам Хрущёв – разве он не был авторитарным правителем, осмеливаясь при этом осуждать Сталина? Нет, скорее всего, Мао Цзэдуна и Энвера Ходжу искренне волновало то, что откровенно признал впоследствии деятель “пражской весны” Млынарж. В этой ситуации у Хрущёва оставалось два выхода: либо дать задний ход оголтелой “десталинизации” (“осадить коня на краю пропасти”, как говорили тогда в КПК), либо, напротив, расширить её, поведя борьбу уже с “культом личности” Мао и Ходжи. И он, будучи интриганом невысокого полёта, выбрал второе.

Именно немотивированные и истеричные нападки Хрущёва на Сталина и сталинскую эпоху были основной причиной полемики, развернувшейся между КПСС и КПК и приведшей к их разрыву. Удивительное дело: в нынешнее время, когда, казалось бы, никаких “белых пятен” в истории уже не осталось, мы до сих пор толком не знаем, кто именно был инициатором разрыва! Спросите у так называемых образованных людей, и большинство из них вам ответит, что всё началось в 1966 году с “культурной революции” в Китае. А другие, менее образованные, скажут, что с военного конфликта на острове Даманский в 1969 году. И то, и другое неверно. В 1963 году кампания против Мао в советской прессе далеко превосходила всё то, что печатали у нас о КНР в 1966–1969 годах. 4 февраля 1964 года газета ЦК КПК “Жэнминь жибао” дошло подсчитала: “По имеющимся данным, с 15 июля и до конца октября прошлого года на страницах 26 центральных советских газет и журналов было опубликовано в общей сложности 1119 редакционных статей, передовиц, комментариев, авторских статей, писем читателей и карикатур с прямыми нападками в адрес КПК и её руководителей товарищей Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других. Что же касается местной советской печати, то, по неполным данным, за тот же самый период только на страницах 15 органов союзных республик было опубликовано 728 антикитайских материалов”. Китайский ответ скромнее – 10 статей в “Жэньминь жибао” и партийном журнале “Хунци”. Почему же об этом почти ничего нет, скажем, в книге Бурлацкого

о маоистском Китае? Потому что преступникам свойственно замечать следы преступлений. У пресловутой “десталинизации”, по-прежнему навязываемой нам, несмотря на неприятие её большинством граждан уже капиталистической России, есть ещё один, неназываемый грех: именно она и ничто другое помешала ветру с Востока одолеть ветер с Запада.

“Десталинизаторы” не любят вспоминать об этой полемике ещё и потому, что Хрущёв её с треском проиграл. Я уж не знаю, по какой причине, но в открытой дискуссии антисталинисты не могут одолеть сталинистов — мы это хорошо видим по нынешним теледебатам о Сталине. Оказывается, поражение их ждало и в первой такой полемике — после XX съезда КПСС. Да, это вам не доклады на закрытых заседаниях читать, без обсуждения! В 60–80-х годах прошлого века мы слышали только уничижительные отклики об идеологическом уровне маоистов: недоучки, сектанты, догматики, начётчики, изуверы... Два китайских материала из полемики 1963–1964 годов, приводимые ниже, решительно опровергают это. Я не коммунист и никогда им не был, но марксизм-ленинизм в советское время, как и всем, в институте мне приходилось изучать, и могу сказать уверенно: идеологи Мао знали в теории Маркса–Ленина больший толк, чем хрущёвские идеологи. Очевидно, товарищ Суслов (а он как главный партийный теоретик, безусловно, приложил руку к полемике) по всем параметрам уступал теоретику КПК Чэнь Бода, о котором столь пренебрежительно писали бурлацкие. А как высмеивали так называемые “красные книжечки” — цитатники Мао? Но ведь у нас никто их не читал! Между тем, это дельно составленные дайджесты из статей и выступлений Мао. Если китайские студенты учились по ним, то я им завидую: нам приходилось штудировать толстые нудные книги по научному коммунизму. Да и сам Мао был человеком с собственными идеями, в отличие от большинства тогдашних коммунистических лидеров.

Китайские коммунисты, как и всякие коммунисты у власти, — не самые большие любители открытых дискуссий, но тут они настолько были уверены в своей правоте, что не боялись публиковать открытые письма ЦК КПСС в своей центральной печати. Напротив, хрущёвцы, видимо, были настолько в своей правоте не уверены, что ответы ЦК КПК в советских газетах не публиковали. “Жэньминь жибао” писала 4.02.1964: “Все более или менее важные материалы из этой антикитайской пропаганды были опубликованы в наших газетах. В частности, полный текст Открытого письма ЦК КПСС публиковался дважды и передавался по радио всему миру более чем на десяти иностранных языках. Всё это делалось для того, чтобы те, кого интересует нынешняя открытая полемика, могли ознакомиться со взглядами руководства КПСС. Мы не смогли полностью опубликовать все антикитайские статьи советской стороны лишь потому, что их было чрезвычайно много, причём большинство из них страдало однообразием, и наша печать не могла их все охватить. Наши издательства уже собрали все эти статьи и готовят их к выпуску в виде специальных сборников”.

Открытое письмо ЦК КПК советскому руководству от 14 июня 1963 года было напечатано в “Правде” лишь через месяц, и то после грандиозного скандала. 7 июля в Москву на межпартийные переговоры прибыла возглавляемая Дэн Сяопином делегация ЦК КПК, которая привезла с собой напечатанное в виде брошюр (на китайском и русском языках) письмо ЦК от 14 июня. Когда же китайцы начали раздавать эти брошюры своим студентам и знакомым советским коммунистам для информации, то КГБ стал изымать их как “антисоветскую пропаганду”. Члены делегации Дэн Сяопина оскорбились: это было равносильно объявлению их ЦК “антисоветским”. К тому же, хотя китайское руководство и давало опубликованным в Китае письмам ЦК КПСС нелестные комментарии, оно не изымало газет с ними. Оказавшись в крайне невыгодном положении, Хрущёв велел всё-таки напечатать письмо ЦК КПК в “Правде”, но сопроводил его Открытым письмом ЦК КПСС к первичным парторганизациям, весьма смахивающим на “инструкцию по прочтению” китайского письма. В общем, получилось всё довольно топорно и свело на нет переговоры. По мнению китайцев, они потеряли смысл, поскольку ещё до их завершения Хрущёв инструктировал членов своей партии в определённом духе.

Хрущёв потерпел поражение в полемике и по той простой причине, что последнее слово в ней осталось за китайцами, о чём тоже сегодня мало кто знает. Дискуссия 1963–1964 годов завершилась после падения Хрущёва пере-

довой статьёй в журнале “Хунци” от 21 ноября 1964 года “Почему Хрущёв ушёл со сцены”, на которую брежневский ЦК не стал отвечать — то ли в знак согласия, то ли не зная ответа (что теплее). Если бы её перепечатали в СССР, многие советские граждане не ломали бы голову над тем, в чём заключается загадочный “волюнтаризм”, вменённый в вину Хрущёву.

Но что же было дальше? Новая загадка. И эта загадка — отнюдь не в действиях китайцев. Они, узнав 14 октября 1964 года об отставке Хрущёва, сделали всё возможное, чтобы снова сблизиться с КПСС. Мао незамедлительно собрал Политбюро, на котором было принято решение послать поздравительную телеграмму Брежневу, Микояну и Косыгину от имени Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая со следующим текстом: “Искренне надеемся, что братский советский народ под руководством КПСС и правительства СССР добьётся новых побед в работе по разным направлениям и в борьбе за мир на планете. Желаем сплочения двух партий и двух государств Китая и СССР на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма”. Стремление китайского руководства добиться улучшения отношений было налицо.

А что же новое советское руководство? В целом оно хотело примерно того же, но как-то пассивно и с “нюансами”. Бывший помощник Брежнева по внешнеполитическим вопросам А. М. Александров-Агентов писал в книге “От Коллонтай до Горбачёва” (М., 1994) о первом же обсуждении брежневским Политбюро китайской проблемы: “Все были в общем согласны, что отстранение Хрущёва может быть использовано для нормализации в той или иной степени отношений с Пекином. Но как это лучше сделать и до какой степени следует пойти навстречу Мао, никто толком не знал. Наиболее категоричен был Косыгин: надо сразу же предложить китайскому руководству откровенные переговоры, перечеркнуть тёмный период и восстановить прежнюю дружбу. “Мы — коммунисты и они — коммунисты, и не может быть, чтобы не смогли договориться, глядя друг другу в глаза!” — восклицал Косыгин. Против такой точки зрения выступил Андропов. Он говорил, что не всё так просто, что Мао хитёр и коварен и с СССР порвал не под влиянием эмоционального импульса, а вполне продуманно — в расчёте перехватить у КПСС главенствующую роль в мировом движении, а затем, может быть, наладить дела с Америкой. Русаков, насколько я помню, занимал срединную позицию, а Брежнев в основном осторожно отмалчивался. Но в общем все были согласны, что в отношении Китая какие-то позитивные шаги необходимы”.

Отметьте: Андропов уверял Политбюро, что Мао уже порвал с СССР. Между тем, все дальнейшие действия Мао и Чжоу Эньлая во второй половине октября 1964 года полностью опровергают это обвинение. Александров-Агентов пишет: “На празднование национального дня СССР — 7 Ноября — по приглашению нового руководства Союза в Москву прибыл премьер КНР Чжоу Эньлай — фактически вторая фигура в Пекине”. Но это неправда или полуправда. Советскому руководству вовсе не пришла в голову здравая мысль использовать праздник 7 Ноября для нормализации отношений с китайцами. Чжоу Эньлай никто не приглашал и никого вообще из соцлагеря не приглашали, поскольку дата была не юбилейной (47-я годовщина). Китайцы, забыв о гордости, на приглашение... напросились. Причём сделали это достаточно деликатно и конструктивно: в беседах с советским послом в КНР С. Червоненко 28 и 29 октября 1964 года Чжоу Эньлай предложил советскому руководству пригласить на торжества всех лидеров социалистических стран, включая Албанию, для “поиска солидарности”. Такие же беседы Чжоу Эньлай провёл с послами других социалистических стран в Пекине (албанцев, впрочем, ему убедить поехать в Москву не удалось). *Только после этого* руководители СССР направили приглашения китайцам и всем остальным.

В самом Китае 47-ю годовщину Октября начали широко праздновать уже 5 ноября, чего в предыдущие годы не случалось. 7 ноября в газете “Жэньминь жибао” вышла передовая статья под названием “Сплотимся под знаменем Великой Октябрьской революции”, а на следующий день газета опубликовала полный текст доклада Брежнева на торжественном собрании в честь 7 ноября. Несомненно, имелись все предпосылки для быстрого улучшения отношений уже в дни ноябрьских празднеств.

Но быстрого улучшения почему-то не хотела та часть брежневского окружения, которая разделяла точку зрения Андропова. Да и сам Брежнев не проявил той деликатности и конструктивности, что проявили Мао и Чжоу Эньлай. Китай-

ский источник свидетельствует: “6 ноября Чжоу Эньлай и Хэ Лун поочередно встретились с Леонидом Брежневым, Анастасом Микояным, Алексеем Косыгиным. Чжоу Эньлай и Хэ Лун выразил стремление китайской стороны к солидарности, намерение провести широкие контакты, кроме участия в праздничных мероприятиях, а также желание выступить с речью на праздничном торжестве. Но Леонид Брежнев вежливо отказался от этой просьбы, обосновывая свою точку зрения тем, что программа собрания не предусматривает выступления иностранных гостей. [...] На торжественном собрании во второй половине 6 ноября Леонид Брежнев в своём выступлении подчёркивал правильность курсов XX, XXI и XXII съездов КПСС, открыто заявив, что общие направления внешней политики СССР, установленные “решениями, принятыми на последних съездах компартии” и “Программой КПСС”, являются постоянными и неизменными”.

А ведь китайская делегация вовсе не требовала от КПСС немедленного пересмотра отношения к Сталину и корректировки хрущёвских принципов “мирного сосуществования” с империалистическим окружением, понимая щекотливость ситуации, в которой оказалось новое советское руководство. Напротив, Чжоу Эньлай просил перенести сроки созыва очередного Совещания коммунистических и рабочих партий, чтобы китайские участники, не включённые Хрущёвым 30 июля 1964 года в состав редакционной комиссии, от которой и зависела повестка дня и программные документы Совещания, могли принять полноценное участие в её работе. Забегая вперёд, скажем, что в задуманном Хрущёвым виде это Совещание так и не состоялось, вместо него была проведена 1–5 марта 1965 года в Москве консультативная встреча представителей 18 компартий (а первоначально планировалось 26). Совещание же как таковое произошло только в 1969 году, но без китайцев и албанцев. Брежнев, отказывая Чжоу Эньлаю в его просьбе, должен был предвидеть такое развитие событий, но он всё равно ему отказал. С самого начала визита делегации Чжоу Эньлая в Москву складывалось ощущение последовательного саботажа советской стороной китайских инициатив, даже таких невинных, как выступление с речью на торжестве.

А 7 ноября произошёл скандал. Вот как его описывает Александров-Агентов: “. . . во время праздничного банкета в Кремле к китайскому премьеру подошёл крепко подвыпивший министр обороны маршал Малиновский и во всеуслышание заявил: “Ну вот, мы своё дело сделали – выбросили старую галошу – Хрущёва. Теперь и вы вышвырните свою старую галошу – Мао, и тогда дела у нас пойдут”. Вне себя от возмущения, Чжоу Эньлай немедленно покинул банкет и сразу же улетел в Пекин. Отношения с Пекином были, конечно, подорваны”. Что касается Малиновского – это правда (если не считать, что, по другим источникам, он обозвал Мао не “галошей”, а “чёртом”), а вот насчёт немедленного ухода с банкета и отлёта Чжоу Эньлая в Пекин Александров-Агентов соврал. То ли ему изменила память, то ли он хочет свалить на одного Малиновского просчёты своих бывших хозяев. Официальная стенограмма переговоров китайской делегации с советским руководством 8 ноября (приводится ниже) свидетельствует, что в духе Малиновского на банкете высказывались также и маршал Захаров, и член Политбюро Кириленко, то есть пьяный Малиновский выражал не личное мнение, а некое коллективное. Причём версию о том, что они хотели таким образом настроить против Мао, переманить на свою сторону Чжоу Эньлая и других, я отметаю сходу, поскольку на банкете, с одной стороны, были американские корреспонденты, а с другой – в состав делегации входил лично преданный Мао глава спецслужбы КНР Кан Шэн. Разве советские руководители не знали об этом? А если знали, то, получается, сознательно провоцировали китайцев в надежде, что проявленная ими вдруг энергичная тяга к “сплочению” быстро пройдёт.

Но самое главное, Чжоу Эньлай не улетел в Пекин ни 7 ноября, ни 8-го, ни 9-го: несмотря на нанесённое китайскому вождю оскорбление, он находился в СССР аж до 13 ноября и продолжал вести непростые переговоры с брежневским Политбюро. И вёл их, очевидно, не по своей инициативе, а по воле того, кого Малиновский назвал то ли галошей, то ли чёртом, потому что в ночь с 7-го на 8 ноября Чжоу Эньлай из посольства сообщил Мао телексом об инциденте и запросил инструкций. Судя по тому, что Чжоу Эньлай был в СССР ещё почти неделю, он получил указание в случае получения извинений не прекращать переговоры с советской стороной. А нам ещё говорят о “непомерных” якобы амбициях Мао Цзэдуна! А ведь Чжоу Эньлай приехал

в Москву уже представителем ядерной державы! Всего три недели назад, 16 октября 1964 года, Китай провёл успешное испытание первой атомной бомбы. В стране царил огромный патриотический подъём. После оскорблений Малиновского Мао вполне мог встать в позу и сказать: “Ах, если вы так, то мы и без вас теперь проживём”, – но он не стал этого делать, пока оставалась надежда на восстановление китайско-советской дружбы.

В дальнейших переговорах ключевым стал, видимо, следующий эпизод: “В ходе ожесточённой дискуссии Анастас Микоян, наконец, не выдержал и сказал: “По вопросу разногласия с КПК мы ничуть не отличаемся от Хрущёва, даже без малейшей разницы”. “Раз между вами с Хрущёвым нет никакой разницы по отношению к разногласиям между Китаем и Советским Союзом, тогда о чём можно ещё говорить?” – в ответ отметил Чжоу Эньлай”. Китайский источник, сообщающий об этом, называется “Последний визит Чжоу Эньлая в СССР”, он размещён в интернете Центром изучения партийной истории при Комитете КПК провинции Хэбэй. Не доверять ему нет оснований, потому что содержащаяся в нём информация о других переговорах Чжоу Эньлая с советским руководством (8 ноября) полностью соответствует упомянутой мной советской стенограмме.

Когда после смерти Мао в 1976 году у престарелого Брежнева появилось желание всё-таки как-то договориться с китайцами, он понял, какая ошибка была совершена им в ноябре 1964 года. За прошедшие с этого времени годы “антимаоизм” стал неотъемлемой частью советской идеологии и внешней политики. Помня тогдашнюю пропаганду, я даже не могу уверенно сказать, какого врага изображали страшнее – американских империалистов или китайских маоистов. Всё-таки империалистов не называли фашистами, а маоистов – называли. То же самое происходило в Китае по отношению к СССР. Александров-Агентов писал (и на этот раз, я полагаю, абсолютную правду): “Корни взаимной вражды и недоверия, вызревавшие десятилетиями, были ещё слишком крепки. Кадры у обеих сторон – политические, идеологические, военные – воспитывались все эти десятилетия именно в таком духе. Мне, например, не раз приходилось быть свидетелем того, как отдельные попытки Брежнева уже в послемаоистский период найти какие-то пути к оздоровлению отношений с Китаем пресекались нашими “китаеоведами” из аппаратов ЦК и МИД, которые длительное время специализировались на разоблачениях китайской политики и другого представить себе не могли. (...) Сопротивлялись Громыко, весь ещё в пылу “антикитайской инерции”, и десятилетиями оттачивавшие своё антикитайское политико-идеологическое оружие международники из аппарата ЦК КПСС, которым каждое доброе слово, обращённое к китайскому руководству, казалось кощунством”.

Но вернёмся в ноябрь 1964 года. За неделю с лишним пребывания в СССР Чжоу Эньлай и другие члены делегации сделали твёрдый вывод, что к власти в Москве пришли не антихрущёвцы, а, так сказать, “умеренные хрущёвцы”, которые будут *тихой сапой* и без хрущёвских эскапад проводить ту же политику в отношении КНР. Один из китайских лидеров Пэн Чжэнь даже заявил 25 мая 1965 года, что Хрущёв в известном смысле был предпочтительней брежневцев, потому что по своей непосредственности время от времени выбалтывал то, что у него на уме, а эти говорят одно, думая другое. Между прочим, Чжоу Эньлай на переговорах с руководством КПСС тоже интересовался, как и многие советские люди, что означает в политическом смысле “волюнтаризм” и “субъективизм” Хрущёва, но, как и советские люди, внятного ответа не получил.

Так и не дождавшись разъяснений насчёт Хрущёва от новых советских руководителей, китайцы высказали свою версию в передовой статье журнала “Хунци” “Почему Хрущёв ушёл со сцены” от 21 ноября 1964 года. В заключительных словах статьи всё ещё выражалась надежда на “солидарность” и “сплочение” КПК и КПСС: “Каждый волен выбрать свой путь. Но в одном мы глубоко уверены: история будет развиваться по законам, открытым марксизмом-ленинизмом, она будет идти вперёд по пути Октябрьской революции. Великая Коммунистическая партия Советского Союза и великий советский народ, имеющие революционные традиции, безусловно, внесут свой новый вклад в дело защиты великих завоеваний социализма, в дело защиты высшего авторитета первой социалистической державы, созданной Лениным, в дело защиты чистоты марксизма-ленинизма, в дело обеспечения успешного развития пролетарской революции.

Да здравствует сплочение международного коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма!”

Но больше подобных слов в китайской печати уже не звучало. А когда в марте 1965 года всё же состоялась консультативная встреча лидеров 18 коммунистических партий в Москве без участия китайцев, зазвучали другие слова. В статье “Жэньминь жибао” “Исторический опыт антифашистской войны” от 9 мая 1965 года и в упомянутом выступлении Пэн Чжэня в Индонезийской академии имени Алиархама 25 мая 1965 года брежневцев уже критиковали так же резко, как и Хрущёва. Не помогли и встречи Косыгина в Пекине (по пути из Вьетнама) с Мао и Чжоу Эньлаем в феврале и апреле 1965 года. А может быть, даже и осложнили отношения. Видимо, в Москве в ноябре 1964 года был упущен момент, когда можно ещё было “договориться как коммунисты”, “глядя друг другу в глаза”. Ставка Косыгина на “откровенность” уже раздражала китайцев, особенно Мао. По воспоминаниям переводчика Ю. Галеновича, Косыгин прямо заявил Мао Цзэдуну: “Вашей борьбы против американского империализма не видно”. После этого Мао демонстративно “выключился” из беседы. Но его можно понять: даже если в 1965 году китайцы мало боролись против империализма, то ведь это они несли основные тяготы в большой войне с американцами в Корее (1950–1953). Замечание Косыгина было и неуместно, и несправедливо.

По свидетельству работника ЦК КПСС и китаеоведа О. Рахманина, в 1966 году ЦК КПК в своём последнем письме советской стороне выдвинул требование “покончить с ревизионистскими и раскольническими ошибками, допущенными после XX и XXII съездов КПСС и октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС” и дать “обещание никогда не допускать таких ошибок”. По иронии судьбы, к 1966 году советское Политбюро уже само прекратило критику Сталина в печати и не особенно дорожило хрущёвской Программой XXII съезда о “построении основ коммунизма” к 1981 году, понимая её утопичность. В отличие от ситуации ноября 1964 года, ничего, в сущности, не мешало ЦК КПСС вести переговоры с ЦК КПК на основе положений его письма, если бы не их ультимативность и резкость оценок, которых, опять же по иронии судьбы, не было в ноябре 1964-го... Что ж, “всякому овощу своё время”, как сказал о Хрущёве и Мао на знаменитом банкете в Кремле маршал Захаров.

А потом в Китае началась “Великая пролетарская культурная революция”, идея которой была сформулирована так: “Величайший урок истории диктатуры международного пролетариата состоит в том, что в первом социалистическом государстве – Советском Союзе – партийное и государственное руководство узурпировано ревизионистской кликой и осуществилась реставрация капитализма. То же самое произошло и в некоторых других социалистических странах. Именно обобщив исторический опыт диктатуры международного пролетариата, наш великий вождь Председатель Мао Цзэдун поднял сотни миллионов масс на проведение этой беспрецедентной в истории Великой пролетарской культурной революции. Это самая надёжная гарантия того, что наша партия и наша страна никогда не изменят свой цвет”.

Тут можно поспорить насчёт “никогда”: положим, цвет-то они и впрямь до сих пор не изменили, но реставрацию капитализма под красным флагом всё-таки совершают. Только ведь флаг они сохранили именно благодаря “Великой пролетарской культурной революции”. А что такое флаг? Флаг означает очень многое. Не означал бы, так Ельцин у нас его не убирал бы. Если ветер с Востока снова начнёт одолевать ветер с Запада, если появится историческая необходимость вернуться к ортодоксальному социализму, китайцы без особых усилий к нему вернуться, а мы – только через новую резню.

Ныне китайцы оценивают деятельность Мао Цзэдуна по той же самой формуле, которую он сам применял по отношению к Сталину, говоря, что он ошибался только на 30 процентов, а на 70 процентов был прав (при этом Мао предсказывал, что в будущем историки снизят процент ошибок Сталина до десяти).

Но почему Мао, не склонный превозносить другие авторитеты, сохранял такой пиетет перед Сталиным? Думаю, он считал, что в число 70 процентов заслуг Сталина входит его отношение к КНР и, в частности, к нему самому. Это было то, чего не умели ни Хрущёв, ни Брежнев. Сталин получал не меньше “компромата” на Мао, чем они (самый известный – “папка Гао Гана”, партийного руководителя Маньчжурии). Но он, сверхподозрительный человек,

вёл себя с Мао совсем иначе, чем Хрущёв и Брежнев, понимая, что Мао — самый значительный коммунистический деятель Китая. Он простил ему даже “ревизионистскую” фразу в Программе КПК 1945 года: “КПК во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна” (а Хрущёв, кстати, не простил). В день своего 70-летия Сталин снял с руки часы и отдал их Мао: теперь, мол, твоё время пришло. Это была не первая и не последняя метафора Сталина в отношениях с младшим китайским товарищем: он вообще воспитывал Мао в подобном духе. Несмотря на оказанную Мао честь (его поселили в декабре 1949 года на сталинской даче в Кунцеве), после юбилея он ждал приёма у Сталина три недели и за это время не видел его ни разу, хотя жил на втором этаже, а Сталин — на первом. Тогда, по воспоминаниям Мао, он не выдержал и заскандалил: я, дескать, руководитель самой большой по населению страны и вождь самой большой в мире компартии, подавайте мне Сталина, не то уеду домой! Сказано-сделано: вскоре встреча со Сталиным состоялась. А утром официантка, которая несла наверх кофе для Мао, чуть не уронила поднос, увидев у лестницы хотя и не призрак, но и едва ли реальность — седого как лунь Сталина в мундире генералиссимуса. Он молча стоял, глядя на неё исподлобья. И это в такую-то рань, хотя, как известно, раньше полудня он никогда не вставал! Дальше Сталин повёл себя ещё более необычно, если не сказать неприлично. Он вдруг отобрал у официанта поднос, пробормотав: “Я сам отнесу”, — и понёс кофе Мао Цзэдуну на второй этаж — в постель, так сказать.

Что здесь правда, а что — нет, я не знаю, это версия, изложенная самим Мао. Он, видимо, был так поражён этой чисто китайской метафорой “обуздания гордости”, что даже “понизил” себя в росте по отношению к Сталину на первой китайской марке, изображавшей их рукопожатие (имеется в Википедии в статье о Мао Цзэдуне). На марке Мао чуть ниже Сталина, хотя хорошо известно, что он был значительно выше.

В Википедии есть ещё одно уникальное фото — встречи осенью 1961 года Мао и Пу И, последнего императора Китая и Маньчжоу-Го. Это всё равно, как если бы Сталин дружески встретился с выжившим Николаем II. Мао и Пу И на снимке улыбаются: особенно искренне Мао, кажущийся по сравнению с тщедушным Пу огромным. Подобострастная улыбка отставного императора кажется менее искренней: наверное, при других условиях он бы с удовольствием порезал Мао на кусочки. Из тюрьмы он его не выпустил бы точно. Пу И с 1950-го по 1959 год совершенно справедливо отбывал наказание в лагере перевоспитания как военный преступник, сотрудничавший с японскими оккупантами, и был освобождён по амнистии к 10-летию КНР. А он ещё не хотел возвращаться в Китай, когда сидел в советском лагере для военнопленных под Хабаровском! Просил в письме Сталину в 1949 году: не передавайте меня властям красного Китая, я изучаю труды Маркса и Ленина в лагерной библиотеке, и они производят на меня глубокое впечатление. Но Сталин всё же отправил Пу И китайцам, резонно рассудив, что на родине знание Маркса и Ленина ему теперь не помешает. Пу И, наверное, очень боялся, что в Китае его расстреляют, между тем как бояться следовало, что его оставят в СССР. У нас военных преступников такого ранга, как правило, приговаривали к расстрелу. Пу И повезло. Выйдя через девять лет из лагеря Фушунь, он предстал перед людьми вовсе не тем бедолагой, каким его изобразил Бертолуччи в фильме “Последний император”. Да, действительно, какое-то время после освобождения Пу И поработал садовником в Ботаническом саду Академии наук КНР, но вскоре за глубокое знание Маркса и Ленина его назначили архивариусом в Национальную библиотеку. Бертолуччи нам врёт, что Пу И был бедным садовником в 1966 году, во время “культурной революции”. К тому времени он являлся не просто архивариусом, а членом Политико-консультативного совета КНР (с 1964 года), где и получал зарплату. Когда в 1967 году Пу И умер от рака печени, прах его был захоронен на правительственном кладбище Бабаошань в Пекине, среди коммунистических чиновников высокого ранга. И это в разгар “культурной революции”! Один из братьев Пу И, Пужэнь, до сих пор живёт в КНР и пользуется большим уважением. Но, как вы понимаете, это рассказ вовсе не о Пу И, а о Мао Цзэдуне, о его отношении к национальной истории, реальными персонажами которой были Пу И и Пужэнь.

С 1965-го по 1976 год Мао не был другом нашей страны. Но это не столько его вина, сколько вина Хрущёва и Брежнева, как мы установили выше.

Если Александр Лукашенко, не дай Бог, перестанет быть другом России, то по тем же причинам, по которым это вынудили сделать Мао. Но он был прав в своих воззрениях на Сталина, Хрущёва и Брежнева на 70 процентов, а может быть, и на 90. Как говаривал Председатель Мао: “историки будущего уточнят эти расчёты”.

Ниже материалы для таких расчётов – впервые публикующийся у нас уникальный документ советско-китайских отношений 50-летней давности.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тт. БРЕЖНЕВА Л. И., КОСЫГИНА А. Н., МИКОЯНА А. И., АНДРОПОВА Ю. В., ГРОМЫКО А. А. С ЧЛЕНАМИ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ КНР, ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ ТОВ. ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ

8 ноября 1964 г <ода>

До начала обеда в особняке китайской делегации Чжоу Эньлай проявил инициативу побеседовать по некоторым вопросам.

Тов. Чжоу Эньлай. В качестве первого вопроса нашей беседы я хотел бы попросить тов. Брежнева рассказать, как решено поступить с текстом нашего письменного приветствия. Вы мне говорили о том, что, посоветовавшись с вашими товарищами, скажете мне об этом.

Тов. Брежнев Л. И. Мы дадим вам ответ по этому вопросу. Поскольку товарищи из некоторых других делегаций тоже выражали желание выступить с приветствием, было такое мнение: издать сборник, включающий все приветствия. Возможен и другой вариант. Мы обменяемся мнениями по этому вопросу и ответим вам.

Одновременно хотел бы поблагодарить за тёплое приветствие, полученное нами от тт. Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая, которое уже опубликовано в нашей печати.

Тов. Чжоу Эньлай. Хорошо. Второй вопрос, которого я хочу коснуться, носит более серьёзный характер. Как вы знаете, наша партия и правительство направили в Москву делегацию во главе со мной для того, чтобы выразить чувство дружбы и принять участие в торжествах по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции. Вы также подтвердили мнение о том, что этот приезд является дружественным актом.

Тем не менее, вчера на приёме в Кремлёвском дворце съездов, где присутствовали, в частности, журналисты из западных стран, министр обороны СССР т. Малиновский публично обратился ко мне с оскорбительными и провокационными вопросами. Сначала он заявил мне о том, чтобы мы, китайцы, не занимались бы фокусами в политике. Я понял смысл того, что хочет сказать т. Малиновский, и решил перевести разговор на другую тему. Я сказал ему, что эти фокусы – вещь простая, надо открыть кулисы и их можно увидеть. Однако т. Малиновский на этом не остановился и пошёл ещё дальше. Он заявил о том, что мы не должны позволять никакому чёрту замутить наши отношения. Я не успел спросить т. Малиновского, какого чёрта он имел в виду, как он продолжал говорить о том, что советский и китайский народы хотят счастья, и пусть никакие Мао и Хрущёвы нам не мешают.

Вопрос ясен: это провокация и оскорбление. Я не поддался на провокацию и, повернувшись в другую сторону, хотел уйти, так как буквально рядом с нами стояли американские корреспонденты и слушали. В это время подошли другие советские маршалы, а т. Малиновский продолжал говорить. Однако я его не слушал, и мой переводчик не переводил. Но другой переводчик слышал сказанное т. Малиновским. Тов. Малиновский, по существу, заявил: мы в Советском Союзе свергли Хрущёва, а теперь вы свергайте Мао Цзэдуна. Затем т. Малиновский продолжил разговор с т. Хэ Луном. Он сказал т. Хэ Луну, что у него красивая маршальская форма. На это т. Хэ Лун заметил, что лучше носить френч. Тов. Малиновский согласился с этим и добавил, что лучше носить телогрейку, а затем заявил: “Эту нашу форму на нас насобачил Сталин, а вашу форму на вас насобачил Мао”.

Тов. Хэ Луном было сказано, что говорить подобным образом – это ошибочно и неправильно.

Я, – продолжал Чжоу Эньлай, – уже говорил т. Микояну, что лично я слышал лишь первую часть этих высказываний т. Малиновского, где он говорил о том, чтобы никакие Мао и Хрущёвы нам не мешали. Я бы мог поступить и по-другому: ответить т. Малиновскому и продолжить наш разговор, что наверняка вызвало бы потрясение у всех присутствующих. Так должен был бы поступить на моём месте любой честный коммунист, тем более, – подчеркнул Чжоу Эньлай, – что речь идёт об оскорблении нашей делегации, нашей партии, вождя китайского народа, а также и оскорблении меня лично.

Если бы я пошёл на такой шаг, то с моей стороны это был бы нормальный, справедливый и необходимый поступок. Конечно, можно было бы предпринять и другой шаг – обратиться к руководящим товарищам КПСС и Советского правительства с серьёзным протестом вчера же на приёме. Тогда, по-видимому, возник бы спор, так как возникла бы необходимость выяснить все обстоятельства на месте. Мы как коммунисты имели право поступить и таким образом. Однако мы не приняли этих мер, поскольку указанный инцидент имел место сразу после выступления с тостом т. Малиновского, в котором он критиковал американский империализм. Затем т. Малиновский стал обходить всех присутствующих, а я подошёл к советским маршалам, чтобы предложить выпить за дружбу наших двух народов и за дружбу между нашими армиями. В этот момент т. Малиновский и выступил со своим оскорбительным провокационным заявлением. Если бы мы сразу дали ему отпор, то тем самым это явилось бы хорошей “пищей” для корреспондентов западных империалистических стран.

Мы постоянно заявляли, что надо очень осторожно подходить и продумывать действия, которые могут радовать врагов и огорчать друзей. Что имел в виду т. Малиновский и как понимать его оскорбительное обращение к нам сразу после того, как он выступил с резкой критикой американского империализма? Вполне ясно, что такое заявление по адресу партийно-правительственной делегации КНР практически аннулировало смысл его выступления с тостом. Это – “хрущёвщина”. Я сам видел, как американский посол с улыбкой наблюдал за выступлением т. Малиновского. Затем, как сказал мне т. Микоян, вы обменивались мнениями по поводу тоста т. Малиновского и пришли к выводу, что он выражался чересчур остро.

Тов. Микоян А. И. Это я вам сказал о своей точке зрения.

Тов. Чжоу Эньлай. Подобные выступления показывают лишь слабость перед врагами. Так поступал Хрущёв. Но американские империалисты видели его насквозь. Мы же как ваши союзники испытывали в этой связи горечь. Я вспоминаю, как в 1954 году, когда после Женевского совещания меня пригласили в Советский Союз, в выступлениях Хрущёва проявлялась то слабость, то твёрдость. Но американские империалисты видели его насквозь. Это лишь принесло ущерб авторитету Советского Союза. Высказывания т. Малиновского носили оскорбительный для китайского народа, китайской компартии и её вождя характер.

Такова первая причина, в силу которой я не дал отпор высказываниям т. Малиновского сразу на месте. Если бы на его месте был Хрущёв, то я сделал бы это сразу. Однако это был т. Малиновский. Мы приехали к вам, чтобы передать наше поздравление и выразить дружественные чувства. Если бы это была внутренняя беседа или дело происходило на приёме с участием только представителей братских партий, я бы сразу дал отпор. Однако это произошло на приёме с участием широкого круга приглашённых, поэтому я решил воздержаться и рассказать об указанном инциденте сегодня. Это не фокусы. Именно так должны подходить к решению таких вопросов коммунисты. Вторая причина, почему я сразу не дал отпор высказываниям т. Малиновского, заключается в том, что я хотел выяснить все детали. На приёме я не спрашивал у т. Хэ Луна, чем кончился разговор с т. Малиновским, а узнал об этом позже.

Тов. Брежнев Л. И. Для нас это тоже новость. Мы не знали деталей.

Тов. Чжоу Эньлай. Если бы я стал выяснять все обстоятельства на приёме, то это привлекло бы всеобщее внимание. Вторая причина заключается также ещё и в том, что этот вопрос не решить с помощью какого-то протеста. Характер и значение этого вопроса более серьёзны, чтобы реагировать только протестом. Вернувшись с приёма и изучив все обстоятельства, я пришёл к выводу, что это вопрос не только одного т. Малиновского. Такие мысли имеются не только у него одного. Я имею в виду товарищей в вашем ЦК. Поэтому

сегодня я решил официально поставить вопрос перед тремя руководителями КПСС и Советского правительства и надеюсь, что он будет решён. Как это надо понимать? Неужели одна из целей вашего согласия на приезд нашей делегации состоит в том, чтобы нас здесь публично оскорблять и провоцировать? Далее. Можно ли считать, что, как об этом говорил т. Малиновский, вы рассчитываете на то, чтобы мы поступили с Мао Цзэдуном так же, как вы с Хрущёвым, сняв его с занимаемых постов? Об этом говорил другой советский маршал, который вчера нам заявил: всякому овощу свое время.

Тов. Микоян А. И. Какой маршал?

Тов. Чжоу Эньлай. Лично я не слышал этого высказывания.

Тов. Брежнев Л. И. Может быть, это не относилось к Мао Цзэдуну?

Тов. Чжоу Эньлай. В разговоре шли параллельно две мысли: о снятии Хрущёва и о желании снять Мао Цзэдуна. Можно было понять эти высказывания как подстрекательство к смещению Мао Цзэдуна. Но на этот счёт я не уверен.

Тов. Хэ Лун. За нашими спинами близко стояли два американских корреспондента.

Тов. Чжоу Эньлай. Если кто-либо строит такие планы, то это тщетные попытки и иллюзии. Это ни на йоту не ущемляет авторитета т. Мао Цзэдуна, но это величайшее оскорбление и провокация для китайского народа и Компартии Китая. Разве это может способствовать улучшению отношений между двумя партиями и двумя странами? Это может привести лишь к ухудшению отношений между ними. В-третьих. Можно ли так понять, что в ЦК КПСС имеется точка зрения, согласно которой принципиальные разногласия и споры между нашими двумя партиями сводятся к личным спорам между двумя руководителями — Мао Цзэдуном и Хрущёвым, а также к личному характеру и личным качествам этих двух руководителей? Так утверждают империалисты. Но такой вывод напрашивается из высказываний т. Малиновского. Именно поэтому я и должен был официально поставить эти вопросы в беседе с руководителями КПСС и Советского правительства. Этот вопрос необходимо разрешить, иначе о чём мы можем дальше беседовать?

Тов. Брежнев Л. И. Прежде всего, хотел бы сказать от имени Президиума и ЦК КПСС, что мы удовлетворены тем, что ЦК КПК решил послать такую представительную делегацию во главе с т. Чжоу Эньлаем в Москву. Мы это расценили как весьма важный факт и дали согласие на ваше предложение. При обсуждении этого вопроса на Президиуме и вплоть до сегодняшнего дня у нас было только положительное отношение к вопросу о приезде вашей делегации. Мы рассматриваем это как важный шаг в деле установления контактов для улучшения отношений по партийной и государственной линиям. При рассмотрении этого вопроса на Президиуме т. Малиновский не участвовал, поскольку он не является ни членом, ни кандидатом в члены Президиума.

Тов. Микоян А. И. При обсуждении не присутствовал ни один маршал.

Тов. Брежнев Л. И. Мы руководствовались интересами укрепления дружбы между КПК и КПСС и намерены руководствоваться этим в дальнейшем. Хочу подчеркнуть ещё раз, что мы расцениваем решение ЦК КПК о направлении делегации в Москву как очень важный шаг, который будет способствовать нормализации обстановки, преодолению имеющихся разногласий. Таково наше отношение к приезду вашей делегации. Вчера поздно вечером от т. Микояна я узнал о первой части вашего разговора с т. Малиновским.

Тов. Косыгин А. Н. Я тоже вчера узнал об этом факте, который вызвал у нас возмущение.

Тов. Брежнев Л. И. Поскольку разговор у нас проходит в духе полной откровенности, я могу сказать, что этот факт нас возмутил. Заявление т. Малиновского не только не отражает мнения ЦК КПСС, но вообще он не имел права даже собственное мнение выражать в подобной форме. Мы признательны т. Чжоу Эньлаю за такт, который он проявил на приёме в связи с заявлением т. Малиновского, а также за откровенность, с которой вы высказались по этому вопросу.

Сегодня я позвонил т. Малиновскому по телефону и спросил его о беседе с т. Чжоу Эньлаем. Тов. Малиновский пояснил, что он не хотел ничего другого, как выразить заботу об укреплении дружбы между нами, и сказал при этом, что смена руководства способствует улучшению отношений. Он согласился, что, возможно, неудачно сформулировал свою мысль, и в связи с этим готов

принести личные извинения. Что касается сказанного вами о том, что это мнение т. Малиновского отражает мнение ЦК КПСС, то мы хотим вам заявить, что это не так. Разумеется, если бы это хоть в какой-либо степени отражало мнение нашего руководства, то вы могли бы рассматривать это как оскорбление т. Мао Цзэдуна, ЦК КПК и вашей делегации. Но повторяю, что это совсем не так. Просто человек выпил и в нетрезвом виде неудачно сказал.

Нам известны настроения наших маршалов и руководителей Министерства обороны. Они хорошо относятся к Народно-освободительной армии Китая, китайскому народу и КПК. Такого мнения, например, придерживаются гг. Чуйков, Соколовский, Захаров и другие. И если реплику “всякому овощу своё время” бросил т. Захаров, то могу уверенно сказать, что она относилась только к т. Хрущёву.

Тов. Чжоу Эньлай. Я не могу с определённой уверенностью сказать, чьи это слова. Тов. Захарова я хорошо знаю. С ним я работал более года в Пекине.

Тов. Брежнев Л. И. В разговоре со мной т. Малиновский сказал, что его неточно поняли, но он всё равно готов принести официальное извинение. Я думаю, что он принесёт официальное извинение. Мы выражаем сожаление, что имел место такой факт. Думаю, что вы должны нам в этом поверить и это не должно помешать нашей совместной работе, которая имела в виду.

Тов. Чжоу Эньлай. Этот вопрос носит особо серьёзный характер потому, что он возник на таком широком приёме, какой состоялся вчера по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции. Кроме того, это заявление сделал не кто иной, как министр обороны, причём после своего тоста, в котором он осудил американский империализм. Это не могло не вызвать у меня соображений, которые я изложил. Что касается заявления о том, что т. Малиновский выпил и сказанное им не отражает его чувств, то это лишь подтверждает мои сомнения.

Мы – марксисты и сторонники диалектического материализма. Бытие определяет сознание. Если бы у него не было в голове таких мыслей, то он не смог бы их высказать. У нас есть пословица: “Выпивши говорят правду”. Я тоже люблю иногда выпить. Однажды Хрущёв напоил меня допьяна. Вы можете поинтересоваться об этом у Молотова, правда, он сейчас уже не работает министром иностранных дел, или у сопровождавшего меня т. Федоренко. Я был тогда абсолютный пьян, но ни о чём подобном не говорил. Если бы у человека в голове не было бы таких мыслей, то он не мог бы их высказать, а т. Малиновский вчера говорил логично и по порядку. Почему же со мной этого не произошло? Тов. Федоренко ещё жив и работает, и можно через т. Громыко проверить, так ли это.

Тов. Микоян А. И. Мы с вами выпили, но ничего такого не произошло.

Тов. Чжоу Эньлай. Как министр обороны, он не может так объяснять свои действия. Наш бывший министр обороны Пэн Дэхуай допустил по отношению к корейским товарищам великодержавно-шовинистическую ошибку, и мы сняли его за это. Я не вмешиваюсь в ваши внутренние дела. Что касается Пэн Дэхуая, то он действительно допустил великодержавно-шовинистический подход и пытался вмешаться во внутренние дела КНДР. Как вы помните, в 1956 году наши товарищи вместе с т. Микояном ездили в Корею в связи с этим делом.

Тов. Микоян А. И. Пэн Дэхуай добивался смены Ким Ир Сена.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы тоже пришли к выводу, что Пэн Дэхуая надо снять с работы, а Хрущёв не разделял этого нашего мнения.

Тов. Микоян А. И. Нет, в этом отношении он разделял вашу точку зрения о Пэн Дэхуае. Хрущёв поддерживал Пэн Дэхуая в связи с его письмом в адрес ЦК КПК.

Тов. Чжоу Эньлай. Не будем касаться этого вопроса. Выяснив, что Пэн Дэхуай хотел вмешаться во внутренние дела корейских товарищей, мы сочли это одной из его серьёзных антипартийных ошибок, у него были и другие серьёзные ошибки. Поэтому мы не раз разъясняли корейским товарищам, что Пэн Дэхуай допустил ошибку и должен нести ответственность за неё. Я привёл пример из нашей практики. Что касается того, как братская партия поступит с ошибками своих товарищей, то это ваше дело. Я не буду этого касаться.

Тов. Брежнев только что говорил: “Во-первых, товарищи из Президиума обменивались мнениями по поводу высказывания т. Малиновского, то есть

ещё до того, как я изложил все обстоятельства, и вы заявили, что в ЦК и Президиуме не было таких мыслей, которые выразил т. Малиновский”.

Тов. Микоян А. И. На последнем Пленуме ЦК КПСС их тоже не было.

Тов. Косыгин А. Н. Вы могли видеть это и по настроению нашего народа, ведь вас везде тепло встречали.

Тов. Чжоу Эньлай. Во-вторых, т. Брежнев сказал о том, что по заявлению самого т. Малиновского, последний неудачно выразился. Я принимаю во внимание заявление т. Брежнева из этих двух пунктов. Вместе с тем я оставляю за собой право на то, что наша делегация, обсудив этот вопрос, вернётся к нему в другой раз.

Тов. Брежнев Л. И. Мы хотим, чтобы вы нам верили, это не моё личное мнение, а мнение Президиума ЦК КПСС.

Тов. Чжоу Эньлай. Делегация обсудит эти обстоятельства и выскажется.

Тов. Микоян А. И. Когда т. Чжоу Эньлай рассказал мне о разговоре с т. Малиновским, я, зная мнение Президиума, немедленно осудил высказывания т. Малиновского.

Тов. Брежнев Л. И. Я узнал об этом разговоре, когда уже провожали гостей с приёма.

Тов. Микоян А. И. Если бы у нас было подобное мнение, то я не стал бы сразу осуждать высказывания т. Малиновского.

Тов. Косыгин А. Н. Сегодня идёт ответственный разговор. Поскольку вы поставили серьёзный вопрос, то мы хотим сказать, что вы при обсуждении его у вас в делегации должны учесть, что сказанное т. Малиновским никакого отношения к нам не имеет. Мы официально заявили вам мнение нашего ЦК. Мы полностью на 100 процентов присоединяемся к тому, что сказал т. Брежнев, и вы можете нам поверить. Конечно, вокруг этого вопроса можно многое нагнетать. Мы ни в какой степени не оправдываем т. Малиновского и возмущены. Я хотел бы не в оправдание т. Малиновского привести один пример. Мы вместе с т. Малиновским стояли на трибуне Мавзолея В. И. Ленина и говорили о разногласиях с Компартией Китая, то есть по вопросу, который нас волнует. Тов. Малиновский говорил мне, что он лично и все советские маршалы рады приезду делегации КПК и предпринимаемым усилиям на пути к устранению разногласий. Я был уверен, что он на все сто процентов согласен с мнением нашей партии о развитии контактов с Компартией Китая. Для нас явилось неожиданностью сказанное им в разговоре с вами. Вы, наверное, заметили, что он и тост произносил в возбуждённом состоянии и наговорил того, чего говорить не следовало.

Тов. Чжоу Эньлай. В отношении врагов это можно делать.

Тов. Косыгин А. Н. Я излагаю вам тонкости, нюансы. Мы сами ищем объяснения, чтобы всё взвесить.

Тов. Чжоу Эньлай. Тов. Косыгин просит обратить внимание на то, что ЦК КПСС официально опровергает заявление т. Малиновского. Но я хочу откровенно сказать, что я уверен, если бы я вступил с т. Малиновским в разговор, то он наговорил бы мне ещё больше.

Тов. Микоян А. И. Он и так достаточно наговорил.

Тов. Чжоу Эньлай. Я решил не обращаться на это внимания.

Тов. Брежнев Л. И. Мы это ценим.

Тов. Кан Шэн. Я не присутствовал при разговоре с т. Малиновским. И когда после приёма т. Чжоу Эньлай мне о нём рассказал, я был очень удивлён.

Тов. Брежнев Л. И. Мы тоже были удивлены.

Тов. Кан Шэн. Это напомнило мне события, имевшие место около пяти лет назад на приёме в честь участников совещания Политического Консультативного Комитета стран – участниц Варшавского договора, когда Хрущёв оскорбил т. Мао Цзэдуна. Я не удивился словам Хрущёва, когда он оскорблял наших товарищей, так как знал, что он может городить чепуху. Но я был очень огорчён тем, что произошло, в условиях, когда Хрущёва сняли и когда мы приехали поздравить вас с праздником.

Мы, конечно, привыкли к различным оскорблениям в адрес КПК и т. Мао Цзэдуна со стороны людей разных мастей. Это не принесёт никакого ущерба КПК и т. Мао Цзэдуну. Но меня сильно обеспокоило то, что с таким заявлением прямо руководителю нашей делегации выступил т. Малиновский. Мы все стремимся к устранению разногласий, сплочению перед врагами. Разве

такое заявление в присутствии американских корреспондентов может принести пользу делу сплочения наших рядов? Мы приехали с намерением улучшить наши отношения по партийной и государственной линиям. Заявление с оскорблением нашего руководителя не принесёт этому пользы. Я верю, что советский народ тепло, одобрительно относится к приезду нашей делегации, что он не позволил бы сделать такие заявления. И если я повторил то, что уже было здесь сказано, то я сделал это потому, что я вспоминаю свою вчерашнюю беседу с т. Кириленко. В то время, когда т. Малиновский беседовал с т. Чжоу Эньлаем, со мной беседовал т. Кириленко. Тов. Кириленко так характеризовал меня: “Вы, тов. Кан Шэн, были хорошим другом советского народа, а сейчас являетесь плохим другом”. Я, конечно, не хотел спорить с т. Кириленко, и ответил ему так: “Я был, есть и буду хорошим другом советского народа”. Если бы мы не являлись хорошими друзьями советского народа, мы бы не приехали к вам. Что касается оскорблений в мой адрес, то каждый раз, когда я приезжал сюда к вам, я слышал их со стороны Хрущёва. Каждый раз я давал отпор этим оскорблениям. Но вчера т. Кириленко заявил, что я не являюсь хорошим другом советского народа, и мне это было очень неприятно. Я не хотел спорить. К нам подошёл т. Андропов, и мы разошлись.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы решили обсудить этот вопрос сегодня.

Тов. Брежнев Л. И. Когда мы приглашали вашу делегацию, мы руководствовались самыми хорошими побуждениями. Они отражают мнение всего нашего коллектива. У нас не было по этому вопросу никаких разногласий.

Нас глубоко огорчает то, что сказал т. Малиновский, и новые обстоятельства – о беседе т. Кан Шэна с т. Кириленко. О последней я ничего не могу сказать, поскольку ничего об этом не слышал. Мы хотим, чтобы вы с доверием и уважением отнеслись к мнению руководства КПСС.

Наше решение о приглашении китайской делегации было искренним и открытым. Мы сообщили о нём всем братским партиям социалистических стран ещё до вашего приезда в Москву. Это тоже выражение нашей дружбы с КПК.

Тов. Чжоу Эньлай. По этому вопросу я могу сказать так: я принимаю к сведению мнение т. Брежнева из двух пунктов, добавление тт. Косыгина и Микояна, а также только что сказанное т. Брежневым. Мы должны со всем вниманием отнестись к мнению т. Брежнева как первого секретаря ЦК КПСС и как к мнению Президиума ЦК вашей партии.

Тов. Брежнев Л. И. Мы признательны т. Чжоу Эньлаю за такой подход к делу и просим передать ЦК КПК, что в наших отношениях с вами мы хотим быть искренними. Какую бы горькую правду нам ни приходилось говорить друг другу, мы будем искренними и честными. Я хочу положить начало этому в сегодняшней беседе.

Тов. Чжоу Эньлай. В начале беседы я излагал вам мысли и варианты возможных шагов с нашей стороны в связи с высказываниями т. Малиновского. Теперь я предлагаю перейти к вопросу о порядке нашей встречи. Мы предлагаем встретиться несколько раз, может быть два-три раза. Всё зависит от вашего времени.

Тов. Брежнев Л. И. Если потребуется провести несколько встреч, то мы готовы к этому.

Тов. Чжоу Эньлай. Может быть, для начала мы договоримся о проведении двух-трёх встреч. В случае надобности, их можно будет продолжить. Время проведения этих встреч зависит от вас.

Тов. Брежнев Л. И. Дело в том, что делегации некоторых братских партий тоже хотят встретиться с нами по своим вопросам. Мы постараемся сделать так, чтобы это не помешало нашим переговорам.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы понимаем вас. Может быть, сейчас мы пообедаем, а если вы завтра сможете, то мы проведём встречу. С нашей стороны никаких трудностей нет.

Тов. Брежнев Л. И. Завтра мы устраиваем приём в честь иностранных делегаций, прибывших на празднование 47-й годовщины Октябрьской революции. Обстановка не позволит вести там деловые разговоры.

Тов. Кан Шэн. У нас есть горький опыт – все наши неприятности с вами начинались во время обедов.

Тов. Косыгин А. Н. Давайте теперь сделаем наоборот.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы просили бы вас сообщить нам сегодня вечером о времени завтрашней встречи.

* * *

После беседы состоялся обед, на котором присутствовали все участники встречи.

Тов. Чжоу Эньлай и члены делегации КНР старались создать тёплую атмосферу, предложили тосты за дружбу и сплочённость наших партий, за руководство КПСС и Советское правительство.

В ходе беседы т. Чжоу Эньлай рассказал, что народнохозяйственный план КНР на 1965 год утверждён в сентябре с. г. в ЦК КПК и правительстве КНР и будет представлен на рассмотрение 1 сессии ВСНП третьего созыва в конце декабря с. г. В остальном беседа носила протокольный характер.

На беседе присутствовали члены партийно-правительственной делегации КНР: тт. Хэ Лун, Кан Шэн, Лю Сяо, У Сюцюань, Цяо Гуаньхуа, Пань Цзыли, советник делегации Яо Чжэнь, четыре китайских переводчика, а также зав. сектором Отдела ЦК КПСС т. Рахманин О. Б., переводчики Кудашев Р. Ш. и Рогачев И. А.

*Беседу записали тт. КУДАШЕВ и РОГАЧЕВ
РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 562. Л. 25–37.
Подлинник. Машинопись.*

ЛИДИЯ МИХЕЕВА

Ветеран Великой Отечественной войны

СМОЛЕНСК В ОГНЕ

Фронтвая быль

От автора:

В своё время я не раз останавливалась у второго подъезда своего дома, где на скамеечке у двери частенько сиживал инвалид войны 1-й группы, старый солдат Иван Татаринов. Бывало, он просил подойти и поговорить с ним.

В 1994-м году, как-то утром, он рассказал мне историю, как прошёл у него первый день войны. Его безыскусное повествование настолько потрясло меня, что я написала рассказ “Смоленск в огне” — о героическом поступке молодого бойца.

Через неделю Иван Татаринов умер... А спустя уже лет 18 я сидела так же, как он когда-то, на стуле у своего подъезда. Ко мне подошёл незнакомый товарищ и попросил разрешения зажечь свет в подъезде. Я сказала, что в его подъезде жил Иван Татаринов, и я писала о нём. А подошедший оказался его сыном... Этот случай заставил меня вновь вспомнить свой рассказ, который я посвящаю подвигу советских людей военного поколения.

*И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабых из нас?..
Что гадать? Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.*

Юлия Друнина

Новобранцы, присланные каким-то нерасторопным организатором в Ленинград на финскую войну, прибыли туда лишь к концу мая 1941 года. А война закончилась в 1940 году, потому командование приняло решение отправить их в литовский город Алитус, в котором базировалась тридцать шестая танковая дивизия.

Один из присланных, Иван Татаринов, до мобилизации работал в сельской лавке своего села продавцом. При лавке была старенькая полуторка, на которой он сам привозил товар. Он лихо гонял дребезжащую полуторку по сельским просёлкам. В дивизии учили умение Ивана управлять машиной и закрепили за бензовозом.

На новом месте Иван с крестьянской основательностью начал присматриваться, как живут литовцы на своих хуторах. Вспоминал свою деревню, и в его душе просыпалось что-то вроде зависти к их рациональной жизни. Литовцы же к вновь прибывшим бойцам Красной армии относились отчуждённо,

отчего командование побаивалось за молодых ребят и не разрешало бойцам вступать с ними в контакт.

В жаркий июньский день Иван возвращался на бензовозе из дальнего гарнизона в город. Его одолевала жажда, казалось, что распухший язык прилипает к глотке, а горло начинает уже слипаться. Иван огляделся кругом – ни души. Он с тоской всматривался в дорогу, но не видел ни одного селения. Вдали лишь виднелись перелески да кустики. Вдруг он увидел вдалеке идущего по дороге человека. Иван прибавил газу, чтобы догнать его. Поравнявшись с прохожим, он притормозил машину и, убедившись, что его никто не видит, обратился к человеку, по виду литовцу. Иван жестами стал пояснять, что он очень хочет пить. Тот удивлённо посмотрел на него и вдруг на русском языке сказал:

– Говори, браток, я же белорус и на русском языке всё понимаю. Здесь, в Литве, много живёт белорусов. В этих местах люди лучше живут, чем по России. Видел, какие здесь хутора? А лавки у них какие богатые – чего там только нет!

– Лавки у них хорошие, – согласился Иван. – Это не наше сельпо. Поглядеть – и то душа радуется! – И тут же попросил:

– Ты, мил человек, напои меня. Сил больше нет терпеть.

– Чего ж не напоить? – ответил мужик. – Я враз тебе принесу крынку молока. – Он показал рукой:

– Вон за тем леском мой хуторок стоит. И съестного тебе принесу, сколько надо, а ты, браток, мне бензину ведёрочко налей. Лады?

– Давай, неси ведро под бензин, – согласился Иван и добавил:

– Главное, питьё не забудь.

Мужик быстро пошёл к лесу, а Иван сухим языком облизнул пересохшие губы, заглушил мотор и стал ждать мужика. Теперь у него появилась надежда утолить жажду.

Мужик не обманул его и быстро вернулся. Он подал Ивану узелок с крынкой молока, который Иван пытался развязать, а узел, как назло, не поддавался. Наконец, он справился с ним и, припав к краю крынки губами, стал жадно пить, не переводя дыхания. Выпив половину, Иван перевёл дыхание, вытер губы и перелил остатки молока во фляжку. Теперь он, довольный, соскочил со ступенек, взял у мужика ведро и, подсосав шлангом бензин из бака, кинул шланг под сиденье.

– Я думал, мне конец пришел, ан нет! Есть же на белом свете ещё Бог. Он и послал мне тебя, – сказал Иван белорусу.

Потом подал ему ведро с бензином и, сев в кабину, крикнул:

– Бывай!

Иван нажимал на акселератор, катил в часть, а по дороге любовался природными посевами, вспоминал свой дом в деревне, лавку и девчат. За думами он не заметил, как одолел длинный путь и оказался у ворот части. Едва он остановил бензовоз, как к нему подбежал командир, будто он тут его и ждал:

– Давай, быстро заправляй на нефтебазе цистерну и догоняй нас. Уходим на ученье по дороге на восток.

Иван развернулся и покатил на нефтебазу, где заправился и догнал колонну. К ночи в лесу солдаты разбили палатки, замаскировали их и расположились на ночлег. Воскресное утро встретило бойцов ярким ласковым солнцем. Пошли строем по дороге на завтрак. Настроение у всех было приподнятое. В ясном небе летели самолёты. Один из бойцов, глядя на них, крикнул:

– Смотрите, ребята, как быстро начались ученья! Уже и самолёты тут как тут!

Другой боец подметил:

– Посмотрите ребята, как, стервецы, маскируются! На крыльях-то у них вместо звёзд – кресты!

Бойцы, стоя у кустов, наблюдали за самолётами. Один из самолётов начал снижаться над дорогой, как раз к полевой кухне. Неожиданно самолёт на бреющем полете застрочил по солдатам из пулемёта. Бойцы в панике бросились кто в кювет, кто к кустам, а некоторые так и остались лежать на дороге. К ошеломлённым бойцам в кусты подбежал командир. Скулы его, несмотря на все усилия сдержаться, дрожали, он сказал:

– Товарищи, началась война! Вернитесь к машинам и займите свои места в танках!

По приказу командования дивизия вернулась на исходные позиции, и танки приняли бой. После боя они отступили, чтобы соединиться с основными частями, так как боеприпасов у них почти не осталось. Ивану приказали заправить все танки, ехать на нефтебазу и заполнить цистерну. Колонна из тридцати машин направлялась на переформирование в Вильнюс, на восток. Иван же поехал на запад, в обратную сторону, на нефтебазу. Подъехав к заправке, он выскочил из кабины и, поднявшись на цистерну, открыл люк и бросил в него шланг. Затем подбежал к вентилю колонки, у которого стояла заправщица, внимательно следившая за ним, и крикнул:

– Давай, подруга, заправляй скорей бензин для тридцать шестой дивизии – пять тонн!

Женщина победоносно взглянула на него и небрежно бросила в ответ:

– Сто литров, и всё тут! Пришёл строгий приказ – никому не давать более ста литров. Понял! Так что убавь аппетит!

Иван заволновался, вспомнив расстрелянную колонну, и крикнул:

– Ты что, милка, одурела, что ли? Война! А ты армии бензин не даёшь? На дивизию танков твои сто литров это ничто! На них часть и за ворота выехать не сможет! Наливай пять тонн без разговоров. Некогда мне тут с тобой торговаться!

– И не подумаю. Мне какое дело до твоих забот? У меня строгий приказ.

Иван бросился к вентилю, но женщина загородила его собой:

– Не дам, хоть режь!

– Ах, так! – Иван с такой силой оттолкнул её, что она, далеко отлетев от вентиля, чуть не растянулась на земле. Он вновь забросил шланг в цистерну и отвернул вентиль. Женщина издали смотрела на него, не решаясь вступить с ним в противоборство. Иван наполнил цистерну, закрыл вентиль, сбросил шланг и, завернув люк, спрыгнул на землю. Он посмотрел на растерянную женщину и примирительно сказал: – Не обижайся на меня. Война, а ты это ещё не понимаешь. Приходится так объяснять, пока разберёшься, что к чему. Всё равно всё пропадёт. Немец не пощадит, всё разбомбит. Сама-то уходи отсюда. Пропадёшь вместе с бензином. Прощай!

Вскочил в кабину и выехал за ворота. Теперь он жал вовсе на акселератор, чтобы догнать свою колонну, и уговаривал машину словно живую: “Ну, давай, давай, жми, родная, на всю железку! Теперь каждая минута решает нашу с тобой жизнь”.

Наконец, он въехал в лес и вскоре нашёл свою колонну. Тут он увидел низко летящую над верхушками деревьев группу немецких бомбардировщиков, а через несколько минут услышал страшный взрыв. Чёрный дым заслонил небо над лесом. Он понял, что взорвалась нефтебаза, и подумал о женщине: “Жалела бензин, который теперь уже никому не достанется. Успела ли сама-то уйти?..” Вновь ему вспомнилась расстрелянная рота и падающие в кювет и на дорогу бойцы...

* * *

Колонна машин выехала на просёлок и направилась к Вильнюсу. В лесу оказалась масса развилок с множеством дорог. Но по какой из дорог ехать на Вильнюс? Никто этого не знал. Местные жители не попадались. Спросить было не у кого. У одной из развилок, на их счастье, попался, идущий им навстречу, литовец. Боец с первой машины остановился около него и стал расспрашивать, как проехать на Вильнюс. Хмурый, чем-то недовольный мужчина стал палочкой чертить на земле, как им ехать. Расстались с ним и поехали дальше. Ехали долго, а города или большой дороге не встречали. Всех стало охватывать сомнение. Солдаты волновались. Неожиданно они увидели хутор. Остановились и заметили мужчину, чистившего хлеб. Один из бойцов подошёл к нему и спросил:

– Отец, далеко ли нам ещё до Вильнюса ехать?

Мужчина разогнулся, поставил лопату и, с удивлением посмотрев на них, ответил:

– Вы же едете от Вильнюса, а не к нему. В этой стороне граница. Она здесь уже рядом, а на ней немецкие танки стоят. Вам надо вернуться и выехать на большую дорогу. По ней вы приедете прямо в Вильнюс, – он подо-

брал палочку и стал на земле чертить карту лесных дорог, как выехать на большую дорогу.

Вернулись к машинам, и Мишка со злостью сказал:

– Если встречу эту сволочь, на месте расстреляю! Пусть меня судят, но за такое нельзя поступить иначе! Он же нарочно нас к немцу в зубы послал!

До Вильнюса добрались благополучно, но там уже начался хаос. Все бегали в панике. Каждый решал свою судьбу, как мог.

Командир с первой машины спросил:

– Ребята, что теперь будем делать?

Бойкий паренёк деловито заметил:

– А делать будем то, что делают все. Получим довольствие и постараемся поскорей покинуть Литву. А там направимся в Минск на переформирование.

Иван деловито подхватил его реплику:

– На Минск – так на Минск! Заберём сейчас довольствие и, не мешкая, айда туда. Немец, небось, не дремлет, быстро нам на хвост сядет. Да подпалит его так, что побежишь, как наскипидаренный.

Бойцы получили кое-какие продукты, залили полностью баки машин бензином из цистерны. А Иван наполнил цистерну на нефтебазе. Все колонной двинулись на восток по направлению к Минску. Продвигались медленно, так как дороги были забиты двигающимися в ту же сторону машинами и людьми. Из Литвы группами шли бойцы, оставшие от своих частей, а также гражданское население. Питались все по случаю, если удавалось что-либо раздобыть из съестного. Военные двигались крайне медленно, так как у большинства бойцов ноги были стёрты до кровавых мозолей, и они, преодолевая боль, едва передвигались. Бойцы пробовали проситься на попутные машины, чтобы как-то приблизиться к спасительному востоку. Командиры же проезжающих частей побаивались брать к себе случайных людей, да всех и не увезёшь. Бойцы шли в потоке вместе с гражданскими людьми, уходившими от немцев. Они в этом потоке выглядели, как щепки, смытые водой и затерявшиеся в этой стремнине. На подъезде к городу Дзержинскому их колонну остановил полковник, ехавший навстречу на “эмке”. Он подозвал к себе командира первой машины. Полковник спросил, откуда они следуют и куда. Узнав, он им посоветовал:

– Товарищи, в Минск не въезжайте. Он горит, как свеча, вы там сгорите. Попробуйте найти объезд. Несмотря на то, что это будет дальше, зато будет надежнее, и вы прорвётесь к своим частям. Прощайте.

Его машина поехала на запад, а колонна пошла в объезд через Могилёв. Там Иван задержался, чтобы на нефтебазе Могилёва залить цистерну. Выехав из ворот нефтебазы, Иван, где только удавалось, гнал машину на предельной скорости, чтобы догнать колонну. Едва он влетел в лес, как увидел в небе группу немецких бомбардировщиков, а через несколько минут услышал грохот, и над верхушками деревьев поднялось зарево. Иван понял, что немцы бомбят в Могилёве нефтебазу. “Опять я успел заправить свой бензовоз”, – подумал он.

На дороге в лесу он увидел бойцов, медленно бредущих на восток. Некоторые бойцы опирались на палки. Многие из них оказались без сапог. Ноги их были обернуты портянками. Увидев машину, они бросились на середину дороги и преградили ей путь. Иван притормозил. Подошёл один из бойцов и попросил:

– Подбрось, браток, ради Христа! Погибаем! Бредём который день, а во рту ни маковой росинки не было. У всех потёрты ноги, едва передвигаемся. Хоть чуток подбрось поближе к своим. Будь другом!

– Я не имею права возить на цистерне людей! Понимаешь? – ответил Иван.

– Да какое тут право? – спросил боец с серым, давно не бритым лицом. На его глазах блеснули слезы:

– Не видишь? Погибаем.

Ивану стало не по себе, и он подумал: “Действительно, люди погибают, а я что, не имею право помочь?” И он сказал:

– Ладно, садитесь на цистерну. Подвезу сколько смогу. Вы с оружием, если кто станет грабить бензин, отнимать его, то защищайте меня.

Бойцы, помогая друг другу, устраивались на цистерне, а когда разместились, один из них сказал:

— Будь спокоен. К машине никого не подпустим, если кто не послушает, то уложим на месте. Езжай, браток, не подведём.

Под Смоленском Иван догнал колонну и, ссадив бойцов, пристроился в хвост. Подъезжая к Смоленску, увидел вдали зарево пожара. Казалось, что горит вся земля. Бойцы со встречных машин говорили, что въехать в Смоленск всё равно, как вкатиться в полыхающий костёр. Люди говорили:

— Среди города уже кромешный ад! Всё горит и сверху валится прямо на дорогу. Это Божий страх, что там творится! Кто побывал там, никак не придёт в себя от ужаса.

У Ивана была полностью заправленная цистерна. Он прекрасно понимал, что за Смоленском уже разбомбили все нефтебазы и там бензина днём с огнём не найдёшь! Колонна без бензина не сможет догнать основные войска, поэтому танки окажутся грудой металла, брошенной на дороге. Хочешь не хочешь — надо прорываться с бензином сквозь огонь, так как объездных дорог нет. И он решил прорываться на бензовозе через горящий город. Иван подошёл к пожарной команде, которая была в составе их колонны, и сказал:

— Ребята, за Смоленском без бензина нам хана! Останемся в зубах у немца! Видите, как он прёт, аж земля под ним дрожит! Нагонит нас, как пить дать, а у нас даже оружия нет, чтобы от гада отбиться! Надо нам проскочить сквозь огонь с бензином. Заправляйте ваши машины водой и пристраивайтесь ко мне. В случае чего, будете поливать цистерну. Я постараюсь пролететь город на предельной скорости.

Пожарные ответили:

— Давай, друг! Постараемся не подвести!

Иван ювелирно огибал препятствия — то разбитую машину, то упавшую горящую балку. В его голове билась одна мысль — вырваться из огненного ада. Он мчался, как в кошмарном сне, на предельной скорости, сжав в кулак свои нервы. Казалось, что не будет конца этому ужасу, сжавшему человека в нервный комок. Наконец, он вырвался из города, но по-прежнему бешено гнал машину, пока не въехал в лес. Только тут он остановился и, заглушив мотор, повалился рядом под кустом, уткнув лицо в траву. Он чувствовал, что всё его тело разбито, что он не может даже пошевелиться. Так он пролежал долго. Когда очнулся, то увидел, что пожарные тоже лежат около своих машин. Один из них, подняв голову, посмотрел на Ивана, покачал головой и сказал:

— Ну, Ванька, ты и гнал машину, мы едва поспедали за тобой. Думали, колёса отвалятся. Небось, у тебя и сейчас портки мокрые! Сидел, словно у дьявола на сковородке. Посмотри, может, всё мужское изжарил? После этого ни одна невеста на тебя и взглянуть не захочет.

Все дружно рассмеялись и стали рассаживаться в круг и вспоминать пёрежитое.

— Ну, ребятки, страху-то мы все спраздновали, — подвёл итог серьёзный боец. — Думали, как рванёт от жару эту заразу-цистерну, так все сразу строём вместе с машинами к праотцам в рай двинемся, и поминай, как звали!

* * *

Утром после хорошего завтрака колонна двинулась на Калугу. До неё ехали сравнительно спокойно; несмотря на бомбёжки, все остались живы. Прибыли в воинскую часть. Командир из первой машины вызвал дежурного и доложил:

— Прибыла из Литвы автоколонна тридцать шестой танковой дивизии на переформирование.

— Подождите, товарищи. Я сейчас о вас доложу командиру части, — сказал он.

Дежурный ушёл и скоро возвратился.

— Заезжайте, товарищи, — сказал он и обратился к старшине: — Поставьте их на довольствие.

Как только они заехали в ворота части, их сразу окружили бойцы и командиры. Все расспрашивали:

— Как там на фронте?

Подошёл командир части:

— Значит, вы кадровые, с фронта, обстрелянные! Зачислим вас пока на охрану техники, а завтра решим вашу дальнейшую службу.

На другой день командир части объявил:

– Вы должны прибыть в Москву, откуда вас уже направят на фронт.

Все разошлись по машинам. Москвы никто не знал. Как по ней проехать в нужном направлении, тоже никто не знал. Тут вызвался один из водителей – Володя Зайцев:

– Ребята, я москвич, работал там до армии шофёром. Так что Москву я знаю, как свои пять пальцев. Я поеду впереди, а колонна за мной.

Выехали за ворота, и колонна пошла на Москву. Въехали в Москву в маскировочном наряде. Из танков во все стороны торчали ветки ольхи и орешника. Проехали по Москве, словно роща ехала. На улицах их провожали взгляды людей, полные уважения к фронтовикам. Володя смотрел на улицы города и не узнавал своих земляков, настолько они переменялись. Все спешили и одеты были не в яркие летние наряды, а в рабочую одежду. Никто не шутил, не улыбался. Многие спешили покинуть город. На Казанском вокзале в Москве стояли эшелоны для эвакуации Большого театра и Авиационного института в Алма-Ату. Володя привёл колонну на улицу Осипенко, прямо к подъезду Комитета обороны. Командир вошёл в подъезд и доложил дежурному о прибытии с фронта колонны, которая сумела добраться до Москвы благодаря мужеству простого шофёра Ивана, прорвавшегося на своём бензовозе сквозь пылающий Смоленск.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ПЕРЕВОД: МОСТЫ И СКРЕПЫ

*Текст доклада на XV конференции Ассоциации писателей Урала и Сибири
6 ноября 2014 года. г. Сургут*

Славное пятнадцатилетие АСПУр и тема юбилейной конференции – проблемы и перспективы многонациональной литературы Урала и Сибири и, в частности, литературно-переводческая деятельность, – совпали не случайно. Разве случайно то, что повсюду расползаются сегодня трещины цивилизационного кризиса, которому в высшем смысле своего существования и повседневного труда АСПУр и противостоит?

Конечно, в сугубой повседневности мы не всегда осмысливаем ситуацию столь масштабно, но упускать её из виду нельзя ни на мгновение. Потому что слово писательское – как зерно: восходит, возрастает и хлебом сочувствия и добра питает наше будущее. Мы должны беречь эти зерна в погоду и особенно в непогоду.

Урал – плавильный котел народов и культур, но в том и только в том случае, если у нас есть желание жить на этой удивительной земле вместе, обихаживая её и воспевая красоту её и щедрость, сохраняя свою индивидуальность – и любясь теми, кто на нас не похож укладом, обычаями, характером... Главным источником энергии для этой плавильни может быть только высокая воля добрососедства – именно она гасит взаимные обиды, которые в силу особенностей истории любого народа можно ведь и набрать, и накопить, и умножить, но в этом случае благословенная плавильня становится мимолетной незамедлительного действия и чудовищной разрушительной силы.

Трудно сосчитать, сколько языков, народов, культур развиваются сегодня на Урале и в Сибири. Их очень много. И не только коренных. Глобальные миграционные процессы, разворачиваясь во времени и пространстве, неизбежно приводят к тому, что человек, как за соломинку, хватается за родной язык, родную веру, родные обычаи, иначе жизнь стирает не только эти черты, но и саму личность. Поэтому сегодня, когда, казалось бы, все национальные приметы должны обесцениться, бледнеть и исчезать, они, наоборот, становятся дороже, видятся ярче.

Говорить о современном состоянии национальных культур Урала и Сибири можно с двух позиций, взаимосвязанных, но всё-таки различных. Первая – это состояние самих национальных культур, проблематика их сохранения и развития. Вторая – разворачивание диалога культур. И если в относительно благополучные годы в приоритете первое направление, то в кризисных ситуациях, – безусловно, второе. И как раз сегодня – именно второе. Развитие диалога культур становится жизненно необходимым, потому что сценарии

разделения, разрушения России абсолютно реальны, и одна из главных ставок делается именно на национальный вопрос.

Ассоциативная основа делает содружество писателей Урала и Сибири мощным инструментом противостояния агрессивному сепаратизму. Во-первых, потому, что слово в принципе – главное средство, инструмент выстраивания взаимопонимания. Во-вторых, литературное, художественное слово обладает особым смысловым потенциалом и глубокой убедительностью. Ну, и в-третьих, за пятнадцать лет своей плодотворной работы ассоциация на огромной территории восстановила и вновь создала столько тёплых, дружеских, сердечных писательских связей, в том числе и межнациональных, что в этом поле живого общения культурный диалог в целом и конкретно художественный перевод возникают уже из потребности поделиться своим личным открытием национального писателя.

На встречах АСПУр постоянно звучат стихи на удмуртском, грузинском, азербайджанском, башкирском языках, все мы с радостью слушаем нежные детские песенки и мудрые стихи первой хантыйской поэтессы Марии Кузьминичны Вагатовой... И задал это направление деятельности Ассоциации её бессменный координатор Александр Кердан, почти в каждой поэтической книге которого хоть несколько переводов своих земляков-современников, но есть.

И если такие поэты, как Андрей Расторгуев, занимались переводческой деятельностью ещё до прихода в Ассоциацию, то автора этого доклада, например, на эту деятельность сподвигла именно работа в АСПУр, именно желание поделиться своей радостью общения с поэтическим миром современной азербайджанской и башкирской литературы.

Переводческая деятельность важна не только как знакомство и общение культур, литератур, поэтических миров, но и как инструмент развития каждой культуры. Ведь осознание себя и движение в будущее всегда происходит в диалоге с “другим” (и здесь мы делаем необходимую отсылку к трудам М. М. Бахтина).

Характер межкультурного диалога имеет для будущего определяющее значение. Это может быть культурная экспансия или культурное донорство, а в зависимости от выбора модели общения различны и результаты.

Разные диалоги приводят к разным, диаметрально противоположным результатам, и в этом мы воочию убедились в конце XX – начале XXI века. Культурная экспансия значительно сужает возможности развития у обеих сторон взаимодействия, потому что внедряет и поддерживает культурные модели только одной стороны, приводя всё разнообразие к не к единому, а к одному-единственному знаменателю. Культурное донорство эти возможности умножает многократно, поскольку поддерживает, “подставляет плечо” культурам малых народов, делает их произведения достоянием широкой аудитории, но и питает их “большими смыслами” большого культурного пространства.

Проблему культурной экспансии можно пояснить на маленьком примере вестернизации нашей поэзии в верлибристике. В форме верлибра мысль очевидно доминирует над чувством, а в традиционном русском стихосложении именно чувство является волновой, ритмической, музыкальной основой стиха и обретает форму благодаря чёткому осмыслению. Мыслеформы при этом приобретают гибкость, а чувствование – логику и завершённость. Заимствовав западный рационализм, поэтическая среда начала двухтысячных захлебнулась бесконечной верлибристикой, в которой не только оказались утраченными генетически родная музыкальная основа, но и не прижилось заимствованное жёсткое *рацио*. Получилось этакое “горизонтальное письмо, уходящее в дурную бесконечность”. Стала ли культурно богаче при этом противоположная сторона диалога? Конечно, нет, ибо с кем же ей этот диалог вести? Разве что самоутверждаться в собственной исключительности и превосходстве вопреки логике развития самой жизни.

Диаметрально противоположен принципам экспансии мощный позитивный опыт советской цивилизации. Он показывает, как активизируется в диалоге развитие национальных литератур и сколько социальных и политических проблем при этом решается ненасильственными, исключительно культурными средствами. Русская культура выступала здесь как культура-донор, культура-посредник, но она при этом обогащалась всеми привносимыми в неё смыслами и формами.

Едва ли нужно уточнять, какой диалог нам сегодня необходим. За минувшие четверть века в нашем литературном мире, лишённом не только господдержки, но и жизнеспособной идеологии, больше всего пострадала именно зона диалога национальных культур. Разрушились связи, цементирующие многонациональное государство, истончилось высокое поэтическое взаимопонимание, искусство перевода отошло на задний план, межлитературные контакты стали частным делом переводчиков.

Но вот вдруг так страшно, буквально на наших глазах, откололась от славянского, от русского мира Украина! Как быстро заплывла живой кровью роковая трещина! А ведь все прекрасно знают, что сначала (чаще целенаправленно, третьей стороной) разрушается культурное взаимопонимание, потом – закономерно и неизбежно – льётся кровь.

И любая “горячая” точка возникает вначале как культурный разлом, люди перестают ценить общее, предпочитают отделять и отграничивать своё индивидуальное и своё национальное до такой степени, что бывших собеседников уже не считают не только собеседниками, но и вообще людьми. Да, конечно, нельзя убивать людей, но *ватники* и *укропы* – это ведь уже не люди, и значит – можно?..

Стратегия и тактика культурных войн разработаны сегодня во всём своём чудовищном совершенстве. Мало того, ставка на сепаратизм и межнациональную рознь внутри России делается противниками вполне открыто. В огромной степени циничная незамаскированность этой агрессии рассчитана на объективную хрупкость культурных мостов и опирается на точное знание “трудностей перевода”.

“Культурная” война против России щедро финансируется с расчётом на стремительную многократную окупаемость. Потому и либеральная общественность уже давно развернула шумную кампанию по очернению русской – базовой, объединяющей страну – культуры-донора. Но от ударов по ней трещины идут и вдаль, и вглубь всей цивилизации. И в этом трагическом развороте современных событий пятнадцатилетняя бескорыстная подвижническая деятельность Ассоциации писателей Урала приобретает особый охранительный, державный смысл.

Уже само по себе существование АСПУр, целенаправленное и спонтанное возникновение профессиональных и личных контактов между писателями вызывает искреннее желание слышать и понимать друг друга, делиться находками и творческими открытиями, порождает столь востребованные жизнью растущие объединительные процессы. Хотя так остро не хватает конкурсов переводов именно с языков народов Урала и Сибири, нет творческих семинаров, где бы воспитывались молодые переводчики... .

В мире, где агрессия внедряется, разжигается и распространяется целенаправленно и массированно, искусство жить в мире – это искусство перевода. Образы “почтовых лошадей просвещения”, “кораблей, соединяющих между собой острова”, дают зримые очертания самой сути переводческой работы. И мы все должны отчётливо понимать те самые “трудности перевода”, на которые делается ставка разрушителей. Но сама духовная природа культуры такова, что живые связи возникают сами по себе, из потребности добрососедства и живого человеческого сочувствия.

Вот в промышленный город Челябинск приезжает из пылающей Грузии прекрасный азербайджанский поэт Аслан Герархлы и, чтобы прокормить семью, торгует на рынке обувью. Неисповедимы пути поэтической судьбы – через каких-то третьих-четвёртых лиц мы знакомимся, и даже за кривым ломаным подстрочником я ощущаю, насколько сильна и чиста его философская поэзия. Переводы выходят отдельной книгой. И полгода спустя в каком-то паспортном столе какой-то неизвестный мне чиновник, оформляя очередные документы Аслана, говорит ему: спасибо за книгу, я понял, я почувствовал, что переживают мигранты. Я вас понимаю. Год за годом и азербайджанская, и грузинская пресса начинают следить за судьбой поэта, за его переводами на русский, за нашими литературными праздниками, публикуют наши культурные новости... .

Одно из совещаний молодых литераторов АСПУр познакомило нас с молодой башкирской поэтессой Ларисой Абдулиной. Она тогда перевела на башкирский наши стихи, уфимская газета выделила им целый разворот. И я вслед за Светланой Чураевой начала переводить стихи Ларисы. А потом случилось

большое маленькое чудо. Решая свой труднейший жилищный вопрос (семья с двумя маленькими сыновьями ютилась в комнатке общежития), Лариса отправила президенту Башкортостана письмо-просьбу и приложила книгу переводов своих стихов на русский. И поскольку башкирскую поэтессу оценили в России (так сказал президент), ей выделили двухкомнатную квартиру, куда она переехала из общежития с двумя детьми, и сейчас растит уже троих детей.

Недавно в Челябинске вышла книга “Острова и корабли”. Её составитель Юрий Брызгалов, технический переводчик, просто для себя переводит с западноевропейских языков и издаёт малоизвестных поэтов, и вот он решил собрать всех челябинских переводчиков поэзии – это оказался большой коллектив, в том числе и молодые, двадцатилетние. . .

Так культура сама выстраивает живые нити взаимопонимания, не дающие земле разорваться и заплывть огнём и кровью большой беды.

Но разве 15-летняя деятельность Ассоциации – не перевод? Перевод хаоса чувств в гармонию слов и мыслей, перевод непостижимого Божьего замысла в драматические коллизии и эпические сюжеты, перевод непонимания в понимание, презрения и равнодушия в живое горячее сочувствие? По какому же принципу он происходит? Да, конечно, по единственно возможному принципу восхищения и любви. Когда понимаешь это, переводить становится легко. Начинаешь со-чувствовать ещё вне мысли, вне логики. Ищешь со-ответствия. Отвечаешь. . . И открываешь для себя мир собеседника, и понимаешь, что при всём внешнем различии в нём есть глубокое, необыкновенно сильное и притягательное, неразрушимое родство. . .

В предельном бытии, видимо, именно так происходит перевод из непонимания, страха, вражды и ненависти – в любовь. И поэтому у Ассоциации впереди много работы: бесконечно и неустанно переводить сегодняшний день на язык любви.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ БРЕД КОРМИЛОВА

Я давно уже привык к полемике, даже ожесточённой, и когда читаю о себе, отделяю статьи, стремящиеся к объективности, указывающие на конкретные спорные моменты или же неточности, от злобных, передёргивающих, а то и просто перевирающих выпадов, цель которых единственная – унижить, оскорбить идейного противника.

Вот и о моей книге о нашем русском гении Михаиле Лермонтове вышли уже десятки рецензий – и восторженных, и скептических, и уточняющих, и оспаривающих концепции, изложенные в ней. Но та статья, что вышла как раз к лермонтовскому юбилею – к 200-летию великого поэта – в либеральном журнале “Знамя”, меня откровенно покорила.

Ругань в свой адрес от радикальных либералов я уж как-нибудь перенёс бы, но зачем Сергею Чупринину отмечать в своём журнале 200-летие русского национального гения разносной критикой в адрес двух книг о великом поэте, вышедших в серии “ЖЗЛ”: моей и Валерия Михайлова? Разве не нашлось других материалов? Даже если бы это и в самом деле были две самых плохих книги, надо ли в общенациональный юбилей вселюдно кукарекать? Это же получается критика не столько в адрес Бондаренко или Михайлова, сколько в адрес Михаила Лермонтова и его юбилея. Получается, что журнал “Знамя” свёл празднование лермонтовского юбилея к критике книги критика Бондаренко, какая бы она ни была!

Сергей Кормилов, давний литературный начётчик, не хуже Ермиловых и Киришиных, книги читает, высунув язык, дабы шершавым своим языком отметить подробности, которые автор мог действительно перепутать. Ему нет дела до целостной концепции, до сюжета книги, до значимых проблем, поставленных автором, до тех или иных идей – там спорить труднее, там требуется понимание! Но и в своём начётничестве этот современный неоразумец откровенно халтурит и передёргивает. Главная цель его: внушить читателю мысль о плохом качестве книг. Мол, авторы ничего не знают, о Лермонтове только что услышали. Да и вовсе его не читали, пишут по слухам.

Вот, к примеру, Кормилов пишет, что, по версии Бондаренко, “Лермонтов перед гибелью задумывал издавать журнал якобы в противовес некоему журналу Жуковского (в природе не существовавшему, поскольку этот поэт пробавлялся переводами...)” Но я ни о каком журнале Жуковского не пишу, а лишь цитирую самого Лермонтова. Вот текст из моей книги: “Он спорил и с самим Жуковским, покровительствовавшим поэту: “Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я бе-

речь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное. Не так, как Жуковский, который кормит всё переводами. Да ещё не говорит, откуда берёт их...”...” Откуда же Кормилов напридумывал, что Лермонтов говорит о своём журнале “якобы в противовес некоему журналу Жуковского...”? Да и о русскости, и об опоре на отечественные произведения пишет именно Лермонтов, которого Кормилов сравнивает с Викуловым и Куняевым, главными редакторами журнала “Наш современник”. По Кормилову, это “реинкарнация Лермонтова”. Лихо! Большой похвалы Станиславу Куняеву не придумаешь! Когда я ему зачитал цитату из статьи Кормилова, он был очень доволен тем, что критик считает его “реинкарнацией Лермонтова”. Далее: и Валерий Михайлов становится, по Кормилову, “реинкарнацией Лермонтова...” Bravo, поздравляю и Валерия! Впрочем, у Кормилова Лермонтов в моей книге “похож” и на меня!

По фантастической версии Кормилова, главной целью моей книги о русском гении было желание сравнить Куняева с Лермонтовым. Он так и пишет: “...главная его идея выражена на одной странице, даже в одной фразе”, где речь идет о том, чтобы сблизить план Лермонтова об издании журнала, где нет “ничего переводного, а своё собственное...”, то есть исключительно одна русская национальная литература, и программу “Нашего современника”, который сегодня и впрямь является, по мнению большинства писателей, чуть ли не единственным органом русской национальной литературы. Я и впрямь согласен с близостью журнальных программ Лермонтова и “Нашего современника”, где нет “ничего переводного”, но писать ради этого книгу в шестьсот страниц вряд ли бы стал.

И такими передёргиваниями заполнена вся статья Кормилова. Приведу ещё несколько примеров.

Вот начётчик пишет: “Разумеется, совсем неведомой ему осталась фамилия, зашифрованная в экспромте “Русский немец белокурый”...” Почему же, есть в книге и сам немец М. И. Цейдлер, есть и ссылка на его мемуары, где упоминается госпожа Софья Стааль фон Гольдштейн. Не надо додумывать за других, господин хороший! И если я пишу, что “в годы до второй кавказской ссылки Михаил Лермонтов создал почти все наиболее значительные произведения”, в том числе и пьесу “Маскарад”, это не значит, что “Маскарад” был написан во “время между двумя ссылками”, по ещё одному фантастическому варианту Кормилова. То же самое с перевиранием авторства “Луки Мудищева”. Как пишет Кормилов в свойственной ему манере передёргивания: “К числу эротических стихов Баркова он (Бондаренко. — **В. Б.**), по народной традиции, относит анонимную поэму с именем главного героя Лука... Всякому, кто с ней знаком, по языку понятно, что она не может... принадлежать И. С. Баркову...”

Во-первых, насчёт “всякого”, кто знаком с текстом поэмы: до сих пор в солидных издательствах (к примеру, “Астрель”, 2012 год) “Лука Мудищев” так и выходит с предположительным авторством Баркова. Во-вторых, хотел бы я знать, где в своей книге я называю автором этой поэмы И. С. Баркова? В суд мне, что ли, подавать за клевету? Я пишу: “В отличие от пушкинских или даже барковских эротических стихов, (и далее через запятую. — **В. Б.**) в отличие от “Луки Мудищева”... юнкерские поэмы Лермонтова...” Я не называю никого автором знаменитого “Луки”, и, кстати, считаю, что версия Кормилова об авторстве брата Пушкина Льва более чем сомнительна и бездоказательна. Но он имеет право на такое предположение, а вот я вроде бы никаких прав не имею...

Не думаю, что Сергей Кормилов столь небрежно читал книгу — всё-таки доктор наук, профессор МГУ! — но читал он её лукаво, с определённым замыслом, подбирая и домысливая разные неточности.

Вот ещё один наглядный пример явного передёргивания. Кормилов рассказывает о себе: “Бондаренко пишет: “Великий русский поэт оказался в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями”. Компания не самая плохая, только не объединяемая ничем, даже национальностью. Живший в США англичанин Чаплин сыграл еврея-парикмахера, оказавшегося на месте диктатора, в комедии “Великий диктатор” — пародии на Гитлера. Разъярённый фюрер объявил его евреем и своим личным врагом... И многие, включая патриота Бондаренко, оказались в этом вопросе солидарны с Гитлером...” Во-первых, в чём солидарны с Гитлером? В том, что Чаплин мог быть евреем? А неужели

это было бы так плохо? Неужели Сергей Кормилов страдает антисемитизмом, и причисление того или иного человека к евреям для него равно унижению? И он, в таком случае, подобно Гитлеру, числил бы Чарли Чаплина среди своих врагов? Впрочем, Кормилов и в других своих клеветонах относится отрицательно к разным Концевичам, презрительно пишет о них: “Куда же смотрела А. Ф. Троцевич?..” И так далее... Но ещё об одной начётнической статье добавим позже. А сейчас главное: я лично, от себя, в своей книге нигде не сравнивал Лермонтова со Спинозой и Чаплиным. Опять начётчик нагло переделал! Я пишу: “Израильский историк Савелий Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещённый со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и провергни эту глупость...” Увы, не опроверг ни израильский историк Савелий Дудаков, подыскав Лермонтову другого, более достойного отца, вместо Юрия Петровича Лермонтова, – французского еврея Ансельма Леви, личного врача бабушки Лермонтова в Тарханах, – ни Сергей Кормилов, публикующий сведения из *нацистской наукообразной книги* и приписывающий эти сведения мне. Теперь уже я опровергаю его, увы, не глупость, а подлость...

Упрекает Кормилов меня даже в том, что опровергнуть ничего не стоит, но заказ есть заказ! Он пишет: “Кстати, не раз автор говорит, что в Гродненском полку Лермонтов служил в самом Новгороде, а не в нескольких десятках верст от него, совсем в глухомани. Уж это-то мелочь”. Обратимся за этой мелочью к моей книге, и находим: “Высочайшим приказом от 11 октября 1837 года Михаил Лермонтов был переведён из места своей первой ссылки на Кавказ в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом... Полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах...” Что ещё надо для опровержения клеветы? Или он и впрямь не читал книгу, или врёт откровенно и нагло.

И уж не ему меня учить, где находится Петрозаводск, а где – Новгород, если я вырос на русском Севере и от Петрозаводска до Новгорода разве что пешком не ходил. Но, “мечталось мне”, а вдруг бы и заехал Михаил Лермонтов в Петрозаводск, оставил бы ещё одну памятку о себе на русском Севере. Точно так же и по поводу Пятигорска и начала изумительного стихотворения “Сон”. Уж кто только не писал об этом предсказании Лермонтовым своей гибели “с свинцом в груди”, “в долине Дагестана”, и никого пока не упрекали в том, что Пятигорск-то далеко от Дагестана – неверное предсказание! Просто Кормилов мыслит мелко и примитивно: если в долине Дагестана, то там и лежи, нечего в Пятигорск рваться! О метафорах, сравнениях, иносказаниях этот филолог ничего и знать не знает!

Вот уж верно, что “ничтожество есть благо в здешнем свете”, как бы кто ни понимал значение слова “ничтожество”: как небытие, несуществование или никчёмность, ничтожность.

Я понимаю, на такую “скандальную знаменитость”, как Бондаренко, поступил заказ, и его надо выполнять. Но зачем же было налетать на моего коллегу Валерия Михайлова?

Не понимаю. Сергей Кормилов пишет: “Почему редакция “Жизни замечательных людей” в один год с книгой такой скандальной знаменитости, как Бондаренко, выпустила ещё одну на ту же тему, да притом более пространную? Чтобы “демократично” представить разные точки зрения?” Я-то считаю, что про Лермонтова можно было выпустить и десять книг умных и достойных людей разных взглядов. Но, в свою очередь, не понимаю: либеральный журнал решил в очередной раз устроить разгром Бондаренко, всё понятно, но зачем Сергей Кормилов взялся громить и книгу Валерия Михайлова, да ещё и на таком же мелком, передёргивающем уровне? “Парящий в эмпиреях”, “антинаучный” – одни пустые слова, без доказательств. Его-то за что? Неужели за компанию? Мол, не водись с Бондаренкой... Но вроде бы сам Кормилов многим обязан именно Михайлову, как же можно так мелко “благодарить”?

Тут уж поговорим и о нравственном облике Сергея Кормилова. Он ведь не первый раз выполняет такие топорные заказы. Вот совсем недавно обрушился на антологию корейской поэзии, подготовленную московским востоковедом Л. Р. Концевичем. Какова широта познаний мелких подробностей у Кор-

милова? Вчера он подмечает, точно так же передёргивая мелкие факты из жизни древних корейских поэтов, сравнивает различные переводы с корейского – будто бы он знает корейский язык! – а сегодня уже погружается в эпоху начала девятнадцатого века, в эротические поэмы Баркова и Льва Пушкина. И так же, как при разборе наших лермонтовских книг, никакого спора с концепциями, ничего о восточной философии, о влиянии даосизма на корейскую поэзию, никакого сравнения китайских и корейских поэтов одного времени. Голословны и его утверждения о том, что Анна Ахматова ничего не переводила – якобы за неё это делали другие, она лишь делилась гонораром. Тема эта сложная, может, в тяжёлые годы Анна Андреевна и давала таким образом подработать своим коллегам, щедро даря для публикаций своё имя, но тут нужны не смутные воспоминания, а строгие доказательства. Если в сборниках корейской поэзии стоит имя Анны Ахматовой, так просто его нельзя перечеркнуть и выпустить антологию, указав лишь предполагаемое имя соавтора. Точно так же передёргивается и сама идея антологии: мол, “почему москвич опубликовал антологию корейской поэзии в петербургском издательстве “Гиперин”? Чтобы книга не дошла до Алматы?”

Какая чушь! Нынче по интернету можно заказать книгу московского или петербургского издательства – всё едино. Я понимаю, что столкнулись разные школы востоковедов и переводчиков, решили наказать непослушного Концевича, а заодно и Троцевич, и иных. Вот и пригодился наш начётчик! Который около любой книжки какой-нибудь мусор соберёт...

Но здесь другая любопытная картинка вырисовывается.

Эту разгромную статью об антологии корейской поэзии Сергей Кормилов опубликовал совсем недавно в восьмом номере... русскоязычного казахстанского журнала “Простор” за 2014 год, главным редактором которого является... тот же Валерий Михайлов, доблестно разгромленный Кормиловым в десятом номере журнала “Знамя” за 2014 год. Значит, разгромная статья о наших книгах о Лермонтове уже готовилась, когда её автор продвигал свою статью о корейской поэзии в журнал Валерия Михайлова! Может быть, напечатать свою статью в “Знамени”, теперь Сергей Кормилов *по традиции* устроит, к примеру, в газете “Завтра” разгром Сергея Чуприна? Пусть несёт, я приму! Уж если я пишу резкие статьи о Наталье Ивановой, то никогда бы не стал предлагать ей свои работы для публикации даже в советские времена, когда между журналами не было таких глубоких идейных противоречий. Нетактично, невежливо. Да и зачем?

А Валерию Михайлову будет хороший урок на будущее: не надо печатать в своём журнале нелепые статьи! Был бы разбор по делу, а то всё на уровне слухов: кто кого в давние советские времена переводил да почему та или иная книга в том или другом городе вышла? Окололитературные сплетни. Ему заказали казахстанские востоковеды такой материал, вот он и получил... А о том, что его самого могут так же заказать, он не подумал.

Сергей Кормилов возмущён моим “нелепым исходным тезисом: будто бы именно Лермонтов негоден в нынешней России власть имущим... Слово Пушкина или Толстого... лучше знают”. Во-первых, и в самом деле Пушкина и Толстого и у нас, и за границей знают лучше. Во-вторых, пусть он ответит, почему именно станцию метро “Лермонтовская” переименовали в годы перестройки, а не “Пушкинскую”? Даже цареубийце Войкову “Войковскую” оставили...

Впрочем, он и к самому Михаилу Лермонтову относится с неким снисхождением. Согласно нынешней моде, Кормилов отмечает как положительное качество то, что, “в отличие от Бондаренко, В. Михайлов не боится иногда предъявлять Лермонтову... эстетические претензии...” В самом деле, и книжки о нём плохие, да и сам поэт не совершенен...

Интересно, как же он преподаёт студентам, какую русскую литературу? Или корейскую? Или он их путает?

Мне кажется, либералы обозлились, что празднование юбилея великого русского поэта прошло под русским знаменем. Тут и книги Бондаренко и Михайлова, тут и “Золотой витязь” Николая Бурляева, и великолепная речь о Лермонтове Александра Проханова, и превосходное празднование в Пятигорске и Тарханах, отмеченное и приездом президента Владимира Путина, и всё *под русским знаменем*... Тут и фильмы и телепередачи в дни юбилея, показывающие нам отнюдь не диссидента с Болотной, либеральствующего поэта, а представляющие великого русского национального гения. Вот за этот русский юбилей русского гения нам и достаётся теперь от либералов.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“ПОДТВЕРДИТЬ СВОЕЙ СУДЬБОЮ СТРОЧКУ...”

Осенью 1967 года в дальневосточном посёлке Майдагачи я приобрёл сборник стихотворений Станислава Куняева “Метель заходит в город”, в котором и об этом посёлке есть стихотворение.

Но обо всём по порядку.

1

Летом того года я окончил вечернюю школу рабочей молодёжи. Мне было двадцать лет, я писал стихи и уже несколько стихотворений напечатал в местной прессе, сотрудничал внештатно с областной молодёжной газетой “Амурский комсомолец”, куда меня хотели взять на работу, но вакансий, как сказал редактор, пока не было. Он же посоветовал: “Поезжай в районку. Для начала – это хорошая школа”.

Я купил рюкзак, в который побросал кое-что из одежки, положил несколько любимых сборников стихов, надел серый берет, придававший моей фигуре, как мне казалось, поэтический вид, и однажды вечером сел в Благовещенске в поезд, а уже утром, проехав около полутысячи километров, оказался в посёлке Тыгда, в редакции районной газеты “Вперёд”.

В одну из своих первых журналистских командировок я отправился в самый большой населённый пункт района – Майдагачи. Там зашёл в деревянный дом с вывеской “Книги” и был поражён: он был буквально завален книгами! В отличие от городских магазинов, здесь стояли и лежали дефицитнейшие книги из серии “Жизнь замечательных людей”, воспоминания о Льве Толстом и Александре Куприне, сборник стихотворений Евгения Винокурова “Ритм” – я перечисляю только то, что купил тогда на командировочные деньги.

Взял я с полки и небольшую книжку стихов под названием “Метель заходит в город”. Имя на суперобложке – Станислав Куняев – и затемнённое фото в профиль человека лет тридцати в очках не особо привлекли моё внимание. Зато пятнадцатистрочная аннотация заинтересовала: “Михаил Аркадьевич Светлов, читавший эту книгу в рукописи, писал в рецензии для издательства: “Очень доброе начало заложено в книге. О чем она? Точно ответить не могу. Я могу более точно ответить: для чего она. Она для того, чтобы человек меньше грустил и больше радовался. Она для того, чтобы многие поняли, что юмор – это не смешной анекдотик, а очень благородное отношение к людям”.

Открыл наугад страницу сборника. И... Цитирую прочитанное стихотворение полностью:

*В селении Майдагачи
о нём ничего не известно.
Он был там в июльской ночи,
он выехал так незаметно,
бродил у какой-то реки.
А улицы были, как реки,
моргали вдали огоньки
да слышались отзвуки речи.
Да ветер вздохнул и принёс
горячие запахи тёса,
печальное бляенье коз,
протяжный гудок паровоза.
Как много успел подглядеть,
как много успел он запомнить,
осмыслить и запечатлеть,
нечаянный тот незнакомец,
который не знал никогда
названья такого посёлка, —
случайно заехал сюда
и вскоре пропал, как иголка.*

Представьте моё состояние, когда я прочитал эти строки – о Майдагачи в самом Майдагачи, от имени бродящего у той самой “какой-то реки”, видящего “вдали огоньки”, слышащего “протяжный гудок паровоза” и “отзвуки речи”! Я испытал если не потрясение, то удивление: оказывается, можно вот так необычно сказать об обычном, о том, что тебя окружает, и это будет – Поэзия.

По душе пришлось и стихотворение “Дальний Восток”, особенно строфа:

*Места хватит — а это значит,
можно шастать туда-сюда,
кочевать, корчевать, рыбачить
и судьбу свою переиначить,
если есть такая нужда.*

Они врезались в память потому, что, наверно, я подспудно ощущал: в будущем мне предстоит немало “шастать туда-сюда” и судьбу переиначивать – тоже.

С тех пор “Метель заходит в город” стала одной из моих любимых книг. Она была со мной во всех моих дальневосточных скитаниях. Суперобложка истрепалась, а потом и потерялась, и теперь, когда хочется почитать что-то для души, я вновь и вновь беру в руки этот сборник.

В конце 70-х я опять оказался в Майдагачи, к тому времени ставшем райцентром. Устремясь “на север, душу лечить”, несколько месяцев работал в той же газете “Вперёд”, и книга Станислава Куняева была со мной.

А несколько лет назад, проезжая уже из Белгорода в Благовещенск, я вышел ранним утром на безлюдный перрон этой станции, где поезд сделал остановку, взшёл на виадук, оглядел с высоты посёлок, ставший определённой вехой в моей жизни, и вновь вспомнилось куняевское “В селении Майдагачи о нём ничего не известно...” Как будто обо мне сказано...

2

Я могу назвать с десятков, а то и больше поэтов-современников, стихи которых меня увлекали, казались самыми-самыми, но проходило какое-то время, и я к ним остывал. А вот строки из “Метель заходит в город” возникли и возникают в памяти постоянно, ибо они имеют отношение и ко мне: “А спать любил я около окна. // В казармах, поездах и общежитиях...”, “Не то, чтобы жизнь надоела, // Не то, чтоб устал от неё, // Но жалко весёлое тело, // Прекрасное тело своё...”, “А душу нисколько не жалко — // Во всём виновата сама”, “С утра болела голова, // Но хуже то, что надоела // Старинная игра в слова, // А я не знал другого дела”, “Жизнь моя тянется чёрным по белому, // словно цепочка следов на снегу...” — цитировать могу бесконечно.

Волей-неволей некоторые из этих строк стали эпитафиями моих стихотворений, дав толчок мыслям и чувствам, которые требовали выхода, просились на бумагу. Однажды я рассказал об этом заместителю главного редактора журнала “Наш современник”, критику и публицисту Александру Казинцеву, и тот с присущей ему иронией изрёк: “Ты Станислава Юрьевича на эпитафью разобрал. Что же – выбор достойный”.

Но особенно после первого же прочтения меня поразило это стихотворение:

*Я на днях случайно прочитал
книжку невеликого поэта.
Где-то под Ростовом он упал,
захлебнулся кровью и не встал,
и не видел, как пришла победа.
Но отвага гению сродни,
но подобно смерти откровенье,
и стоит, как церковь на крови,
каждое его стихотворенье.
Вот и мне когда-нибудь упасть,
подтвердить своей судьбою строчку,
захлебнуться и поставить точку —
значит, жизнь и вправду удалась.*

Сорок лет назад на полях около заключительного четверостишья я поставил три восклицательных знака, не предполагая, конечно, что Станислав Куняев, сказав в молодости “подтвердить своей судьбою строчку”, через всю жизнь пронесёт это, не побоюсь высокопарности, святое служение Литературе и Отечеству – в стихах, в критике, в публицистике, в редактировании самого читаемого ныне в стране журнала “Наш современник” и, наконец, в книге воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”, которая стала, может быть, самым заметным явлением мемуарной беллетристики конца XX – начала XXI веков. Правда, мемуарным в прямом смысле этого слова трёхтомник Станислава Куняева едва ли можно назвать, скорее, это его страстная исповедь, как та самая “церковь на крови”.

И ещё об одной цитате из Куняева, уже из другой книги.

Впервые стихотворение, которое начинается приведённым ниже четверостишием, я прочитал в начале 90-х годов в “Литературной России”. Цитирую его по памяти:

*Не лучшие в мире у нас пироги,
Не лучшие вейки, не лучшие жнейки,
Но лучшие в мире у нас телогрейки,
А также резиновые сапоги.*

Казалось бы, почти проза – никаких красотостей и высокого “штиля”. Но в них – судьба многих поколений русских людей, большей части, которая и есть – народ.

В молодости я прочитал стихотворение (кажется, Евгения Евтушенко), заканчивающееся так: “И вот идёт на цыпочках Уланова. И это тоже для меня – народ”. (Тоже цитирую по памяти.) Тогда оно мне показалось необыкновенно смелым. Но с годами, взрослея, соприкасаясь со многими представителями общества – от самых высоких его кругов до самых низких, до бичей и бомжей, – я всё больше разочаровывался в евтушенковском представлении о народе, поняв, что те слова – не что иное, как лукавство.

Так называемая элита, что не сеет и не пашет, не жнёт и не молотит, – словом, зарабатывает на свой хлеб с маслом иными, менее “пыльными” способами, едва ли может с полным правом называться народом, который не “на цыпочках” ходит, а до сих пор, образно говоря, в тех самых куняевских телогрейках и сапогах топает по земле, надеясь на лучшие времена, и, как может и чем может, их приближает.

После “Метель заходит в город” я стал покупать все книги Станислава Куняева – “Озеро безымянное”, “Путь”, “Мать сыра земля” – их в моей библиотеке более десятка. И в каждой находил и нахожу строки, которые волнуют, тревожат, запоминаются.

В последние полтора десятилетия, судя по публикациям, стихов он пишет немного, в них всё больше публицистичности – время такое. В какой-то статье я прочитал, что, мол, поэт, изменив лирике, теряет читателей. Но я по-прежнему не пропускаю ни одной его подборки.

Кажется, у А. С. Пушкина есть такое высказывание: чем выше восходит поэт, тем меньше с ним остаётся верных читателей, ибо путь к вершинам поэзии труден. Я – среди этих читателей Станислава Куняева.

3

В марте 1999 года вышел белгородский номер “Нашего современника”. На его презентацию в Белгород приехала группа авторов и главный редактор. Собираясь на встречу, я взял “Метель заходит в город”, надеясь, что удастся поговорить со Станиславом Юрьевичем, рассказать о судьбе этого экземпляра. И так и произошло.

Поэт, кажется, искренне удивился, увидев довольно потрепанный свой сборник. Сказал: “Это – моя любимая книга”, – а после эти слова он написал на титульном листе.

В разговоре я, между прочим, заметил, что он в названии посёлка Майдагачи поставил ударение на последнем слоге. Правильно же – на предпоследнем. “Да, я знаю, – ответил поэт. – Но тогда, в поезде, так написалось, а позже что-то переделывать не захотелось”.

Станислав Юрьевич приезжал на Белгородчину ещё несколько раз. Не скажу, что я с ним беседовал подолгу и запросто, но разговоры были. Особенно запомнился один.

Накануне я вернулся из Благовещенска, со своей малой родины, куда тогда стали интенсивно вторгаться китайцы. Рассказал Станиславу Юрьевичу, что китайские “друзья” у нас торгуют, строят и т. д. и т. п., а русские мужики, ошарашенные таким нашествием, в большинстве своём опустили руки, пьют, на что поэт ответил примерно так: “Русскому народу надо собраться, осмыслить, понять, что с ним происходит. Потом он одумается, поднимется. Конечно, лучше, если это произойдёт поскорее”.

У меня есть ещё автографы Станислава Куняева – на трёхтомнике “Поэзия. Судьба. Россия” и на книге “Шляхта и мы”. Её в декабре 2002 года прислал автор с надписью: “На добрую память о встречах на Белгородчине – продолжение моей борьбы”.

И ещё об одной встрече. В “Метель заходит в город” есть стихотворение, начинающееся четверостишием:

*Плохой из меня воспитатель,
плохой из меня педагог.
Я сыну почти что приятель,
а сыну всего пятый год.*

Оно – о сыне поэта Серёже.

Шли годы. Я стал читать статьи в журналах, подписанные Сергеем Куняевым, – о Есенине, Клюеве, Клычкове и других, так сказать, крестьянских поэтах, а также о современных стихотворцах, позже приобрёл книгу в серии ЖЗЛ “Сергей Есенин” (авторы Станислав и Сергей Куняевы) и книгу Сергея Куняева “Русский беркут” – о Павле Васильеве, но с самим автором познакомиться не доводилось.

В апреле 2004 года на Белгородчине проходили Дни поэзии. Я узнал, что участвовать в них приглашён и Сергей Куняев, что он поедет в город Алексеевку. Но в выезжающую группу меня не включили, и я, естественно, несколько расстроился.

Утром пришёл на службу в редакцию газеты “Смена”. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Говорят с вахты: мол, тут человек из Москвы спрашивает, как найти писательскую организацию. Спускаюсь вниз. Мне протягивает руку худощавый человек, уже знакомый по фотографиям в книгах, и говорит: “Сергей Куняев”.

Оказывается, он опоздал на белгородский поезд, приехал на другом и вот не знает, куда направить свои стопы.

Я, конечно, подивился такому повороту судьбы: очень хотел познакомиться с Сергеем, и вот случайность (или закономерность) этому помогла.

Позвонил в писательскую организацию, узнал, где собирается группа, и мы прибыли туда буквально за несколько минут до отъезда. По дороге поговорили о писателях – общих знакомых, уже ушедших из жизни, – Борисе Приме-рове, Викторе Кочеткове, Юрии Кузнецове, о здравствующих – Вере Галактионовой, Владимире Шемшученко и других.

Между прочим, Сергей поддержал меня в одном мнении. Конкретно вот в чём. Один московский журнал, так сказать, либерального толка напечатал подборку моих стихов, что было для меня несколько неожиданно. Я сказал об этом Сергею, спросив, правильно ли поступаю, сотрудничая с “Нашим современником” и “Молодой гвардией” и в то же время публикуясь в том журнале, на что он ответил: “Печататься следует везде, где печатают, – своё слово нужно доносить всяческими способами, нужно уметь играть и на чужом поле. И ты же не пишешь, как сейчас некоторые, что Россия – сука и тому подобное”.

На другой день была большая встреча с участниками Дней поэзии. Сергей Куняев рассказывал белгородским читателям о жизни и творчестве Сергея Есенина, Николая Клюева, Павла Васильева, проникновенно читал стихотворение Юрия Кузнецова “Маркитанты”, и я опять вспоминал строку Станислава Юрьевича “Подтвердить своей судьбою строчку”, ставшую жизненной заповедью не только его, но и сына, продолжателя отцовского дела – борьбы, служения литературе и русскому народу.

* * *

Проходили годы. В моей библиотеке появились новые книги Станислава Куняева: “Шляхта и мы”, “Возвращенцы”, “Жрецы и жертвы Холокоста”, “Любовь, исполненная зла” и другие. Я узнавал об их выходе из газет, писал автору с просьбой выслать, и он откликнулся. Я посылал ему свои, время от времени в “Нашем современнике” появлялись мои стихи. Особенно приятной была публикация в журнале, приуроченная к моему юбилею. Она сопровождалась такими строками: “Поздравляем нашего постоянного автора, известного белгородского поэта с 60-летием, желаем ему вдохновения и новых книг, и понимания со стороны читателей и друзей-поэтов”.

Поздравление написал главный редактор. “Известный” – это скорее, так сказать, аванс, а вот насчёт понимания сказано точно: каждому, кто в меру своих способностей и сил пытается сказать своё слово в литературе, оно необходимо как воздух. Думаю, Станиславу Юрьевичу Куняеву тоже.

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

“ПИСАТЕЛЬ БЕССТРАШНОЙ ИСКРЕННОСТИ!”

Так назвал когда-то в своём известном мемуарном портрете Леонида Андреева А. М. Горький, которого связывала с Андреевым довольно драматическая “дружба–вражда”.

Писатель, пользовавшийся огромной славой и популярностью при жизни, получавший самые большие по тому времени гонорары, из-за которого “дрались” издатели, театральные режиссёры и антрепренёры, потом, после своей смерти был обречён на долгие десятилетия почти полного забвения, о его творчестве обычно шла речь лишь как о печальном прецеденте падения большого таланта под тлетворным влиянием декаданса и, самое главное, непростительных политических заблуждений.

Теперь на протяжении уже более чем четверти века Леонид Андреев считается признанным классиком. Исследованием творчества Леонида Андреева занимаются многие авторитетные отечественные и зарубежные учёные, такие, как, например, Ричард Дэвис, директор литературного архива английского города Лидса, в ИМЛИ совместно с ИРЛИ (Пушкинский Дом) готовится и издаётся Полное академическое собрание сочинений Л. Андреева в 24-х томах, где должно быть опубликовано решительно всё, написанное его рукой – вплоть до начатых и брошенных на половине тетрадного листа юношеских рассказов и набросков или кратких записок бытового или делового характера. Вышли в свет многочисленные мемуарные книги и материалы о писателе. В самом начале XXI века Андреев стал востребован и как драматург, причём театры пристально интересуются не только его пьесами, но и прозой. Однако предназначенной для массового читателя биографии Леонида Андреева всё же не было, если не считать не вполне отвечающей требованиям и рамкам жанра книги Л. Н. Кен и Л. Э. Рогова “Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками” (СПб, 2010).

И вот теперь, в прошлом году, наконец, появилась долгожданная биография крупнейшего художника в молодогвардейской серии “ЖЗЛ”, написанная театроведом, писательницей из Санкт-Петербурга Натальей Степановной Скороход.

Автор уже на первых страницах подчёркивает, что с личностью, биографией и творчеством Л. Андреева связано очень много отнюдь не риторических вопросов. “Почему, – пишет она, – мистик и фантаст жаждал похвалы Толстого и дружбы с Горьким? Почему воспитанный народниками, сочувствовавший эсерам – внезапно стал патриотом и “государственником”? Почему,

фактически участвуя в первой и приняв вторую русскую революцию, с первого взгляда возненавидел Ленина и большевиков? Почему первый красавец и беллетрист постоянно мучился от любовных неудач? Почему, потеряв горячо любимую жену, в год траура делал предложения руки и сердца практически каждой встречной молоденькой женщине? <...> Почему, всю жизнь невыносимо страдая от разнообразных недугов, он ни дня не провёл в постели? Почему, не будучи больным, умер от инфаркта в 48 лет? Почему – беспробудный пьяница и нищий студент-дебошир – в три года сделался богатым и знаменитым? Отчего пил, и пил – запоем? Отчего, не переставая любить Бога и связывая с ним единственную правду жизни, все сознательные годы прожил атеистом?” (с. 7). На все эти во многом, быть может, по выражению А. А. Блока в его статье “Памяти Леонида Андреева” (1920), “детские” вопросы по поводу биографии Андреева, неразрывно, конечно, связанной с писательством, литературным окружением и культурно-историческим фоном эпохи, вопросы о самых “больных” его противоречиях попыталась ответить в своей книге Н. Скороход, и надо признать, что, несмотря на многие издержки, ей это в значительной мере удалось. Книга читается как увлекательный роман, в то же время наполнена огромным массивом документальных материалов и свидетельств, поданных отнюдь не “замшелым”, а, напротив, очень оригинальным и, мы бы сказали, “свежим” образом. Писатель, умерший 95 лет тому назад, порождённый своим временем и всецело принадлежавший ему, предстаёт в этой книге живым и тёплым. Но вместе с тем очень жаль, что остались в тени работы о жизни и творчестве Леонида Андреева, принадлежащие первому поколению “племени андреевцев” 1950–1960-х годов (В. Н. Чуваков, Л. Н. Афонин, В. И. Беззубов): если они и фигурируют в книге Скороход, то как-то пренебрежительно и с некоторой долей снисходительности. Они определёнno этого не заслуживают.

Но всё-таки как же получилось, что страдавший тяжёлой алкогольной наследственностью, всю жизнь беспробудно пьянствовавший и метавшийся в тяжелейших душевных муках и борьбе изрядно самовлюблённый орловский гимназист-красавец, происходивший из простоватой, малокультурной провинциальной семьи отца-землемера и полуграмотной матушки-“поповны”, которую он, кстати заметим, всю жизнь очень любил и был с нею очень близок, а затем московский студент-юрист, журналист и репортёр московских газет на рубеже веков, по мнению хорошо знавшего его тоже орловца И. А. Бунина, до конца жизни не вышедший из провинциализма, – смог написать, условно говоря, 24 тома и стать писателем мирового класса? Кстати, по поводу орловского провинциализма, неизжитого Андреевым до конца жизни, писали в своих мемуарах и другие современники Андреева, его знакомые – К. И. Чуковский, В. В. Вересаев, Б. К. Зайцев, Г. И. Чулков и многие другие. Причины этого, показывает автор, коренятся и в необыкновенной, с самых юных лет начитанности Л. Андреева, хотя по степени культуры и образованности он уступал многим писателям Серебряного века, в особенности представителям символизма, в его большом природном уме, остром чувстве юмора, которое, невзирая на весь мрачный и трагический колорит большинства его произведений (того, что Л. Н. Толстой определил знаменитой фразой: “Он пугает, а мне не страшно”), иногда причудливым образом, но явственно давало о себе знать. Наконец, в том, что это был неутомимый труженик, работавший денно и нощно, проживший очень тяжёлую жизнь, хотя, казалось бы, добившийся признания, успеха и достатка. Всё это описано автором, с нашей точки зрения, достаточно убедительно.

Повествование о жизни Л. Андреева, не столь богатой внешними событиями, но более всего интересной его внутренними переживаниями, ведётся автором вкюпе с разговором о его творчестве от ранних рассказов “Баргамот и Гараська”, “Петька на даче”, “Первый гонорар”, сразу же принесших ему известность, до “Красного смеха”, “Христиан”, “Иуды Искариота”, “Елеазара”, “Рассказа о семи повешенных”, “Жизни Человека” и до произведений последних лет – пьес “Милые призраки” (в которой Андреев обратился к несвойственной ему историко-литературной теме о молодом Достоевском и его окружении), “Собачий вальс”, рассказов “Жертва”, “Полёт” неоконченного романа “Дневник Сатаны”.

Интересно интерпретируется автором очень важная для Андреева тема суда в разных его произведениях, в частности, в рассказе “Христиане” (1905),

где Андреев показывает реальную действительность со всеми её ужасами и противоречиями, “врывающимися” как бы в зал судебного заседания и безжалостно обнажавшими “жалкую театральность” “судебных драм”. Но тут нерелигиозный Андреев позволяет себе кощунствовать над православным церковным обрядом, и это достигает наибольшей выразительности в словах проститутки дающей показания наряду с другими свидетелями: “Нет у меня ни стыда, ни совести: прикажете голой раздеться – разденусь; прикажете на крест наплевать – наплюю”.

Точно так же, как сын трактирщика, 24-летний анархист Савва Тропинин из пьесы “Савва” (1906), которой любивший щеголять латынью юрист Андреев дал второе заглавие “Ignis Sanat” – “Огонь исцеляет”, собирается взорвать во время церковного праздника чудотворную икону, чтобы все увидели, что лик Спасителя – не что иное, как обыкновенная раскрашенная доска. Богоборческие мотивы, как известно, есть и в других произведениях Л. Андреева. Пожалуй, законченный образец этого – повесть “Жизнь Василия Фивейского” (1904). И здесь он во многом шёл вслед за Л. Н. Толстым, что давно было отмечено исследователями. То же самое, собственно говоря, мы видим и в двух рассмотренных автором произведениях: для Андреева официальная церковная обрядность не есть ещё доказательство бытия Бога, и в ней он не находит подлинной божественного начала. Таковы и его самые разные, лишённые внутренней цельности герои. В этом смысле исключение составляет разве что один из ранних рассказов – “Праздник” (1900), – в котором герой, гимназист Качерин, под влиянием пасхального богослужения испытывает духовный подъём и внутреннее возрождение. То же представляется возможным в известной мере сказать и о сцене пасхальной заутрени в рассказе “В Сабурове” (1899). Но таких традиционных в плане изображения православной обрядности вещей у Андреева совсем немного. Они не типичны для него.

В период Первой мировой войны в публицистических статьях, печатавшихся в газете “Биржевые ведомости” и журнале “Отечество” (а в 1915 году изданных отдельной книжкой под заглавием “В сей грозный час”), Л. Андреев парадоксальным образом предвосхитил большевистскую политику, призывая к разрушению церкви. Это выглядит, разумеется, очень странным заблуждением пусть и равнодушного к религии, но честного, конечно же, писателя, бывшего, самое главное, искренним патриотом, во время войны выступавшим как убеждённый государственник. Он, конечно, страдал при виде “больной России”, по выражению другого “государственника”, его современника Д. С. Мережковского, России, которая “в жару, в температуре”, дико металась “на своём кроваво-красном ложе” (статья “Вопрос”, 1917). А в другой статье под заглавием “Гибель” (апрель 1917) есть пассаж, который может быть воспринят как крик отчаяния писателя, публициста и гражданина при виде раздираемой неразрешимыми противоречиями, погибающей от безвластия страны, от которой начали отворачиваться даже ближайšie соседи: Финляндия, Украина, “пожелавшая автономии”, и даже “странно смотрящая Сибирь”: “<...> Кому ещё так ненавистна Россия, что ни одной минуты не хотят быть вместе, требуют развода – от умирающей? Идите и бейте, рвите на клочья немощную дуру, тащите ключи из-под подушки, тащите всё, что можно. Возвеселитесь, мародёры, обиратели трупов, скупщики краденого, революционные ханжи и двоеперстники!

Чего её жалеть, если она сама себя не жалеет! Чего её хранить и навязывать ей какое-то спасение, когда она сама себя не хранит и слепо лезет в могилу, сама себе на тысячу голосов поёт отходную!” (“Русская воля”, 1917, № 89, утренний выпуск, 30 апреля). Эта статья и, в частности, этот очень выразительный в данном контексте пассаж, к сожалению, остались за пределами внимания Н. Скороход. А по выходе в свет знаменитой повести “Иуда Искариот” (1907), где Иисус Христос показан инфантильным, капризным и психически неустойчивым человеком, а Иуда, напротив, – честным и мужественным, в критике писали, что Л. Андреев пытался набросить тень на одну из самых светлых легенд человечества. Однако сейчас, в современную эпоху, пресыщенную всякого рода вновь “воскрешёнными” литературными явлениями, “Иуда Искариот” Л. Андреева оказался, быть может, как это ни парадоксально, одним из самых популярных и востребованных произведений писателя.

Мы находим очень существенным и полезным, что автор, помимо художественного творчества, подвергает довольно детально рассмотрению

и публицистику Л. Андреева, прежде всего, периода 1917–1919 годов. Его многочисленные политические статьи, фельетоны, литературно-критические рецензии, выходившие на страницах банковской газеты “Русская воля”, фактическим редактором которой был писатель, и в особенности известную статью-памфлет “S. O. S” – “Спасите наши души”, в которой иступлённо призывал страны Антанты во время предполагавшейся конференции мировых держав на Принцевых островах, не входить ни в какой альянс с большевиками. Их он уподобляет “грязным и тупым скотам”, “здоровенному мерзавцу, насилующему на глазах у матери её несовершеннолетнюю дочь” и т. д.

Об обстоятельствах последних двух лет жизни Л. Андреева, скоропостижно скончавшегося 12 сентября 1919 года, когда писатель с семьёй, сильно нуждаясь и голодая (и это после “роскошной” жизни на знаменитой вилле “Аванс” на Чёрной речке, когда Андреев, по словам А. М. Горького, “самый знаменитый писатель Европы и Америки”, был на вершине славы и богатства), оказался как бы в вынужденной эмиграции, хотя эта эмиграция находилась в 40 верстах от Петрограда, в бывшей дачной местности, ставшей территорией Финляндии, рассказано с привлечением малоизвестных широкому читателю мемуарных и эпистолярных материалов.

В заключение Н. Скороход, желая ещё раз сформулировать во многом уникальное положение Л. Андреева в истории русской культуры (не только в том смысле, что он был одновременно писателем-реалистом и модернистом), приходит к небесспорному утверждению, что другие блестящие литературные деятели русского Серебряного века пользуются всё же избирательным признанием и любовью современных читателей, а Леонид Андреев, в отличие от них, – писатель “для всех”, ибо он наиболее характерный и “автор, и герой своего времени”.

В своём творчестве он представил, по мнению автора, ту важнейшую веху в истории, которая оказалась актуальной в его время, но остаётся во многом важной и теперь. Андрееву, полагает Н. Скороход, удалось запечатлеть не фальшиво-ходульную, а настоящую “фигуру русского революционера с идеей в голове и бомбой в кармане” (с. 416). Когда-то, в 1908 году гораздо лучше это определил Корней Чуковский в книжке “Леонид Андреев большой и маленький”: “Он синтез нашей эпохи под сильнейшим увеличительным стеклом”.

Нельзя не отметить того, что в книге, наряду с интересными, есть и явно малоудачные места. Во-первых, бросается в глаза очевидное: на каждой странице делается акцент на алкоголизме Андреева, склонности к богеме, беспорядочных любовных увлечениях – всё это изображается с некоторым даже смакованием. Такой крен виден, что называется, невооружённым глазом, и только определённая грань ума, вкуса, образованности удерживает автора от того, чтобы не скатиться к уровню бульварного романа под заглавием “Тайна Леонида Андреева” – она сама об этом говорит в начале книги. Но, слава Богу, Н. Скороход удалось удержать равновесие в таком довольно трудном балансировании.

Кроме того, ведя речь о нашумевшем рассказе Л. Андреева “Бездна” (1903), вызвавшем целую бурю в печати своим нетрадиционным и непривычным для классической русской литературы сюжетом и содержанием, – недаром в недоброжелательной по отношению к писателю критике Андреев не раз объявлялся “порнографом и садистом”, когда, помимо “Бездны”, разбирались и такие его вещи, как “В тумане” (1902) и “Тьма” (1907), – Н. Скороход высказывает предположение довольно скандального свойства о будто бы некоторой автобиографичности образа студента Немовецкого, уподобившегося пьяным хулиганам и даже превзошедшего их. Это вызвало, признаём, справедливый гнев внучки писателя недавно скончавшейся И. Г. Андреевой-Рыжковой, очень темпераментно высказавшейся по этому поводу в интервью газете “Московский комсомолец”. Да уж, такая дурная “достоевщина” не делает чести автору. Точно так же несостоятельны и смехотворны попытки Н. Скороход придать сложным отношениям Л. Андреева и Максима Горького некоторый противоестественный смысл и подтекст, чем она невольно отдаёт дань современной бульварщине самого дурного тона и тем самым компрометирует память и репутацию обоих писателей.

Мы также не можем согласиться с утверждением Н. Скороход о том, что “художник Андреев в какой-то момент совершенно ступсывался под напором публициста Андреева” (с. 339). Скорее всего, как нам кажется, наоборот: Ан-

древ в своей публицистике эпохи войны и революции преимущественно оставался художником, ибо мыслил всё-таки больше именно как художник – это подтверждает изощрённая метафорическая образность его поздних газетных выступлений, правда, довольно велеречивых и многословных. И в своей поздней прозе и драматургии Андреев, вопреки мнению Н. Скороход, достиг вершинной пластичности художественного видения и изображения. Такие ранние статьи и очерки Л. Андреева 1897–1904 годов, печатавшиеся в московской газете “Курьер”, остались почти за пределами внимания автора книги, а между тем это очень большой пласт в литературном наследии писателя, в большинстве случаев представляющий собой образец высокохудожественной публицистики, а не только газетной подёнщины. Тематика же газетных материалов Л. Андреева того времени очень разнообразна в отличие от его, в самом деле, несколько трескучих и монотонных статей последних лет – от премьеры молодого тогда Московского Художественного театра, спектаклей Малого и театра Корша, литературных новинок и писательских юбилеев (например, юбилея П. Д. Боборыкина), выставок передвижников и шедших им на смену “мирискусников”, громких судебных процессов до заметок о жизни уличных проституток, состоянии городских мостовых, канализации и удобствах подмосковных дач. А ведь это всё становилось живым материалом для художественного творчества писателя, в ту пору только разворачивавшегося.

Нельзя не указать и на некоторые фактические ошибки, допущенные в книге и, по всей видимости, не замеченные редактором. Так, Н. Скороход пишет, что роман Л. Андреева “Дневник Сатаны” (1919) был запрещён в советское время, тогда как на самом деле он вошёл в двухтомное издание 1971 года, выпущенное “Художественной литературой” к 100-летию со дня рождения писателя. А далее, говоря о посмертной судьбе Андреева, автор сетует, что “наш покойник”, по её милому выражению, лежит “вдали от главной литературной аллеи, где-то в стороне, в стороне...” (с. 412). Это неправда. Всякий, кто бывал на петербургском Волковом кладбище, помнит, что могила Л. Андреева, перезахороненного на Литераторских мостках в Ленинграде в 1956 году стараниями его сына Вадима Леонидовича, который перевёз прах Андреева с места первого захоронения на Карельском перешейке, находится рядом с М. Е. Салтыковым-Щедриным и совсем невдалеке от могилы И. С. Тургенева. Таким образом, и здесь он занимает вполне достойное место рядом с классиками.

И всё же, в любом случае, очень отрадно сознавать, что биография многострадального художника и человека появилась в классической серии “ЖЗЛ”, основанной некогда в советскую эпоху, в 1933 году, человеком, который называл Л. Андреева своим “единственным другом”, – А. М. Горьким.

И мы убеждены, что её с увлечением прочтут все, кому она попадёт в руки, – и заправские интеллектуалы-литературоведы, и специалисты по истории театра и драматургии, и люди других профессий, читавшие самого Л. Андреева, и молодёжь, в первую очередь, студенческая, о которой так много писал Андреев. И мы ещё раз хотим повторить слова К. И. Чуковского, сказанные им под впечатлением безвременной кончины писателя: “И главное, главное, главное, я уверен, что Андреев жив”. Эти слова дважды приводит в своей книге Н. Скороход.

ИРИНА УШАКОВА

ОСТАНОВКА НА “РОДИНЕ”

В белгородском издательстве “Константа” вышла книга поэта, публициста, переводчика, прозаика, очеркиста Станислава Минакова “У ограды Бела града”.

Статьи, очерки, дневниковые записи, вошедшие в этот сборник, связующей нитью охватывают историю семьи писателя, историю его города, точнее, двух “его” городов – Белгорода и Харькова, захватывая тем самым и историю нашего Отечества. И это не просто “статьи, очерки, записки, дневники, стихи” автора, связанные биографически или географически.

Основой первого раздела книги являются воспоминания С. Минакова о его отце, который во многом стал духовной опорой писателя. Александр Тихонович Минаков ослеп в 33 года в результате тяжелой работы в детские годы в оккупированном фашистами Харькове. История жизни родителей писателя С. Минакова – это пример любви и терпения. “Я буду твоими глазами”, – сказала молодая жена ослепшему супругу. И была ими 43 года. В течение этих лет Александр Тихонович выполнял всевозможную работу, какую только может выполнить слепой человек. Вокруг семьи Минаковых собралось множество друзей, которые находили поддержку и утешение в этом, казалось бы, безутешном человеке. Соприкосновение с домашним миром истинной любви позволит будущему писателю процитировать слова митрополита Антония Сурожского из проповеди в Неделю о слепом: “. . . многие люди могли бы начать прозревать, если, встречая нас, они встречали бы людей, в глазах которых, на лице которых они могли бы увидеть сияние подлинной, трезвой любви; такой любви, которая не сентиментальна, но зряча, любви, которая способна видеть и понять”.

В своих размышлениях автор книги приходит к убеждению, что болезнь близкого человека была дана им, “чтобы на нём явились дела Божии” (Ин. 9:3). Ибо сколько людей в наше время живут походя, в слепоте к миру и к ближним. И судьба Александра Минакова – это ли не пример того, как много может человек, открывший в себе источник жизни! “Аскетизм, физическая ущербность, призванность для окормления окружающих душ” – вот признаки, в силу которых записки об отце названы С. Минаковым “Счастливая жизнь мученика Александра”.

Наряду с воспоминаниями об отце, автор улавливает музыку своего времени: чем жили его современники и соотечественники, как выстраивалась жизнь переживших военное горе семей советских людей и как выправлялись они и вырастали в единую огромную Родину. Вспоминает автор свою “самую лучшую на свете школу”, дворовых друзей и даже кинотеатр “Родина” и филь-

мы, сыгравшие немалую роль в воспитании нескольких поколений людей, которые стали думающими и ответственными за своё и за наше будущее. “Кинотеатра больше нет, но белгородцы по-прежнему, едучи на маршрутках по главной магистрали города, просят водителей: “Остановите на “Родине”! Я тоже решил остановиться “на Родине” и собрать эту книгу...” – доверительно обращается к нам писатель.

Книга Минакова продолжает развивать жанр русской классической повести в полюбившихся нам традициях “Семейной хроники” Сергея Аксакова и “Жизни Арсеньева” Ивана Бунина.

Неотъемлемым предметом авторских размышлений является история Отечества, к примеру, участие Белгородского полка в Полтавской битве, философское осмысление танкового сражения под Прохоровкой в 1943 году, сложившееся в поэму-поминовение “Петров день”, которая также вошла в эту книгу.

Основной же писания, как и бытия, для Минакова является духовный стержень нашей жизни. А как иначе, если в двух шагах от перекрёстка, где в Белгороде прошли детские годы писателя, под спудом советского времени располагалась “пещерка” святителя Иоасафа Белгородского, которому здесь на протяжении 156 лет, с 1755-го по 1911 год, поклонялись как простые крестьяне, так и российские монархи; если Богородица Песчанская, покровительница Слобожанщины, то есть белгородско-харьковской земли, защитительница всей Руси от нападения иноверных, ведёт писателя в Крестном ходе от харьковского дома к белгородскому и обратно, и в этом “хождении” он видит оберег для своей семьи, своей земли, всего Русского мира?

А слова Патриарха Кирилла, сказанные Его Святейшеством на Прохоровском поле в мае 2010 года, о том, что “только внутреннее духовное стояние, целостность человеческой природы являются панацеей от всех бед”, Станислав Минаков ставит во главу угла не только своего творчества, но и как неотъемлемое условие возрождения русской жизни на земле отцов. И как не согласиться с автором книги в том, что истинным возрождением Белогорья (а город и окрестности, действительно, сегодня процветают, не в пример многим областям центральной России) стало обретение мощей двух светильников белгородской земли и всенародное их почитание: святителя Иоасафа (Горленко) и священномученика Никодима (Кононова).

Один из трёх разделов книги С. Минакова рассказывает о творчестве заслуженного художника РСФСР, друга, земляка писателя Станислава Косенкова, яркого, значимого представителя поколения послевоенной безотцовщины в русской культуре, наряду с художниками Виктором Попковым, Юрием Ракшой, композитором Валерием Гаврилиным, поэтами Юрием Кузнецовым, Николаем Рубцовым, Алексеем Прасоловым.

“В “новом” искусстве, где сплошь и рядом множатся конъюнктура и заигрывание, поверхностность и фрагментарность, косенковские определённости, основательность разительны”, – утверждает Минаков. Книжная иллюстрация Косенкова – целая галерея образов к рассказу курянина Евгения Носова “Красное вино победы”, сборнику стихов воронежца Алексея Прасолова, да и к поэмам самого автора этой книги – это необъяснимые “внутренние” совпадения художника и писателя, “введение читателя в эмоционально-психологическую атмосферу книги, в эпоху”, о чём и рассказывает автор в нескольких эссе и дневниках, написанных в течение четверти века и собранных в книге. Из-под пера Минакова выступает к читателю – моему современнику – не только график, но и философ, поэт, печальник земли русской Косенков. “Вообще мы с Косенковым частенько встречались глазами и как-то грелись от обоюдного тепла”, – делится с читателем Минаков. К слову, это четвёртая книга Минакова, оформленная графикой С. Косенкова.

Размышления С. Минакова над книгой “У ограды Бела града” нередко слагались в пути “Белгород–Харьков–Белгород”. По этому же пути ребёнком, в лютый мороз, шёл двенадцатилетний отец писателя зимой 1942-го из Харькова за хлебцем к родным в Белгород. Память о Великой Отечественной войне, а также негодование по поводу нынешней фашизации Украины подсвечивают лирические строки автора.

Будучи автором большой энциклопедии “Храмы России” и цветных альбомов “Храмы великой России” и “Святые великой России” (Москва, ЭКСМО, 2009, 2010, 2011, 2012) и много фотографируя, Минаков мог бы проиллюст-

рировать свою новую книгу большим числом снимков. Но вместе с белгородским писателем Валерием Черкесовым, по-братски взявшимся редактировать рукопись книги, он решил, что тексты скажут сами за себя.

Приведём цитату из очерка 2010 года, давшего название первому разделу книги, – “Золотое на белом” (речь идёт о храме Петра и Павла в Прохоровке): “2 мая мы ожидали прибытия в этот храм Патриарха Кирилла, и мне удалось, слава Богу, более или менее внимательно прочитать часть этих вечных столбцов с восходящими в небеса именами. Слева от алтаря, рядом с фреской святого великомученика воина Феодора Стратилата, возле хоругви с вышитым по периметру золотой нитью гласом Чудотворной иконе “Знамение”: *“Яко необоримую стену и источник чудес стяжавше Тя раби Твои, Богородице пречистая, сопротивных ополчения низлагаем. Темже молим Тя: мир граду Твоему даруй и душам нашим велию милость”*, – за сияющей золотом иконой Георгия Победоносца, коего празднуем 6 мая по нов. ст., в самый канун 65-летия Великой Победы, на белом мраморе я отыскал золотые имена четверых Минаковых <...>.

Золотом на белом сиял шестикрылый серафим на патриаршем клобуке, золотом отражались солнечные лучи от юбилейных медалей, которые белгородский губернатор повесил на грудь ветеранам. И мы все, тысячи собравшихся, внимали памятной речи Патриарха. “Сегодня, вспоминая героев войны, склоняя головы перед прошлым, мы обращаемся в будущее и просим Бога, чтобы Он никогда не оставлял наш народ, укреплял нашу веру, помогал нам быть сильными и способными одерживать победы. А это значит, что будут существовать и наш народ, и наше Отечество”, – сказал Святейший Владыка и завершил в этот воскресный день (пятой Пасхальной седмицы) своё обращение пасхальным приветствием: “Христос Воскресе!” Теперь все эти события первых майских дней 65-летия Великой Победы, оправленные в бело-золотое свечение, примкнули к моим личным родовым воспоминаниям, соединяясь в моём сердце в ясную живую мелодию. Видимо, так наша, пусть и трагичная, память – индивидуальная, семейная, общая – претворяется в светлую, устойчивую, ясную, вечную. И так память отчества становится памятью Отечества. Золотая. На белом”.

Большинство из предлагаемых сочинений публиковалось в журналах, альманахах, антологиях и хрестоматиях, академических сборниках, прочитано в виде докладов на международных научных конференциях, представлено на интернет-ресурсах “Русская народная линия”, “Русское единство”, “Столетие”, “Православие.ру”, “Одна родина”, “Русское воскресение” и многих других.

Книга очерков Станислава Минакова – пример поступательного движения к возрождению русской провинции (ибо “вначале было Слово”), пример духовного и пристального собирания материалов об истории своей семьи, своего города-села. Иными словами, своей Родины, в облик которой нам всем уже пора всерьёз взглядеться.

И, что немаловажно в нынешние тревожные дни, когда решается судьба Украины и всего Русского Мира, внятная позиция и объединительный посыл в творчестве писателя С. Минакова служат восстановлению духовных, человеческих, экономических и культурных связей России и Украины, а также воссоединению временно расчленённого русского народа.

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

МОИ “ЧУЖИЕ СНЫ”

*Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.*

А. С. Пушкин

“Зимняя дорога” (1826)

Новая книга стихов Дмитрия Мизгулина тихая, почти интимная. Она называется “Чужие сны” (Санкт-Петербург, 2013), и понятно, почему: дорожные сны автора близки и понятны каждому, кто мотается по просторам России в самолётах и поездах, близки настолько, что каждый может назвать их своими. Тот, кто мчится по жизни в современной суете, тот, кто летит в глубоком ночном небе России, хочет видеть свой спокойный, домашний, а не тревожный сон.

*Такая вот работа:
Всю жизнь — туда-сюда,
Ночные самолёты,
Ночные города...*

И, как рефрен, звучит и звучит:

*Судьба помотала немало:
В каких только не был местах!
Полжизни прошло на вокзалах,
Полжизни — в аэропортах...*

Тема скитальца и дороги в русской поэзии — это уже давно объект приложения труда филологов, ставший основой целых монографий. Не зря я вынес в эпиграф строфу из хрестоматийного стихотворения Александра Пушкина. А продолжить можно и стихами Тютчева, Фета, а можно найти немало и в “Серебряном веке”, скажем, у Владислава Ходасевича: “Я скитаюсь здесь напрасно. Путь далёк мне. Я пойду”. Или у Максимилиана Волошина: “Пройти по всей земле горящими ступнями, // Всё воспринять и снова воплотить”. Или уже у близкого к нам по эпохе Анатолия Жигулина:

*Дорога, дорога.
Стальные колеса.
Суровая вежа
В тревожной судьбе.*

*Кому-то навеки
Лежать у откоса.
Кому-то всю жизнь
Вспоминать о тебе.*

Наверное, каждый, кому знакомо это чувство русской дороги, этого необъятного пространства со всех сторон, кто пронизывал его с запада на восток и с востока на запад по стальным параллелям Транссиба, может немало сказать о том, как жизнь превращается в дорогу, а дорога становится жизнью... За окном поезда или автомобиля меняются, размазываются, как на полотнах импрессионистов, пейзажи, меняются комплексы аэропортов, лица усталых портье, и тогда в этой кутерьме, в этой, казалось бы, так важной для нашей брэнной жизни гонке человек должен ощущать некую главную отправную точку, то, за что действительно важно держаться, то, к чему можно вернуться.

*И пусть конец дорогам
Ещё не виден — нет,
Уверен — перед Богом
За всё держать ответ.*

Вот она, эта точка или, может, правильнее сказать, многоточие Вечности:

*Летя сквозь ночные метели,
Неистово Богу молись,
Чтоб мимо спасительной цели
В беспмятстве не пронестись...*

Что говорить, сегодняшний мир наполнен, буквально насыщен этой “беспмятной” суетой. Суетой, замешенной на апостасии.

*Кружусь по жизни день-деньской
В привычной суете мирской,
В оковах разных должностей,
В глухом плену чужих страстей...
.....
И под покровом тишины
Смотрю всю ночь чужие сны...*

“Беспмятство”, то есть не памятование о Боге, о Вечности, застигает неподготовленного современного человека, поглощают его, и он, лишённый молитвенной и ангельской защиты, бежит вслед за комфортным поездом апокалипсического прогресса:

*Вре́ён последних зритель,
Беспмятством дышу,
За чередой событий
Стремительно спешу,
В потёмках спотыкаюсь,
Блуждаю иногда,
Бреду, греша и каюсь,
Неведомо куда...*

Сборник разделён на две части: “Ночные самолёты” и “Ночные поезда”. Редактором его выступил ныне покойный питерский поэт Андрей Романов.

Мизгулин не был бы Мизгулиным, если бы в “Чужих снах” не снилась ему державная статья, то, чем может и должен гордиться каждый гражданин России. Это не пресловутое, заклёванное либералами имперское мировоззрение, это не безнадежная тоска о былом величии, — это просто опора. Нравственная, национальная. И — одновременно — здоровая ностальгия. Она в стихотворении “Спят самолёты в аэропорту” и в блистательном, на мой взгляд, стихотворении “Гагарин”, которое начинается с бьющей в лицо строфы:

*Как грустно на Родине милой:
Пустеют и стынют поля.
И вместо героев — дебилов
Рождает родная земля.*

Но “Гагарин вершит свой бессмертный полёт”, а значит, и полёт страны продолжается. И мы знаем, что вслед за Гагариным, за его лучезарной и бесконечно доброй улыбкой, в любые времена поднимались в небо наши герои. Ради чего? Нет, не ради сытого комфорта, который может быть только фоном, интерьером великой страны, а ради того,

*Чтобы сын гордиться мог
Нашей долей славной,
Чтобы снова слово Бог
Стал писать с заглавной...*

Вот чего ждут от новых поколений по меткой метафоре сразу двух русских поэтов — Юрия Кузнецова и Станислава Куняева — “ветераны третьей мировой”. В стихах, посвящённых Станиславу Куняеву, Юрий Кузнецов в последней строфе определил это значение духовной брани, её отправную точку:

*Бесам пораженья не внимая,
Мы по чарке выпьем горевой.
Потому что третья мировая
Началась до первой мировой.*

И всё же эта книга Дмитрия Мизгулина, как я уже сказал, тихая. Гражданская лирика в ней переплетается с лирикой любовной и снами из детства. Потому что, по верному слову гениального Юрия Кузнецова, “русскому сердцу везде одиноко. // И поле широко, и небо высоко”... Кто из нас не ощущал той знаменитой болдинской, пушкинской, исключительно русской хандры? Есть ли в других языках такое слово? Романо-германские языки говорят о меланхолии, ипохондрии... Но так резко и так больно звучит только русская хандра! Святитель Лука Войно-Ясенецкий называл её тоской по Небу. Тоской по Богу...

*А всё по воле Божьей:
И радость, и печаль,
И это бездорожье,
И голубая даль,
И встречи, и разлуки,
И трепет мотылька,
И над речной излучкой
Литые облака.*

Хандра... Возможность остановить суету. Остановиться на краю её, посмотреть со стороны. На тот самый прогресс. Технический и беспощадный. “А мы же в айподе, в айпаде // Находим спасенье своё”, — горько резюмирует поэт. И прогресс у него “радостно скачет и мчится на звонких копытах...” Прогресс... Глупое металлическое слово неопределённого направления. Топтание на месте с псевдомодуляциями и псевдокульминациями. Всё куда-то стремимся. Может, не в ту сторону? Причём, с самого начала. С Адама... Господь создал человека, чтобы он восполнил количество ангелов, вместо падших. А мы кого восполняем?

И хандра — как лекарство... И тихое, вкрадчивое вдохновение...

Русские поэты благодаря этому состоянию “нахандрили” тома бессмертных произведений. Мизгулин родился ранней осенью, в сентябре, и потому можно уверенно считать и построчно проверить, что вдохновение осени вселилось в него с первым дыханием. Помните, у Арсения Тарковского: “Только этого мало...”? И вот, в каждом творце, у которого разрывается сердце навстречу Небу и Богу, живёт неодолимое желание преодолеть земное притяжение, вырваться из этого “мало”, и каждый из них в этом смысле становится Гагариным. И, совершая бессмертный полёт в последние секунды, вслед за Юрием Кузнецовым, сможет воскликнуть “Домой!” Потому — отвечает Мизгулин:

*Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до небес.*

Для этого надо остановиться. Замереть. Всмотреться. Свою повесть “Полустанок” я завершил вот такой сценой: “Поезда грохочут мимо. Наверху небо бороздят самолёты, ещё выше – спутники. Миру кажется, что он движется по пути прогресса в очередное светлое будущее. Миру кажется...”

Мир не знает, что центр Вселенной находится на маленьком полустанке Транссиба. Мир не знает, отчего так щемит сердце, когда видишь открывающуюся перед тобой великую русскую даль. Мир всё больше живёт по теории упущенных возможностей, потому что он забыл или перестал понимать истинный смысл слова “выбор”. Мир не слышит, как нас зовут:

– Сергеи, оба! Пойдёмте обедать! Ну, что вы уже битый час стоите и смотрите вдоль путей? Что вы там увидели?! – И смеётся: – Конец путей, что ли?

Нет, только полустанок. Он огромный. К нему тянутся дороги с Востока и Запада. А от него только одна – в небо...”

Чтобы почувствовать это, не обязательно быть творческим человеком. Для этого достаточно говорить на русском языке.

“Ваша природа какая-то простая, незамысловатая”, – сказал мне как-то иностранец, с которым мы остановились в сибирских ещё незаснеженных осенних полях. Я сначала хотел даже обидеться, но потом вдруг понял, что он прав. “Всё гениальное просто”, – ответил я ему. И он согласился: “Да-да... Великие просторы... У многих ваших поэтов они звучат, во многих песнях...” У Мизгулина есть такие строчки: “Частичка торжествующей природы – Бессмертное создание Творца”. Это о человеке. Но частичкой проще всего ощущать себя именно на наших просторах... Или – над ними. В том самом полёте, о котором и я, и поэт говорили выше. И Мизгулин, в этом понимании, прост и беспристрастно точен.

Я назвал Мизгулина осенним поэтом. Но для него верно и постоянное, радостное и наполненное Божией Вечностью ожидание весны. Пробуждения. Это тоже легко найти в сборниках поэта построчно. Но это не просто ожидание весеннего и летнего буйства природы, это – как и в “Слепом” Николая Заболоцкого:

*Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черёмух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...*

Потому что Мизгулин, как и Николай Заболоцкий, “такой же слепец, // С опрокинутым в небо лицом”. Но главное – это пробуждение, о котором писал Борис Пастернак в “Магдалине”:

*Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.*

До Воскресенья! До Дома... Потому что все дороги должны вести Домой. Домой, с большой буквы. И жизнь наша, какой бы она нам значимой и ощущимо-реальной ни казалась, это, в определённом смысле, тоже сон. Загляните в “Чужие сны”, потому что нам всем важно, в каком порту, на каком причале, в каком небе мы проснёмся... И куда поедем, пойдём дальше.

“А жить так просто на Руси”, – начинается одно из стихотворений сборника. Как просто? Просто надо проснуться до всеобщего пробуждения... Где-то на обочине прогресса и глобализации.

“НАШ СОВРЕМЕННОК” СРАЖАЕТСЯ ЗА НОВОРОССИЮ!

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Пишет Вам Полшков Юлиан Николаевич, доцент Донецкого национального университета, кандидат физико-математических наук. Журнал “Наш современник” я выписываю с 1989 года, т. е. двадцать пять лет. Моя супруга Лилия Николаевна, мой отец Николай Алексеевич и я – большие поклонники журнала.

Вы талантливый поэт, прозаик, публицист, редактор, общественный деятель и человек с бойцовским характером. Благодаря Вашему руководству “Наш современник” – лучший журнал на постсоветском пространстве.

В университете много поклонников Ваших талантов: заведующий кафедрой русской литературы, профессор Владимир Викторович Фёдоров (товарищ Вадима Валериановича Кожинова), доцент Лидия Михайловна Ракитина, библиотекарь Елена Александровна Карачёва, заведующий кафедрой теории вероятностей и математической статистики Борис Владимирович Бондарев и другие наши коллеги. Мы читаем журнал “Наш современник”, обсуждаем напечатанное, обмениваемся Вашими книгами.

Два года назад в честь Вашего 80-летия в библиотеке университета была проведена выставка. Выставку организовала заведующая художественным абонементом Наталия Николаевна Карташова. Преподаватели, сотрудники и студенты отнеслись с интересом к экспонатам, посвящённым Вашему творчеству.

Всё время, пока Донбасс был в составе Украины, русский язык и литература вытеснялись из школьного и высшего образования. Русскому языку боялись дать даже неопределённый статус “регионального языка”.

После того как Украина стала окончательно фашистским государством, Крым и Донбасс восстали. Мы не захотели оказаться за пределами “русского мира”. Теперь Крым в составе России, а Донбасс принял удар на себя и сражается с нацистской нечистью.

Находясь с 1991 года в составе чуждого нам государства, мы находили поддержку у Вас, Станислав Юрьевич, Ваших соратников по журналу, у всех русских писателей и у нашего “великого и могучего” русского языка. Русский язык и православная вера стали столпами Новороссии, Донецкой и Луганской народных республик.

Русские люди Донбасса встали в полный рост и заявили о своих правах. Теперь мы преподаём и ведём делопроизводство на родном языке. Встречаемся с теми людьми, которые нам нравятся, а не с теми, которых нам навязывал официальный Киев. В конце октября в наш университет приезжал Александр Андреевич Проханов. Состоялся душевный разговор с преподавателями и студентами. Перед нами выступили Владислав Шурыгин, Василий Проханов, члены Изборского клуба.

Донбасс и весь Юго-Восток Украины всегда были исконно русскими территориями. Это даже видно на примере нашей семьи. Мой покойный дед, Полшков Алексей Иванович, родом из орловских крестьян. Приехал на шахты

Донбасса в 1930-е годы. Укоренился здесь. С 1939-го по 1945 год воевал, потом восстановливал Донбасс. Передал эстафету моему отцу, Полшкову Николаю Алексеевичу, который тридцать три года отработал, как у нас говорят, “под землёй”.

Теперь на нашу землю пришёл враг. Наши дети, соседи, друзья ушли в ополчение. А мы работаем, преподаём, лечим. Причём не в тылу, а в прифронтовой зоне.

На днях я получил письмо по электронной почте от заведующей редакцией журнала “Наш современник” Евдокимовой Елены Николаевны. Два номера журнала не дошли до нас и вернулись в редакцию. Елена Николаевна с тревогой спрашивает о состоянии наших дел и обстановке в Донецке.

Может показаться на первый взгляд, что это бытовая ситуация. Нет, идёт идеологическая война. И “Наш современник” сражается за Новороссию! Украинская хунта не пропустила журналы в Донецк. Это лучшее признание для “Нашего современника”! Русское слово приравнивали к снаряду. Хотя слово – это всегда больше, чем любое оружие.

Хорошо, что у журнала есть сайт. Поэтому, несмотря на войну, мы читаем “Наш современник”. Особенно интересны Ваши, Станислав Юрьевич, воспоминания о Юрии Поликарповиче Кузнецове.

Я верю, что мы выиграем войну с укрофашистами. Верю, что Россия официально признает Новороссию. Изгоним врага с нашей земли и будем снова выпускать журнал.

Низкий поклон Станиславу Юрьевичу Куняеву и всему коллективу “Нашего современника”. Спасибо России и русским людям за поддержку нашего молодого государства!

**Полшков Юлиан Николаевич.
Донецк. Новороссия.**

Дочь России

С глубокой скорбью извещаем наших читателей о смерти на 92-м году жизни Софьи Александровны Гладышевой.

Девушка из поколения Зои Космодемьянской Софья Гладышева сразу же после начала Великой Отечественной войны добровольно поступила на военную службу в авиационный полк, в составе которого после победы под Москвой через Курскую дугу дошла до Польши. На этом боевом пути она была награждена сначала медалью “За отвагу”, а потом и орденом Отечественной войны II степени.

В шестидесятих годах прошлого века Софья Александровна работала в журнале “Знамя”, где познакомилась с Николаем Рубцовым, Вадимом Кожинным, Анатолием Передревым, Владимиром Соколовым, Эдуардом Балашовым, Станиславом Куняевым, о чём несколько лет тому назад написала воспоминания и опубликовала их в журнале “Наш современник”, верным и требовательным читателем которого она была многие годы.

В 2013 году наше поздравление Софье Александровне в связи с её 90-летием заканчивалось словами “Многая Лета!” А сейчас, прощаясь с ней, мы со светлой печалью повторяем: “Вечная память”.

ОСТАНОВИТЬ ЛИКВИДАЦИЮ!

Обращение писателей к Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу, зачитанное Станиславом Куняевым на Всемирном Русском Народном Соборе

Ваше Святейшество!

Писатели России в труднейшие времена разрушительной перестройки всем своим творчеством, всей своей общественной деятельностью поддерживали возрождение православия в России, его благотворное воздействие на судьбы государства и народа нашего. Достаточно вспомнить хотя бы публикации журнала "Наш современник" за последнюю четверть века: "Негасимая лампада" Ширяева, "Пирамида" Леонова, "Преподобный Сергей" Балашова, "Раскол" Личутина, "Путь Христа" Юрия Кузнецова, "Кирилл и Мефодий" Лощица, "Несвятые святые" отца Тихона, книги "Поп", "Филарет Московский" Сегеня, "Росс непобедимый" Ганичева, "Великорецкая Купель" Крупина, "Обитель" Прилепина, "Торжество православия" и все другие работы митрополита Иоанна Санкт-Петербургского, а также множество публикаций наших епископов и рядовых священников, ставших известными писателями России. А сколько было подготовлено нами исторических публикаций, начиная от известного письма В. И. Ленина 1921 г. "Об изъятии церковных ценностей" до выступления местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 года и до стенограммы встречи Сталина с высшими иерархами Церкви в сентябре 1943 г., после чего было восстановлено Патриаршество. А можно ещё вспомнить беседы писателей с патриархом Алексием II, с Вами, Ваше Святейшество, со многими владыками и митрополитами. Нельзя не вспомнить писательский вклад в проведение празднеств в честь 1000-летия Крещения Руси, вспомнить труды нашего подвижника В. Солоухина в деле восстановления храма Христа Спасителя, нашу защиту церкви от богохульства либеральствующей обезбоженной интеллигенции, организовавшей пляски в храме Христа Спасителя, выставку "Осторожно, религия!", кощунственные выпады либеральной прессы против православия. Мы, русские православные писатели, всегда давали и будем давать отпор этим, прямо скажем, сатанинским помрачениям, имеющим чаще всего западное антихристианское происхождение.

Литература – есть вера и мировоззрение русского человека. О нашей истории Отечества он судит не по томам профессиональных историков и архивистов, но по пушкинской "Полтаве" и "Капитанской дочке", по "Севастопольским рассказам", по роману "Война и мир", по эпосе "Тихий Дон".

Мы помним, что традиции литературы, заложенные Пушкиным и Гоголем, Тютчевым и Достоевским, являются своеобразной религией правды и совести, мы явственно ощущаем эту высшую волю в трудах Иоанна Кронштадтского, Павла Флоренского, Вениамина Федченкова, Луки Войно-Ясенецкого, старцев – Иоанна Крестьянкина и Николая Гурьянова, блистательно владевших и пером, и словом. Да и как не вспомнить, что наша великая литература берёт свои истоки от митрополита Иллариона Киевского, от Пимена Летописца, от Даниила Заточника!

Нынешняя высшая церковная власть видит и понимает эти тысячелетние связи, поскольку награждает многих наших писателей церковными орденами, приглашает для выступлений в православных семинариях и духовных

академиях, вручает им Патриархии литературные премии... Именно подобные деяния позволяют нам говорить об установившейся своеобразной симфонии Церкви и литературного сообщества, именно такое положение дел позволяет нам обратиться к Вам, Ваше Святейшество, с неотложной просьбой о помощи, в которой нуждается всё писательское сословие России.

В настоящее время в головах некоторых государственных чиновников “от культуры” родилась мысль о том, чтобы лишить крупнейшие писательские организации, к коим принадлежат Союз писателей России, Международный литературный фонд, Российский литературный фонд и Международное сообщество писательских союзов, всех юридических прав на существование, а заодно и всей собственности, созданной и приобретённой в советское время на средства, отчислявшиеся в Литфонд от каждой проданной писательской книги.

В 90-е годы в результате грабительской приватизации писатели потеряли Дома творчества с земельными участками, лечебные учреждения, издательство, потеряли Центральный дом литераторов. В распоряжении писательского сообщества сейчас остались лишь Переделкино со Внуковым, Дом творчества в Комарове (Санкт-Петербург), две книжные лавки, Дом Ростовых и несколько административных площадей в Москве, сдаваемых в аренду, что позволяет Литфондам иметь скромный бюджет и хоть как-то помогать писателям России и стран СНГ в их бесправной жизни. Бесправной, поскольку наша власть вот уже 20 лет не может принять закона о творческих союзах. Вместо этого Министерство юстиции РФ демонстративно отказывает нам в регистрации новых редакций наших уставов. Мы послушно и в положенные сроки исправляем их и приводим в соответствие с президентскими указами об общественных организациях, но каждый раз по совершенно ничтожному и надуманному причинам нам возвращают наши документы с циничным отказом. Когда же чиновники Минюста сначала на полгода “приостановили” деятельность всех трёх писательских объединений, а потом подали в Верховный суд РФ иск о ликвидации Литфонда России, основанного писателями-классиками XIX века 165 лет тому назад для помощи нуждающимся литераторам, то окончательно стало ясно, что их цель – уничтожить наши сообщества, разрушить связи между писателями России и СНГ, избавиться от ненужного чиновникам писательского сословия, а главное – лишить писателей последнего их имущества. Этот план точь-в-точь похож на план атеистов 20-х годов по уничтожению монастырей и монашеского сословия путём конфискации у церкви в первую очередь собственности – монастырских строений и земель. Суть этого плана подтвердилась окончательно, когда “Росимущество” вслед за Минюстом затеяло иск о лишении собственности, которой писатели владеют по закону. Наглость этой провокации очевидна, ибо по Конституции РФ все три формы собственности: государственная, частная и общественная, – священны и неприкосновенны. Но, может быть, чиновники считают, что для них закон не писан?

Если “Росимущество” добьётся своего, то последствия этой авантюры будут губительными для писателей.

Легендарное Переделкино исчезнет, поскольку сегодня каждый из арендаторов-писателей оплачивает лишь 20% стоимости проживания в парковой зоне. Остальные 80% доплачивает Литфонд. И, конечно же, небогатых писателей изгонят из огосударственного и приватизированного Переделкино рыночными арендными ценами.

Писатели, ежегодно получающие возможность жить в Домах творчества по льготным путёвкам, которые дотируются Литфондом, потеряют эту возможность: Дома творчества будут изъяты у нас и пущены во “вторую волну” приватизации. Но это не всё.

После ликвидации Литфондов областные, краевые и республиканские отделения будут ликвидированы, что приведёт к параличу писательской жизни в провинции.

Регулярно оказываемая за счёт арендных денег медицинская помощь писателям, помощь их семьям в случае похорон, помощь писателям-ветеранам войны, помощь для издания книг периодическая помощь со стороны Литфонда Союзу писателей России будет прекращена.

Все наши постоянно проводимые за счёт бюджета Литфондов съезды, конференции, юбилейные празднества действующих писателей и покойных классиков России и стран СНГ, совещания молодых писателей и переводчиков, работа школы русского языка для школьников из мусульманских респуб-

лик, встречи с русскоязычными писателями дальнего зарубежья – всё это обилие полезных для создания гражданского общества дел прекратится.

Мы – самодостаточные организации. Мы отреставрировали Дом Ростовых, приобрели для Литфонда России здание в центре Москвы, отремонтировали Дом творчества в Комарово, закончили капитальный ремонт 15 переделкинских дач, вложив в эти проекты около 100 миллионов рублей, не получив от государства ни копейки. Мы самостоятельно содержали свою собственность в порядке, и не потому ли года два тому назад посланцы от АФК “Система”, хозяин которой сейчас сидит под домашним арестом, попытались прибрать её к своим рукам, но получили от ворот поворот. Однако их место сейчас заняли чиновники из Минюста и Росимущества. Рейдерская история повторяется.

В своей Валдайской речи Владимир Путин жёстко осудил западный мир, предавший христианские ценности, поставивший, по его словам, “на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в Бога и веру в сатану”. С Запада к нам ползёт зараза пострашнее лихорадки Эбола. Отразить эту экспансию можно лишь общими усилиями церкви, государства и литературы, общей волей, общей молитвой. Но для этого писатели должны ощущать в себе единую соборную душу. И покушаться на это спасительное единство могут лишь недруги России. Мы, её писатели, в этой борьбе всегда будем с нашей историей, с нашей церковью, с нашим Пушкиным, сказавшим: “Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна”. Столь же “невежественны и неблагодарны” чиновники, объявившие сегодня войну писателям. В случае лишения писателей собственности всё наше развитие разом прекратится, что, несомненно спровоцирует недовольство писательской общественности.

В том же ряду событий, разрушающих нашу жизнь, стоит и решение Минкульта России об изгнании СП России из особняка на Комсомольском проспекте, который писатели один раз уже отстояли от демократических мародёров в августе 1991 года. Мы не исключаем, что некоторым вождям “пятой колонны” хочется, чтобы православные писатели-патриоты заразились протестными настроениями, им хочется вытолкнуть нас на Болотную площадь, поставить в одну колонну с содомитами, русофобами, безбожниками. Но этому не бывать!

Ваше Святейшество! Просим Вашего понимания, заступничества и молитвенной помощи. Слово Патриарха чрезвычайно много значит для светской власти. Просим Вас защитить от алчного и неразумного чиновничества органические, естественно сложившиеся структуры, объединяющие писателей, верных национальным и православным традициям русской литературы. Мирная и отечественная история ещё не завершилась, о чём свидетельствуют события на Украине, где писатели – Александр Проханов, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов и многие другие истинные патриоты России и Украины – выполняют свой гражданский и христианский долг летописцев и миротворцев. У Русской православной церкви нет в гражданском обществе более верного и преданного союзника, нежели писатели-патриоты. Их содружество ещё не раз поможет, как во время нынешней украинской смуты, и светской власти, и нашему народу, и нашей вере православной устоять в истине.

С глубочайшим почтением,

лауреаты Патриаршей литературной премии
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия:

**Валерий Ганичев, Владимир Крупин,
Станислав Куняев, Юрий Лощиц, Лев Котюков,**

лауреат Президентской литературной премии

Валентин Распутин

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2014 ГОД

ПРОЗА

- АМИНЕВ Амир. **Снежный человек.** Рассказ. (№2)
- АНДРЕЕВ Владимир. **“Не говорите мне о ней...”** Повесть. (№12)
- АНОХИН Михаил. **Японская зажигалка.** Рассказ. (№12)
- АНТИПИН Андрей. **Дядька.** Повесть. (№9)
- АНТОНОВ Александр. **Маленький рассказ про дом на горе.** Рассказ. (№10)
- АХМЕТШИН Марс. **Четвёртый стол.** Повесть. (№11)
- БАЛКОВ Ким. **Тропа отчуждения.** Рассказ. (№9)
- БЕЛОЗЁРОВ Андрей. **Приднестровские легенды.** Рассказы. (№10)
- БЕЛЫХ Иван. **Там, далеко-далёко.** Рассказы. (№8)
- БЕСЕДИН Платон. **День Победы.** Рассказ. (№5)
- БОНДАРЕВ Юрий. **Мгновения.** (№3)
- ГАБОВА Елена. **Любовь на семи ветрах.** Рассказ. (№8)
- ГРИБАНОВА Татьяна. **Бабы камни.** Рассказы. (№4)
- ГРОМОВ Александр. **Жара.** Рассказ. (№4)
- ЕРМАКОВ Дмитрий. **Тень филина.** Роман. (№2)
- ИВАНОВ Николай. **Засечная черта.** Новелла. (№12)
- ИГУМНОВ Дмитрий. **Люди прошлого века.** Рассказы. (№11)
- ИСАЕВ Валерий. **Брёхни.** (№11)
- КАЛУЖЕНИНА Лариса. **Василичи.** Рассказ. (№7)
- КАНЕВ Андрей. **Нахлынуло.** Рассказ. (№8)
- КАРПОВИЧ Екатерина. **Муза.** Рассказ. (№7)
- КЕРДАН Александр. **Вне очереди.** Рассказы. (№1)
- КОЛЕСНИК Вячеслав. **Коржики.** Рассказы. (№12)
- КОНЕВ Фёдор. **Одуванчик.** Повесть. (№7)
- КРУПИН Владимир. **Пасха.** Рассказы. (№4)
- КУИМОВ Олег. **Крест.** Рассказ. (№10)
- ЛАМЗОВ Валерий. **На пороге катастрофы.** (№12)
- ЛИХАНОВ Альберт. **Цирковые циркачи.** Повесть из цикла “Русские мальчики”. (№4)
- ЛОБАНОВ Александр. **Наваждение.** Повесть. (№8)
- ЛОМБИНА Тамара. **Анна Степановна.** Повесть. (№8)
- МАЛИНОВСКИЙ Александр. **Голубенький платочек.** Рассказ. (№2)
- МАЛЬКОВ Виталий. **Надо жить.** Рассказ. (№12)
- МИХЕЕНКОВ Сергей. **Драгун Первой мировой.** Роман-биография. (№6)
- ОБРЕЗКОВА Нина. **Степан.** Рассказ. (№8)
- ОДНОРОЛОВ Владимир. **Седьмой заяц.** Рождественский рассказ. (№12)
- ПРИЛЕПИН Захар. **Обитель.** Роман. (№5, 6)
- Притчи Господни. (№12)
- ПРОНСКИЙ Владимир. **Хожалка.** Рассказы. (№3)
- ПРОХАНОВ Александр. **Крым.** Роман (№8, 9)
- РОДЧЕНКОВА Елена. **Продаётся родной дом.** Рассказ. (№4)
- РОМАНОВА Наталья. **Бегущая через жизнь.** Рассказы. (№3)
- САЛАМАХА Владимир. **Развернись, земля...** Повесть. (№7)
- СЕГЕНЬ Александр. **Дедов крест.** Рассказы. (№3)
- СЕНЧИН Роман. **На новом месте.** Рассказ. (№11)
- СКРИПЦОВ Андрей. **Счастье.** Рассказ. (№5)
- СМИРНОВ Николай. **Варакшенок.** Рассказы. (№11)
- СТОЛПОВСКИЙ Пётр. **Понятие женского рода.** Рассказы. (№8)
- ТАРБАЕВ Борис. **Коралловые бусы.** Рассказ. (№8)
- ТИМОФЕЕВ Андрей. **Медь звенящая.** Повесть. (№10)
- ТРАХИМЁНОК Сергей. **Прокурорская кровь.** Рассказ. (№7)
- ТУЛУШЕВА Елена. **Слава.** Рассказы (Предисловие Александра Казинцева). (№3)
- УБОГИЙ Андрей. **Рукопись.** Роман. (№1)
- УБОГИЙ Юрий. **Время вокзала.** Дневник писателя. (№10)
- ЦЫГАНОВ Анатолий. **Танька.** Рассказ. (№8)
- ЧВАНОВ Михаил. **Бранденбургские ворота.** Рассказ. (№7)
- ЧЕРГИНЕЦ Николай. **Операция “Кровь”.** Глава из романа. (№7)
- ШАПОВАЛОВ Владислав. **Руки матери.** Рассказ. (№12)
- ШИПОВ о. Ярослав. **Нечто непоправимое.** Рассказы. (№11)

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **Я иду по земле...** (№ 7)
- АГИНА Елена. **Тихая родина снова меня позовёт.** (№ 7)
- АРТЁМОВ Владислав. **Я с рожденья грезил звездопадом...** (№ 5)
- АРТЮХОВ Евгений. **Бесчисленных заветов необратимый след.** (№ 2)
- БАЛАЧАН Владимир. **Я пил из звёздного ковша...** (№ 2)
- БЕЛЯЕВА Валентина. **В кругу многоликих теней.** (№ 12)
- БЕЛЯКОВА Анастасия. **Не растут деревья в саду камней...** (№ 6)
- БЕСЕДИН Николай. **Из цикла "Маятник".** (№ 1)
- БОЯРИНОВ Владимир. **А я подожду...** (№ 1)
- БУРМИСТРОВ Борис. **Есть у нас одно пространство.** (№ 5)
- ВОЕВОДИНА Татьяна. **Горячей пожара.** (№ 6)
- ВОЛКОВА Марина. **Под светлой Полярной звездой.** (№ 6)
- ВОРОТНИН Юрий. **До последнего края.** (№ 4)
- ВЬЮНОВ Вячеслав. **И новые явятся силы...** (№ 4)
- ГРАЧЁВ Евгений. **Родниковые шторы.** (№ 12)
- ЕВСЕЕВА Светлана. **Сила слова – молитвенный дух.** (№ 7)
- ЕЛФИМОВА Анжелика. **По небесному насту...** (№ 8)
- ЗНОБИЩЕВА Мария. **Взошла душа.** (№ 6)
- ИВЕНШЕВ Николай. **Лейтенант Нарижняк.** (№ 10)
- КАН Диана. **Медной горы хозяйка.** (№ 5)
- КАНОВА Татьяна. **В июльской траве.** (№ 8)
- КАРАБИНСКАЯ Инга. **Так похоже на осень...** (№ 8)
- КАРАЧЁВ Михаил. **За родимой оградой.** (№ 11)
- КИРИЛЛОВ Илья. **Успение.** (№ 11)
- КИСЕЛЁВ Георгий. **Молюсь милосердию.** (№ 7)
- КОБЗАРЬ Вера. **Мне сегодня легко на сердце.** (№ 12)
- КОВДА Вадим. **Вздыхается сфинксом Россия...** (№ 7)
- КОНОВСКОЙ Николай. **Я чувствую несчастье малых сих...** (№ 7)
- КОРБУТ Сергей. **Кружит ангарское течение...** (№ 9)
- КОРЗОВА Ольга. **Снег предстоящий.** (№ 3)
- КОСЯКОВ Павел. **Глаз моих тоска и воля.** (№ 4)
- КОТОВА Марина. **Молись о снеге, Русь...** (№ 12)
- КОТЮКОВ Лев. **Я спас свою душу...** (№ 2)
- КОЧЕТКОВ Олег. **За эту небесную цель.** (№ 10)
- КОШКИН Руслан. **Назови меня просто – "товарищ".** (№ 6)
- КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **Всю правду о жизни сказать.** (№ 7)
- КРИКЛИВЕЦ Елена. **Хочу найти ответ.** (№ 7)
- КУЗЬМИНА Вера. **Что ж мы делаем с собой?** (№ 7)
- КУКЛИНА Эльвира. **Тихая пристань.** (№ 3)
- КУЛИЖНИКОВ Михаил. **Сельские зарисовки.** (№ 12)
- ЛАПУЗИН Борис. **Нейтральной полосы не существует.** (№ 8)
- ЛОГВИНОВ Андрей, протоиерей. **К живому, родному Христу.** (№ 4)
- МАКУКИН Виктор. **А Родина была одна...** (№ 4)
- МАРТЫНОВА Елизавета. **Искорка Божья у сердца внутри.** (№ 6)
- МАТВЕЕВА Новелла. **В огороде бузина.** (№ 10)
- МЕТЛИЦКИЙ Никола. **Жизни моей пожитки.** (№ 7)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Всё тебе отмерено сполна.** (№ 9)
- МИРОШНИЧЕНКО Надежда. **Последний поцелуй.** (№ 8)
- МОЛЧАНОВ Владимир. **С мечтою о песне великой...** (№ 12)
- НЕЖДАНОВ о. Владимир. **Сколько в небе таится огня!..** (№ 11)
- ОВЧИНЦЕВ Владимир. **Вальс из прошлой тишины.** (№ 5)
- ОРЛОВ Борис. **Воспоминания о девятилетних годах.** (№ 10)
- ПАСТУХОВ Виктор. **Тернистый путь к вере.** (№ 8)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Никогда нас судьба не разлучит (С предисловием Ст. Куняева).** (№ 10)
- ПОДЛУЗСКИЙ Владимир. **Бухова гора.** (№ 8)
- ПОЗДНЯКОВ Михась. **Земля родная, отчая земля.** (№ 7)
- ПОПОВ Андрей. **И сохранять молитвенное слово...** (№ 8)
- ПРУДНИКОВА Ангелина. **Память-волшебница.** (№ 3)
- РАСТОРГУЕВ Андрей. **Если уехал – не возвращайся...** (№ 8)
- РЕБРОВ Андрей. **По воле небесной...** (№ 4)
- РУДАКОВА Галина. **Когда цветёт светлень-трав...** (№ 11)
- САВИН Павел. **Былинный и песенный край.** (№ 12)
- САМАРИН Валерий. **А душа к небесам подымается...** (№ 12)
- СВЕРДЛОВ Борис. **Небо и река.** (№ 1)
- СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Слово русское, веское, грозное.** (№ 6)

СИДОРЕНКО Валентина. **И дан был путь, и я его прошла.** (№ 1); **Душа пред Богом восстаёт...** (№ 9)

СИРОТИН Борис. **Огонь благодатный сошёл на меня...** (№ 2)

СКВОРЦОВ Константин. **Ни времени, ни смерти нет.** (№ 4)

СКИФ Владимир. **И с неба рухнула весна.** (№ 2); **Я проснулся и вышел к Байкалу...** (№ 9)

СКОРИНКИН Андрей. **Не молчи вдохновенная лира...** (№ 7)

СОРОКИН Валентин. **Не ликуйте, враги, мы не вымрем...** (№ 12)

СУВОРОВ Александр. **Берегите истоки!** (№ 8)

ЧУПРОВ Олег. **На серебряной ниточке голоса.** (№ 3)

ШАМСУТДИНОВА Марина. **Где моя Родина?** (№ 6)

ШАЦКОВ Андрей. **Как ты горька, полынь!** (№ 11)

ШЕМЕТОВА Ольга. **Свет, творящий жизнь.** (№ 6)

ШУГЛЯ Владимир. **Веков пронзительный осколок.** (№ 7)

ЩЕРБАКОВ Александр. **И помогут святыне берёзы.** (№ 2)

ЭРАСТОВ Евгений. **На свете счастье есть...** (№ 4)

ЯСНИКОВА Татьяна. **Это я и огромный простор...** (№ 9)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСЕЕВ Сергей. **Засадный полк.** (№ 10)

АЛЕКСЕЙЧИК Яков. **Атака на рейхстаг у Рябего моста.** (№ 5); **Сто тысяч королей, потерявших два государства.** (№ 1)

АРЦИБАШЕВ Александр. **Тавдинский оползень.** (№ 7)

БАБУРИН Сергей. **О деле Даниила Константинова.** (№ 2)

БАДОВ Валерий. **Взойдёт ли сызнова солнце великороссов.** (№ 11)

БАЙБОРОДИН Анатолий. **Крестьяне и дворяне.** (№ 9)

БОБРОВ Александр. **Венгерские зарисовки.** (№ 2)

БОНДАРЕНКО Владимир. **Дикое поле.** (№ 5)

ВОДОЛАГИН Александр. **Гений непреклонной воли.** (№ 5)

ВОРОНЦОВ Андрей. **“Сталин и Мао слушают нас...”**. (№ 12)

ГАНИЧЕВ Валерий. **“Нравственно управлять обществом”.** (№ 8)

ГЛАЗЬЕВ Сергей. **Как не проиграть в войне.** (№ 10); **Украина без России нежизнеспособна.** (№ 6)

ГЛЕБОВА Ирина. **Харьковская весна. Противостояние.** (№ 5)

ГОДИН Юрий. Лукашенко: **“20 лет в союзе с Россией”.** (№ 12)

ДЕЛЯГИН Михаил. **Либерализм – глобальный убийца.** (№ 6)

ДЕНИСОВ Владимир. **Мои советские герои.** (№ 11)

ДМИТРИЕВ Сергей. **Побег в Арзрум.** (№ 11)

ДОКУЧАЕВ Игорь, ПИЩИКОВ Юрий. **Операция “Багратион”.** (№ 7)

ЕЛФИМОВ Аркадий. **Работаем для вечности.** (№ 4)

ЗАСЛАВСКИЙ Давид. **Поляки в Киеве в 1920 году.** (предисловие Ст. Куныева) (№ 11)

ЗИГАНШИН Камиль. **Через Огненный пояс.** (№ 7,10)

ЗОТОВ Станислав. **Хранитель праведной Руси.** (№ 4)

ИВАНОВ Николай. **К родным берегам!** (№ 4)

ИРТЕНИНА Наталья. **Русские в Крыму: IX–XVIII века.** (№ 4)

КОСТЮЧЕНКО Наталия. **Возраст и я. Эссе.** (№ 7)

КУНЯЕВ Станислав. **Народный губернатор.** (№ 2)

КУРКИН Борис. **Тоже победители-2.** (№ 6,7)

ЛАКТИОНОВА Наталья. **Камертон духа нации.** (№ 4)

ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Русское православное государство.** (№ 12)

МИНАКОВ Станислав. **“Светильник земли белогородский”.** (№ 12)

МИРОНОВ Владимир. **Торжество исторической справедливости.** (№ 4)

МИРОНОВА Татьяна. **Русская родовая память.** (№ 11); **Русские идеалы в русском языке.** (№ 1)

МЯЛО Ксения. **После Крыма.** (№ 8); **Россия и Майдан: 2013–2014.** (№ 3)

ОСЫКОВ Борис, ОСЫКОВ Александр. **Полководец с Белых гор.** (№ 12)

ПАРПАРА Анатолий. **Державные строители России.** (№ 1,2,3,12)

ПЕТРОВА Наталья. **Повседневная жизнь российского учителя.** (№ 2)

ПИРОГОВ Николай. **ЖКХ как зеркало российской действительности.** (№ 4)

ПИЩИКОВ Юрий, ДОКУЧАЕВ Игорь. **Операция “Багратион”.** (№ 7)

ПРИЛЕПИН Захар. **Почему вы либералы.** (№ 1); **Дневники чужой смуты.** (№ 11)

РОДИН Владимир. **Демократия, согласованная с бизнесом.** (№ 1); **Новая Европа застряла на дороге.** (№ 7)

РУДАЛЁВ Андрей. **Брань с пустотой.** (№ 12)

РЫЖКОВ Николай. **Прогресс.** (№ 1); **Роль науки и образования в формировании национальной идеи.** (№ 4); **Культура и национальная идея.** (№ 9)

САВЧЕНКО Евгений. **Тезисы развития.** (№ 12)
 СБИТНЕВ Виктор. **Укоренённые русские люди.** (№ 12)
 СВЕРДЛОВА Ольга. **Истории любви и ненависти.** (№ 3)
 СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **Подводя итоги – 2013.** (№ 3); **Судьба русского народа решается в Донбассе.** (№ 8)
 СЕГЕНЬ Александр. **Парижская Пасха.** (№ 4)
 СКУРАТОВ Юрий. **Мафия бессмертна?** (№ 3)
 СМОЛКО Александр. **Победа – одна на всех.** (№ 10)
 СЫЧЁВА Лидия. **Россия: от интернационализма к постгуманизму.** (№ 6); **Без мужчин народ не народ.** (№ 10)
 ТУЛУШЕВА Елена. **Зачем им жить? (№ 6); Что говорит и о чём умалчивает Е. Ройзман?** (№ 10)
 ЦАГОЛОВ Георгий. **Обманутая экономика.** (№ 5)
 ЦЫБУЛЬСКИЙ Игорь. **“Наш народ благодарен Вам”.** (№ 9)
 ЧИЖОВА Ирина. **На рубеже веков.** (№ 3)
 ШАМИР Исраэль. **У России есть друзья.** (№ 2)
 ШВЕД Владислав. **Литва против России.** (№ 12)
 ШИШОВА Татьяна. **Гендерно-ориентированная палата номер шесть.** (№ 3)
 ШУЛЬГИН Константин. **Жрецы в тумане.** (№ 2)
 ЯКОВЕНКО Анатолий. **Судьба русской деревни.** (№ 11)

КРИТИКА

АБСАВА Георгий, БУРЛЯЕВ Николай. **Кто убил Лермонтова?** (№ 10)
 АЛЕКСАНДРОВА Галина. **...И поглядим, как смертный бой кипит.** (№ 3)
 БАЖЕНОВА Александра. **“Отечественные лексикографы”, или “державная служба словарей”.** (№ 3)
 БОБРОВ Александр. **Русский Лель** (к 100-летию Виктора Бокова). (№ 9)
 БОНДАРЕНКО Владимир. **“Вечный Жид”.** (№ 7); **Мудрость и мужество.** (№ 8); **Либеральный бред Кормилова.** (№ 12)
 БУРЛЯЕВ Николай, АБСАВА Георгий. **Кто убил Лермонтова?** (№ 10)
 ВОДОЛАГИН Александр. **Четвёртый бастион.** (№ 9); **Прирождённый метафизик.** (№ 10)
 ВОРОНЦОВ Андрей. **Победитель, не получивший ничего.** (№ 7)
 ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **О “Пирамиде” Л. М. Леонова.** (№ 5)

ЕЛАТОВ Вячеслав. **Родные филологи. ЛГУ, 1960-е.** (№ 2)
 ЕРШОВ Максим. **Тихая честь.** (№ 10)
 ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **“У него есть только одна страсть...”.** (№ 3)
 КАЛИНИНА Людмила. **Яблоневый сад.** (№ 3)
 КИСЕЛЁВА Людмила. **Два юбилея.** (№ 3)
 КОРОЛЁВ Владимир. **Главный редактор.** (№ 1)
 КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **Уральский самоцвет.** (№ 1)
 КОСТИН Евгений. **Шолохов и русская цивилизация сегодня.** (№ 5)
 КРАСНИКОВ Геннадий. **“Внимая ужасам войны...”.** (№ 8)
 КУЛИКОВА Наталия. **“Живое лицо времени”.** (№ 4)
 КУНЯЕВ Сергей. **Переменчивый лик.** (№ 4); **Дело соборное.** (№ 11)
 КУРБАТОВ Валентин. **Высокие облака.** (№ 4)
 ЛИХАНОВ Альберт. **Солдат незримого полка.** (К 90-летию поэта Овидия Любовикова.) (№ 10)
 ЛОКУН Валентина. **Олег Ждан: траектория жизни – траектория таланта.** (№ 7)
 ЛЮТЫЙ Вячеслав. **Мать-и-мачеха.** (№ 5)
 МОНАХОВА Ирина. **Глубокое, таинственное, неуловимое.** (№ 4)
 НЕЧАЕНКО Дмитрий. **Казус Улицкой.** (№ 11)
 ПАВЛОВ Юрий. **Чехов как русский человек.** (№ 6)
 ПОЗДНЯЕВ Андрей. **Улыбка Распутина.** (№ 1)
 ПУШКАРЁВ Александр. **“Не таким мозглякам, как вы, тягаться со мной...”.** (№ 11)
 РАЗУМИХИН Александр. **Действительность и необходимость.** (№ 1); **Не каждый, кто на коне – всадник.** (№ 11)
 РОСТОВЦЕВА Инна. **Лермонтовский элемент.** (№ 10)
 РУМЯНЦЕВ Андрей. **“Мелькают образы бездушные людей...”.** (№ 10)
 СЕЛЕЗНЁВ Леонид. **Поэт Николай Дозоров и “опыт Маяковского”.** (№ 6)
 СТОГНИЙ Ирина. **Модест Петрович Мусоргский. Творчество как исповедь.** (№ 3)
 ХРУЛЁВ Виктор. **Роман “Вор” в духовной биографии Леонида Леонова.** (№ 5)
 ЧЕРКЕСОВ Валерий. **“Подтвердить своей судьбою строчку...”.** (№ 12)
 ЧУГУНОВ о. Владимир. **Благоухание.** (№ 11)
 ШАПОВАЛОВ Михаил. **Пушкин и пан Адам.** (№ 6)
 ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Перевод: мосты и скрепы.** (№ 12)

ПАМЯТЬ

- АБРАМЫЧЕВ Алексей. **Советский маршал**. (№ 7)
- АСТАФЬЕВ Виктор. **“Книга почти свободна от сочинительства...”**. Письма В. П. Астафьева к Н. И. Суворовой. (№ 5)
- АУШЕВ Валерий. **“Ломоносов XX века”**. (№ 2)
- ВЕРЕСОВ Леонид. **Н. М. Рубцов на Вологодском областном радио**. (№ 1)
- ВТОРУШИН Станислав. **В его стихах звучала музыка**. (№ 1)
- Де ДЖЕНТИ Анджело. **Мой византийский Рубцов**. (№ 1)
- ДУДКО Димитрий. **“Чтобы спастись, надо быть поэтом”**. (№ 6)
- ЗОТОВ Станислав. **Грозный век**. (№ 8)
- КУНЯЕВ Станислав. **“И бездны мрачной на краю...”**. (№ 8, 9)
- ЛАПШИН Виктор. **“Страницу наугад перелистни...”** (Предисловие Сергея КУНЯЕВА). (№ 3)
- ЛИННИК Виктор. **Неоконченный диалог с Виктором Астафьевым**. (№ 5)
- МИХЕЕВА Лидия. **Смоленск в огне**. (№ 12)
- НОВИКОВ Валерий. **“Варяг” – люди, судьбы, песня**. (№ 2)
- ОСМОЛОВСКИЙ Александр. **Этот новый древний вид искусства**. (№ 10)
- ПАХОМОВ Юрий. **Мочёные яблоки**. (№ 2)
- ПОТАПОВ Александр. **Почтовый роман**. (№ 12)
- СКИФ Владимир. **Глеб Пакулов и Виктор Астафьев**. (№ 5)
- УБОГИЙ Андрей. **Великий землепроходец**. (№ 4)
- ШУМЕЙКО Игорь. **Калашников. Память как духовное оружие**. (№ 3)
- ЮДИН Владимир. **Слово о батьке Кондрате**. (№ 4)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

- ДОВЫДЕНКО Лидия. **Новый журнал – “Берега”**. (№ 4)
- ЕВДОКИМОВ Евгений. **Частная инициатива и власть**. (№ 11)
- ЗОТОВ Станислав. **В сердце Руси – Коломна**. (№ 10); **Зажги свою свечу**. (№ 3)
- КОЗЛОВ Пётр. **В одном строю**. (№ 6)
- КОЗЛОВ Сергей. **Мои “чужие сны”**. (№ 12)
- МИРОНОВ Георгий. **Фиаско “Чёрного ангела”**. (№ 2)
- МУЛЛИН Михаил. **“Русскому поэту нужна земля и Родина нужна”**. (№ 6)
- НЕРЕТИНА Татьяна. **Трансформация души**. (№ 11)

- ОСТАПЕНКО Владимир. **О генерале Снесареве**. (№ 3)
- РУДНЕВ Александр. **“Писатель бесстрашной искренности!”**. (№ 12)
- УШАКОВА Ирина. **Фрагменты Божьего искусства**. (№ 4); **Остановка на “Родине”**. (№ 12)
- ФАМИНСКИЙ Дмитрий. **Холодок предчувствия**. (№ 11)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

- Отзывы о романе В. И. Щепоткина. (№ 1)
- “Без “Нашего современника” я русской литературы не мыслю”**. (№ 5)
- Русское слово и русское дело**. (№ 9)

ПАРНАС СМЕЁТСЯ

- ГАНИЧЕВ Валерий. **Гоголь бессмертен**. (№ 5)
- КОКШИЛОВ Александр. **Час не ровен**. (№ 7)
- КОНОПЛЯННИКОВ Юрий. **Было – не было**. (№ 7)
- КУРАСОВ Анатолий. **Гвозди**. (№ 7)
- САНИНА Юлия. **Усталая, а стало быть, довольная...** (№ 7)

В КОНЦЕ НОМЕРА

- БЕЛЫХ Павел. **Где же суть у Кургиняна?** (№ 1)
- ИВАНОВ Валерий. **Монтаж врага**. (№ 2)
- КОВАЛЁВ Владислав. **А свиньи – кто?** (№ 2)
- НЕГАТУРОВ Вадим. **Натура славянская**. (Предисловие С. Шаргунова.) (№ 8)
- САМАРИН Валерий. **Русская книга**. (№ 2)
- ЩЕРБАКОВ Александр. **А может, кухарка управлялась бы лучше?..** (№ 1)
- ПОЛШКОВ Юлиан. **“Наш современник” сражается за Новороссию!** (№ 12)
- Остановить ликвидацию!** (№ 12)

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

- СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **Александр Иванов. Тайна жизни, тайна картины**. (№ 1)

НАША МОСКВА

- БАВИЛЬЦИН Александр. **Управлять городом вместе**. (№ 9)
- РУГА Владимир, Андрей КОКОРЕВ. **Барышни**. (№ 9)
- СЕНЧА Виктор. **Начальник московского сыска**. (№ 11)